

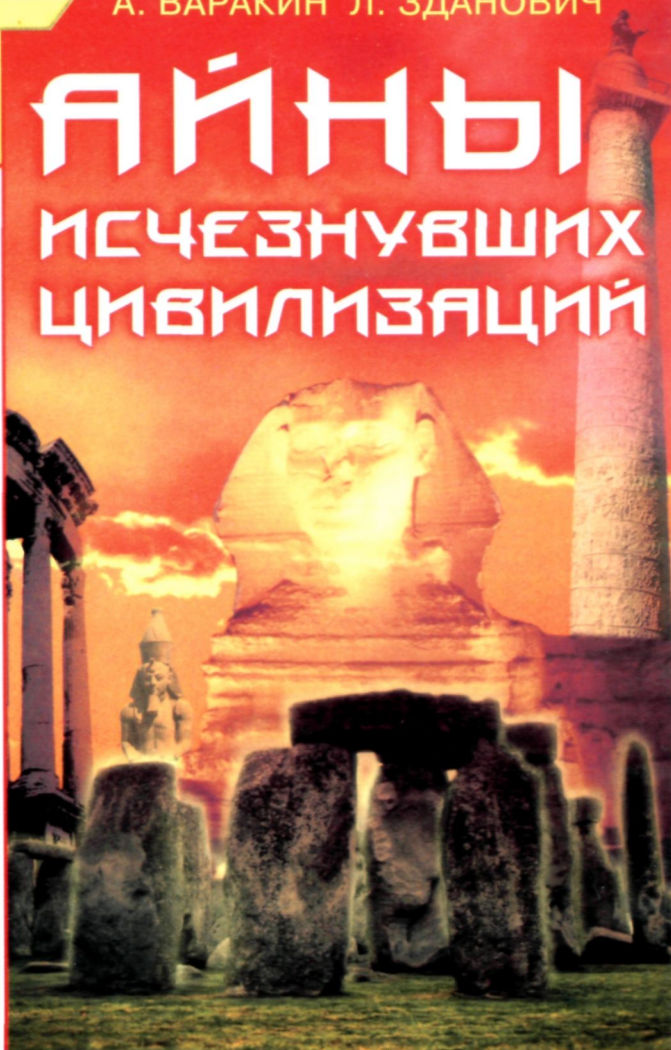
ВСЕ
ВСЕ ЗАГАДКИ ЗЕМЛИ

А. ВАРАКИН Л. ЗДАНОВИЧ

ТАЙНЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

• РИПОЛ КЛАССИК •

ВСЕ ЗАКАЗКИ ВЕЛИКИ

А. Варакин Л. Зданович

**ТАЙНЫ
ИСЧЕЗНУВШИХ
ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Москва, 2001

УДК 087.5
ББК 63.3(0)
В 18

Варакин А., Зданович Л.

К 78 Тайны исчезнувших цивилизаций.— М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001.— 480 с, илл.

Серия «Все загадки Земли»

Существовала ли древняя Атлантида? Что явилось причиной смерти археологов, вскрывших гробницу Тутанхамона? Отчего погиб отец Александра Македонского Филипп? Кто построил Стоунхендж? Мог ли Христос спастись? Решение этих и многих других вопросов издревле волновало лучшие умы человечества, мало кого оставляя равнодушным.

В живой и увлекательной форме в книге рассказывается о наиболее интересных и волнующих тайнах истории, о загадках погибших городов и исчезнувших цивилизаций.

УДК 087.5
ББК 63.3(0)

Автор главы «Город тысячи языков» — И. Шевелева
Автор главы «Загадка Золотого Скифа» — В. Еремин

Художественное оформление серии

П. Навдаев

Иллюстрации *Т. Хромова*

ISBN 5-7905-0484-1

© «РИПОЛ КЛАССИК», 2001

Часто мы рассуждаем о загадках Атлантиды, тайнах озера Кумран или таинственном снежном человеке, не отдавая себе отчета в том, что отнюдь не меньше тайн содержится в самом человеке как биологическом существе. Тайнами пронизана наша история, наше настоящее и будущее. Крохотная былинка, согнувшаяся под нашими каблуками, содержит в себе не меньше тайн, чем пирамида Хеопса, — тайна тайн не разгаданных.

Наука наша походит на затерявшегося в темной пещере путника, который поминутно зажигает то одну, то другую спичку, пытаясь разглядеть во мгле путь наружу. Он идет во главе толпы людей, представляющих собой блуждающую в поисках пути к истине цивилизацию.

Цивилизация бредет, спотыкаясь во тьме, из века в век, проходя этапы расцвета и заблуждений, воюя порой с такими же толпами, вынырнувшими из тьмы, или наслаждаясь краткими периодами мира, ведомая то одним пророком, то другим — но света в конце тоннеля до сих пор не видно.

И тогда на сцену выходят популяризаторы науки и совместными усилиями начинают описывать, а что же, собственно, видели мы в свете той или иной спички? С их помощью толпа ненадолго обретает представление об окружающем мире. Вполне возможно, что представление это не совсем верное, а может быть, даже и ложное (каковым было представление о пронизывающем все и вся "космическом эфире"), однако оно выполняет свое историческое предназначение — и человечество полагает, что на некоторое время оно встало на верную дорогу.

"Тайны исчезнувших цивилизаций" — самая первая книга из уникальной серии, посвященной до сих пор не разгаданным загадкам Земли. Чуть позже мы поговорим с вами о тайнах человеческого организма и человеческой судьбы, о влиянии человека на мир сознательного и подсознательного; о контактах человека с инопланетным разумом, пришельцами, НЛО, о специалистах по Контактам Первого, Второго и Третьего рода; о магическом влиянии растительного и животного мира на нашу цивилизацию; о параллельных мирах, астральном мире, контактах^ их обитателями — демонами, духами, душами умерших; о давно забытых современными людьми науках, которыми в древности руководствовалось человечество: астрологии, алхимии, фэн-шуй, оккультных науках, геомантии, нумерологии, геометрии (священная геометрия) и др.; о загадочных явлениях, перед которыми бессильно склоняется наука, — Бермудском треугольнике, Баальбекской террасе, пространственно-временном сдвиге, разбегании галактик, причинах возникновения жизни на Земле и предсказаниях о ее гибели.

И может быть, среди вас, дорогие читатели, найдется тот, кто сумеет наконец, твердою рукою проставить все точки над "i". Впрочем, впереди нас ожидают новые тайны...

Берегите Историю!

Возможно, кому-то этот лозунг покажется тенденциозным и риторическим — в конце концов, История— это не живая природа, не произведения искусства, не естественные ресурсы, которые невозможны. История — это то, что уже было и прошло, истлело в земле, развалилось, рассыпалось, воспоминания об этом остались только в книжках...

Увы, очень о многих событиях, происходивших на нашей с вами планете, не осталось ни малейших воспоминаний. В прах рассыпались не только корабли, хижины, дворцы, не только города, но и целые цивилизации со своим языком, письменностью, культурой, искусством... Они прекратили свое существование, не оставив никаких (или почти никаких) следов о себе.

Кстати сказать, человек немало этому способствовал. В пламени бесконечных войн сгорали памятники культуры, религиозные фанатики яростно уничтожали все напоминающие об иной религии, кроме исповедуемой ими, босоногая чернь растаскивала стены древних храмов на свои хибары, расплавляла на слитки найденные сокровища.

Затем пришли иные времена. Историей заинтересовались. Заинтересовались всерьез, и не только те, кому положено было заниматься этим по профессиональному долгу. В Историю пришли дилетанты. Среди них были по-настоящему талантливые самородки, такие, как, например, Генрих Шлиман, раскопавший Трою. Кем он был? Обычным

предприимчивым человеком, с попеременным успехом зарабатывающим себе на жизнь. Однако, как оказалось, погоня за сладким куском отнюдь не стала для него единственной самоцелью. Он хотел большего и добился своего. Благодаря его стараниям, мир наконец поверил в то, что описанные Гомером герои — реально существовавшие люди, оставившие после себя поистине золотonosный (и в прямом и в переносном смысле) культурный слой.

Скептически настроенный читатель может предположить, что Шлиману просто повезло, ведь до него никому не приходило в голову искать Трои в буквальном смысле с текстом "Илиады" в руках. Но за этим "везением" скрывался упорный труд, а главное — желание доказать собственную правоту, и он вполне преуспел в этом. Мы не случайно выделили слово "доказать", потому что голословных утверждений История не терпит. А таких в последнее время развелось превеликое множество. Оказывается, не было в нашем прошлом ни Чингисхана, ни Батыя, а добрую половину Руси сожгли и полонили наши же соотечественники — сборщики налогов. И не Батыем звали татарского вождя, а Батькой, и не с Мамаем сражался Дмитрий Донской на поле Куликовом, а... с некоей неведомой "Мамкой". Оказывается, "вечный город" Рим впервые построили лишь в XIV веке, а Колизей и термы Каракаллы, равно как и колонну Траяна воздвигли не ведомые подмастерья для средневековых нуворишей, падких до старины. Оказывается, не было на свете ни Цицерона, ни Тацита, а речи против Катулины и знаменитые "Анналы" за хорошие деньги написали, прямо скажем, не лишенные таланта школяры, нахватившиеся кухонной латыни (*Latinitate culinaria!*) в средневековых коллежах. И ведь таким утверждениям охотно внимают жадная до "горячего" публика! Вот уж действительно прав был Геббельс, говоря, что "ложь должна быть чудовищной, чтобы в нее поверили".

Все это лишний раз доказывает необходимость изучения мировой истории, и не только в явно недостаточном

школьном объеме. Но и этого мало. Необходимо популяризовать исторические знания для того, чтобы потомки не "проморгали" два тысячелетия нашей с вами истории.

Не претендуя на лавры первооткрывателей, мы хотим рассказать вам о некоторых слабоосвещенных сторонах прошлого. Вы узнаете о захватывающих тайнах, скрытых от нас под завесой веков, о нескольких исчезнувших с лица земли городах, о растворившихся во тьме веков цивилизациях и о примечательных исторических личностях. Ваше дело — принимать их на веру или же попытаться доказать обратное. В Истории осталось немало "белых пятен", ожидающихся дотошных исследователей. Будем искренне рады, если вы, дорогие читатели, окажетесь в их числе.

Авторы.

ГЛАВА I. Спасительный ковчег

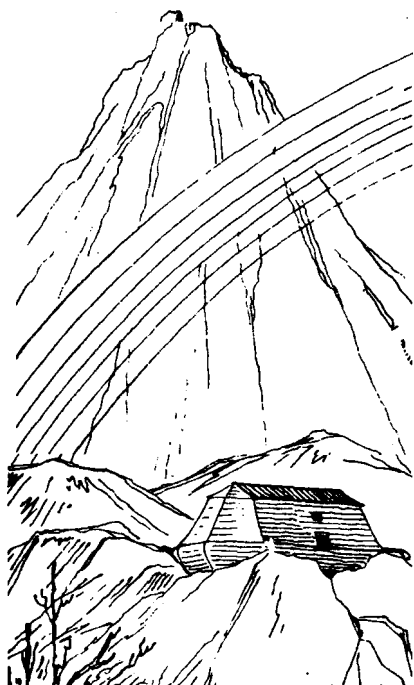

В памяти человечества содержится много преданий о великих катаклизмах, потрясавших нашу планету в далеком прошлом. История о Всемирном потопе является одним из самых распространенных мифов большинства народов, населяющих нашу планету. Наиболее известно библейское повествование о том, как расплодившийся после грехопадения род человеческий разделился на добрых и злых людей; последние стали преобладать. При виде разнузданных пороков людей "раскаялся Господь, что создал человека на земле".

Среди погрязшего в грехах человечества оставался все-таки один благочестивый человек — Ной со своим семейством, и вот ему-то Господь сделал откровение о своем решении истребить все живущее на земле и повелел построить ковчег, на котором он мог бы спастись со своим семейством.

Библия сохранила и точные указания по строительству этого грандиозного судна. Ковчег строился по предписанию свыше — из дерева "гофер" (возможно, кипариса) — и был осмолен внутри и снаружи. Длина его была 300 локтей, ширина 50 локтей и высота 30 локтей. Если считать библейский локоть в 21 дюйм (или 50 см), то это составит 150 м длины, 25 м ширины и 15 м высоты.

В 1609 г. некий голландец, Петр Янсен, в Гоорне построил корабль как раз по форме Ноева ковчега, и оказалось, что такой корабль имеет гораздо большую вместимость (именно на одну треть), чем обычные корабли, строившиеся в те времена. На верху ковчега было сделано длинное отверстие, в локоть ширины, для доступа света и воздуха, а сбоку — дверь. Он состоял из трех ярусов, со множеством отделений в них. Последние предназначались для животных, которых Ной должен был взять с собой (по семи пар чистых и по паре нечистых), а также жизненных припасов. Ко времени окончания построения ковчега Ною было уже шестьсот лет от роду. Не будем удивляться его долголетию, подивимся лишь долготерпению Божию. Тот все еще ожидал пробуждения покаяния в людях; но все было напрасно. Тогда, не видя больше никакой надежды на ис-

правление греховного человечества, Господь повелел Ную войти в ковчег. Ной повиновался и вошел в ковчег со своими тремя сыновьями, Симом, Хамом и Иафетом, со своей женой и с женами своих сыновей, захватив и всех отобранных животных. По прошествии семидневного срока "своды потопа пришли на землю, разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились, и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей... Истребилось всякое существо, которое было на поверхности всей земли, остался только Ной; и что было с ним в ковчеге". В течение пяти месяцев все было покрыто водой, и только после этого времени вода пошла на убыль.

Ковчег остановился на горах Араратских. Когда земля совсем обсохла, Ной вышел из ковчега (пробыв в нем ровно один год) и распустил животных для размножения на земле. В благодарность за свое спасение он принес жертву Богу и получил торжественное обещание, что впредь уже никогда не будет потопа. Знамением этого обетования была указана радуга, появляющаяся на небе после дождя и говорящая о том, что это не дождь потопа, а дождь благословения (Быт. VI — IX).

В богословской науке не раз возбуждался вопрос, в каком смысле понимать всемирность потопа — в безусловном или относительном? Древние толкователи разумеют потоп всемирным в безусловном смысле — как действительно покрывавший всю землю и, следовательно, все погубивший на ней. Этому воззрению продолжает держаться и наша богословская наука. Но в последнее время начинают появляться мнения, склоняющиеся к другому взгляду на потоп. Всемирность его понимается в относительном смысле, именно в смысле потопления лишь той площади земли, на которой успело расселиться человечество. Это воззрение все более прививается в западноевропейской богословской науке, и в пользу его высказываются такие авторитеты, как профессор Рейш, автор известного сочинения "Bibel und Natur", аббат Вигуру и др. И это воззрение, принимающее

во внимание, между прочим, новейшие геологические исследования, нисколько не противоречит библейскому повествованию.

Указанные библейские выражения вовсе не означают непременно всей полноты обнимаемого ими понятия, а суть своего рода гиперболы, имеющей своей целью сильнее запечатлеть нравственный смысл повествования. Эти выражения находят себе близкую параллель в таких изречениях, как: "все страны приходили в Египет к Иосифу покупать хлеб" (Быт. ХLI, 57), "собрались в Иерусалим Иудеи из всех народов под небесами" (Деян. II, 5), хотя это вовсе не значит, что у Египта во времена Иосифа покупала хлеб даже Америка, или в Иерусалиме во время праздника Пятидесятницы были представители Австралии. Подобный род выражений был вообще свойствен древним народам Востока, и египтяне, например, часто под словом "вся земля" разумели просто Верхний и Нижний Египет.

Библейское повествование о потопе находит себе аналогию в преданиях разных народов, у которых сохранилась память о необычайной катастрофе, некогда погубившей первобытное человечество. Подобные предания, конечно, не всегда полные и обстоятельные, распространены по всему земному шару, но в ближайших к Палестине странах предание о потопе сохранилось с наибольшей ясностью.

Из многих явных противоречий и несоответствий библейского потопа одно из ярких — количество "всякой твари по паре". Так, по Карлу Линнею, одних только млекопитающих на Земле около трех с половиной тысяч видов, и среди них такие тяжеловесы, как слон, бегемот, носорог; особого отношения требовали даже мелкие хищники, не говоря о крупных; а еще — двадцать тысяч видов птиц; а еще — миллион видов насекомых, — и всех взято по паре, и всех кормить! — а хищников?.. — тем не менее взрыв недоверия ученого мира к библейскому сюжету произошел из сущего пустяка.

В 1872 г. Джордж Смит, реставратор Британского музея, восстанавливая и читая глиняные таблички, обнаруженные

при раскопках Ниневии, столицы древней Ассирии, разобрал клинописную надпись на одном из фрагментов, которая была... описанием Великого потопа в тех же деталях, но с другими героями! Причем это была поэма! И библейский Ной звался в ней Утнапиштимом, а Арарат — горой Ницир. Правда, потоп в ней длился всего шесть дней и семь ночей (в Библии — 40)... Поэма называлась "Эпос о Гильгамеше".

Джордж Смит совершил невероятное: он отправился в Месопотамию и нашел там недостающие фрагменты сказания, где говорилось о ковчеге и о голубе, и о "всем живом", которое Утнапиштим должен был погрузить на свой корабль. Правда, этот старец, живший намного раньше, чем Ной, взял с собой еще и "всех мастеров". История о потопе была одиннадцатой из двенадцати табличек эпоса. А всего в найденной библиотеке Ашшурбанипала (повелителя Ассирии) хранилось двадцать тысяч клинописных табличек!

Стало очевидным, что совпадение не случайное, и библейскому иудейскому народу предшествовал народ с культурой не только не меньшей, но и сложившейся прежде иудейской. Впрочем, ассирийцы заимствовали миф у более древних вавилонян. А в нынешнем веке археологи обнаружили и еще более древний текст — у шумеров!

Арне Пёбель опубликовал в 1914 г. перевод шумерской таблички, хранившейся в Филадельфии в Музее Пенсильванского университета, где говорится о том, что набожный и благочестивый царь Зиусурда получает указание от Уту (бога солнца) и отправляется на корабле спастись от потопа, бушевавшего семь дней и семь ночей. Следовательно, за несколько тысяч лет до Библии шумеры рассказали, причем так же, как и ассирийцы, в поэтическом жанре, о том же самом событии — Великом потопе. Разбирая письмены, археологи наткнулись и на первую текстологическую ошибку еврейского перевода шумерских мифов о сотворении мира: об эту ошибку две и более тысяч лет ломали копья теологи и теософы, — речь идет о сотворении Евы из ребра Адама.

Слово "ти", неправильно переведенное в Ветхом Завете, у шумеров означало и "ребро", и "давать жизнь". Впрочем, Ева по-древнееврейски и означает "Дающая жизнь" — то есть переводчики привели (на всякий случай) два толкования "ти".

Впервые же археологическое доказательство того, что потоп — не чистый вымысел, обнаружил английский археолог Леонард Вулли, на протяжении 12 зимних сезонов работавший над раскопками древнего Ура на юге Ирана.

Задавшись целью найти истоки шумерской культуры, он заложил шурф размером 1,5х1,5 м и, расчищая культурный слой, где была "обычная, столь характерная для населенных пунктов смесь мусора, распавшихся необожженных кирпичей, золы и черепков", вдруг еще через метр наткнулся... "на чистые речные отложения". Однако, измерив глубину и поняв, что материку быть рано, Вулли приказал копать глубже. "Араб неохотно начал углублять шахту, выбрасывая на поверхность чистую землю, в которой не было никаких следов человеческой деятельности. Так он прошел еще два с половиной метра, и вдруг появились кремневые осколки и черепки расписной посуды"...

В следующий сезон, уже догадываясь о том, что столкнулся с доказательством потопа, Вулли заложил на царском кладбище, раскопанном прежде, прямоугольник 23х18 м и дошел в раскопках до глубины 19 м.

Однако раскопки Ура и Эль-Обейды, а затем в Эриду показали, что и шумеры, создавшие классическую культуру, создавали ее не на пустом месте, а на базе предшествующей. Именно дошумерские обитатели междуречья Тигра и Евфрата сумели перейти от первобытного состояния к раннеклассовой цивилизации. Это они каменные орудия труда заменили металлическими, они же первые начали изготавливать предметы роскоши... "Это их культура пережила потоп, — писал Л.Вулли. — ...Среди прочих ценностей они передали шумерам и легенду о Всемирном потопе".

С. Крамер и другие исследователи условно назвали этот народ "убайдцами" (от Эль-Обейда). Убайдскими были названия шумерских городов: Эриду, Ур, Ларак, Ларса, Урук, Ниппур, Киш, убайдскими были наименования профессий в древнем Шумере: крестьянин, плотник, купец... По ряду черт язык убайдцев сближается с дравидскими языками — языками людей, населявших древнюю Южную Индию. И там ученые обнаружили новые версии Великого потопа!

Ману — дравидский Ной, а помогла ему спастись от гибели некая рыба "джхаша" (в которую воплотился творец мира Брахма, а по другим версиям — хранитель мира Вишну). "Шатапатха Брахмана", содержащая эту историю, тоже старше Библии! О потопе же говорит и "Махабхарата".

Отличие шадийских дравидских текстов от библейского и вавилонского (шумерского) состоит в том, что Ману носился вслед за рыбой на корабле "много-много лет", однако приволокла его рыба туда же — "на высший хребет Химавата" (Гималаев) под названием Наубандхана ("Привязь корабля"). В числе других отличий — и философское объяснение потопа: кармическое "мировое истребление" ради завершения прежней "юги" (эры) и начала новой.

Как разновидность дравидского сказания о потопе, интересна одна из длинейших "пуран" (так называют историю какого-либо божества) — "Бхагавата-Пурана". Вместо Ману там действует подвижник и дравидийский царь Сатьяврата, спасшийся с помощью все той же рогатой рыбы, выращенной им сначала в кувшине, потом в пруду, а затем отпущенной им же в реку Критамалу. А уж спасенный от потопы Сатьяврата, милостью Вишну, стал "сыном Витасвата, Ману новой "юги".

Памятники протоиндийской цивилизации раскапываются начиная с 20-х гг. нашего века. В долинах Инда и Ганга, в Катхияваре и в Гималаях, на Юге Индии и Аравийском побережье найдены города и селения дравидов. Хотя сама их прародина до сих пор не обнаружена.

Одна из дравидских семей, нынешние тамилы, по преданию, жили "в городе Мадурай, поглощенном морем".

Схожие мифы распространены и в Шри-Ланке, и в Китае и в Японии. Индонезийцы, малайцы, австралийцы также говорят в древних сказаниях о потопе. Но в них чаще фигурирует женщина, причем не спасительница, а погубительница человечества. У полинезийцев люди спасаются на самой высокой вершине — Мбенга. Интересно, что на Гавайях мудрый волшебник Нуу спасает от потопа лишь очень немногих людей.

Только на острове Пасхи история катастрофы существенно разнится от общего потока мифов. Противоречивые легенды народов Америки о потопе в целом совпадают с вышеизложенными, но во многом "подпорчены" христианскими миссионерами и Конкистой.

Потопы у эллинов пересказываются в трех версиях и относятся, вероятно, к частным, местным наводнениям. Зато эти истории по-древнегречески красочны и захватывающи. Первая — о царе фессалийского города Фтии Девкалионе, по совету отца своего Прометея спасшемся на корабле и родившем от Пирры родоначальника эллинов — сына Эллина. Вторая — о царе Дардане, сыне Зевса и Электры, основавшем у подножия горы Ида Трою. Третья (самая древняя) — о царе Беотии Огигесе.

Не последняя по времени, но самая значительная легенда о катастрофе принадлежит Платону (миф о гибели Атлантиды в "Тимее" и "Критии"). Правда, археологических находок на эту тему до сих пор нет.

Неожиданная "улика" появилась лишь недавно. На границе Северного Ирака и Ирана в 1956-57 и в 1960 гг. работала экспедиция американцев во главе с Ральфом Солецки. Занимаясь в основном палеолитом, Солецки даже не предполагал, какого свойства открытие может ожидать его в этом районе.

Неподалеку располагался поселок под названием Зави-Чеми-Шанидар. В его окрестностях археолог обнаружил пещеру Шанидар.

Ценность находки состояла в том, что она дала, может быть, самые первые данные о том, чем занимались оседлые люди каменного века: среди костей (охота) одну шестнадцатую составили кости коз, а из них примерно три пятых принадлежали овцам моложе года. Это свидетельствовало о том, что овца была одомашнена: человек палеолита забивал годовалых ягнят, чтобы доить маток.

Вызывает интерес также множество найденных орудий — в том числе серпов. К сожалению, орудие, которым возделывалась земля, не сохранилось — вероятно, это были заостренные деревянные палки, прообраз нынешней лопаты. Но большое количество каменных (из кремня) серпов с костяными рукоятками и каменных очень тщательно обработанных топоров достаточно убедительно говорит об оседлости населявших поселок людей. Кроме того, были найдены костяные и каменные зернотерки и даже примитивная каменная (докерамическая) посуда.

Самый старый культурный слой относится к 65-60 тысячелетиям, поздний — к XI тысячелетию до н. э. На границе 30-20 тысячелетий неандерталец был вытеснен человеком крома-ньонского типа. Этот же (или примерно этот же) тип человека, называемый homo

sapiens, перестал использовать пещеру под жильем как раз в XI тысячелетии.

Трудно отличимые кроманьонец и человек разумный (современный), видимо, передали друг другу пещеру мирно и без боя, в то время как неандертальца пришлось вытеснять.

Но и это не главное. Главным оказалось то, что культурные слои пещеры Шанидар перемежались слоями ила, песка, ракушек и мелкой гальки. И это в пещере, которая никогда не была морским дном!

Археологи обнаружили следы четырех катастроф, постигших не только саму пещеру, но и жившего в ней человека. Один из потоков сопровождался мощным землетрясением: десятки погибших неандертальцев не просто утонули — часть их придавило обвалившейся стеной. Видимо, сгрудившись от страха перед стихией у стены пещеры, древние люди так и были погребены под массой рухнувшей земли. Среди них был подросток лет 13-14, оставшийся в сидячей позе.

Пережив катастрофу, человек продолжал селиться в пещере, разводя огонь, делая орудия охоты и труда, осуществляя погребения. И только последний Великий потоп "выгнал" древних людей из-под естественных сводов Шанидара в примитивные круглые жилища, раскопанные Ральфом Солецки в Зави-Чем-Шанидар.

Не явилась ли в глазах наших предков эта пещера образом ковчега?

Известно, что переселяющиеся народы свои новые поселения частенько называют именами, перенесенными с утраченной родины. Америка, например, переполнена названиями городов, рек, гор и пр., перенесенными из Старого Света от Карфагена и Утики до Санкт-Петербурга и Нового Йорка. То же самое могло случиться и с названием горы Арарат. Обри утверждает, что гора, которую арийские народы считали священной колыбелью человечества и которую они указывали в группе гор Гиндукуш, первоначально

называлась у них Ариарата — "колесница поклоняемых", "потому что около ее вершины, по их верованию, вращалась колесница семи браминских Магарши, семи персидских Амеша Спентас, то есть семи звезд Большой Медведицы".

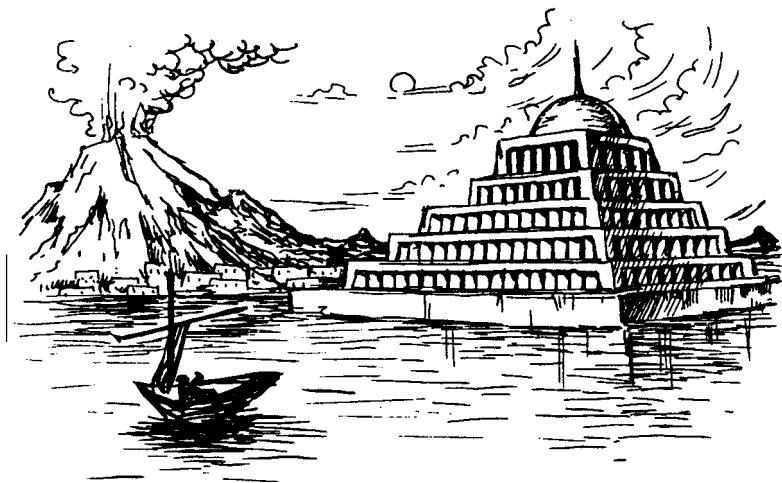
Название Ариарата могло быть древнейшей формой названия Арарат, данного переселившимся арийцами высочайшей горе своей новой родины, которая раньше носила название Мазис (еще долго сохранявшееся у местных армян). Таким образом, библейское сказание о первобытном Арарате, как лежащем к востоку от Сеннаара или Месопотамии, совпадает с преданиями и других народов.

Таким образом, у нас нет оснований не доверять преданиям наших предков, наблюдавших (и переживших) одно из грандиознейших бедствий в истории планеты. Был ли это тот же самый метеорит, который рухнул в пустыню Аризоны, или обломок кометы, или приближение некоей кометы — с большой долей вероятности установить не удастся. Но напрашивается иной вывод — не есть ли нынешний "человек разумный" отпрыском одного-единственного племени, которое во времена оны жило себе, может, грешно, а может, по-своему праведно, чем-то прогневило небеса, и они обрушили на их обиталище жестокую катастрофу, в которой спаслось совсем немного людей.

В пользу этой гипотезы говорит и миф о вавилонском столпотворении — второй по значимости катаклизм, запечатленный в Библии.

Но о нем у нас речь пойдет ниже. Дело в том, что кроме человеческой цивилизации во время Всемирного потопа погибла еще одна — цивилизация атлантов.

ГЛАВА II. Неведомая Атлантида

Общеизвестно, что до людей на Земле жили боги. Или, во всяком случае, существа, казавшиеся древним всемогущими и могущественными. Библия безапелляционно утверждает, что то были ангелы Божий, которые возымели обыкновение спускаться к людям, жить среди них и даже сожительствовать с представительницами прекрасного пола. Возмущившийся этим обстоятельством Господь сурово покарал их за любострастие и низверг в самый ад.

Однако, видать, геенна находилась не особенно глубоко, поскольку предания о джиннах, дэвах, демонах, регулярно являвшихся к нашим предкам, летавших по небу, творящих свой суд и расправу и по всякому вмешивающихся во все земные дела, необычайно живучи среди всех без исключения народов. Не будем вдаваться в подробные разбирательства о первых четырех цивилизациях, существовавших на заре нашей планеты.

Откровения, которые получила мадам Блаватская от своих махатм, мы рассматриваем как предмет сугубо метафизический, ни о жителях Лемурии, ни об огненных субстанциях никому ничего доподлинно не известно.

В то же время сквозь два с половиной тысячелетия до нас дошли труды великого греческого философа Платона, повествующие о последней, пятой цивилизации, предшествующей человеческой.

В своих диалогах "Тимей" и "Критий" Платон рассказывает, что некий египетский жрец будто бы сообщил Солону, что в Атлантическом океане некогда располагался громадный остров. Площадью он был обширнее Азии и Ливии (то есть Африки), вместе взятых, но исчез вследствие ужасного землетрясения.

Со времен Платона не прекращаются споры — действительно ли Солон слышал такое собственными ушами, либо Платон приврал, изложив в столь красочной форме личное понимание того, каким должно быть идеальное и прекраснейшее государственное устройство. В то же время Платон указывал, что жители Атлантиды не были людьми в полном смысле этого слова, они были "детьми Посейдона", то есть бога Океана, в отличие от людей — "детей Зевса". Они и город свой называли Посейдонисом. Конечно, если допустить, что Платон, как и все писатели, просто позволил себе художественную вольность, написал первый в истории опус в жанре научной фантастики, можно и не продолжать эту тему. Необъяснимым остается лишь одно: почему люди до сих пор продолжают разыскивать Атлантиду?

Итак, рассказ об Атлантиде впервые был записан Платоном примерно 2400 лет назад. Он поведал о путешествии около 600 г. до н. э. в Египет государственного деятеля Солона, который встретил в дельте Нила старого жреца из Саиса.

"Все вы, греки, — дети... — сказал Солону жрец, — ...У вас нет веры, основанной на старой традиции. А причина тому такова. Есть множество бедствий, чтобы погубить че-

ловечество, и самыми страшными среди них являются огонь и вода", — продолжал он.

Затем этот жрец описал "некий обширный остров, больше, чем Ливия и Азия, вместе взятые", который некогда находился "прямо напротив Геркулесовых столбов".

Здесь возникла огромная империя. Вторгшись в Европу, она столкнулась с древними греками и боролась с ними, пока "в один ужасный день и ночь не случились землетрясения и наводнения... и моря были поглощены землей, а остров Атлантида таким же образом был поглощен морем и исчез".

Возможно, в основание платоновского мифа об Атлантиде легло предание об островах Блаженных. Некоторые усматривали остатки затопленной Атлантиды в Канарских островах. Другие, как Рудбек в своей книге "Atlantica", даже видят в ней Скандинавский полуостров. В новейшее время порой возвращались к предположению, высказанному Бирхеродом еще в 1685 г., а именно: что финикийские или карфагенские купеческие корабли могли быть заброшены бурями и течениями на берега Америки и впоследствии счастливо возвратились в свое отечество. Рассказы их, полагал Бирхерод, и могли послужить основанием мифа об этом острове, и потому под Атлантидой Платона, так же как и под островом, о котором говорят Диодор и Плиний, следует считать нынешнюю Америку.

Новейшие исследования относят существование цивилизации атлантов чуть ли не ко временам динозавров и Всемирного потопа.

Возникновение Атлантиды Платон непосредственно связывает с инициативой бога морей Посейдона, который, получив этот остров себе в удел, населил его своими сыновьями, зачатыми от земной женщины (Посейдон славился своими многочисленными любовными похождениями). В центре острова был высокий холм, вокруг которого Посейдон прорыл три водяных кольца и выстроил столько же земляных ограждений (причем сделал их равными, словно

по циркулю). Первенцем божественной пары был царь этого народа и острова по имени Атлант.

Далее Платон говорит, что от Атланта произошел многочисленный, род, в котором царское звание передавалось старейшему из сыновей. Этот род скопил богатства, каких "не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будет когда-нибудь еще, ибо в их распоряжении было все, что приготавливалось как в городе, так и по всей стране". Много ввозилось из других земель, но большую часть необходимого давала все же Атлантида: любые виды твердых и плавких металлов, и прежде всего — легендарный металл орихалк, добывавшийся из недр.

"Лес в изобилии давал все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных. Даже слонов на острове водилось великое множество, ибо корму хватало не только для всех прочих живых существ, населяющих болота, озера, реки, горы или равнины, но и для этого зверя, из всех зверей самого большого и прожорливого. Далее все благовония, которые ныне питает земля, будь то в корнях, в травах, в древесине, в сочащихся смолах, в цветах или плодах, — все это она рождала там и отлично взращивала. Всякий пестуемый человеком плод и злак, который мы употребляем в пищу или из которого готовим хлеб, и разного рода овощи, а равно и всякое дерево, приносящее яства, напитки или умощения, всякий непригодный для хранения и служащий для забавы и лакомства древесный плод, который мы предлагаем на закуску пресытившемуся обедом, — все это тогдашний священный остров под действием солнца порождал прекрасным, изумительным и изобильным. Пользуясь этими дарами земли, цари устроили святилища, дворцы, гавани и верфи и привели в порядок всю страну, придав ей следующий вид.

Прежде всего они перебросили мосты через водные кольца, окружавшие древнюю метрополию, построив путь из столицы и обратно в нее. Дворец они с самого начала выстроили там, где стояло обиталище бога и их предков, и затем, при-

нимая его в наследство, один за другим все более его украшали, всякий раз сиюсь превзойти предшественника, пока в конце концов не создали поразительное по величине и красоте сооружение. От моря они провели канал в три плетра шириной (около 100 м — прим. ред.)... в длину на пятьдесят стадиев (около 10 км — прим. ред.) вплоть до крайнего из водных колец, — так они создали доступ с моря в это кольцо, словно в гавань, приготовив достаточный проход даже для самых больших судов. Что касается земляных колец, разделявших водные кольца, то они прорыли каналы, смыкавшиеся с мостами, такой ширины, чтобы от одного водного кольца к другому могла пройти одна триера, сверху же они настлали перекрытия, под которыми должно было совершаться плавание: высота земляных колец над поверхностью моря была для этого достаточной. Самое большое по окружности водное кольцо, с которым непосредственно соединялось море, имело в ширину три стадия, и следовавшее за ним земляное кольцо было равно ему по ширине, из двух следующих колец водное было в два стадия шириной и земляное опять-таки было равно водному; наконец, водное кольцо, опоясывавшее остров в самой середине, было в стадий шириной".

Платон детально описывает Атлантиду. Империей правили десять царей. Столица занимала площадь внутри трех кольцевых каналов. Три обложенные металлом стены охраняли круги земли.

Огромнейший храм в центре столицы был посвящен Посейдону и его супруге Клейто. Царский дворец имел горячее и холодное водоснабжение, а на его лужайках паслись дикие буйволы и другие звери. Некоторые утверждают, что Платон не мог придумать такие детали, однако его ученик Аристотель был одним из первых, приписавших этот рассказ фантазии Платона, который просто хотел поморализовать о природе и последствиях чрезмерного человеческого честолюбия.

"Камень белого, черного и красного цвета они добывали в недрах срединного острова и в недрах внешнего и вну-

треннего земляных колец, а в каменоломнях, где оставались двойные углубления, перекрытые сверху тем же камнем, устраивались стоянки для кораблей. Если некоторые свои постройки они делали простыми, то в других они заботы ради искусно сочетали камни разного цвета, сообщая им естественную прелесть. Стены вокруг наружного земляного кольца они по всей окружности обделали в медь, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя — орихалком, испускавшим огнистое блистание".

"Обиталище царей внутри акрополя было устроено следующим образом. В самом средоточии стоял недоступный святой храм Клейто и Посейдона, обнесенный золотой стеной, и это было то самое место, где они некогда зачали и породили поколение десяти царей; в честь этого ежегодно каждому из них из всех десяти уделов доставляли сюда дары. Был и храм, посвященный одному Посейдону, который имел целую стадию в длину, три плетра в ширину и соответственную этому высоту; в облике же постройки было нечто варварское. Вся внешнюю поверхность храма, кроме акротериев, они выложили серебром, акротерии же — золотом: внутри взгляду являлся потолок из слоновой кости, весь испещренный золотом, серебром и орихалком, а стены, колонны и полы сплошь были выложены орихалком. Поставили там и золотые изваяния: сам бог на колеснице, правящий шестью крылатыми конями, вокруг него — сто nereид на дельфинах... а также много статуй, пожертвованных частными лицами. Снаружи вокруг храма стояли золотые изображения жен и всех тех, кто произошел от десяти царей, а также множество дорогих приношений от царей и от частных лиц этого города и других городов, которые были ему подвластны. Алтарь по величине и отделке был соразмерен этому богатству; равным образом и царский дворец находился в надлежащей соразмерности как с величием державы, так и с убранством святилищ".

На острове били два источника — холодный и горячий, сообщает Платон. Вода их обладала целительной силой.

Источники обвели стенами, насадили подле них деревья. Были купальни с теплой водой- зимние, отдельно для царей, отдельно для простых людей, отдельно для женщин и отдельно для коней. Водовод поил священную рощу Посейдона, где росли высокие деревья небывалой красоты. На внешних кольцах атланты соорудили святилища, разбили сады и парки, построили гимнасии для упражнений, ипподром, помещения для царских копьеносцев: верные копьеносцы были размещены на меньшем кольце, ближе к акрополю, а самым верным из них были отданы помещения акрополя. От моря начиналась стена, которая отстояла от большого водного кольца (и от гавани) на пятьдесят стадиев. Она смыкалась около канала, входившего в море. Пространство возле нее было застроено, а канал гавани и сама гавань были заполнены кораблями.

"В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истинный и высокий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ. Они не пьянели от роскоши, не теряли власть над собой и здравого рассудка... но, храня трезвость ума, отчетливо видели, что все это обязано своим возрастанием общему согласию в соединении с добродетелью. Когда же это становится предметом забот и оказывается в чести, то все идет прахом, а вместе с тем гибнет и добродетель. Пока они так рассуждали и пока божественная природа (т. е. происхождение) сохраняла в них свою силу — все их достояние, вкратце описанное, возрастало.

Но когда унаследованная от бога доля ослабла, многократно растворяясь в примеси смертных, и когда возобла-

дал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей. Неспособные усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались себе прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипели безудержная жадность и сила".

Этот интересный диалог остался недописанным. Платон не успел сформулировать последнюю мысль. Можно лишь гадать о причинах последовавшей трагедии. "И вот Зевс, бог богов, блюдуший законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впавшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию. Поэтому он созвал всех богов в славнейшую из своих обителей, утвержденную в средоточии мира, из которой можно лицезреть все причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами..."

Таковы последние слова Платона о судьбе атлантов в диалоге "Критий". Но эти строки "Крития" возвращают нас снова к истории Атлантиды, рассказанной Платоном уже в другом его диалоге — "Тимей". Из него ясно решение Зевса. Вся сплоченная мощь атлантов и их колоний была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство еще свободные страны по эту сторону пролива Гибралтар.

"Именно тогда, — утверждает в "Тимее" устами жрецов, — государство и город Афины явило всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы; всех превосходя твердостью духа и опытностью в военном деле, оно сначала встало во главе эллинов, но из-за измены союзников оказалось предоставленным самому себе, в одиночестве встретилось с крайними опасностями и все же одолело завоевателей и воздвигло победные трофеи. Тех, кто еще не был поработан, оно спасло от угрозы рабства; всех же ос-

тальных, сколько ни обитало нас по эту сторону Геракловых столпов, оно великодушно сделало свободными.

Но позднее, когда пришел срок для невиданных землетрясений и наводнений, за одни ужасные сутки вся воинская сила была поглощена разверзнувшейся землей; равным образом и Атлантида исчезла, погрузившись в пучину". Эти строки свидетельствуют о внезапности катастрофы, о ее космических масштабах.

По трагической случайности эпицентр катастрофы, равной которой еще не знала Земля, пришелся именно на остров Посейдона. С Атлантидой было покончено. Погибли также и города Восточной Атлантиды — родины праязыка. Только спустя 2 тысячи лет начали подниматься первые поселки в основном на континенте, вдали от берегов.

С тех пор фантазию Платона люди веками рассматривали как непреложный факт. Они хотели этому верить. На средневековых картах указывались неизвестные атлантические острова, подобные кельтским островам Юности и Счастья, которые, как полагали, обладают идеальными климатом и образом жизни. На португальских картах пятнадцатого века указывался мифический остров Антилья. Фрэнсис Бэкон в "Новой Атлантиде" (1624 г.) описывает идеальное общество или утопию. Верил ли он в нее?

Современная популяризация этой легенды началась с публикации в 1882 г. американским конгрессменом Игнатием Доннели его книги "Атлантида, допотопный мир". Поместив Атлантиду на Азорах, он с помощью весьма слабо связанных этнографических деталей пытался доказать, что древнеевропейские и доколумбовские американские общества испытывали сильное влияние культуры Атлантиды.

Ревизионистское мнение о том, что Атлантидой на самом деле была минойская цивилизация Крита, появилось сначала в журнале "Тайме" в статье К.Т.Фроста в 1909 г. Эта заманчивая теория все еще популярна, но она предполагает, что Платон (или Солон, или саисский жрец): 1) не смогли увидеть разницы между 10000 и 1500 гг. до н. э.; и

2) не видели разницы между Средиземным морем и Атлантическим океаном.

20 октября 1912 г. в газете "Нью-Йорк Американ" за подписью 25-летнего "доктора" Пауля Шлимана вышла сенсационная статья, взбудоражившая атлантологов. Да и вообще весь цивилизованный мир прислушался к откровениям внука того самого знаменитого Генриха Шлимана, что откопал древнюю Трою и нашел сокровища царя Приама. Эта фамилия всегда была связана с сенсацией.

Статья называлась "Как я нашел потерянную Атлантиду, источник всех цивилизаций". "Мой дедушка, писал в ней Пауль Шлиман, за несколько дней перед смертью в 1890 г. передал через одного из "лучших друзей" запечатанный конверт с надписью, гласившей, что вскрыть конверт разрешается "только тому из членов семьи, который поклянется, что посвятит свою жизнь упомянутым здесь поискам". А за час до смерти он попросил карандаш и написал неверной рукой: "Секретное примечание к запечатанному конверту. Ты должен разбить вазу с головой совы. Содержимое вазы касается Атлантиды. Веди раскопки в восточной части храма в Саисе и на кладбище Шакуна. Это важно. Найдешь доказательства, подтверждающие мою теорию. Приближается ночь — прощай". Тот же (или другой) "лучший друг" сдал это письмо на хранение в один из банков Франции.

Далее Шлиман-младший сообщал, что после учебы в России, Германии и на Востоке он, Пауль, поклялся продолжить дело, начатое знаменитым дедом. И вот в 1906 г. печать на конверте была сорвана. "Я пришел к выводу, что Атлантида была не только крупным материком между Америкой и западным побережьем Африки и Европы, но и колыбелью всей нашей культуры... — писал Генрих Шлиман. — Доказательства — в этих материалах. Не забудьте, что автор открытия — я". Далее прилагалась расписка, по которой французский банк должен был выдать предъявителю солидную сумму на продолжение поисков.

Обратившись к находившимся в конверте документам, Пауль Шлиман прочел в одном из них, что во время раскопок Трои (в 1873 г.) Шлиман-старший нашел не только "клад Приама", но и бронзовую вазу "необычного вида", а в ней — глиняные черепки, мелкие золотые изделия, монеты и предметы из окаменелых костей. На некоторых предметах и на самой вазе была сделана надпись: "От царя Хроноса из Атлантиды".

В другом документе Генрих Шлиман говорил о том, что в Теотиуакане найдены такой же формы глиняные черепки и такие же изделия из костей и он видел в Лувре в 1883 г. эту коллекцию. Вазы из Центральной Америки и предметы из кости и глины не содержали никаких надписей, хотя были явно одного происхождения с "троянскими". Химические исследования, которым Шлиман якобы подверг предметы из Теотиуакана, выявили одинаковое происхождение черепков и изделий из кости, но глина при этом не принадлежала ни одному из месторождений — ни в Финикии, ни в Центральной Америке. К тому же, внимательно изучив "финикийскую надпись", Шлиман нашел, что она сделана значительно позже, чем сами черепки. А анализ металлических предметов показал, что они состоят из... платины, алюминия и меди!.. Неужели таким и был состав пресловутого "орихалка"? Этот сплав был неизвестен не только древним индейцам и финикийцам: его не знали и в 1890 г., на момент смерти археолога. Надо полагать, он "неизвестен" и сейчас, поскольку необходимость не диктует объединять свойства всех трех металлов в одном.

И Генрих Шлиман приходит к выводу: следовательно, все предметы — с исчезнувшего материка, каковым являлась Атлантида. Археолог "удваивает усилия": "В Петербурге в музее я нашел старый свиток папируса со времен царствования фараона Сента из второй династии, от 4571 г. до Рождества Христова. Этот папирус содержит описание экспедиции фараона "на запад" в поисках следов "страны Атлантис", откуда 3350 лет назад прибыли предки египтян.

Экспедиция вернулась через шесть лет, не встретив никакого материка и не найдя каких-либо следов, которые рассказали бы о судьбе исчезнувшей страны. В другом папирусе из того же музея, принадлежащем перу египетского историка Манефона, указывается период 13900 лет, предшествующий времени царствования мудрецов из Атлантиды.

Таким образом, папирус уточняет, что история Египта началась 16000 лет назад. Обнаруженная мною на Львиных воротах в Микенах надпись говорит, что Мисор, от которого произошли египтяне, был сыном египетского бога Тотта, а Тотт в свою очередь, — сыном жреца из Атлантиды, влюбленного в дочь царя Хроноса, в связи с чем вынужденный бежать из Атлантиды, он после долгих странствий прибыл в Египет. Именно он построил первый храм в Саисе и передал людям знания, приобретенные в родной стране. Эта надпись имеет исключительное значение, и я до сих пор держал ее в тайне. Найдешь ее среди документов, обозначенных буквой О".

Еще Шлиман (Генрих) пишет о том, что в Трое он раскопал табличку, содержащую трактат египетских жрецов о хирургическом удалении катаракты и опухолей внутренних органов. Подобный трактат Генрих читал в Берлине в одной из испанских рукописей, полученных от ацтекского жреца в Мексике. Он также "пришел к выводу", что ни египтяне, ни майя не были хорошими мореплавателями и не имели судов, способных преодолеть Атлантический океан. Этого не могли сделать и финикийцы. А сходство культур Египта и Америки — разительное. Значит, существовал огромный континент, соединявший "Новый Свет со Старым". Его-то жители и основали колонии и там, и там.

Остальные документы, писал в своей статье Пауль Шлиман, содержали сведения, которые он не имеет права разглашать до того момента, пока сам не докажет своими исследованиями, что "дедушка прав". В течение шести лет он, Пауль, не покладая рук трудится над добычей доказательств: в Египте, Центральной Америке и в "различных

археологических музеях мира". И вот наконец долгожданный момент настал. "Я открыл Атлантиду", — пишет Шлиман-младший!

Он разбил вазу с головой совы (на которой перед уничтожением прочел надпись: "От царя Хроноса из Атлантиды"). Правда, поначалу внук "колебался", стоит ли разбивать такую древность, поскольку дед мог перед смертью быть "не вполне в сознании".

Однако, разбив вазу, на дне ее он обнаружил четырехугольную бело-серебряную металлическую пластину, "очевидно, монету с замысловатыми фигурками и знаками, не похожими на обычно встречающиеся иероглифы и письмена". Это было на одной стороне пластины. На другой же была сделана надпись древнефиникийскими буквами: "Выдан в Храме прозрачных стен". Он удивился еще тому, как могла пластина попасть в вазу: горлышко ее слишком узко.

Но, раз уж ваза сделана в Атлантиде, несомненно и монета оттуда же. "В результате исследований я установил, что надпись нанесли после чеканки фигур на передней стороне пластинки. Каким образом — остается для меня загадкой".

В дедушкиной коллекции оказался еще перстень того же металла. Кроме него — "необыкновенный слон из окаменелой кости, древняя ваза и др." В вазе был план, с помощью которого египетский капитан вел поиски Атлантиды. "Об остальных предметах я ничего не скажу, выполняя пожелание моего дедушки". На слоне и монетах не было финикийских надписей, а на вазе с головой совы, "древней" вазе и вазе из бронзы таковые имелись.

В Египте, в саисских развалинах, поиски долгое время не давали результата. Но вот однажды египетский стрелок показал Паулю свою коллекцию, добытую в усыпальнице жреца из времен первой династии. И Пауль узнал в двух монетах точно такие же, что и в троянской вазе! А двое французских геологов, после того как Пауль к ним обратился, обследовали все западное побережье Африки и сов-

местно с Паулем уточнили, что все побережье покрыто породами вулканического происхождения. А это, конечно же, означало, что когда-то от него оторвался континент!

И естественно, будучи оторванным от Африки, затонул...

Здесь же Пауль "нашел скульптурное изображение головы ребенка из того же металла, что перстень и монеты, которое было вдавлено в твердый слой старого вулканического пепла".

В Париже внук Генриха Шлимана нашел владельца коллекции из Центральной Америки. Тот, конечно, тут же "согласился разбить свою вазу для моих исследований". Надо ли уточнять, что внутри вазы Пауль нашел монету, идентичную той, что была в вазе с головой совы! Она отличалась лишь расположением иероглифов (вероятно, другой год чеканки?).

Неугомонный внук отправился в Центральную Америку. Там он, понятно, раскопал Теотиуакан (пирамиду) и немедленно нашел монеты из того же сплава. Но с "другими надписями"! Скорее всего, эти "другие надписи" просто обозначали разное достоинство монет.

"Я имею основания утверждать, — писал в статье внук Генриха Шлимана, — что эти необычные монеты употреблялись в Атлантиде в качестве денег 40000 лет назад. Это предположение основано не только на моих собственных исследованиях, но и на некоторых работах моего дедушки, о которых я еще не упоминал". Далее он говорил об иероглифах, рассматривать которые в данной работе нет места. И привел два рассказа о катастрофе — тибетскую легенду о стране Му, погибшей в пучине, и "Кодекс Троано". Оба они говорят об одной и той же гибели континента и его жителей.

"Это перестанет быть загадкой, когда я приведу остальные известные мне факты", — завершил повествование Пауль Шлиман.

Однако огласить дополнительные факты внуку гения не удалось. А приведенные факты и "вещественные доказательства" ученые подтвердить не смогли, как ни старались.

В "музее Петербурга" не оказалось упомянутых папирусов.

Никто и никогда не видел ни одного из перечисленных Паулем предметов. А тем более "завещания" Шлимана, на которое внук делал особый упор.

Более того: тщательный текстологический анализ статьи показал, что она опиралась, скорее всего, не на "документы Шлимана", а на знаменитую книгу Игнатиуса Донелли — крупного атлантолога, в свою очередь опиравшегося на гипотезу Кадэ 1785 г. Книга Донелли вышла в Лондоне в 1882 г., а за несколько месяцев до публикации Пауля Шлимана была издана на немецком языке (1911 г.).

"Докторство" 25-летнего внука ученый мир отверг категорически. Правда, еще дедушка в свое время склонен был "наговаривать на себя"...

Финикийцы же никогда не пользовались иероглифами, а буквенное письмо этого народа родилось гораздо позднее приводимого Шлиманом срока. Некоторые несообразности с именем фараона Сента, которого не было в династиях Египта, можно не замечать, ибо до сих пор прочтение имен египетских фараонов существует в вариантах, что происходит из-за отсутствия в египетской письменности гласных звуков. А вот отчего "экспедиция" Сента вернулась ни с чем, действительно загадка: если уж египетские исследователи избородили весь Атлантический океан, то за шесть-то лет не наткнуться на Америку просто не могли!..

Как бы то ни было, ученые начала века единогласно признали публикацию в американской газете "журналистской уткой".

Смерть Пауля Шлимана также содержит загадку. По одной версии, он, сотрудник немецкой разведки, окончил свою жизнь во время первой мировой войны в России. По другой — был расстрелян на Балканах союзными войсками Антанты. Так что хотя бы по этой важной причине от Пауля Шлимана дополнительных "фактов" об Атлантиде не появилось. Есть версия, что статья в "Нью-Йорк Америк-

кен" даже не принадлежит внуку археолога, а использована некоторыми кругами для политической игры.

Удивительно совсем другое. Как бы ни мистифицировал читателя автор статьи, поразительны упомянутые 13900 лет, 16000 лет и 40000 лет. Ведь только в 1993 г. вновь всплыли эти даты в отношении Всемирного потопа, Великой пирамиды и Сфинкса (см. книгу Г. Хэнкока "Следы богов"). Ученые, далекие от археологии, вычислили эти цифры, исходя из данных своих наук (Р. Бьювэл, Ч. Хэпгуд и Э. Уэст).

Самым невероятным (и потому достоверным) во всей истории кажется упоминание Львиных ворот в Микенах, а также упоминание в связи с этим египетского бога Тот.

Учитывая прецессию равноденствий, которой ни Шлиман, ни любой другой археолог сознательно не пользовались, может быть, это единственное доказательство подлинности всего рассказанного Паулем Шлиманом: действительно, 13900 лет назад, когда мог существовать фараон Тот (или брат фараона), впоследствии сделавшийся мифической фигурой, Солнце находилось в знаке Льва. И сам Сфинкс — не что иное, как лев, смотрящий на восход Солнца! Правда, теперь он "рассматривает" не свой знак на небосклоне, а созвездие Рыб (а скоро придет Водолей), но ведь 40000 лет назад тоже был Лев.

Многие недавние экспедиции искали остатки Атлантиды, как правило, близ Азорских или Багамских островов, где в 1968 г. на отмелях Великой Багамской банки было найдено множество отлично соединенных каменных блоков, создающих то, что было названо "Дорогой Бимини".

Некоторые посчитали это доказательством существования Атлантиды и указали на предсказания великого астролога Э. Кейси о новом открытии Атлантиды между 1958 и 1998 гг., которое будет предшествовать всеобщему хаосу. Другие, более оптимистичные, рассуждали, что миф об Атлантиде основан на неточной народной памяти о катастрофическом извержении Теры (Санторин) в Эгейском море в

XV веке до н. э. Это извержение могло разрушить островную (атлантовскую) цивилизацию минойского Крита, которая находилась на девяносто миль южнее.

Все это могло бы и не играть большой роли, если бы Атлантида когда-либо существовала как физический факт. Миф о гордой цивилизации, разрушенной не только своими собственными недостатками, но от непреклонных сил природы, о которых узнали лишь тогда, когда было уже поздно, имеет свою собственную притягательность.

Действительно ли существовали атланты? Некоторые утверждают, что их империя охватывала часть Америки, Африки, Европы и даже Азии, а ее таинственный народ обладал большой оккультной силой. К конечной же катастрофе привело злоупотребление техникой, основанной на кристаллах.

Кстати, мало кто обращает внимание на то, что человек никак не мог произойти от атлантов, поскольку этот континент был населен существами иной, нежели человеческая, расы ("детьми Посейдона" в отличие от людей, "детей Зевса"). Кстати, с этим была согласна и наша великая теософка Елена Блаватская, указывая, что человеческая раса является пятой по счету разумной расой на Земле, атланты же были четвертой, предыдущей. Кто были эти существа, прародители разумной жизни на Земле, не были ли они ближе к миру пресмыкающихся, чем млекопитающих (вспомним, что тогда планету населяли динозавры), и что явилось причиной гибели конти-

Эдгар Кейси

нента — все это вопросы, на которые наука пока не в силах дать ответа, кроме одного, последнего — по всей вероятности, 100 миллионов лет тому назад действительно в результате падения кометы динозавры погибли.

Но египтяне и не утверждали, что их прародителями были атланты, речь шла лишь о культуре. Насколько нам известно, в мире существует всего лишь две системы исчисления. Одна из них десятиричная, другая — две-надцатеричная. И если первая имеет под собой то основание, что человеку удобно вести подсчет, основываясь на числе пальцев, то на чьей конечности основывалась двенадцатеричная? Трехпалом плавнике атланта?

"На протяжении тьмы веков, — уверяли древние египтяне, — нами правили боги. А потом нами стали править фараоны".

Боги научили египтян строительству, земледелию и ремеслам, в то время как остальным народам планеты пришлось до всего додумываться самим.

ГЛАВА III. Гиперборея от слова "гипер"

С тех пор как неграмотный крестьянин, пахавший поле в окрестностях Неаполя, наткнулся на статую Венеры, с появлением из пыли веков Помпеев, со времен открытия Египетских тайн Шампольоном человечество живет в постоянном ожидании новых находок археологов. Будучи прикладной частью исторической науки, археология нет-нет, наподобие строптивой служанки, озадачивает ученых мужей, погрязших в кабинетной пыли. И тогда в ученом мире происходит сенсация, и в готовящихся к печати учебниках появляется новая глава.

Настоящую сенсацию принес с собою 1998 г. В газете "Литературная Россия" № 15 за 1998 год было объявлено об открытии легендарной Гипербореи. Об этом поведал не кто иной, как Альберт Валентинов, журналист, всегда "державший руку на пульсе" современной науки. Приведем длинную цитату из этой статьи.

Валерий Демин, руководитель экспедиции "Гиперборея-97", доктор философских наук, рассказал о доказательствах, то есть о материальных следах северной прародины человечества: "...И мы их нашли — в самом центре Кольского полуострова, в глухой Левозерской тундре, вблизи загадочного Сейдозера.

Начать с того, что сама дорога к Сейдозеру, которую обнаружили участники экспедиции, оказалась вроде бы мощеной — булыжники и обработанные плиты аккуратно уложены в таежный грунт. Конечно, за истекшие тысячелетия их осталось немного: большинство ушло под землю. Но и те, что остались, свидетельствуют: здесь была развитая цивилизация — дикари дорог не прокладывают.

Но первое, что привлекает внимание исследователей, — гигантское изображение человека на отвесной скале, взметнувшейся на противоположной стороне озера. Черная, трагически застывшая фигура с крестообразно раскинутыми руками. Размеры ее можно определить лишь на глазок, сравнивая с высотой окрестных гор, обозначенной на карте: метров 70, а то и больше. Добраться до этой фигуры на почти вертикальной гранитной плоскости можно только со специальным скалолазным снаряжением, которого экспедиция не имела...

Уж очень это напоминает фигуру, правда, куда меньшей величины, в музее атомной бомбардировки Хиросимы — тень человека на бетонной плите, все, что осталось после ядерного взрыва и сверхмощной огненной вспышки. Но в таком случае что за гигантское существо могло обитать когда-то на Земле и каким оружием оно было уничтожено?

...Сыны человеческие боролись с расой великанов, некогда населявших Землю... Кстати, титаны, согласно наиболее архаичным мифам, вообще обитали на Крайнем Севере".

Чем же привлекли гигантов суровые просторы тундры? Может быть, тем, что они-то как раз и не были столь уж суровыми? Не исключено, что нынешние полярные шапки

появились относительно недавно, а до этого земные полюса могли находиться совсем в других местах. Сдвиг полюсов — страшнейший планетарный катаклизм, сравнимый со Всемирным потопом. А может быть, оба они и произошли одновременно. И в мгновение ока цветущая, изобилующая тропическими лесами и живностью местность превратилась в тундру. Остатки народа исполинов рассеялись по планете, ища себе пропитания. Но нашему глазу порой встречаются следы их бывшего величия.

"... На склоне горы Нинчурт они (участники экспедиции. — Прим. автора) нашли то, что искали, — руины Гипербореи...

...Циклопические развалины, гигантские отесанные плиты правильной геометрической формы, стены с пропилами явно техногенного происхождения, просверленные неведомым суперсверлом глыбы. И ступени, ведущие в никуда.

На самом деле мы просто не знаем, куда они вели 20 тысяч лет назад. Но самая, пожалуй, впечатляющая находка — останки древнейшей обсерватории с 15-метровым желобом, уводящим вверх, к звездам, с двумя визирами — внизу и вверху. По виду и функциональному назначению он похож на большой секстант знаменитой обсерватории Улугбека под Самаркандом, однако гораздо древнее..."

Из мрака ушедших тысячелетий доходят до нас сказания об исполинах, в древности населявших планету Земля. Древнеэллинские мифы утверждают, что титаны были порождением Геи — богини Земли, то есть самой Земли (не говорит ли это почти прямо о том, что эллины верили в самозарождение пражизни?). Библейские тексты указывают, что они появились на заре развития первой человеческой расы, потомков Адама, погубленных Всемирным потопом (мы же с вами и все нынешнее пятимиллиардное человечество — потомки Ноя и его сыновей).

В Бытии сказано: "... тогда сыны Божий увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал".

Эти "сыны Божий" описаны в книге Еноха, книге, отвергнутой ранней церковью за утверждение, что падшие ангелы ("нефилимы", или наблюдатели) были физическими существами, способными на сексуальное сношение с людьми. Эта рукопись была старательно утеряна и вновь найдена (в эфиопском коптском монастыре) в начале девятнадцатого века. Рукопись датируется вторым веком до н. э., но восходит к более древнему источнику. Сам Енох, отец Мафусаила (Бытие 5; 18-24), был то ли похищен, то ли приглашен в горние чертоги, как говорилось: "...и ходил Енох перед Богом; и не стало его, потому что Бог взял его". Это не аналог нашего просторечия "Бог прибрал". И до Еноха и после него Библия совершенно точно указывает, что люди умирали, в том числе и Мафусаил, и Каинан, и Сиф, и Енос, и Малелеил, и Иаред, и Ламех, и Ной — все умерли и были погребены, и только "Енох ходил перед Богом, и не стало его, потому что Бог взял его" (курсив мой, — Автор).

Но после него осталась книга. В ней говорится о том, как двести наблюдателей "сошли" на гору Хермон (на границе Сирии, Ливана и Израиля). Это были "элохимы" (по еврейски — "сияющие"), и люди едва могли смотреть на них. Вопреки совету их лидера Шемьязы, они под предводительством Азазеля сделались местными поселенцами, обучали людей запретным искусствам и взяли жен человеческих, которые рождали им "гигантов". В результате Бог, как пишет Енох, сказал наблюдателям неба, которые покинули его и загрязнили себя, связавшись с женщинами, что "дети их погибнут, а сами они не будут знать милости и пощады".

"В то время были на земле исполины", — повествует Бытие (VI, 4). Далее мы натываемся на явное несоответствие текста здравому смыслу. Конечно, если гиганты были столь порочны, что Бог послал потоп, все было бы понятно. Но священный текст избирает иную трактовку: "...особенно же с того времени, как сыны Божий стали входить к дочерям человеческим, и они стали рождать им: это силь-

ные, издревле славные люди" (разрядка моя. — Автор). За что в таком случае покарал их Господь? Или же он более опасался своих сынов, чем их потомство, и его уничтожил заодно? Этот эпизод объясняется в апокрифической книге Еноха так: гиганты были рождены смертными женщинами как "нечестивые отпрыски" ангелов, называемых наблюдателями. За это наблюдатели были прокляты, ибо Бог "не создал жен для вас, так как вы существа духовные и обитель ваша на небе". Что же касается гигантов, которые "были рождены духом и плотью", их участью должно было стать "злыми духами и обитать на земле... Духи гигантов должны быть подобны облакам, которые угнетают, разлагают и портят землю... и не будет для них пищи и будут испытывать жажду и должны будут скрываться".

Таким образом, у Еноха гиганты не кровь и плоть, но демоны, духи тайных ссор и раздоров в нематериальных плоскостях, высасывающие человеческую энергию. Кстати, в сказках Джек (эквивалент нашего Иванушки-дурачка) взбирается по шаманическому бобовому стеблю, или Древу Жизни, чтобы встретиться и победить Гиганта в Облачном Замке, "астральном" владении, населенном жадными людоедскими существами.

Тем не менее гиганты не обязательно зло. Они могут быть дремлющей силой природы, запертой в Цепи Причин, хранилище расового инстинкта и жизнеспособности, как "гигант Альбион" у Блейка. Гигантские языческие фигуры плодородия, высеченные в меловых утесах, встречаются в южной Англии (гигант Серн Эббаса, Верзила в Уилмингтоне, гигант Гога и Магога в Уондлбери-Кэмпс близ Кембриджа).

Или он может быть Мейсоу в мифе о Хопи, высокомерном предпринимателе Третьего Мира, который был понижен в должности, когда этот мир погиб и ушел к Владыке Мертвых. Там он получил второй шанс как предприниматель нового Четвертого Мира... так как "у него были люди".

Или Финн Мак-Кул с его семимильными сапогами, который, согласно ирландской мифологии, блуждает по Шотландии, где, как Фингал, одним прыжком прыгнул как-то с остекленевшего форта Нокфаррел через Статпеффер-Велли на высоты Бен-Уайвис. Говорят, что поэты, которые ищут вдохновения, проводя ночи в Седалище Гиганта (Gigant's Seat) на высоте Кейдер-Идрис в Уэльсе, неизбежно к рассвету сходят с ума. Это может значить только одно — они нашли то, чего искали. Гигантизм связан с выходом за местные физические рамки в то, что другие называют безумием.

Способность духовной тайны, доброй или злой, преодолевать физический размер кажется неизбежной, принимая во внимание, что, когда дети смотрят на взрослых, они кажутся им незаслуженно всемогущими гигантами, которые высятся над ними.

Что свидетельствует о большом росте людей прошлых эпох?

Скелеты 30000-летней давности (палеолит) дают средний рост взрослого мужчины 177 см, взрослой женщины 165 см. Но затем, когда земледелие вытеснило охоту, средний рост сильно понизился и восстанавливается только сейчас. В 1960 г. средний рост американских мужчин был 175 см. Дети китайских и вьетнамских эмигрантов в Америке на богатой мясом пище значительно более высокорослы, чем их питающиеся рисом родители. Звезды таких баскетбольных команд, как "Гарлем Глобтроттерс", — это гиганты по любому счету. Таким образом, фольклор о гигантах следует рассматривать в контексте доступности протеинов (возможно, вот почему в столь многих сказках и народных сказаниях гиганты были людоедами).

Идея гигантизма относится к удивительным культурным достижениям. Стоунхендж издревле был известен как "Танец гигантов". Это предполагает не только то, что сами мегалиты — это замерзшие гиганты (на гэльском *fir ghreig* — "ложные люди"), но и то, что только гиганты могли поднять камни такого веса.

Тем более что попадаются даже следы исполинов. Ступня бога — гигантский след левой ступни человека — был обнаружен в начале века в глухом лесистом уголке южноафриканской провинции Трансвааль. Длина отпечатка около 130 см, ширина 60 см. Отпечаток настолько отчетлив, что видны даже "гребешки" почвы, выдавившейся между пальцами. Между тем след оставлен на вертикальной гранитной плите.

Ученые так и не пришли к выводу, что это — игра природы или реальный отпечаток ноги. Африканцы же верят в божественное происхождение следа и считают это место священным.

Загадкой остается и внешний вид гигантов. Был ли у них единственный глаз, как у Полифема, сто рук или хвосты — это до сих пор не выяснено. Однако их высокое умственное развитие и склонность к архитектуре на базе дикой природы — это несомненно.

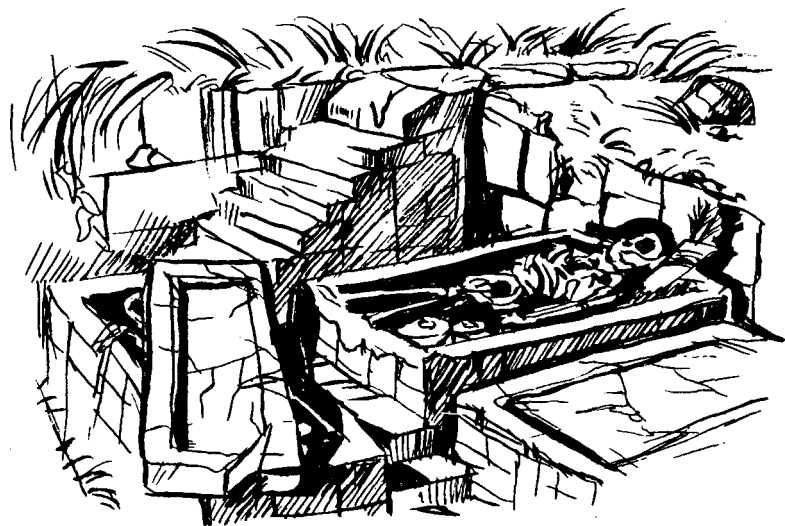
Со многими холмами и курганами Англии связаны прочно живущие в фольклоре рассказы о феях или гигантах, что указывает не только на страх и почтение, которые поколения людей питали к их неизвестным строителям, но также на ассоциации с паранормальными явлениями. Говорят, что некоторые холмы странного искусственного вида (как Баттхаус-Напп в Херфордшире) или имеющие явные искусственные навершия (Рекин в Шропшире) созданы дьяволом. Некоторые оккультисты утверждают, что дорожки, которые вьются вокруг другого холма, который кажется слишком правильным, чтобы быть естественным (Гластонбери-Тора), составляют посвященный лабиринт.

Английское предание гласит, что многие длинные курганы (некоторые свыше 300 футов) хранят в себе похороненных гигантов. Традиция утверждает, что в некоторых, когда их вскрыли, оказались скелеты людей ростом более двух с половиной метров. Эти курганы все еще смущают археологов. Их каменные погребальные камеры занимают

лишь очень малую часть, остальное состоит только из земли. Еще более таинственными являются так называемые британские "холмы-крепости", которых только в Англии около 1500. Они часто состоят (как в Крофт Эмбри в Херфордшире) из огромных оградений на вершине холма, окруженных крутыми земляными валами и рвами. Называются эти холмы "Железный Век", и предполагается, что они служили оборонительными селищами, хотя кажется, что немногие использовались в этом качестве.

Те же самые сомнения относительно того, что такое могли построить люди прошлого, относятся к Баальбеку в Сирии, Великой пирамиде и еще многим мегалитическим сооружениям, с некоторыми из которых мы также познакомимся в этой книге. Воздвигнуть все это, по мнению ряда ученых и энтузиастов, под силу только гигантами или пришельцами. Кто же еще мог сдвинуть огромные камни? Конечно же не простые люди!

Кладбище прачеловека

В то же время с гигантами соседствовали простые люди, во всем походившие на нас. Они рождались, жили, продолжали свой род и уходили, освобождая место для новых поколений. Бережно хороня своих предков, они завещали потомкам хранить память о них. Одно из таких кладбищ обнаружили на двух островах в Онежском озере.

Неподалеку от Клименецкого полуострова, что на Онежском озере, есть два острова — Северный Олений и Южный Олений. Веками на Южном Оленьем крестьяне Северной Руси добывали известь: остров богат известковым камнем. Добывали, обжигали и до того нажгли, что извели все деревья на острове. И еще виднее стало: почти каждый, промышляя известняк, роя ямы где заблагорассудится, наткался в земле на человеческие кости.

Кости были древние. Назвали эту землю "могильником". А в советское время создали здесь предприятие по добыче известняка... Так про Южный Олений остров узнали наконец археологи.

В 1936 г. на острове побывали Н.Н.Гурина и Г.П.Гроздилов. Они обнаружили, что здесь расположена самая огромная усыпальница неолитической поры из известных первобытных кладбищ Севера.

Сделав свое заключение, археологи передали эстафету большой археологической экспедиции под руководством В.И. Равдоникаса. Три г. группа работала на раскопках в Заонежье, на карельском островке, который на картах, как правило, не отмечается, хотя и находится в нескольких километрах от знаменитых Кижей.

Остров протянулся с северо-запада на юго-восток на три километра, ширина же его не превышает 500 м. Первое, что бросается в глаза: вокруг острова всегда спокойна вода Онеги. Вся местность защищена от бурь архипелагом мелких островков и длинными мысами, вдающимися в озеро.

Становится понятным, по каким признакам избиралось место для древнего кладбища. Если учесть, что мертвых перевозили на лодках ночью, то, конечно, вспоминаются язы-

ческие взгляды на Страну мертвых, распространенные в Египте, Древней Греции...

Предполагаемый могильник разбили на квадраты. Обозначив место первого раскопа, принялись за лопаты, очень быстро расчистили квадрат от дерна... Дойдя до галечника, стали снимать его тонкими слоями (штыхами). Примерно с глубины полуметра появились первые признаки могил — красноватые пятна. Это пятна красной охры — ею посыпали погребенного. С такого момента лопаты и кирки уходят в сторону, уступая место ножам. Начинается расчистка погребений. Используются инструменты и тоньше — скальпель, шило, кисточка, которыми удаляются с костей и предметов частицы земли. Работа вступает в стадию ювелирной точности.

Раскопки на Оленьем показали, что скелеты погребенных людей находились в разных позах. Большинство лежали на спине лицом вверх, головой на восток. Руки вытянуты вдоль туловища, иногда согнуты в локтях и сложены на животе. Другие же покойники положены на боку — или на правом, или на левом. В некоторых случаях ноги согнуты в коленях. Были, хотя и очень немного, скорченные скелеты.

Ноги покойников подтягивали коленями к животу и даже к груди. Кисти рук, согнутых в локтях, направляли к подбородку. Встречались могилы, в которых погребены не один, а два и три человека. В таких случаях большие кости соседствовали с маленькими, детскими. Детей хоронили вместе с родственниками или родителями. Чаще всего — ребенка с матерью. Лишь в двух случаях ребенка положили с ребенком.

Встретилась могила, где мужчина похоронен с двумя женщинами. В середине широкой ямы на спине лежал мужской костяк, а справа и слева от него — по одному женскому скелету. Причем они лежали лицами к мужчине, то есть погребены на разных боках.

Особенностью Оленеостровского могильника является малое число погребенных стариков и детей. Первое обсто-

ятельство объясняется тем, что в неолите редкие люди доживали до старости. А второе — существующими правилами похорон, когда младенцев не предавали земле. Например, еще совсем недавно северные народы умершего ребенка пеленали в ткань и завертывали в бересту. Такой "сверток" полагалось поместить в дупло дерева или подвесить на ветвях в специальном ковчеге. Такие погребения сохраняют следы не дольше 50 лет.

В могилах обнаружено много личных вещей, погребенных вместе с покойными. В основном это изделия из кости, рога и камня. Всего собрано свыше семи тысяч предметов. Костяные наконечники гарпунов с зубринами, костяные наконечники стрел — прямые, игловидные, до 30 см в длину.

Есть сложные наконечники — составные, с кремневым острием. Встречаются наконечники с кремневыми вкладышами, подогнанными друг к другу в специально прорезанных пазах. Чисто кремневые наконечники тщательно отработаны. Костяной кинжал, украшенный по кости узором, с кремневыми пластинчатыми лезвиями, вставленными в пазы. Трапециевидные пластинки пригнаны очень тщательно.

Немного орудий рыболовства — "бородки" рыболовных крючков, на которые насаживалась приманка. Зато найдено много скребков, резцов, ножей разного назначения, костяных лоцил и приколок. Встретилось немного телес и топоров из сланца с тщательно отшлифованными наконечниками и остриями.

Найдено множество (5527) украшений. Это подвески из клыков медведя, резцов лося, пластинки из резцов бобра с нарезками на обоих концах, другие подвески из кости и камня. Найдены скульптурные изображения — образцы древнего искусства. Их немного, но это шедевры неолита Севера. Массивный костяной стержень с условным изображением головы лося — как бы предвестник "звериного стиля" скифских курганов: та же экспрессия, та же свобода

движения, несмотря на то что изображена только голова животного. Подобная выразительность свойственна очень зрелому искусству. Неожиданны и два скульптурных изображения змей, вырезанных из кости. Три маленькие фигурки человека, в которых можно усмотреть будущие мотивы Северного искусства резьбы по кости: например, условность не прорисованных, а едва намеченных рук человечка на одной из фигурок.

К сожалению, климат уничтожил предметы из дерева, одежду, но расположение украшений на скелете (подвески) или наконечников стрел, лежащих друг возле друга очень плотно, позволило археологам, с привлечением этнографов, восстановить основные принципы одежды и ее форму, а также утверждать, где и как носили футляр для стрел и лука (колчан). Даже теплый капор из шкуры, украшенный подвесками из резцов бобра или лося, который древний человек носил на голове, восстановлен. Характерной чертой была одинаковость костюма для мужчин и для женщин, целиком состоявшего из шкур убитых животных. Позже выделанные шкуры разрисовывались или расцвечивались.

Женщины от мужчин отличались только ношением куска меха, служившего как бы фартуком. Его тоже обшивали резцами лося и бобровыми пластинками, а мужчина носил еще колчан из дерева или кожи — на поясе, на груди или спине.

Раз уж возникла возможность воссоздать в целом внешний вид человека древнего Заонежья, ученым захотелось наверняка знать облик этого человека, тем более что количества найденных черепов для этого вполне хватало... По костям черепа М.М.Герасимов воссоздал облик мужчины и женщины из Оленеостровского могильника.

Кстати говоря, ни в могилах, ни в пещерах, ни на скалах человек лесного неолита, живший в те же годы, когда египетские фараоны "запечатлевали" себя в камне и золоте, не оставил нам своего подлинного портрета и сделал это, можно сказать, намеренно: рисунки и фигурки людей очень

условны и защищены от колдовского взгляда знаками, нарочно отдаляющими изображение от реального.

Что поделать, это было связано с его мировоззрением. Недаром даже нынешние представители народов Севера отказываются фотографироваться, полагая, что человек, отдавая другому свое изображение, тем самым расстается с частицей своей души.

Источником работы М.М.Герасимова был не только Оленеостровский могильник: в прошлом веке было найдено много черепов на южном побережье Ладоги. Впервые воссоздать облик человека лесного неолита взялся известный художник-передвижник М.П.Клодт. Впрочем, это был первый опыт, оказавшийся неудовлетворительным. И хотя рисунки М.П.Клодта украсили изданный геологом А.А.Иностранцевым труд "Доисторический человек каменного века побережья Ладожского озера" (СПб., 1882), ученые "не приняли" человека, как бы сошедшего с иллюстраций к романам Фенимора Купера или Майн Рида. Ладожанин М.П.Клодта оказался почти двойником индейца Северной Америки — мощная квадратная голова, сильно выступающий орлиный нос...

С тех пор антропология достигла значительных успехов. М.М.Герасимов, используя им самим разработанный научный метод, воссоздал десятки индивидуальных портретов древних людей, в том числе и портреты оленеостровцев...

Мужчина Заонежья оказался чистым европеоидом. А вот женщина... Помня исключительную полемику по поводу Клодтовского "индейца", археологи сделали вид, что темы расовой принадлежности оленеостровцев не существует. Правда, время для поднятия таких тем было не совсем подходящее... Потом вопрос ушел как бы сам по себе, поскольку метод М.М. Герасимова новым поколениям "воссоздателей" показался несовершенным.

А ведь ответ кроется еще в раскопках Оленьего острова. Оленеостровский могильник, представляющий из себя племенное кладбище, на самом острове разделен на две час-

ти — северную и южную. И в той, и в другой — захоронения двух разных родов одного и того же племени. И хоть Энгельс "не позволяет" на стадии племени четко назвать нацию и даже народность населяющих племя людей, но ведь совершенно же ясно, что до прихода с юга славян на этих землях могли обитать только будущие угро-финны!

А этот народ, давным-давно расселившийся по многим уголкам Евразии, имеет еще и двоякое происхождение — и европеоидное, и монголоидное. И сегодня под самой финской границей на Севере России живет почти чисто монгольского облика племя саамы — ближайший родственник европейцев-финнов. Эстонцы и ханты-манси имеют один общий угро-финский корень. Ни для кого не секрет, что индейцы, разновидность желтой расы, происходят от монгольского корня. Не так уж и не прав был знаменитый М.П. Клодт!

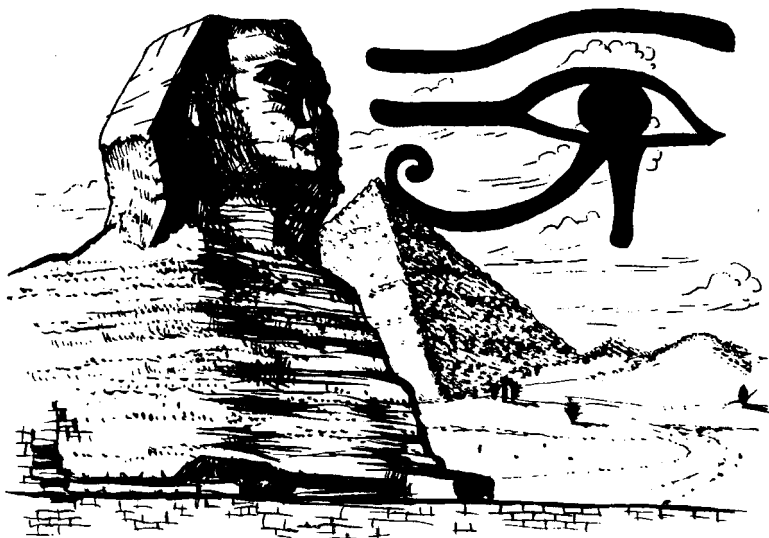
Еще одной отличительной особенностью Оленеостровского могильника явилась та, что были обнаружены единичные вертикальные погребения. Как выяснилось, это были могилы вождей, похороненных стоя, в глубоких ямах. В одной из них покойник поставлен ногами на скалу и прислонен спиной к наклонной поверхности стены могилы.

Весь костяк с ног до головы засыпан охрой. При нем найдены триста подвесок, колчан со стрелами, костяной кинжал, сланцевые ножи и многое другое. Он был первый.

Первый среди равных. Но похоронен по-особому: еще не различаясь по собственности, вожди уже имели определенные отличия — хотя бы то, что он и мертвый должен был быть как живой: вождь и воин не могут лежать...

А может, в вертикальных погребениях таится какая-то другая загадка?..

ГЛАВА IV. Люди и боги Египта

Древние египтяне были довольно мудрым и романтичным народом. Так они, нисколько не смущаясь, заявляли, что вначале ими правили боги, а потом лишь они уступили место на троне фараонам.

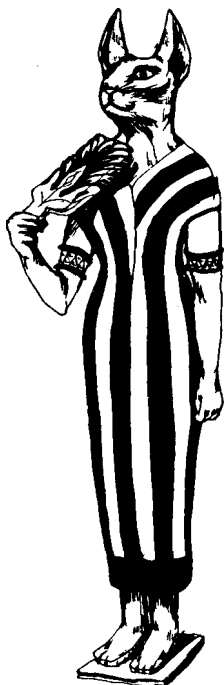
Из этого симбиоза богов и людей выковалась раса египтян, давших толчок всем человеческим наукам и искусствам. Однако обратите внимание, что если древние эллины наделили своих богов прекрасными человеческими телами и столь же пылкими человеческими чувствами, то боги Египта были нечеловечески мудры, отличались нечеловеческими чертами лица, нося головы птиц и животных, и нечеловеческими особенностями телосложения.

Всевидящий глаз Ра

• Главный раннеегипетский бог-созидатель Ра был, на удивление, голубоглазым.

Но вовсе не поэтому темноглазые древние египтяне украшали изображениями его Божественных Глаз саркофаги, борта лодок, стелы, утварь, одежды и амулеты — эти Очи были одним из влиятельнейших символов в их искусстве врачевания, магии и защиты. Очи Ра жили какой-то странной, независимой от основного организма жизнью, и это нам предстоит еще осмыслить.

Считалось, например, что Урей (божественный змей), украшавший переносицу фараона в качестве "Правого горящего Ока Ра", способен рассеять противников. Левое же Око, которое поздние египетские традиции приписывали Гору, богу-соколу, сыну Исиды, получившему его в наследство, называлось Оком Исцеления и связывалось с искусством врачевания. Истоки подобных верований сокрыты в умопомрачительных глубинах тысячелетий.

На доступной нам поверхности — разнообразные переводы древнеегипетских текстов, мифов и легенд, в которых Око, одно из главных действующих лиц, то в качестве передаваемого предмета, то в качестве самостоятельного героя "вытворяет" совершенно немислимые для глаза вещи, творя при этом настоящие чудеса.

Взять хотя бы миф о наказании. Согласно ему, Ра сначала создал "первую вселенную", отличную от нашего мира, и заселил ее богами и людьми, мирно ею правил. Но время старит не только людей. Почувствовав, что силы оставляют их бога, люди этой вселенной замыслили против него заговор. Однако

Ра, обладавший божественной проницательностью, раскрыл его и вознамерился наказать бунтовщиков.

Он собрал всех богов и сказал им: "Слушайте, боги! Знаете ли вы, что люди, созданные из глаза моего, замыслили против меня злые дела?" После обсуждения с другими богами Ра "швырнул свое божественное Око в виде дочери богини Хатор-Сехмет" в смутьянов.

Как яростная Сехмет расправилась с ними — тема уже другой легенды. Мы же отметим себе и запомним это странное действие Ра — "швырнул Око в виде дочери..." и зададимся законным вопросом, что это за люди, созданные из глаза Ра?

В другой раз Ра собственноручно отдал свое Правое Око в форме Урея богине радости и веселья Басти, чтобы та защитила его от злого змея Апопа, главного врага Ра.

А однажды любимое Око Ра, с которым в очередном мифе отождествлялась богиня Тефнут (имевшая еще два имени в зависимости от ипостаси своего проявления — Хатор и Сехмет), обиделось на бога — Тефнут покинула отца и ушла в пустыню, где в образе львицы долго бродила в одиночестве. Ра очень тосковал по ней ведь он нуждался в ней как в защите от своих многочисленных врагов, говорит миф. Но и это еще не все.

Лишиться Очей значило стать уязвимым, беззащитным и слабым. Именно поэтому в мифе об Осирисе (боге производительных сил природы, царе загробного мира) злодей Сет (бог пустыни, олицетворение зла) не убивает спящего племянника своего Гора, сына Осириса, а вырывает у него глаза. Именно поэтому хитроумная богиня Исида, жена Осириса, выведывая тайное имя Ра, шепчет Гору: "Сейчас отдаст он мне очи свои".

Не чудно ли? То Ра создает из Ока людей, то Око, обидевшись, уходит от него, то Ра швыряет его в нарушителей божеских уложений, да еще в виде собственной дочери-богини, то отдает как орудие (или инструмент) защиты. А Божественное Око временами ведет себя как самостоятельная

личность, не только выполняющая поручения хозяина, но и имеющая собственное мнение.

Все эти манипуляции с Оком никак не укладываются в наши представления о глазах, пусть даже и принадлежащих богу. Традиционная интерпретация Правого Ока как Солнца, а Левого Ока как Луны касается только одного мифологического среза. Смысл же отождествления Ока Ра с защищающей его дочерью-богиней Хатор-Сехмет (в другом мифе — Тефнут) или представление его инструментом защиты остается неясным.

Для поисков разгадки обратимся к небу, откуда и явились боги. И здесь наш взгляд невольно обращается к Сириусу. В свое время египтологов озадачил вопрос: почему научные методы древних египтян, их приемы искусства, ведения сельского хозяйства, как и иероглифическая система письма, практически лишены каких-либо признаков развития и постепенного совершенствования? И более того — чем династия древнее, тем выше ее достижения! Последующие же поколения египтян понемногу утрачивали знания, постепенно приравниваясь к уровню обычных людских племен и народов, пока наконец Египет не пал под ударами войск Александра Македонского, превратившись затем в римскую провинцию и главную житницу Рима... Сам собой напрашивается вывод, что египетская цивилизация возникла не вследствие развития, а явилась наследием, полученным из других рук.

Каждый аспект египетской культуры, насквозь пронизанный необычайным интересом к Сириусу и созвездию Ориона, является вполне завершенным уже в момент своего возникновения.

С двойной звездой Сириус (альфа Большого Пса), игравшей в дофараоновском Египте роль центрального солнца по отношению к нашей солнечной системе, соотносилась вся жизнь, и земная, и загробная.

Ежегодный разлив Нила связывался с гелиактическим восхождением Сириуса (в лучах утренней зари, незадолго до восхода Солнца). "Подъем Великого Бога" Осириса —

созвездия Осириса (Ориона) над горизонтом и появление неотступно следовавшей за ним жены его богини Исида-Сотис (Сириуса), происходившее по юлианскому календарю в середине июля, знаменовало начало нового г. и служило основой сложных календарных вычислений.

Центральной идеей египетской теологии было представление о том, что живой фараон является воплощением Гора, первого божественного предшественника царской власти Египта, сына Осириса (Ориона) и Исида (Сириуса).

После смерти фараона его душа, становясь звездой, присоединялась к Осирису (Ориону), господину небесного Дуата (Мира мертвых).

Появление над горизонтом Ориона и гелиактическое восхождение Сириуса служило знаком к началу трансформации души умершего фараона. Причем ритуал перерождения умершего фараона (погребальная церемония) происходил параллельно с ритуалом коронации его наследника, нового астрального сына Гора.

Аналог небесному Дуату, включающему в себя созвездия Ориона, Большого Пса и Гиады, древние египтяне создали на Земле — проекциями звезд этих созвездий стали пирамиды. Входом в земной Дуат считается область в Гизе.

Причем расположение и ориентация пирамид Гизы относительно Нила с поразительной точностью соответствуют положению звезд Ориона, центра небесного Дуата, на западном "берегу" Млечного Пути (небесного Нила). И это уже не безумная гипотеза, а факт, подтвержденный кропотливыми исследованиями ученых.

Что касается людей, созданных Ра "из собственного глаза", то до сих пор главной загадкой человечества, его основным отличием от животного царства является не столько способность создавать орудия труда, но способность мыслить и анализировать. И если наш мир мистики иногда называют "сном Бога", то почему бы населяющих его людей не назвать его мыслеформами. Возможно, это не так уж несправедливо, во всяком случае, сам Ра на это намекает.

Боги-атланты не могли быть прямыми предшественниками человеческой расы, поскольку относились (как на то прозрачно намекает Платон в "Тимее" и "Критии") к классу земноводных существ ("дети Посейдона"). Однако наделять стадо первобытных прагорилл способностью мыслить и осознавать окружающий их мир было вполне под силу и богу, и его симбиотическому органу — Оку.

Если принять эту концепцию, то находятся объяснения и существованию райского сада — Эдема (где еще могли проводиться первые опыты над носителями будущей цивилизации?), и теории единого межчеловеческого праязыка, разделенного после дерзкой человеческой аферы с Вавилонской башней, и практически одновременному наступлению на всей планете бронзового века...

Человек стал наследником некой погибшей працивилизации, он принял это наследство (в виде древних знаний) с согласия и по прямому волеизъявлению предыдущих хозяев Земли, но, увы, не сумел удержать в себе этих знаний, поскольку его наставники не приняли во внимание одной анатомической особенности строения человеческого тела.

Дело в том, что человек обладает мозгом, разделенным на два полушария. Одно из них отвечает за чувственную сторону человеческого разума, другое — за логические и аналитические его способности. Вечно стремившийся вкушать от Древа Познания, человек презрел древние таинства и ринулся в объятия наук без приставки "ал". Наша книга показывает, как на протяжении последних двенадцати тысяч лет человек шел к осмыслению своего истинного места в этом мире.

Столица первой династии

Древнейшая история Египта, к сожалению, малоизвестна. Весь период примерно от 10000 до 3000 лет до н. э. принято называть до династическим. А возможно, история цивилизации долины Нила гораздо древнее, чем принято сей-

час думать. Но об этом будет рассказано позднее, когда речь пойдет о Великой пирамиде и Сфинксе, ставшем на многие тысячелетия символом Египта. Почему же период, охватывающий по крайней мере целых семь тысячелетий, назван "додинастическим"? Ведь согласно Манефону, составившему в IV веке до н. э. по древним анналам список всех фараонов всех египетских династий, фараоны правили государством и прежде... Однако "недостатком" списка Манефона для нынешних ученых являются, во-первых, фантастические имена первых правителей (ибо многие из них впоследствии стали богами), а во-вторых, отдельные сроки царствования, тоже небывалые: они доходят до тысячелетий. Для египтян же тут все было понятно: ну да, сначала нами правили боги, а потом люди... Тысяча лет — не самый большой возраст для бога...

Египтологи полагают, что древнейший Египет был раздроблен и состоял из 42 государств: 20 из них составили позже Нижний Египет, а 22 — Верхний. Примерное деление объединенного Египта на провинции (по-гречески "номы") соответствует местоположению прежних самостоятельных государств, и номархи (наместники) правили в прежних столицах, при этом подчиняясь фараону, восседавшему на престоле обоих Египтов.

Считается, что первым объединителем Египта стал фараон Нармер, правитель Верхнего Египта, а сын его Менее завершил объединение. Впрочем, значительное число ученых отождествляют два этих имени.

Как бы то ни было, любое событие, касающееся общей судьбы нескольких государств, не проходит безмятежно и бескровно: и Нармер, и Менее были великими завоевателями.

Завершив объединение страны, 5000 лет назад Менее соорудил на рубеже Верхнего и Нижнего Египтов небольшую крепость Мен-нефер (иногда ее называют Мен-нефер-Пепи — из-за того, что она находится в непосредственной близости от пирамиды Пиопи I, правившего 50 лет, сын ко-

торого Пиопи II, правивший 94 г., превратил Египет в могучую державу, из-за чего египтяне считали потом эпоху правления Пиопи эпохой расцвета). Однако Форт Менеса недолго оставался символом нового порядка: невдалеке от него владыка заложил столицу Мемфис, которая на протяжении сотен лет оставалась центром египетской цивилизации, а потом — также играла свою значительную роль в жизни страны.

С фараона Менеса, основателя I династии, в науке официально считаются династии египетских фараонов. Династий всего тридцать. А принятое деление истории государства на периоды относит период правления первого фараона к Раннему царству (3000 — 2635 гг. до н. э.).

Город Мемфис может быть интересен современному читателю еще и тем, что после смерти фараона-реформатора Эхнатона, на имени и деяниях которого мы обязательно остановимся, а также разрушения его столицы Ахетатона вдова фараона Нефертити не рискнула жить в великих Фивах, а отправилась в Мемфис, под защиту бога Пта.

Кстати, одно из названий Мемфиса — Хикупта (Крепость духа Пта), от него скорее всего пошло наше искаженное — Египет, сохранившееся по сей день. Сами древние египтяне называли свое государство Кемт (Черный). Это название связано с основой основ жизни Египта — нильским илом (черной землей), в отличие от иной земли — земли пустынь, красной и засушливой, на которой ничего не росло.

Интересно, что это самоназвание, стремящееся связать государство именно с землей, земледелием, многое может рассказать и о египтянах, и о том, зачем и для чего же произошло такое дружное и серьезное объединение разрозненных государств. Дело в том, что Нил разливается только в определенный период, и плодородные земли оказываются затопленными нильской водой. Зато потом наступает засушливое время, когда нет ни этой нильской воды, ни дождей. Для того чтобы заниматься земледелием, народу Егип-

та пришлось придумать сложную систему каналов, подъемов и спусков воды, шлюзов и колодцев. Эта система должна была находиться в образцовом состоянии не только, скажем, в Фивах или Мемфисе, но и по всей долине Нила, где и существовала Египетская цивилизация. А это влекло за собой необходимость в громадном количестве рабочей силы — по восстановлению пришедших в негодность сооружений или строительству новых. Также необходима была четкая система управления, администрации каналов: ведь вода нужна была абсолютно всем — и фараонам, и жрецам, и самым бедным крестьянам-земледельцам, и среднему классу. Какой-нибудь мелкий князек-самодур мог испортить громадные пространства орошаемой земли.

Оттого и получилось так, что наилучшей системой администрирования стала система власти, во главе которой стоял один человек — фараон, а остальные безоговорочно подчинялись ему, в том числе и местные царьки — наместники.

Объединение Египта произошло и по другой причине: на границе IV и III тысячелетий каменные орудия труда стали быстро заменяться на металлические (правда, железа еще не было: была бронза), и уже недалек был тот день, когда в Египте появились настоящие железные изделия — орудия земледельчества, ремесленничества и военного искусства. На рубеже эпох, это известно довольно точно, в Египет наверняка уже потоком шли продукты африканской металлургии — в основном из Зимбабве. А также изделия металлургов из Средней и Передней Азии: во всяком случае, медь с давних времен поступала египтянам именно оттуда, так что торговые пути были вполне налажены.

И третья причина, которая в эпоху развития торговли, наверное, стала главной: острая проблема безопасности государства и народа. По побережью Красного моря и океана кочевали дикие племена. Они время от времени совершали нападения на плодородные долины, захватывая добро и убивая земледельцев, уводя в плен жен и детей. Из Ма-

л ой Азии Египту также грозили завоеватели. О них мы расскажем позже. На запад от долины Нила простиралась громадная пустынная сухая земля, в сердце которой и сейчас находится самая большая в мире пустыня Сахара. Если когда-то она была цветущей и полной жизни, то теперь к западу жили только отдельные племена, сменявшие друг друга в поиске небольших оазисов: оттуда египтянам могла грозить только смерть. Недаром все захоронения умерших в древнем Египте были в основном на западном берегу Нила — Запад считался страной Ночи и Смерти.

Находки археологов, даже очень близкие к западному берегу Нила, даже из эпохи Раннего царства, говорят о том, что в то время на западе Африки жили крайне отсталые племена. Их захоронения примитивны и почти не содержат следов ритуала, свойственного неолиту или бронзовому веку. Более того: расчлененные костяки людей, закопанные в этих немногих могилах, говорят о том, что трупы, прежде чем похоронить, съедали. То есть египтянам грозили самые настоящие каннибалы.

Итак, с началом третьего тысячелетия до н. э. Мемфис сделался столицей Египта. С этого времени и ведет отсчет

более или менее известная теперь египетская история. Систематическое изучение истории Египта началось с наполеоновского Египетского похода, по справедливости должного именоваться безответственной авантюрой. И наверное, единственная его положительная роль состояла в том, что с этой военной компании начался расцвет египтологии.

В год рождения Пушкина наполеоновский генерал

Дессекс и его славная дивизия волею судьбы оказались в среднем течении Нила. Совсем немного оставалось до древней Нубии, страны чернокожих золотодобытчиков, одной из основ процветания знаменитой XVIII династии египетских фараонов. Впрочем, ни сам генерал, ни молодой генерал Бонапарт еще не знали истории Нового царства, распадов и возрождений столиц и государств древнеегипетских царей. И если Наполеон, вторгаясь в Африку, догадывался о колоссальном значении Египта для мировой истории и предписал все находки древности отправлять в Париж, то для офицеров и солдат не существовало тамошних святынь.

Тем более вызывает восхищение реакция войска Дессекса — когда перед ним вдруг открылась величественная колоннада храма Амона, солдаты салютовали древним руинам! Это был так называемый Южный Дом Амона, что по сей день впечатляет в Фивах.

Фивы сделались богатым и процветающим городом задолго до того, как стали столицей обоих Египтов — Верхнего и Нижнего. Усиление этого города, ныне покоящегося в "пыли веков", относят к началу XI династии, а к 2000 г. до н. э. он был уже фантастически богат. И в тот период некоторое время он исполнял роль столицы Египта, пока основатель XII династии Аменемхет I не перенес свою резиденцию в район Фаюма, находившегося ближе к центру страны. Во времена владычества гиксосов — кочевых завоевателей неизвестного происхождения — Фивы сохранили относительную самостоятельность, благодаря которой Египет затем не только восстановил независимость, но и расширил свои владения далеко за пределы долины Нила.

Фараоны XVII династии Секененра и Камос начали великую освободительную войну, которая в 1560 г. до н. э. завершилась изгнанием гиксосов и полным освобождением Нильской долины. Это произошло уже при Яхмосе I, основателе XVIII династии. Как выяснилось позже, он стал и "основателем" Нового царства, просуществовавшего 500

лет. Впрочем, деление истории Египта на царства и периоды несколько условно, здесь историки следуют первому династическому летописцу Манефону. Учитывая то, что в числе первых фараонов числятся боги (Атум, Ра, Осирис, Сет, Гор, Тот и т.д.) а некоторые имена, не нашли подтверждения в исторических памятниках, известных науке, принято весь этот список относить к так называемой додинастической эпохе, которая простирается до VII — VIII тысячелетия до н.э. и глубже. Династии же официально считают с Менеса I, объединившего Верхний и Нижний Египет.

Итак, Яхмос I сплотил страну, вторгся в Южную Палестину (из-за чего гиксосов многие считают семитским племенем), вернул Египту потерянную в войнах с гиксосами Северную Нубию. Не менее победоносные войны вели Аменхотеп I, Аменхотеп II, Тутмос I и Тутмос III. Громадная империя прекратила войны только в период царствования Аменхотепа III, отца знаменитого Эхнатона.

Фивам история Египта обязана тем, что некогда мало-значительный бог Амон — всего лишь один из многих и многих местных богов — сделался главным богом египтян.

Правда, фиванское жречество пошло на ухищрение: зная, что бога Ра им никак не свергнуть, к имени оно Амона добавило "приставку" Ра. Именно этого главного бога Амона-Ра и сбросил с пьедестала "еретик" и реформатор Эхнатон.

Укрепление Амона сопровождалось прежде всего усилением столичной знати, а над нею — мощного жречества Амона. Со всей страны в дар новоявленному божеству присылались богатые подарки, отводились плодородные земли, отдавался самый лучший скот. Тучные стада мифического хозяина не могли принадлежать никому: ими владело верховное жречество. Оно настолько выросло в собственных глазах и в глазах народа, что еще за 200 лет до реформы Эхнатона его предшественники, в том числе и прапрадед Тутмос III, и отец Эхнатона Аменхотеп III пытались ограничить власть Амона. Но могущественным владыкам

оказалось не под силу то, что с видимой легкостью удалось женственному и апатичному фараону — мужу знаменитой красавицы Нефертити... История Ахетатона — пленительная загадка не только Нового царства, но и всей истории Египта.

В отличие от строгой геометрии Саккары, Гизы, Абесира, Стовратные Фивы отличаются богатой и разнообразной архитектурой. Здесь собрано столько стилей, сплетено в единый ансамбль столько художественных направлений, что нынешние Луксор и Карнак, остатки богатейшего города, можно назвать жемчужиной Нила и древней истории планеты.

Луксорский храм был заложен, вероятно, еще в XI династии. В центральной части раскопаны остатки строений фараона Сенусерта I. К сожалению, человечество в своей созидательной деятельности предпочитает ориентироваться на день сегодняшний и совершенно не думает о том, что же скажут о них потомки спустя каких-то полторы-две тысячи лет. В эпоху фараонов (как, впрочем, и в наши дни) памятники архитектуры и культуры не только достраивались, но часто перестраивались и разрушались последующими властителями. И тут не обошлось без политики. Особенно это относится к "деятельности" в Фивах фараона Тутмоса III, при котором власть узурпировала его мачеха царица Хатшепсут. После ее смерти по всей стране и за ее пределами воины воспрянувшего духом пасынка разыскивали стелы, колонны, храмы, обелиски — и все лишь для того, чтобы сбить с них само упоминание о царице.

А она построила очень много, в том числе тридцатиметровые обелиски в Карнаке. Тутмос распорядился упрятать эти величественные сооружения в стену, но отчего-то не законил работу, подняв стену лишь на 20 м. Зато он построил для храма новый зал, который теперь археологи зовут "ботаническим садом": его стены расписаны художниками, на них изображены все растения и животные Египта и вновь завоеванных земель, так что ботаники и зоологи име-

ют редкую возможность заглянуть в "энциклопедию" 3400-летней давности.

Строительством в Луксоре занимались и Аменхотеп III, и Аменхотеп IV (Эхнатон), и фараоны новых династий, особенно Рамзес II. При Аменхотепе III возник так называемый классический стиль египетского храмового строительства, при Эхнатоне — декадентский (впрочем, больше всего — реалистический). Даже Тутанхамон успел внести свой вклад: перед входом в храм Амона он построил колоннаду. А Рамзес II пристроил к северной части храма пилон и двор, соединивший с храмом молельню, возведенную Тутмосом III, завершив тем самым единый ансамбль. А вот зал для священной барки, построенный царицей Хатшепсут в Карнаке, перестроил... Александр Македонский. Он не только был восхищен древней архитектурой Фив (фараоны называли этот город Уасстом, или Нэ, а Фивы — имя греческое), но и назвал себя сыном Амона-Ра! У стен храма древние римляне разбили военный лагерь. Искаженное его название дало теперь городу имя Луксор.

В отличие от Александра, похитившего у фиванского бога право называться его сыном, Рамзес II не похищал в Фивах ничего. Наоборот, он много построил и перестроил. И давал, давал, давал... Давал чужим постройкам (Аменхотепа III и Тейе) свое божественное имя. Так фараоны поступали до него, поступали и после. Святилище в Карнаке заложено во времена Среднего царства. Две тысячи лет строили здесь фараоны. Комплекс в Карнаке включает в себя храм Амона, храмы Гора и Пта, прямоугольное озеро, существующее по сей день.

Прежде в комплекс входили святилище бога Монту (бог Фив, предшествовавший Амону во времена Древнего царства), святилище богини Мут. Построенное Аменхотепом III, это святилище было украшено сотнями гранитных скульптур богини Сехмет. Рамзес II продолжил также строительство колоннады, начатое Сети I (между двух пилонов, таким образом создав колонный зал, который считается

сейчас самым монументальным в истории архитектуры Египта). По оси зала расположена колонная галерея Аменхотепа III: высота колонн 23 м. Строительство одного из пилонов, замыкающих колонный зал Рамзеса, закончилось уже при Птолемах, а время начала строительства неизвестно. В юго-западной части комплекса находится храм бога Хонсу. Его построил Рамзес III.

Храм Амона и храм Мут были соединены с Южным Домом Амона длинной дорогой, уставленной сфинксами. На них высечено имя Аменхотепа III.

Но не одними храмами во славу богов и богинь знамениты Стовратные Фивы. Когда-то этот город украшали поминальные храмы. От них мало что осталось. Например, от заупокойного храма Аменхотепа III сохранились лишь колоссы Мемнона — магические, когда-то поющие колоссы! Это две громадные тронные статуи самого фараона.

Дворцовый комплекс Рамзеса II сохранился плохо. "Победителя хеттов" при Кадише (Рамзес откровенно лгал потомкам!) каменотесы увековечили в галерее между первым и вторым дворами: стены ее покрыты барельефами с эпизодами из той битвы. Лучше всего сохранился второй двор, уставленный по периметру статуями Осириса.

Плохо сохранились заупокойные храмы Хатшепсут и Ментухотепа I.

Лучше всего сохранность дворцового храма Рамзеса III.

И все же не раскопки храмов, проводившиеся знаменитостями — Мариеттом, Шеврье, Легреном (названы лишь французы), не внушительные остатки прежнего величия принесли в XIX веке славу Фивам. Причем Легрен в 1903 г. сделал удивительнейшее открытие, обнаружив гигантскую яму, заполненную древними скульптурами и обломками прежних изваяний, разрушенных предположительно Ашшурбанипалом, когда этот ассирийский завоеватель сжег и разграбил город в VII веке до н. э.

Настоящую славу Карнаку и Луксору принесла Долина царей — драматическая история длительной и кропотли-

вой работы по раскопкам царских гробниц. Как правило, разграбленные еще во времена фараонов, они доставляли и новые сведения, и разочарования. Двадцатый век принес не только открытие американцем Теодором Дэвисом гробницы царицы Тейе (над загадкой Золотого гроба бьются ученые и по сей день), но и поистине археологическую сенсацию: знаменитый именно своим открытием Говард Картер в 1922 г. раскопал нетронутую гробницу мальчика-царя Тутанхамона.

Исчезли язык и культура Древнего Египта. Сегодня местность, где стояли прежние Фивы, населена людьми, пришедшими сюда гораздо позднее. Нет города. Есть небольшой комплекс и городок Луксор и деревушка Карнак на восточном берегу. Есть туристический комплекс Долины царей на берегу западном. У стены храма Амона в Луксоре висится мусульманская мечеть.

От города не осталось ничего, кроме нескольких храмов и гробниц, высеченных в скале. Можно утешиться мыслью о том, что в прежние времена городское строительство шло с применением необожженного, сырцового кирпича. Именно он-то и рассыпался.

Загадка Великой пирамиды

"Все боится времени, — философски замечали древние греки, но тут же уточняли: — Но и время боится пирамид".

Существующая уже по крайней мере 4600 лет (по последним предположениям 10000-15000 лет) Великая Пирамида в Гизе около Каира в Египте самое большое и самое загадочное здание в мире. О нем написано больше, чем о каком-либо строении. Проводя исследования в скале, точно записывая измерения основных геофизических данных, ортодоксальные археологи все еще настаивают, что это колоссальное сооружение — всего лишь огромное надгробие, построенное около 2600 г. до н. э. для фараона Хуфу (Хеопса).

Прочно занимая первое место среди всевозможных чудес света, пирамиды с незапамятных времен обеспечивают Египту бесперебойный приток туристов, ученых и... завоевателей.

Имеющая высоту 136,2 м, 203 ряда кладки камней, с которых давно содрали облицовку из полированного белого известняка (который все еще венчает вторую пирамиду Хефрена поблизости), Великая пирамида обладает вдвое большим объемом и массой, в тридцать раз превышающей знаменитый американский небоскреб Эмпайр Стейт Билдинг. Выровненная по основным точкам окружности до двенадцатой части градуса (ошибка, вызванная смещением осей со времени строительства), ее основа со сторонами каждая длиной 233 м и площадью в 526000 м² является плоской с точностью до доли сантиметра.

Ее примерно 2 300 000 каменных блока весят в среднем по 2,5 тонны; но некоторые достигают 70 тонн. 115 000 блоков облицовки покрывали 85 000 м. Их обточили и уложили так, чтобы в местах стыков толщина шва достигала одной доли миллиметра. Это только начало тайны.

Поставленная в центре геометрического квадрата, образованного дельтой Нила, пирамида находится на самом длинном проходящем по суше меридиане на поверхности Земли и в географическом центре массы Земли, включая обе Америки и Антарктику. Четыре пологих ребра с углублениями под углом 51 градус 51 минута и 14,3 секунды поднимаются к верхней платформе.

Вершина пирамиды отсутствует. Некоторые утверждают, что пирамида была преднамеренно оставлена недостроенной как образ человеческого несовершенства.

Если спроецировать вершину теоретически, угол наклона дает отношение высоты пирамиды к периметру основания, равное отношению радиуса круга к длине окружности.

Иными словами, поделите расстояние вокруг основания на высоту и получите число "Пи".

Пи — не единственное чудо. Из нескольких единиц измерения Священный Локоть (около 62,5 см, одна десятимиллионная от среднего полярного радиуса Земли, как определено в течение Международного Геофизического Г. [1957-1958]) найден в составных частях, сделав пирамиду учебником геофизических и астрономических данных.

Сторона основания составляет 365 242 Священных Локтя — точное число дней в солнечном году. Другие размеры, полученные на сторонах с углублениями, как установлено в 1920-х гг. инженером из Лидса Дэвидом Дэвидсоном, точно представляют звездные (365,256) и аномальные (365,259) годы. "Пирамида", или "Примитивный Дюйм" (1,00106 дюйма: 1/25 Священного Локтя), также подразумевается в повторении определенных величин. Размеры точно 365,242 минуты найдены в комплексе Королевской Палаты. Также найден Королевский Локоть: 20,63 британского дюйма.

Размеры, полученные из этих частей, дают величины для эксцентricности орбиты Земли (0,004 минимум, 0,019 максимум), расстояние от нее до Солнца (92 992 270 миль) и длину цикла прецессий равноденствий (25,826.4 лет).

Древнегреческий историк Геродот первым выдвинул идею, что пирамида — всего лишь гигантское надгробие. Как прародитель Мистерий, он, возможно, замаскировал все, что еще знал в метафоре. Спустя 2200 лет после предполагаемой даты строительства Геродот говорит, что на пирамиде работало более 100 000 человек. Современные оценки предполагают, что, для того чтобы построить такое сооружение, требуется 20-30 лет. Камень для основания был местный, но гранит, обрамляющий Королевскую Палату, и известняк для облицовки привезли из другого места. Наиболее популярная конструктивная теория связана с тем, что гигантские камни бригады буксировали по уклону, толкая или передвигая с помощью рычагов на нужное место. Старое поверье, будто камни перемещались при помощи волшебных сил талисманов, эхом отзывается в современных утверждениях, что они были буквально "поставлены со свистом" на место методами не сохранившейся звуковой науки — так, гласит легенда, транспортировал Мерлин в Англию мегалиты Стоунхенджа. Метод строительства пирамиды остается такой же великой тайной, как фактическая дата строительства. Но построил ли Хеопс пирамиду или просто повторил более старую конструкцию?

Провидец Эдгар Кейси утверждал, что строительство здания началось в 10490 г. до н. э. (вскоре после падения Атлантиды) и длилось столетие. Он также уверял, что в пирамиде, в выражениях углов проходов, в типах скалы и во внутренних расстояниях было предсказано будущее наций и развитие мировой религиозной мысли.

Великая пирамида отличается от других пирамид в комплексе Гизы не только точностью и размерами, но и внутренним устройством. Во всех девяти пирамидах Гизы туннель спускается к последней палате в основании.

Великая пирамида имеет Поднимающийся Проход. Он идет от Спускающегося Прохода до Великой Галереи. Далее Горизонтальный Проход ведет в Палату Царицы, а грубо вырубленная Шахта Колодца углубляется до соединения со Спускающимся Проходом около Подземной Палаты и последнего прохода в тупик. Великая Галерея продолжает тянуться вверх через вестибюль к Королевской Палате, где находится саркофаг из красного гранита. И Палата Царицы и Палата Царя имеют две воздушные шахты. Они идут вверх под углом через 54 м твердой скалы.

Учитывая, что мумия, в общем-то, не нуждается в свежем воздухе и, даже наоборот, лучше сохраняется без него, можно полагать, что этим вбит еще один гвоздь в гроб теории надгробия.

Позже значение входа было изрядно подзабыто. Геродот в 440 г. до н. э. упоминает дверь в северной стороне. В 24 г. до н. э. Страбон упоминает "подвижный камень", который в "поднятом положении" дает доступ к "наклонному проходу". Но в 820 г. н. э. Халиф Аль-Мамун (сын Гаруна Аль-Рашида), услышав, что в пирамиде содержались древние карты Земли и небес, велел своим людям рубить в седьмом ряду кладки в центре северной стороны. Они не нашли никакого прохода, но, услышав грохот падающего камня, стали рыть в направлении звука, чтобы найти Гранитный Затвор, блокирующий Поднимающийся Проход, по-видимому, неизвестный Геродоту или любой другой авторитет-

ной личности. Упавший камень, скрывавший затвор, был установлен в крыше Спускающегося Прохода, загораживая и сам затвор, и находящийся выше проход. Оба были сделаны, когда пирамиду уже построили. Так Аль-Мамун нашел не только Спускающийся Проход и изначальный вход ("от центра" в девятнадцатом ряду), но и вход на опоясывающую, в 8,5 м высотой и 50 м в длину, Великую Галерею, Палату Царицы и Королевскую Палату с пустым саркофагом.

Современные исследования начались на тысячу лет позже, с завоеванием Египта Наполеоном. Он провел ночь один в Королевской Палате. Ученые девятнадцатого столетия (Пьяцци, Флиндерс, Джон Тейлор и другие) рассмотрели пирамиду изнутри и снаружи. Полковник Говард Вайс (1836) пробовал пробить собственный путь. Но ему не удалось найти никакой поделки или надписи. Что касается саркофага (Тейлор считал его стандартным по объему), то в пирамиде он был пуст. Интерес повернулся к расшифровке геометрии и измерений. Вскоре было признано, что они включают геофизические и астрономические данные.

Эти данные бесспорны. Сделаны и намного более ошеломляющие утверждения. Некоторые говорят, что внутренние особенности пирамиды представляют собой закодированное пророчество; духовный проект человеческого развития. Эти "пророчества пирамиды" кажутся такими же причудливыми, как открытие (Уолтером Сименсом), что пирамида генерирует в своей вершине значительное статическое электричество, или такими же странными, как теория, что геометрические формы, найденные в пирамиде, производят собственную энергию, или столь же будоражащими, как вера оккультистов (Е.Блаватская) что египетские жрецы использовали структуру пирамид, чтобы преподать кандидатам опыт астрального проектирования и реальности жизни после смерти.

Возможность последнего предполагалась благодаря опыту, зарегистрированному Полем Брайтоном, в то время как

Эдгар Кейси, который назвал пирамиду Залом Посвященных, настаивал, что скоро, во время сильных землетрясений, сообщение пирамиды наконец-то будет расшифровано, и между Сфинксом и Нилом обнаружится "Зал Записей".

Доктор Поль Брайтон, много путешествовавший в 1930-е гг., английский оккультист и писатель, был одним из последних, кому удалось получить разрешение провести ночь в царской камере. Запертый в пирамиде, он постился три дня, а затем пролез по галереям в Королевскую Палату, сел у гранитного сундука и выключил свой светильник. В темноте его окружили жуткие духи-элементали. Позже пришли благожелательные существа в регалиях высших жрецов Египта, чтобы провести его через секретные ходы, соответствующие секретным ходам сознания.

Это ощущение было связано с астральной проекцией. Он описал свое состояние, как "парализующую летаргию", которая заползла в него, и он впал в полусонное состояние.

"Я чувствовал себя опавшим внутрь своего сознания, — писал он, — словно я падал к центру своего мозга... Затем было окончательное сумасшедшее завихрение в мозгах. У меня возникло ощущение, что я попал в тропический вихрь и он поднимает меня через узкую дыру вверх. Затем наступил ужас, что я вылечу в бесконечное пространство..."

Напомним, что рассказ об "узкой дыре" занимает центральное место в шаманской традиции.

В мае 1964 г. в Египет на торжества по случаю завершения строительства первой очереди Асуанской плотины прибыл Н. С. Хрущев. Строительство Асуанской ГЭС, осуществлявшееся с помощью СССР, было важнейшим событием во взаимоотношениях двух государств. За несколько дней до возвращения на родину глава советского государства остановился во всемирно известном отеле "Менахаус", расположенном близ пирамид в Гизе. Ему предстояло участвовать в обширной культурной программе, основной частью которой был осмотр пирамид.

Но внезапно из Москвы по каналам КГБ пришла зашифрованная телеграмма. Она предписывала Никите Сергеевичу не входить в пирамиду ни под каким предлогом.

Премьер повиновался. Никаких официальных объяснений вслед за этим не последовало. Скорее всего, компетентные органы испугало "проклятье фараонов". Или же у них имелись какие-то секретные данные о влиянии пирамид на человеческую психику? Не хранятся ли в архивах Лубянки какие-то материалы, могущие пролить свет на вопросы, мучающие мировую египтологию?

В 1990-х гг. Роберт Бьювэл обнаружил замечательную вещь, касающуюся египетских пирамид. Поначалу она даже ему самому показалась не очень значительной, но позднее, когда пришлось окунуться в проблему с головой...

Открытие очень интересное: три Великие пирамиды (собственно, Великой называют лишь одну из них — пирамиду Хеопса), расположенные на плато в Гизе друг рядом с другом, оказывается, повторяют расположение звезд Пояса Ориона в ночном небе! Конечно, это все символично и замечательно само по себе: связано с мифологией Древнего Египта, показывает приверженность архитекторов и фараонов своей стойкой от посторонних влияний религии, но... Дальше — больше. Бьювэл стал пристально изучать все обстоятельства строительства гигантских сооружений. На сей раз его интересовала привязка пирамид не только к небесным объектам, но и друг к другу...

Он нашел сногшибательную закономерность: египетские фараоны один за другим, династия за династией, возводили свои пирамиды... в полном соответствии со звездной картой! А Нил — получалось, будто сам собой повторял расположение на небе Млечного Пути... И все привязки, все пропорции были выполнены с такой поразительной точностью... Ученый (сам он палеоастроном, а археология — его второе увлечение) объехал почти все пирамиды, расчертил свои путешествия на карте, чтобы лишний раз убедиться, что все это — не фантазия, что все это — не плод

увлекающегося ума, а самая настоящая реальность. И убедился. И опубликовал свое открытие...

"Не может быть, потому что этого не может быть никогда", — ответил Бьювэлу слет египтологов. Что же возмутило специалистов?

Используя свои профессиональные знания, Роберт Бьювэл вычислил, что ни пирамида Хеопса, ни две другие, расположенные рядом, — брата Хеопса Хефрена и сына Хеопса Микерина — никак не могли быть построены в отведенное им историками время! Момент строительства пирамид отодвигался в такое далекое прошлое, что никак не "ложился" в представления исторической науки.

— Ну и кто же, по-вашему, их построил? Неужели двенадцать тысяч лет назад существовала высокоразвитая цивилизация, способная осуществить подобное строительство?..

— А вот этот вопрос я предлагаю прояснить вам, дорогие специалисты, — нашелся не понятый, но остроумный Бьювэл...

Однако официальная археология отказывается видеть в пирамидах что-либо, кроме надгробия. Возможно, это и так. Но это надгробие человечеству, ищущему возрождение.

Если это надгробие, то оно символическое и спроектировано так, чтобы продемонстрировать процессы, с помощью которых, и ради которых мы воплощаемся, живем и умираем на Земле. Глядя на пирамиду, мы осознаем, что только самый недалекий человек может предположить, что о процессах жизни на Земле мы осведомлены больше, чем наши предки-.

Фараоны великие и проклятые

В начале XIV века до н. э. Египет, управляемый великими завоевателями, превратился в мировую империю, границы которой трудно себе представить: в пределах Афро-Евразии все более-менее значительные государства либо

вошли в состав Египта, либо были зависимы от него. От Каркемиша на Евфрате до средней Европы на западе и от Центральной Африки (четвертый порог Нила) далеко за пределы Черного моря и Каспия на север — кругом были вассалы великого фараона.

Последний из самых удачливых завоевателей из XVIII династии Тутмос III провел 17 блистательных военных походов, и в конце XV века Египет практически ничего уже ни у кого не покупал, забирая все даром. Золото из рудников Куша, серебро из Азии, драгоценные камни, редкие древесные породы, слоновая кость и медь, изделия мастеров Кипра, Крита, Сирии — все стекалось в Египет.

Освободительная война против гиксосов, владычествовавших в Египте более ста лет, завершилась не только успешно, но и принесла новые завоевания самим Фивам (столице великого Египта), когда фараон Яхмос I начал приращивать территории путем войн, а его потомки довершили строительство мировой державы.

С Яхмоса I началась эпоха Нового царства и сама XVIII династия. Правнук Тутмоса III Аменхотеп III уже не ходил завоевывать дальние страны — он только пользовался неограниченной властью и был первым "мирным" фараоном за многие годы.

Однако Аменхотепа III одолевали иные проблемы: насыщаясь немереным богатством, процветала и укреплялась вельможная верхушка государства — чиновники, собственники, военачальники, а главное, жрецы.

Фивы, родина главного бога Египта Амона-Ра, по законам которого была "расписана" жизнь каждого египтянина, ограничивали власть фараона с каждым годом все больше. А носителями "запретов" были фиванские жрецы Амона. Их власть укрепилась настолько, что пришла в противоречие с властью фараона. Чтобы лишить жречество реальной силы, сломать ограничения, требовалось кардинальное решение.

Решение подсказывала жизнь: завоеванные народы, жившие по законам своих богов, которых тоже было множество, не понимали и не хотели знать египетского пантеона, поэтому реформа должна была произойти именно в этой важной области.

Выход находил и Аменхотеп III, и даже еще его отец Тутмос IV, пытаясь внедрить в обиход единого для всех высшего бога, которому бы поклонялись в том числе и завоеванные народы. Имя этому богу было — Атон, Солнечный Диск.

Однако противодействие жрецов помешало фараонам завершить начатое, и проблема оставалась, несмотря на кажущееся благополучие.

Перестройка по-египетски

Зачастую на полотнище истории размеренный ход и уклад жизни государств нарушают (и разрушают) яркие личности, в руках которых судьбы народов оказываются игрушкой. Рушатся государства, переносятся столицы, сменяются религии, переселяются целые народы. Однако обладая огромной властью, эти люди на деле оказываются безвольными и ничтожными игрушками собственных страстей — и подводят собственную страну и народ к краю гибели... Нерон, Константин, Монтесума, Наполеон, Петр III, Гитлер... И первым в ряду этих роковых личностей должен стоять проклятый жрецами и собственным народом Аменхотеп IV — он же Эхнатон. А началось все, как полагается,

с торжественного вступления во власть, народных славословий и ликования. Интересно, существовала ли тогда какая-нибудь аналогия популярному десять лет назад в мире слову "perestroika"?

На тридцатом г. правления Аменхотеп III вынужден был провести ритуальный праздник — "сед". Пришедший из глубокой древности, этот ритуал первоначально предполагал убийство фараона, продержавшегося на троне тридцать лет. Но в XIV веке до н. э. этот видоизменившийся праздник путем ритуальных действий как бы "омолаживал" старого фараона, давая ему силы на новый срок. Таким образом, до самой смерти отца Аменхотеп IV правил под его руководством. И немного после смерти...

Скорее всего, свадьбу Аменхотепа IV и принцессы Нефертити назначили незадолго перед праздником "сед": фараоном Египта мог сделаться только муж царицы или дочери царя. Таков был отголосок матриархата, закрепленный в законе наследования трона. Вынужденный брак брата и сестры — обратная сторона этого закона, вызванного необходимостью. Но такой брак вовсе не означал кровосмешения: фараоны официально имели по нескольку жен. Видимо, формализм замужества принцессы тоже давал ей кое-какую свободу... За шесть лет у Аменхотепа и Нефертити родились две дочери — Меритамон и Микетамон. После смерти отца Аменхотеп IV продолжал его политику, и жизнь текла вроде бы вполне нормально... Но вдруг, через два г. единоличного царствования, молодой фараон резко изменил политику! Не считаясь ни с чьим мнением, он объявил Атона (а не Амона) не только единственным, но и единственным богом Египта. Это во многом отвечало интересам провинций (номов), где у каждого завоеванного народа тоже был свой бог Солнца.

Введение единобожия сближало все народы под одним знаменем, отвергало какие бы то ни было отступления от бога (например, в виде поклонения множеству других божеств), рисовало полную и ясную картину государственно-

религиозного управления государством и обществом. Еще реформа преследовала цель, которой не сумели достичь ни отец, ни дед молодого фараона: она очищала власть от влияния фиванского жречества Амона-Ра, сосредоточивая ее фактически в одних руках — руках самодержца.

Жрецы немедленно объявили фараона еретиком! Не идя на открытое вооруженное сопротивление, они всячески поносили царя, разлагая народ.

А реформа пошла вглубь. Аменхотеп отказался от своего имени ("Амон доволен") и принял новое — Эхнатон ("Угодный Атону"), Нефертити ("Прекрасная пришла") стала Нефернефруатон ("Прекрасная красота Атона"), а дочери фараона были переименованы в Меритатон и Микетатон. Принцип "Делай, как я" лег в основу реформы, и в течение короткого времени вся страна, *все ее* население получило новые имена. Отголоски старого бога Амона даже в имени, вероятно, преследовались со стороны фараона, и виновные несли суровое наказание.

Очень скоро имени Амона не осталось ни в именах, ни в обрядах, ни в гимнах. Гимн Атону фараон сочинил лично!

В гробницах того времени — начальников, жречества Атона и вельмож, а также художников, каменотесов, писцов, других ремесленников — гимн Атону встречается почти повсеместно.

Порвав с прошлым, Эхнатон перенес столицу из Фив в совершенно новый город, в очень короткий срок отстроенный в честь бога Атона в 450 километрах севернее Фив, в прекрасной долине, окаймленной горами. Город фараон назвал Ахетатон — "Горизонт Атона". Главное условие, которое поставил фараон: на месте будущего города никто и никогда не должен был служить или приносить жертвы другим богам, кроме Атона. Однако все более-менее удобные для жизни места вдоль Нила были давным-давно обжиты людьми, густо заселены, а следовательно, они не могли соответствовать требованиям Эхнатона. Совершенно случайно обратили внимание на пустынную ложбину,

спрятавшуюся в прибрежных скалах. Фараон был счастлив — наконец-то он обрел искомое!

На позолоченной колеснице, "подобный отцу его — богу Атону", явился фараон на закладку города и торжественно возвестил, что место для новой столицы выбрано самим богом Атоном.

Объем работ по строительству новой столицы был невероятно огромен, при этом строиться следовало в невиданно малый срок. Одновременно возводились: храмы Атона, дворцы фараона, дома знати, здания официальных учреждений, склады, жилища и мастерские ремесленников, разводились сады, копались пруды и колодцы, проводились каналы, завозились земля, строительные материалы, растения. Работы эти возглавляли зодчие фараона — Пареннефер, Туту, Хатиаи, Май, Маанхутеф и другие. А выполняли ее сотни тысяч рабов и свободных крестьян. Каких жертв стоило возведение новой столицы, никто не считал и источники не сообщают. Видимо, не меньших, чем строительство пирамиды Хеопса, а то и гораздо больших.

Город Ахетатон стал столицей не только государства, но нового искусства. За фараоном пошли многие художники и скульпторы, поэты и мастера. Вместе с Эхнатоном они, вероятно, провозгласили новый принцип искусства — изображение жизни без украшательства. И создали подлинные шедевры, одним из которых является скульптурный портрет Нефертити, известный всему миру с 1912 г., со времени находки его в развалинах Ахетатона. Портрет выполнен гениальным скульптором Тутмесом и по счастливой случайности не был уничтожен после возврата к власти жречества Фив.

Ахетатон в основном был отстроен всего за два года, протяженностью он был более 10 км, строений же в нем было возведено столько, что за 80 лет археологических раскопок учеными открыто гораздо менее половины древней столицы.

Главный дворец фараона располагался по обеим сторонам Дороги царей. Вдоль ее западной стороны лежала офи-

циальная половина дворца, вдоль восточной — жилая, к последней примыкало дворцовое святилище Атона.

Обе части дворца были окружены толстыми кирпичными стенами. Соединялись они крытым мостом, перекинутым через Дорогу царей. Мост имел три пролета: средний широкий для проезда колесниц и передвижения воинских

отрядов и два боковых — для пешеходов. В центре крытого перехода было "окно явлений" — декоративно оформленный проем, в котором фараон и его семья периодически показывались народу, раздавая милости.

К жилой части дворца тремя террасами поднимался от Нила великолепный парк с плодовыми деревьями, цветочными клумбами,

прудом и многочисленными павильонами. Финиковые пальмы различных пород были высажены правильными рядами вокруг прямоугольных водоемов. Ряды пальм прерывали беседки, увитые виноградными лозами.

В парадный зал жилой части дворца можно было войти с верхней террасы парка. Здесь стояли сорок две колонны в виде пальм. Они были украшены фаянсовыми вставками — в нижней части коричневого цвета, в верхней — зеленого.

Была здесь и особая трапезная, куда могли войти только представители царской фамилии. У Эхнатона и Нефертити было шесть дочерей. По именам мы знаем трех старших. Первая дочь Меритатон вышла замуж за юношу неизвестного нам происхождения по имени Сменхкара (Эхнатон назначил его своим наследником, но Сменхкара умер почти

одновременно с фараоном-реформатором). Вторая дочь Макетатон умерла в Ахетатоне при родителях. Третья дочь Анхесенпаатон вышла замуж за молодого человека тоже неизвестного нам происхождения Тутанхатона (он же знаменитый фараон Тутанхамон). В Сменхкаре и Тутанхамоне ряд ученых видят либо сыновей Эхнатона от других жен, либо его племянников. Гарем у Эхнатона был относительно небольшой. Но среди других его жен со временем выделилась некая Кийа. Она оказалась счастливой соперницей Нефертити, с которой Эхнатон негласно развелся. Поскольку между фараоном и царицей оставались дружественные отношения и Кийа не могла стать царицей при жизни Нефертити, то она была провозглашена... фараоном (!). Женщина-фараон по своему положению стояла выше царицы, но Кийа этим превосходством ни разу не воспользовалась.

Помимо Главного дворца в Ахетатоне были возведены еще два — Северный и Южный.

Южный дворец был предназначен для увеселений. Посреди его огромного сада был вырыт прямоугольный пруд, сохранившийся до наших дней. К середине пруда шла каменная дамба, являвшаяся причалом для прогулочных судов.

По саду были разбросаны многочисленные павильоны. В каждом павильоне стояли сосуды с вином. Только в одном из них сохранился алтарь для поклонения Атону и во время веселых застолий.

Северный дворец облюбовала себе царица Нефертити.

Предполагают, что именно здесь поселилась она после конфликта с Эхнатоном. Конфликт был серьезный. По косвенным данным, Нефертити до конца дней оставалась преданной культу бога Атона, Эхнатон же к концу жизни стал склоняться к компромиссу с жрецами бога Амона и других богов. Определенную роль здесь сыграла, видимо, Кийа.

Конфликт на религиозной почве и привел к разрыву Эхнатона с Нефертити. Северный дворец славился своим зверинцем — древнейшим зоопарком в истории человечества. На каждой кормушке было высечено изображение того жи-

вотного, которое содержалось в данном месте. Вдоль зверинца шла прохладная каменная галерея, откуда можно было спокойно и безопасно наблюдать за животными. Галерея была покрыта инкрустацией из кусочков фаянса и изображала нильские заросли.

Помимо зверинца в Северном дворце имелось несколько садов, небольших зданий, множество павильонов и храм бога Атона.

В отношении последнего возникает догадка об участии в деятельности Эхнатона старой жреческой касты Ра — жрецов из Гелиополя, древней столицы Египта. Утерявшие свое прежнее значение жрецы вряд ли смирились с тем положением, что Фивы захватили пальму первенства и удерживают ее на протяжении нескольких столетий. Вероятно, "приняв" Атона и оказав молодому фараону поддержку и в какой-то степени покровительство, жрецы все-таки преследовали свою кастовую цель и постепенно внушали Эхнатону возврат к древнему и главному богу Египта — Ра.

Нас же интересует в царствовании самого яркого из фараонов не только XVIII династии, но и всей истории Египта одно: как получилось, что за шесть лет правления Аменхотеп IV практически никак себя не проявил, а затем вдруг — яркий взлет духа, еретичество на грани смертельного риска, и длилось это не день и не год, а целых семнадцать лет, оставивших неизгладимый след в истории!

Думается, информация об Эхнатоне-Аменхотепе очень неполная, и следует поискать вокруг этого имени повнимательней. Болезненный и истеричный, страдавший эпилепсией (такой вывод сделал Элиот Смит, профессор медицины из Каирского музея, обследовавший мумию фараона), способен ли был Эхнатон выдерживать столь чудовищную духовную нагрузку в течение долгих лет? Ведь реформа должна была держать его в постоянном напряжении...

Загадка первая. Очень деятельно осуществлявший реформы, Эхнатон отчего-то вовсе не обращал внимания на донесения верных людей из провинций!

От Египта отхватывали куски территории местные царьки, пользовавшиеся попустительством фараона. Это засвидетельствовано во множестве табличек, найденных в районе Эль-Амарны (деревне на месте бывшего Ахетатона) в 1887 г. Более того, на границах империи шла настоящая кровопролитная война! Эхнатон же не только не организовал ни одного похода (пусть даже под руководством штатного военачальника!), но и не отвечал на призывы о помощи: это засвидетельствовано в последующих письмах тех же людей с мест.

Загадка вторая. Археолог Теодор Дэвис в 1907 г., раскапывая очередную гробницу в Долине царей в Карнаке (Фивы), думал, что нашел захоронение матери Эхнатона Тейе, а оказалось (после многих десятков лет споров), что костяк, лежащий в гробу, несомненно когда-то принадлежавшем царице, — является останками молодого человека в возрасте не старше 22-23 лет.

И это — Аменхотеп IV!.. Но ведь проклятый жрецами Эхнатон, правил (учитывая и софараонство) 21-23 года и умер в 37-38 лет... Как это все понимать?

Создается ощущение, что кроме жрецов Гелиополя за спиной Эхнатона стоял кто-то другой. Для того чтобы понять это, обратимся еще к одной загадке.

Загадка третья. Среди находок Ахетатона — камень и так называемый Южный дворец, в котором, оказывается, жила другая жена фараона — Кийа. А на камне Эхнатон и его жена (Кийа) оба изображены в фараоновских головных уборах. Никогда в истории Египта не было такого положения, чтобы, несмотря на правила наследования трона по женской линии, женщина делалась равной царю. Значит, Кийа — первая женщина, ставшая софараоном мужчины Эхнатона?..

И да, и нет. Поскольку факт этот был бы феноменальным, в первую очередь для их современников, мы обязательно нашли бы его отражение в истории Египта не только в виде безмолвных изображений (камень, кстати, "не до-

рисован"), но и в подробном описании события. Хотя не исключено (и даже скорее всего), что страна была на грани именно такого "нестандартного решения". Что это значит?

Это значит, во-первых, что простолюдинка Кийа захотела слишком много. Во-вторых, что, будучи правителем колоссальной всемирной империи, Эхнатон был совершенно безволен, и из него можно было вить веревки (порази-

тельные напрашиваются аналогии — не правда ли?). А в-третьих, что на страже государственной этики и закона стояла... сестра Эхнатона Нефертити, которая в свое время упустила из виду нарастающую жажду власти, присущую истинной жене брата (царица, сестра, была форм-

альной женой). Разбитый камень с изображением Кийи в фараонском одеянии — результат того, что в один прекрасный день Нефертити вмешалась в ситуацию.

Что же из этого следует?

Сестра (и жена) фараона прекрасная Нефертити, на протяжении всех этих лет занятая государственными делами, замещающая на троне (неофициально) болезненного мужа-брата, была истинным реформатором Египта. Кстати, женщине более присуще и поощрение искусств, которым прославился Эхнатон. Возможно, ею же написан и гимн Атону.

Именно она держала непосредственную связь со жрецами из Гелиополя. Именно она одного из своих зятьев Сменхкару "провела" софараоном Эхнатона и направила царствовать в Фивы, чтобы не упускать фиванское жречество из виду. Самолюбивый Сменхкара после смерти Эхнатона решил продолжать в Фивах (!) его политику реформ — и поплатился за это преждевременной смертью.

Эхнатон умер от болезни, поскольку и так был не очень крепок (хотя не исключено, что болезнь могла быть "наслана" средствами знаменитой древнеегипетской "магии" — могущество египетских жрецов в этом вопросе признавалось во всем мире. Хотя, не вдаваясь в мистику, заметим, что смертельную болезнь мог спровоцировать платок с остатками по-та чумного больного, капля выделений больного холерой, щепотка мышьяка в бокале вина...). Его могилы, видимо, нет вовсе: жрецы не дали бы еретика спокойно лежать в земле. Как не найдена и вряд ли будет найдена могила Сменхкары.

Нефертити, официально принявшей титул "вдовствующей царицы", уже нельзя было оставаться у власти. Она отправилась к тому кругу людей — сановников, жрецов, аристократов, — которые при случае могли бы оказать ей реальную защиту, и уехала в Мемфис, где прожила еще лет двадцать. Другая ее дочь — Анхесенпаамон (получила новое имя, как и ее муж Тутанхамон) — продержалась на троне при трех фараонах Тутанхамоне, Эйе и Хоремхебе. На ней и завершилась славная XVIII фараонская династия.

Таким образом, загадка первая — о попустительстве фараона войнам на границах империи — объясняется просто: женщина, Нефертити, была неспособна вести еще и военные дела.

А вот загадка вторая, вероятно, останется загадкой. Кто же похоронен в золотом гробу из гробницы Тейе?..

Можно предположить, что молодой фараон Аменхотеп IV умер или был убит в раннем возрасте по какой-либо причине. Он не имел ни малейшего отношения к реформам! В его гробнице тихо и мирно упоминаются все боги, кроме бога Атона. Но если он умер, то непонятно, почему пришлось утаивать это и делать вид, что под фигурой Эхнатона скрывается бывший Аменхотеп?.. А если убит, непонятно, почему и это надо было утаивать? Ведь убийство фараона, наверное, не было столь уж редким случаем в жизни Египта.

Утаивать пришлось, вероятно, потому, что смерть Аменхотепа была позорной. Мы же знаем только одну действительно неприятную для страны смерть фараона — того

самого, который погиб, когда гнался за евреями, совершавшими свой Исход. Как известно, фараон тот утонул.

Видимо, факт смерти Аменхотепа необходимо было скрыть от народа. Тогда понятно, почему вдруг возник Эхнатон.

Нельзя было официально стать Тутмосом Пятым или кем-нибудь еще, а также нельзя было носить новому мужу Нефертити, вероятно, брату-близнецу Аменхотепа, имя уже умершего: так родилась "реформа", может быть, предложенная жрецами же. Им это было выгодно потому, что новый фараон под видом старого уж точно был в их руках!

Но разве они могли предположить, что безвольного Эхнатона приберет к рукам волевая и сообразительная царица?

Доказательством версии с Исходом косвенно служит и присутствие при дворе Эхнатона знати из Гелиополя. Возможно, там был и Иосиф Прекрасный? Тогда понятно, отчего так красивы дети Эхнатона, особенно Анхесенпаамон.

А косвенным доказательством, что юноша Аменхотеп IV утонул, служит то, что его мумия — единственная из тех, которые были не потревожены, но тем не менее истлели — набальзамированное тело, много дней находившееся в воде, прежде чем его выловили, мумией не стало.

Самая прекрасная из египетских цариц, Нефертити пережила двух мужей под официально одним именем, измененным только "ради реформы".

Когда на престол взошел фараон Тутанхатон, могущество Египта пошатнулось. Жрецы приписали вину за ослабление страны реформам Эхнатона. Тутанхатон изменил имя свое на Тутанхамон и перебрался обратно в Фивы. За ним потянулся и двор. После смерти фараона Эйе, сменившего рано умершего Тутанхамона, имя Эхнатона было предано проклятью и соскоблено с надписей на домах и храмах. А имя царицы Нефертити соскабливалось еще при жизни Эхнатона, в последние годы его правления. Город Ахетатон был покинут жителями, дворцы Эхнатона разгромили. Таким образом, построенная за два года столица

фараона-реформатора просуществовала всего семнадцать лет. Она стала добычей песка и ветров.

В 1881 г. женщина из племени бен-амарн, проживавшая в селении Телль-эль-Амарна, нашла в пустынном месте близ ее дома глиняные таблички, испещренные иероглифами. Зная, что за них хорошо платят на базаре, она отправилась на другой берег Нила и продала таблички какому-то торговцу.

Именно эта находка в конце концов привела в окрестности Телль-эль-Амарна археологов. В 1891 г. английская экспедиция египтолога Флиндерса Питри начала раскопки Ахетатона.

Но главная находка в мертвом городе была сделана немецкой археологической экспедицией Людвига Борхардта.

Начиная систематическое обследование Ахетатона, археологи условно разбили его территорию на квадраты со сторонами в 200 м. По вертикали квадраты пронумеровали буквами, по горизонтали — цифрами. Поэтому дома Ахетатона обозначаются цифрами и буквами по квадрату, в котором они обнаружены.

Под номерами Р.47. 1-3 в 1912 г. Людвиг Борхард обнаружил мастерские скульпторов. Находились они в центре города, к югу от Главного дворца и недалеко от дома верховного жреца Панехси. Одна из мастерских принадлежала скульптору Тутмесу.

6 декабря 1912 г. в комнате № 19 дома Тутмеса был найден сильно поврежденный скульптурный портрет Эхнатона. Он был в натуральную величину и раскрашен естественными красками. Раскопки продолжились, и в тот же день в двадцати сантиметрах от восточной стены комнаты была замечена выступавшая из кирпичной пыли часть скульптуры — кусок окрашенного в телесный цвет затылка с изображением спускавшихся вдоль шеи красных лент. По примеру предыдущих находок археологи догадались, что это скульптурный портрет царицы в натуральную величину. Так была открыта одна из величайших скульптур мировой истории — портрет царицы Нефертити.

В тот же вечер Борхард, делая записи в рабочем дневнике,

восторженно отметил: "Описывать бесцельно — смотреть!"

Чуть позже здесь же был обнаружен и второй знаменитый скульптурный портрет Нефертити — 19-сантиметровый из кристаллического желтого песчаника.

Археологические раскопки были прерваны первой мировой войной. Возобновились они в 1920 г. Но правительство Египта отказало немцам в праве вести раскопки в Ахетатоне. Согласно предварительным условиям проведения работ все лучшие памятники, обнаруженные во время раскопок, должны были направляться в Каирский музей.

И все же немецкие археологи вывезли бесценный портрет Нефертити и ряд других скульптур в Германию. С 1920 г. концессия на раскопки в Ахетатоне перешла в руки англичан — Английского общества исследования Египта. В настоящее время раскопки Ахетатона продолжаются.

Тайна гробницы Тутанхамона

Лорд Карнарвон, типичный английский аристократ, был человеком увлекающимся. Страстный охотник, потом любитель дерби, затем спортсмен-автомобилист, поклонник авиации, оказавшись из-за болезни лишенным всех прежних увлечений, он обратился к своему другу, директору египетского отдела в Британском музее У. Баджу, с просьбой посоветовать какое-либо интересное занятие, где

не требуется физических усилий. Полушутя У. Бадж привлёк внимание лорда Карнарвона к египтологии.

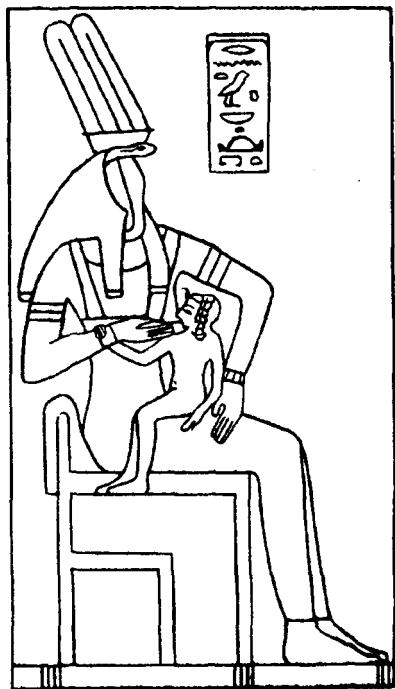
А заодно подсказал имя Говарда Картера — молодого профессионального археолога, работавшего с известными учеными Питри и Дэвисом. То же имя назвал ему и Г. Масперо, директор Египетского музея в Каире...

Удивительным стечением обстоятельств и блестящим совпадением двух рекомендаций начинается эта история.

Теодор Дэвис, открывший много царских гробниц, имел концессию на раскопки в Долине царей. В 1914 г., считая, что вся Долина уже перекопана и вряд ли возможна какая-либо серьезная находка, Дэвис отказался от концессии в пользу Карнарвона.

Масперо в свою очередь предупредил лорда, что копать в Долине царей — дело безнадежное и весьма затратное.

Но английский безумец верил в одержимость Г. Картера! Тот хотел во что бы то ни стало откопать гробницу Тутанхамона. Он почти вычислил ее местонахождение! Дело в том, что, работая с Дэвисом, Картер в разное время нашел фаянсовый кубок из гробницы, изломанный деревянный ларец с золотыми листочками, на которых начертано имя Тутанхамона, и глиняный сосуд с остатками льняных повязок — их забыли жрецы, бальзамировавшие труп фараона. Все три находки указывали, что гробница рядом и что в

ней, судя по всему, еще не побывали грабители, как во многих усыпальницах египетских царей.

Вид Долины царей произвел на лорда Карнарвона впечатление удручающее. Дно котлована, заваленное гигантскими грудами щебня и обломками, зияющее черными провалами вскрытых и ограбленных могил, высеченных в подножиях скал. С чего же начать работу? Неужели ворошить весь этот щебень?..

Но Картер знал, с чего начать. Он провел по плану котлована три линии, соединяющие точки трех находок, обозначив, таким образом, треугольник поисков. Он оказался не очень большим и находился между тремя могилами — Сети I, Меренпты и Рамзеса VI. Расчет археолога оказался настолько точным, что первый удар кирки пришелся как раз над тем местом, где находилась первая ступенька лестницы, ведущей в гробницу Тутанхамона! Но об этом Говард Картер узнал спустя долгих шесть лет — вернее, шесть археологических сезонов, в течение которых шла расчистка завалов щебня.

В первый год Картер наткнулся на остатки каких-то стен. Оказалось, здесь были дома, где жили резчики, каменотесы и художники, занятые работой над царской гробницей. Стены стояли не на скальном грунте, а на щебне, извлеченном из скалы во время строительства гробницы Рамзеса VI. Уважив последнего, Картер решил отодвинуть свой триумф на шесть лет: он начал копать, оставив руины нетронутыми. К этому его подвигло желание не мешать многочисленным экскурсиям, ибо огороженные раскопы загроздили бы и так узкий проход к уже открытой и обследованной гробнице Рамзеса.

Наконец намеченный к расчистке треугольник был полностью освобожден от щебня. Однако следа искомой могилы археолог не обнаружил. Карнарвон, вложивший множество средств в это рискованное мероприятие, склонен был отказаться от задуманного. Умеющий уговаривать Картер убедил аристократа продолжить поиски — "всего один се-

зон"! Каких усилий это стоило уже отчаявшемуся археологу, видно из его дневника:

"Началась наша последняя зима в Долине. Шесть сезонов подряд мы вели здесь археологические работы, и сезон проходил за сезоном, не принося результатов. Мы вели раскопки месяцами, трудились с предельным напряжением и не находили ничего. Только археологу знакомо это чувство безнадежной подавленности. Мы уже начали мириться со своим поражением и готовились оставить Долину..."

3 ноября 1922 г. рабочие стали сносить стены бараков, оставленные Картером в 1917-м. Снося стены, они убирали и метровый слой щебня, находившийся под ними.

Ранним утром 4 ноября над Долиной вдруг установилась интригующая тишина. Картер немедленно помчался туда, где возле свежей ямы столпились рабочие. И он не поверил своим глазам: из-под щебня показалась первая ступенька, высеченная в скале.

К нему вернулся энтузиазм, и работы ускорились. Ступень за ступенью продвигалась группа к основанию лестницы. Наконец вся лестница была свободна, и показалась дверь, заложенная камнями, замурованная и снабженная двойной печатью. Разглядывая оттиски печати, Картер с огромной радостью обнаружил царскую ее принадлежность: некрополь с изображением шакала и девяти пленных. Уже это давало надежду, что грабители обошли гробницу стороной. Само ее расположение и обстоятельства раскопок говорили о том, что, видимо, о ней все давно забыли: каменотесы поленились уносить от чужой усыпальницы щебень, выбиваемый из скалы, и сваливали его сначала на вход в усыпальницу Тутанхамона, а позже — и поверх него. Жрецам же, неусыпно охранявшим входы, это оказалось на руку, поскольку меньше оставалось вероятности, что грабители вспомнят о богатой гробнице. А если и вспомнят, перелопатить столько щебня, чтобы влезть в могилу, врагу не пожелаешь. Потом о гробнице забыли и сами жрецы... А позднее над этой гробницей построили дома

для рабочих, трудившихся в Долине, тем самым окончательно похоронив и "засекретив" место усыпальницы юнши-фараона.

Вверху кладки Картер проделал небольшое отверстие и, посветив в него, заглянул вовнутрь. Он ничего не увидел, кроме камней и щебня. Груды возвышались до самого потолка.

Разуверившегося лорда Карнарвона не было не только в Долине царей, но и в Египте. Картер послал ему в Англию телеграмму. "Наконец, — говорилось в ней, — вы сделали чудесное открытие в Долине: великолепная гробница с нетронутыми печатями вновь закрыта до вашего приезда. Поздравляю".

"То был волнующий момент для археолога, — писал Картер. — Совсем один, если не считать местных рабочих, после долгих лет тщательных усилий я стоял на пороге того, что могло быть великолепным открытием. Все, буквально все, что угодно, могло находиться за этим входом, и понадобилось все мое самообладание, чтобы не взломать кладку и не приступить к немедленным исследованиям".

Чтобы не искушать себя и для большей сохранности гробницы, Говард Картер вновь засыпал лестницу, поставил наверху охрану и сел ждать Карнарвона.

Лорд Карнарвон и его дочь леди Эвелин Герберт прибыли в Луксор 23 ноября. Доктор Алан Гардинер, которого Карнарвон пригласил с собою в поездку, обещал прибыть в первых числах нового года. Доктор Гардинер — знаток папирусов, и его знания могли пригодиться при вскрытии гробницы, ибо первооткрыватели надеялись обнаружить в ней множество надписей, а возможно, и свитки.

Когда лестницу вновь очистили, археологи пригляделись наконец к печатям. Несомненно, одна из них была царской, а другая жреческой: оттиск печати стражей некрополя. Значит, воры все же побывали в усыпальнице. Впрочем, если бы гробница была целиком ограбленной, не имело бы смысла вторично запечатывать ее. И все же это об-

стоятельство сильно испортило настроение Картера, пока расчищали идущий с востока на запад коридор длиной в 27 футов. 26 ноября археологи обнаружили второй замурованный дверной проем.

Картер пишет: "Наконец мы увидели полностью расчищенную дверь. Наступил решающий момент. Дрожащими руками я проделал узкую щель в верхнем левом углу каменной кладки. За нею была пустота, насколько я мог определить железным шупом... произвели пробу воздуха на пламя свечи, на предмет скопления опасных газов, а затем я немного расширил отверстие, просунул в него свечу и заглянул внутрь. Лорд Карнарвон, леди Эвелин Герберт и египтолог Кэллендер стояли рядом и с волнением ждали моего приговора. Сначала я ничего не разглядел, потому что поток горячего воздуха из гробницы задувал свечу. Но постепенно глаза мои привыкли к мерцающему свету, и передо мной из полумрака начали возникать странные животные, статуи и... золото — повсюду сверкало золото! На какое-то мгновение — тем, кто стоял рядом со мной, оно показалось вечностью! — я онемел от изумления. Наконец лорд Карнарвон с волнением спросил:

— Вы что-нибудь видите?

— Да, — ответил я. — Чудесные вещи..."

Один из коллег Картера писал не менее взволнованно:

"Мы увидели нечто невероятное, сцену из волшебной сказки, великолепную сокровищницу из оперных декораций, воплощение снов творящего композитора. Напротив нас стояло три царских ложа, а вокруг них сундуки, ларцы, алебастровые вазы, обитые золотом кресла и стулья — нагромождение сокровищ фараона, который умер... еще до того, как Крит достиг расцвета, задолго до рождения Греции и зачатия Рима, — с тех пор прошло больше половины истории цивилизации..."

Сотни предметов находились в этом помещении, впоследствии названном Передней комнатой, в полнейшем беспорядке, "как ненужная мебель в чулане", по меткому выражению сэра Алана Гардинера.

И только две фигуры в полный рост, симметрично взаимонаправленные, стояли по обеим сторонам замурованного и запечатанного дверного проема, что находился по правой стене. Фигуры были из дерева, пропитанного чем-то вроде асфальта, раскрашенные черными и золотыми красками, на лбу у них были царские уреи, а в руках — золотые жезлы. Каждая из фигур опиралась на длинный посох.

После осмотра содержимого Передней комнаты Картер и Карнарвон поняли значение замурованного входа: "За запечатанной дверью были другие покои, может быть, целая анфилада, вне всякого сомнения... мы должны были увидеть останки фараона".

Постепенно выявлялись другие подробности: скорее всего, грабителей (а они, несомненно, побывали здесь) застали на месте преступления, и они, побросав все, что нахватили, в спешке и беспорядочно бежали, не успев причинить большого вреда. Но не менее беспорядочно поступили жрецы: торопливо засунув обратно в сундуки царские одежды и предметы, из которых мелкие ссыпали туда же, хотя хранились они явно в других ларцах, стражи некрополя столь же поспешно покинули гробницу и замуровали вход в нее.

Впервые за всю историю раскопок Говард Картер столкнулся с вероятностью обнаружить нетронутый царский гроб. Велико было искушение немедленно вскрыть запечатанную вторую дверь, но археолог поступил согласно научному долгу: он объявил, что начнет извлекать из гробницы предметы лишь после того, как будут приняты все меры для их сохранения! Подготовительная работа длилась два месяца.

Тем временем в Каире к Египетскому музею стали пристраивать специальное отдельное крыло для работы и хранения новой экспозиции. От Службы древностей Картер получил специальное разрешение использовать усыпальницу фараона Сети II как лабораторию и мастерскую. В нее переносили по одному предметы из гробницы, предварительно обрабатывали и отправляли в Каир. Были привле-

чены к работе другие археологи — Литгоу, куратор Египетского отдела Метрополитен-музея; Бертон — фотограф; Уинлок и Мейс, тоже из Метрополитен-музея; рисовальщики Холл и Хаузер; Лукас — директор египетского департамента химии. Алан Гардинер прибыл для расшифровки надписей, ботаник профессор Перси Ньюберри — для определения цветов, венков и других найденных в гробнице растений.

В Передней комнате было обнаружено более шестисот предметов, и все они тщательнейшим образом описаны и зарисованы самим Картером.

Многое, с чем столкнулся Г. Картер, было впервые. Первый нетронутый царский гроб, первая по количеству предметов коллекция, первый... ажиотаж вокруг раскопок, поистине всемирный! Ни разу археологи не сталкивались с этой проблемой: сотни репортеров, толпы посетителей, мешающие работать. Мировая печать заранее объявляла свои выводы на ту или иную тему — вплоть до того, что "Тутанхамон является тем самым фараоном, при котором произошел Исход евреев из Египта". Позволил себе далеко идущие выводы и В. Викентьев, писавший с места событий в Москву. По-своему растолковав тесноту помещения гробницы, он решил, что Тутанхамон был перезахоронен, и не единожды — по примеру неприкаянного Рамзеса III, которого жрецы переносили с места на место три раза! Он даже нашел единомышленников якобы в лице Борхардта, Ранке и Бенедита. И при этом путался в именах фараонов и жены Тутанхамона Анхесенпаамон...

Наконец Картер очистил Переднюю комнату и был готов размуровать вход в "Золотой Чертог". Из всех желавших присутствовать при этом событии лишь корреспондент "Тайме" был допущен внутрь.

О вскрытии "Золотого Чертога" рассказывает сэр Алан Гардинер: "Когда Картер снял верхний ряд кладки, мы увидели за ней стену из сплошного золота, во всяком случае, так нам показалось на первый взгляд. Но когда была убра-

на вся кладка, мы поняли, что видим одну сторону огромного внешнего ковчега. Мы знали о таких ковчегах по описаниям в древних папирусах, однако здесь он был перед нами. Во всем своем сине-золотом великолепии он заполнял все пространство второй комнаты. В высоту он почти достигал потолка, а между его стенками и стенами комнаты оставалось не более двух футов.

Сначала внутрь вошли Картер и Карнарвон, протискиваясь сквозь узкое пространство, и мы ждали, пока они вернутся. Когда они вышли, оба изумленно всплеснули руками, не в силах описать, что они увидели. За ними последовали другие, пара за парой. Помню, как профессор Лако сказал мне с усмешкой: "А вам лучше не пробовать: слишком уж вы... солидный". Тем не менее, когда пришла моя очередь, я вошел во внутреннюю комнату с профессором Брэстедом. Мы протиснулись между стенами и ковчегом, свернули налево и очутились перед входом в ковчег с большой двустворчатой дверью. Картер отодвинул засов и открыл эти двери, так что мы смогли разглядеть внутри большого внешнего ковчега, который достигал 12 футов в длину и 11 в ширину, другой, внутренний ковчег с такими же двойными дверями, с еще не тронутыми печатями. Лишь потом мы узнали, что здесь было четыре позолоченных ковчега, вставленных один в другой, как в наборе китайских резных коробок, и только в последнем, четвертом, покоился саркофаг. Но его мы смогли увидеть лишь через год".

А вот — первый подступ к будущей тайне. Говорит сам Говард Картер:

"В этот момент у нас пропало всякое желание вскрывать эти печати, ибо мы вдруг почувствовали, что вторгаемся в запретные владения; это гнетущее чувство еще более усиливали льняные покровы, ниспадавшие с внутреннего ковчега. Нам казалось, что перед нами возник призрак усопшего фараона и мы должны склониться перед ним".

Ах, как он был прав!.. К сожалению, археологи при вскрытии захоронения брали пробы лишь на пламя свечи,

то есть на опасные газы... Как часто рок преследует искателей древностей, особенно в Египте! Мумия, пролежавшая в своей камере, в своем гробу более трех тысячелетий, будто живая, сторожит свои богатства.

Позади усыпальницы искатели обнаружили вход в другую комнату. И она была полна чудес... Археологи назвали ее Сокровищницей. Там стоял ковчег для каноп* фараона, охраняемый четырьмя богинями из золота, золотые колесницы, изваяние бога Анубиса с головой шакала, огромное количество ларцов с драгоценностями. В одном из них, открытом Картером, сверху лежал веер из страусовых перьев, выглядевших так, будто их положили туда вчера... Через несколько дней перья вдруг начали быстро ссыхаться, их едва успели законсервировать. "Однако, — вспоминает Алан Гардинер, — когда я увидел их впервые, они были свежи и совершенны и произвели на меня такое глубокое впечатление, какого я не испытывал и, наверное, уже не испытываю никогда".

Все это происходило в феврале 1923 г. Следом идут события, к археологам имеющие не столь прямое отношение. Возникает проблема с монополией на газетную информацию, которую лорд Карнарвон отдал известной "Тайме". Неимоверно возрос поток посетителей, желающих собственными глазами увидеть сокровища. Наконец, произошла угрожающе нелепая и грязная в своей основе ссора между лордом Карнавоном и Говардом Картером на предмет "дележа" добычи из гробницы. Аристократ уподобился древнему грабителю, требуя "свою долю". Но расчленять уникальную находку, которая и по сей день является единственной в своем роде, было бы непростительно и даже преступно. Хотя бы с точки зрения нас, потомков, и тех, кто придет за нами.

Алебастровые сосуды с крышками, украшенные изображением человеческой или звериной головы; предназначались для хранения внутренностей мумифицированных людей или зверей.

Что заставило чопорного англичанина проявить непротистительный, с точки зрения истории, меркантилизм? Может быть, в те мгновения, что он провел в ковчеге, в него вселился бес?.. Здесь, конечно, скрыта определенная тайна. Многие перестало быть прежним после того, как двадцать человек попарно побывали в "Золотом Чертоге".

"Они обменялись самыми язвительными словами, — пишет Брэстед о Картере и лорде Карнарвоне, — и Картер в ярости попросил своего старого друга удалиться и никогда больше не возвращаться. Вскоре после этого лорд Карнарвон заболел лихорадкой из-за воспалившейся ранки на щеке (его укусил москит). Некоторое время он еще боролся. Но началось воспаление легких, и 5 апреля 1924 г. он умер в возрасте 57 лет. Газетчики приписали его смерть древнему проклятию фараонов и раздували эту суеверную выдумку, пока она не превратилась в легенду".

Однако припомним следующее. Граф Эмон, известный мистик своего времени, не поленился написать лорду: "Пусть лорд Карнарвон не входит в гробницу. Опасность грозит ему, если он не послушает. Заболеет и не выздоровеет". Смертельная лихорадка настигла лорда буквально через несколько дней после события, о котором предупреждали. Ему оставалось жить с 17 февраля по 5 апреля. Противоречивы и заявления близких и врачей. Брэстед говорит о "воспалившейся ране", а другие — об "укусе заразного москита", которого лорд якобы всегда боялся. Человек, не опасавшийся в жизни ничего! Смерть нашла его в номере гостиницы "Континенталь" в Каире. В той же гостинице скончался вскоре американец Артур Мейс. Он пожаловался на усталость, затем впал в кому и умер, не успев передать врачам своих ощущений. Диагноз они поставить не смогли! Радиолог Арчибальд Рид, исследовавший мумию Тутанхамона при помощи рентгеновских лучей, был отослан домой, где вскорости умер "от горячки".

Конечно, не всех египтологов настигла смерть немедленно после вскрытия ковчеге. Благополучно прожили длинную

жизнь леди Эвелин, сэр Алан Гардинер, доктор Дерри, Энгельбах, Бертон и Уинлок. Профессор Перси Ньюберри умер в возрасте 80 лет в августе 1949 г., как Дерри и Гардинер. Сам Картер дожил до 1939 г. и скончался в возрасте 66 лет.

Но пока оставим эту тайну и обратимся к дальнейшим действиям Картера.

Кроме ковчега-часовенки, где хранились мозги, сердце и внутренности покойника, изъятые у него во время бальзамирования, и лежащего на золоченых носилках бога-шакала Анубиса, у стен стояло множество ларцов из слоновой кости, алебаstra и дерева, инкрустированных золотом и голубым фаянсом. В ларцах находились бытовые предметы и несколько золотых статуэток самого Тутанхамона. Здесь же стояла еще одна колесница и модели парусных челнов. Главное, что обнаружил в сокровищнице Говард Картер, — то, что ее-то как раз не коснулась рука грабителя. Все было на тех местах, куда поставили жрецы Амона.

Когда все подготовительные работы были завершены, Картер сам стал открывать ковчег. Как уже говорилось, внутри был вставлен еще один, по убранству ничуть не уступающий внешнему, а сорвав царские печати, археолог нашел еще два ковчега, один в другом, и они были не менее прекрасны, чем первые два. Открыв и их, Картер коснулся царского саркофага. Саркофаг был сделан из желтого кварцита и стоял на алебастровом постаменте. Крышка саркофага была изготовлена из розового гранита. Камнерезы постарались: горельефы с четырех сторон изображали охраняющих саркофаг богинь, обнимающих его руками и крыльями.

Четыре ковчега разбирались три месяца. Мастера соединили их части при помощи крюков и ушек. Чтобы вынести ковчеги, Картеру пришлось разрушить стену, отделявшую "Золотой Чертог" от Передней комнаты.

Гроб покоился под льняным саваном, от времени сделавшимся бурым. Когда его убрали, система блоков подняла тяжелую крышку саркофага. Присутствующие стали

очевидцами ослепительного зрелища: выструганный из дерева золоченый гроб, по форме повторявший мумию, сверкал, будто только что сделанный. Голова и руки Тутанхамона были изготовлены из толстого листа золота. Глаза из вулканического стекла, брови и веки из стеклянной массы бирюзового цвета — все смотрелось "как живое". На лбу маски были обозначены орел и аспид — символы Верхнего и Нижнего Египта.

Важнейшая деталь, о которой предоставим высказаться самому археологу:

"Что, однако, среди этого ослепительного богатства производило наибольшее впечатление, — это хватающий за сердце веночек полевых цветов, который положила на крышку гроба молодая вдова. Весь царственный блеск, вся царская пышность бледнели перед скромными, поблекшими цветами, которые сохранили еще следы своих давних свежих красок. Они красноречиво напоминали нам, насколько мимолетным мгновением являются тысячелетия".

К удивлению ученых, внутри, под крышкой гроба, оказался еще один гроб, изображавший фараона богом Осирисом. Художественная ценность его, украшенного яшмой, лазуритом и бирюзовым стеклом, а также позолоченного, неопределима. Подняв вторую крышку, Картер обнаружил третий гроб из толстого золотого листа, целиком копирующий фигуру мумии. Гроб был усыпан полудрагоценными камнями, на шею фигуры сверкали ожерелья и бусы разных цветов.

Мумия была залита ароматической смолой, а голову и плечи покрывала золотая маска, где лицо фараона было изображено грустным и несколько задумчивым. Выполненные из золотого листа руки были скрещены на груди.

Сняв маску, археологи взглянули в лицо мумии. Оказалось, оно удивительно похоже на все найденные маски и изображения Тутанхамона. Мастера, изображавшие покойного, были самыми "завзятыми" реалистами.

Доктор Дерри, разматывая повязки мумии, обнаружил 143 предмета: brasлеты, ожерелья, перстни, амулеты и кин-

жалы из метеоритного железа. Пальцы рук и ног находились в золотых футлярах. При этом резчики не забыли обозначить ногти.

Удивительным находкам, перечень которых был бесконечно длинным, предшествовали события поистине драматические. Однажды в отелях Луксора появилось следующее объявление:

"Ввиду недостойного поведения и невыносимых ограничений со стороны Департамента общественных работ и Службы древностей все мои сотрудники в знак протеста прекращают дальнейшие работы по изучению гробницы Тутанхамона. Поэтому я должен уведомить общественность, что сразу же после того, как представители печати ознакомятся с гробницей сегодня между 10.00 утра и полуднем, гробница будет закрыта и все дальнейшие работы приостановлены.

Говард Картер".

Дело в том, что продолжалась нарастающая тяжба между Картером и Службой древностей Египта по двум пунктам. Во-первых, наследница лорда Карнарвон претендовала на часть сокровищ Тутанхамона. В этом пункте Картер поддерживал египетское правительство. Во-вторых, Картер был недоволен действиями чиновников, указывавших на то, как именно ему вести раскопки, и допускаявших к гробнице толпы посетителей. В этом пункте Картера поддерживали все ведущие археологи.

Дело закончилось тем, что правительство аннулировало концессию леди Карнарвон, поставило охрану, а Картеру... запретило вход в гробницу!

В один из дней в гробнице была устроена презентация, на которой присутствовали сотни чиновников с женами! Торжество, как и положено вакханалии, завершилось грандиозным фейерверком.

Все это время двое преданных Картеру начальников работ из арабов оберегали сваленные в кучу недалеко от вхо-

да в гробницу личные вещи археолога, глядя на происходящее, как на откровенное богохульство.

В своей книге Картер приводит одно из писем десятичника из египтян:

"Мистеру Говарду Картеру, эскв.

Досточтимый сэр!

Пишу Вам письмо в надежде, что Вы живы и здоровы, и молю Всевышнего, чтобы Он не оставил Вас в своих заботах и возвратил нам в добром здравии, целым и невредимым.

Осмелюсь сообщить Вашей светлости, что склад № 15 в порядке, сокровищница в порядке, северный склад в порядке и дом в порядке, и все рабочие исполняют то, что Вы приказали в своих предписаниях.

Хусейн, Газ Хасан, Хасан Авад, Абделад-Ахмед и все шлют Вам наилучшие пожелания.

Шлю свои наилучшие пожелания Вам. С нетерпением ожидающий Вашего скорейшего приезда,

Ваш покорный слуга

Ахмед Гургар".

Опасаясь, что сокровищница будет разграблена, Говард Картер вынужден был подать в суд. Тяжба тянулась и тянулась. В конце концов, после резкого выпада адвоката Картера, ешпетское правительство прервало все переговоры, и огорченный Картер вернулся в Англию.

Однако вскоре произошел политический переворот, Англия укрепила свои позиции в Египте, и новое правительство позволило Картеру продолжить работы. Тогда-то и были вскрыты три гроба, в которых покоилась мумия.

Десять зимних рабочих сезонов потратил Картер на расчистку, предохранение и извлечение массы предметов.

Говоря о значении находки английского археолога, Алан Гардинер сказал: "Это открытие прибавило немного к нашим знаниям о данном историческом периоде. Фило-

логов гробница разочаровала, ибо в ней не оказалось письменных свидетельств. О самом Тутанхамоне мы ничего не знаем, кроме того, что он унаследовал трон после смерти своего отчима Эхнатона, что он правил всего несколько лет и умер в юном возрасте. Его наследником стал Эйе, престарелый жрец, который при Эхнатоне восславлял Атона. На стенах усыпальницы Тутанхамона он изображен как глава погребальных церемоний во славу своего предшественника. Интересен еще один факт: в гробнице нашли мумии двух мертворожденных младенцев, очевидно, детей Тутанхамона и его юной супруги.

Но если говорить о художественной ценности произведений того периода, то это открытие не имеет себе равных. Ничего подобного не находили раньше, и маловероятно, что найдут когда-либо в будущем. То, что эта гробница после неудачной попытки ограбления осталась не потревоженной в течение 3300 лет, — редчайшая удача...

Для археологии ценность этого открытия заключается не только в найденных сокровищах, а в том, с каким высоким искусством и тщательностью были описаны и сохранены все эти прекрасные вещи".

Сэр Алан Гардинер упомянул одну очень важную вещь: строительство гробницы Рамзеса VI. Почему каменотесы, отбрасывали щебень к подножию скалы, в которой высекали гробницу? Так и кажется, будто вход в усыпальницу Тутанхамона завален нарочно. Но что заставило их поступить так?

Почему, несмотря на сильную охрану некрополя, практически все гробницы были разграблены, а могила Тутанхамона, простоявшая несколько десятков лет нетронутой, подверглась всего лишь одной попытке ограбления, закончившейся неудачей?..

Причину мы, вероятно, найдем, если примем неожиданные смерти в группе Картера, в том числе и гибель лорда Карнарвона, за события одной цепи. Очевидно, группу воров, застигнутых жрецами на месте преступления, постигла

та же участь. Никто не поручится за то, что в скором времени не отправились к праотцам и сами жрецы некрополя, запечатавшие вторично вход в гробницу, куда они второпях сбросили отнятые у грабителей предметы. Видимо, "проклятие", висевшее над усыпальницей юного Тутанхамона, не бред журналистов, а реальность. Воры со стороны больше не прикасались к золоту фараона, как бы им этого ни хотелось. Жрецы тоже не отважились на ограбление!.. Доподлинно ведь известно, что во многих краях из царских могил жрецы участвовали... Посягать на гробницу Тутанхамона никто не решался: в сознании грабителей много веков держался четкий запрет прикасаться к вещам почившего правителя. А завал из щебня, устроенный каменотесами более поздней гробницы Рамзеса VI, выглядит, пожалуй, не как сокрытие от кого-либо следов погребения Тутанхамона — что каменотесам до его сокровищ! — а скорее как ликвидация причин к искушению забраться в гробницу. Видно, легенда о "проклятии", о таинственных смертях и болезнях много веков передавалась из уст в уста. Грабитель всегда рискует, но надеется перехитрить судьбу, охрану, обстоятельства и т.д. Здесь же любой безумец был бы обречен, то есть заранее шел на верную смерть. В результате Картер вскрыл только две печати на замурованной входной двери. Третья (не говоря о четвертой и т.д.) печать на ней так и не появилась, поскольку больше не было попыток ограбления.

И совершенно не прав В. Викентьев, предположивший в своих "Письмах" журналу "Новый Восток" в 1923-24 гг., что Тутанхамон якобы был перезахоронен под гробницу Рамзеса VI: замурованный вход в гробницу юного царя запечатан подлинной печатью фараона, которой во времена Рамзеса VI уже не существовало. Еще одним обстоятельством, указующим на подлинность захоронения, является тот самый букетик полевых цветов, идентифицированных профессором Ньюберри: его могла оставить только любящая женщина. Или... Здесь мы подходим к сложной схеме тай-

ны, многие звенья которой до сих пор не известны и вряд ли станут известны когда-либо.

Каким было "проклятие", кем и для чего оно было наложено на могилу малозначительного юного фараона, который и пожить-то толком не успел? Всякому царю пелись гимны и приписывались "подвиги", коих тот не совершал, а здесь налицо явное отсутствие каких-либо прижизненных заслуг, кроме, конечно, возвращения культа Амона, к которому, по многим соображениям, Тутанхамон все же мало причастен.

Изобилие колесниц и изображений мчащегося на них фараона говорит не столько о божественном его происхождении, а скорее... о мальчишестве царя, который обожал быструю езду. Инкрустированное драгоценными и полудрагоценными камнями изображение на спинке трона, где Тутанхамон и его жена Анхесенпаамон любезничают друг с другом, а она, вероятно, умашивает его благовониями, тоже очень реалистично, даже более того: кажется, что Тутанхамон качается на троне! Что это, как не проявление мальчишества, молодости, непоседливости? Тем более доказано, что портретное сходство фараона потрясающее! Небрежно вскинутая на спинку трона правая рука, в то время как левая покоится на коленях, оторванные от пола задние ножки трона... Мастера будто напрочь забыли каноны, в коих следовало изображать земное олицетворение Амона-Ра. Разве только полуповорот корпуса намекает на канон. Однако здесь художник гениально вышел из положения, сделав позу естественной, оперев фигуру мальчика локтем на спинку. Какое ему, мальчишке, дело до царства?.. Сплошная любовная идиллия. А о том, что любовь между дочерью Эхнатона и Тутанхамоном действительно была, свидетельствуют хотя бы те два мертворожденных младенца, о которых говорит сэр Алан Гардинер. Даже если первоначально любви не было, родительское горе должно было сблизить Тутанхамона и Анхесенпаамон. Возможно, царствие Тутанхамона было чисто номинальным, и

Египтом за спиной подставного царя правила жреческая верхушка?.. Вот и Сменхкара, соправитель Эхнатона, был лицом номинальным. А возможно, отлучение фараонов от власти при нем и произошло. Ведь и он, и Тутанхамон воспитывались в Ахетатоне, в лучах культа единого бога Атона!.. Рисковать фиванские жрецы больше не имели права: слишком высокой была ставка. Жрецы даже похоронили всех трех фараонов "не по правилам". Объявив Эхнатона еретиком, повырезали — кое-где наспех — картуши с именем царя из золотых лент, повыбили его имя, стараясь вытравить его окончательно, из надписей на стенах в гробнице, не поленились "почистить" на предмет искоренения упоминаний об Эхнатоне целый город Ахетатон! А последователя реформ Эхнатона — фараона Сменхкара — они просто-напросто свергли с трона, когда он оказался неугоден, и привели к власти 12-летнего Тутанхамона. Доподлинно можно констатировать лишь одно: в их могилах нет и доли того количества золота и сокровищ, что найдены в гробнице Тутанхамона. Здесь налицо месть жрецов первому и второму царям. Но ведь громадное количество золота обязано быть погребенным вместе с фараоном, оно просто должно было уйти под землю! Оно и ушло: Тутанхамон, самый незначительный из этих трех царей, получил золота за троих. Именно этим объясняется изобилие богатства в маленькой, в соответствии с историческим рангом, гробнице предпоследнего из XVIII династии фараона Тутанхамона. Последним недолго был Эйе, престарелый верховный жрец, возглавлявший похоронную "комиссию" юного предшественника. Несчастная Анхесенпаамон! Эйе женился на царице Египта, убивавшейся по любимому мужу!

В свете же последних исследований зарубежных криминалистов (бывшего сотрудника Скотланд-Ярда Грехэма Мэлвина и профессора медицины невролога Яна Ишервуда), доказавших, что 18-летний царь был убит ударом топора в затылок, становится ясным, — устранение фараона было вынужденным. Вряд ли уж очень стремился на трон

изрядно поживший Эйе, и без того управлявший страной. И уж никак не мог полководец Хоремхеб участвовать в этом "заговоре" вместе с Эйе: наличие на троне безопасно-го Тутанхамона устраивало и того, и другого. Эйе за долгие годы службы при фараонах, конечно, научился распознавать соперников и разве мог войти в сговор с Хоремхебом, который позже сверг его с престола? Скорее всего, Тутанхамон постепенно стал осознавать свое незавидное положение "реставратора Амона", то есть уж очень интенсивно вырастал из "коротких штанишек". Возможно, он даже доверился верховному жрецу, коего при Эхнатоне помнил ярким сторонником единого бога Атона. Впрочем, стать вторым или третьим (учитывая Сменхкара) еретиком ему предусмотрительно не дали. Итак, золото, принадлежащее троим, свалили в одну гробницу Тутанхамона, оставшегося, по легенде, почитателем фиванского божества Амона-Ра. Ну, а раз золота было много, требовалось как-то защитить его. Грабители могил нагтели день ото дня...

И жрецы (узким кругом) нашли способ выставить воровству надежный заслон. Известны десятки ароматических веществ, самих по себе безвредных, но когда их с чем-нибудь сочетать... Первый шаг: в отличие от всех прежних захоронений мумия фараона Тутанхамона была не просто положена во гроб — она была залита сложным составом ароматических смол. Из-за чего она хуже всего сохранилась. А вспомните веер из страусовых перьев, оставшихся мягкими и пушистыми? Вспомните блеск золота, потускневшего лишь через некоторое время, а при вскрытии "Золотого Чертога" — ослепительного? Условия для сохранности мумии в гробнице были идеальными. Замурованный "Чертог" наполнял тонкий аромат, не давая другим предметам постареть и рассыпаться в прах. Первым он поразил, конечно, лорда Карнарвона: всем известно, как восприимчивы астматики к разного рода запахам, даже слабо ощутимым. А ароматы благовоний ощущались при входе в гробницу аж в XX веке!

Пока невозможно доказать наличие определенного злослона против непрошенных посетителей могилы прямыми "уликами". Но в данном случае косвенные факты могут свидетельствовать об этом "пороге" красноречивее фактов прямых и наглядных. Да, не все участники "группы проникновения" умерли странной смертью, не все умерли "сразу". Странные же смерти были, как правило, не похожи одна на другую. Оно и понятно: в могиле зародился сильнейший аллерген, а один и тот же аллерген действует на людей по-разному. Что от него осталось через 3300 лет?.. А как он действовал на современников! Каждый из грабителей должен был умереть. И не похужей на другие смертью. И это произошло почти сразу после погребения: авторы яда должны были убедиться, что яд действует! Не оттого ли столь близко от гробницы Картер и Дэвис обнаружили фаянсовый кубок и деревянный ларец с золотыми листочками, что грабители даже не успели убежать и упали замертво? Ларец позже был кем-то опорожнен, а кубок забыт, как забыт и глиняный сосуд с бинтами для бальзамирования. Почти одновременная смерть грабителей и жрецов охраны должна была произвести должное впечатление на поколения и поколения древних египтян: одни вынесли сокровища из могилы, другие внесли, — но и те, и другие поражены. Значит, **входить в гробницу Тутанхамона нельзя**. Гениально! А что для правящей жреческой элиты — пожертвовать несколькими рядовыми жрецами? Более того: для верности они сами могли спровоцировать грабителей.

И самый главный ход. Скорее всего, убийственным аромат стал при смешении с вполне определенным компонентом. Каким?.. А вспомните венки из полевых цветов! На этот вопрос мог бы дать ответ профессор ботаники Перси Ньюберри, но он, к счастью, не был аллергиком и не верил в газетную чушь. И все же изучить повнимательнее отчет профессора стоило бы.

Бедной вдове Анхесенпаамон кто-то из старших — возможно, верховный жрец Эйе, сделавшийся вскоре ее мужем

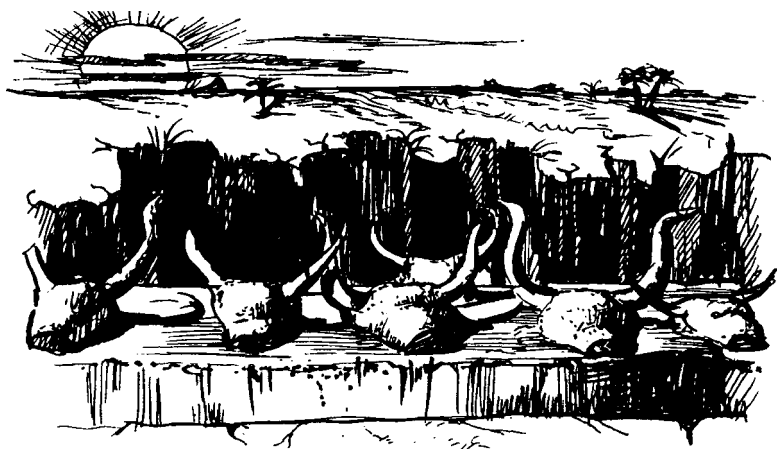
и царем, — по-отечески посоветовал положить на гроб Тутанхамона нехитрый полудетский веночек из полевых цветочков. За час до события — не сам ли он их собрал?.. Об этом никто никогда не узнает.

Впрочем, смерть лорда Карнарвона может объясняться и весьма прозаически. Никогда такого объема сокровищ археологи не находили. Дэвис, несмотря на положенную ему по контракту долю, официально отказался от нее, когда пришло время, в пользу Египта. Не посоветовал ли ему сделать это кто-либо из правительства? Американец, проводивший раскопки на свои средства, знал толк в сделках и принял "предложение". А насквозь аристократ английский лорд посчитал такое же "предложение" оскорбительным для себя... Это вполне могло быть — ведь речь шла о бесценном кладе! Выгоду из смерти лорда извлекло только правительство Египта...

И последняя тайна. Которая может оказаться не тайной, а простым совпадением. Хотя в египтологии совпадения, кажется, не имеют места быть... Мальчик-фараон правил огромной страной всего шесть лет. И ровно шесть лет, с 1917 по 1923-й, понадобилось лорду Карнарвону и Говарду Картеру для того, чтобы, начав вроде бы безнадежные поиски, завершить их главной археологической удачей уходящего века.

ГЛАВА V. Хетты — пращурсы социализма

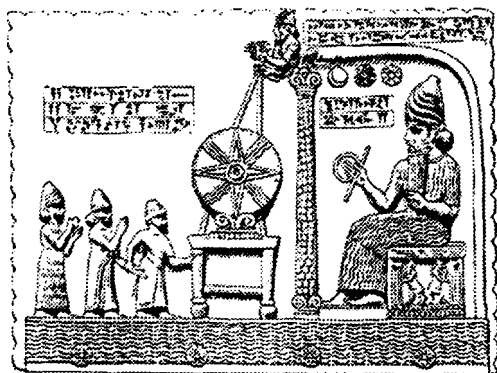

Марксистская наука долго пыталась представить развитие мира планомерно-диалектическим, восходящим по спирали — от первобытного коммунизма к рабовладельческому строю, оттуда к феодализму, затем к буржуазной демократии, и наконец, к истинному Марксову коммунизму. Ленин чуточку подправил "отцов-основателей", вставив одну промежуточную станцию в виде социализма. Брежнев еще чуток подправил, найдя еще один загадочный пункт — "развитой социализм". Увы, никто из этих диалектиков не хотел замечать, что спираль-то получалась замкнутой — от коммунизма к коммунизму, или от дикости к дикости. Что и подтвердил эксперимент с построением коммунизма в одной отдельно взятой стране — Камбодже...

В то же время некоторые ученые утверждают, что подходить к строению древнего общества столь прямолинейно нельзя. И главным доводом стал экономический.

Взять, например, пирамиды. На строительстве пирамид работали тысячи человек, сменявшие друг друга каждые три месяца. Для того чтобы кормить такую ораву рабов, государство должно было вскоре положить зубы на полку. С другой стороны — а что же делали эти тысячи, когда их сменяли вновь прибывшие? Отправлялись на курорты? Распродавались на невольничьих рынках? Возвращались в страны, откуда были угнаны? Или пополняли собой ряды египетского пролетариата? Но в таком случае у самого нищего крестьянина тогда бы в скором времени оказалось по десятку рабов. Нет, делают выводы ученые. Раб, по природе своей ненавидящий собственного хозяина, никогда не будет старательно работать. Он, наоборот, будет отлынивать от работы, всячески саботировать ее. Кроме того, обречь страну на постоянные войны значило лишить ее самого ценного человеческого потенциала — молодых мужчин. Следовательно, на стройках Египта работали не рабы. Пирамиды строило все трудоспособное население страны, выполняя некую трудовую повинность. Может быть, бедолаг обязали считать это "почетным долгом и священной обязанностью"... Вспомним ДнепрогЭС, Беломорканал, пресловутые субботники.

Каждый крестьянин обязан был три месяца отработать на строительстве гигантского некрополя во славу фараона и к вящему изумлению грядущих поколений. Поле его, пока он трудился, обрабатывал сосед.

Община кормила его семью... Неужели мы имеем дело с... первобытным социализмом?

Столь же любопытный общественно-политический строй мы име-

ем к северо-востоку от Египта — в древней "Хатти" — Хеттии. Наряду с египтянами, хетты вписаны в Книгу Книг и не последнюю роль играют в Ветхом Завете. Более того: матерью самого Соломона, царя иудейского, была хеттеянка Вирсавия, жена Давида.

Библия — книга довольно точная, особенно касательно географии народов и их царей. Если в нее и вкрались ошибки, они — на совести и по вине позднейших пересказчиков и переписчиков.

А в Библии хеттам "отведена" для расселения не больше и не меньше, как вся Сирия — вплоть до берегов Евфрата!..

Ученые и сейчас не склонны отдавать хеттам эту территорию (слишком большую) и числят уникальный народ лишь по берегам не слишком значительной реки Кызыл-Ирмак (современное название), в прошлом античного Галиса. Зато из археологических находок и теоретических работ многих исследователей, всерьез занявшихся наконец хеттами, следуют исключительные по своему значению выводы.

Например, тот, что, в отличие от империи Древнего Египта "страна Хатти" долгие века была... конфедерацией стран.

Или, допустим, тот, что хетты поклонялись настолько несметному количеству божеств, что это позволило назвать их (хеттов) народом "тысячи богов".

В отличие от других завоевателей хетты не расправлялись с богами покоренного народа: напротив, они... включали их в свой пантеон и даже поклонялись им. Еще одна уникальная черта хеттов, очень не свойственная жителям именно того региона — Малой Азии, Палестины, Сирии и Анатолии, — не подвергать побежденных пыткам, причиняющим боль и смерть, и моральным унижениям.

Потерпевшего поражение и плененного царя того или иного народа "Великий царь" хеттов отпускал с миром и даже оставлял за ним его государство. С одним, правда, условием — чтобы тот вовремя и в надлежащем объеме платил дань. Такой вот "рэкет" в государственном масштабе.

Правда, хетты пошли далее вульгарного грабежа, они требовали, чтобы покоренный царек соотнес бы свои юридические уложения с новой обстановкой, то есть с юридическими законами Хатти.

Одно царьку позволялось оставить неизменным — способ наказания за особо тяжкие преступления, которые у хеттов карались смертной казнью не только самого преступника, но и всего его "дома".

Блестящие воины, избравшие способом ведения боевых действий только встречу с противником в генеральном сражении, хетты редко проигрывали битву. Но при всей своей воинственности они отличались мягким незлобивым характером, а те города, которые, по законам военного времени, необходимо было разрушить, разрушали, но при этом население этих городов не истребляли, а переселяли на новое место. Имеется ряд исторических свидетельств о том, что хетты с некоторых вассалов брали дань в виде вооруженных отрядов и включали их в свою армию, не опасаясь бунта.

До сих пор ученые не пришли к единому мнению на предмет общественного строя Хатти. Ни в одном из обнаруженных за полтора столетия лет текстов не говорится впрямую, были ли в стране хеттов рабы. Десятилетиями советские ученые спорили, считать или нет "слуг", постоянно упоминаемых, особенно в юридических сводах, рабами. Значительный процент историков склонялся к тому, что форма существования "слуги" скорее подходит под понятие "крепостнической" зависимости от хозяина. Если бы только от хозяина!.. Ученые, сами фактически закрепощенные государством, словно не замечали, что больше половины хозяйственного уклада страны Хатти составлял... социалистический государственный уклад! При недостаточном развитии производительных сил характер производственных отношений у хеттов и впрямь феноменальный. Например, соответствующая служба, принадлежащая царю, на целый месяц посылала жителей страны на сельхозработы! Правда, в отличие от

"самой лучшей из стран", где студенту или инженеру получить освобождение от сельхозповинности можно было, лишь находясь на смертном одре (на всякий случай врач, боявшийся рисковать, выписывал бюллетень на три дня — с диагнозом "ОРЗ"), хетты давали освобождение всем, "у кого сквозь ворота во дворе виднелось вечнозеленое дерево". Имелась в виду необходимость ухаживать за этим растением в то же самое время, когда государству требовалось ухаживать за государственными деревьями! Попробовал бы кто-нибудь в недавнее советское время, дабы не ехать "на картошку", в качестве аргумента выдвинуть наличие у него собственного дачного участка с картофельным клином!..

Хеттский царь содержал множество государственных предприятий, очень близких по содержанию к совхозам (до колхозов он не додумался...). Впрочем, были и общинные земли. Они назывались "домами" — "дома дворца", "дома богов", или храмы, (а вспомните, сколько было у хеттов богов?), "каменные дома" (видимо, храмы, посвященные погребальным ритуалам), "дома царя", "дома царицы" и так далее. Во всех этих "домах" надо было работать. Рабочих рук наверняка не хватало: особым богатством хетты, не слишком грабившие побежденных, вряд ли отличались, и нанять постоянную рабочую силу царю было трудно. Вот так и возникла повинность для тех жителей, которые не могли достать и в одну ночь высадить на своем участке дерево, да еще вечнозеленое. Впрочем, насколько мог, рабочую силу царь "закупал": расселяя тех же самых пленных или репатриантов, он давал каждой семье землю, оплачивал строительство дома, подсобных хозяйственных сооружений, покупку тягловой силы и домашних животных — коровы, овцы, козы (причем, конечно, не в единственном числе каждого вида). За это "слуга" обязан был отработать не менее, скажем, тридцати лет на государственном предприятии. Правда, существует мнение, что при отходе изработавшегося "слуги" от активной трудовой деятельности все, чем он был наделен от царя, отбирали...

Но, скорее всего, это заблуждение ученых, и в ближайшие пятьдесят-сто лет хеттология все поставит на места. Как бы то ни было, вот это прикрепление неимущих пленников к земле и было "хеттской крепостью", той самой "феодальной" кабалой. "Домов" в хеттском государстве насчитывалось несметное количество, и населяло их несметное число неполноправных людей. Кстати, "слуга", провинившись, выплачивал, согласно уголовному и гражданскому кодексам, зафиксированным в глиняных табличках, ровно половину ущерба в сравнении с тем, если бы ущерб (государству или частному лицу) был нанесен человеком полноправным.

Особым почетом и привилегиями в стране Хатти пользовались "люди орудия". Здесь идет речь о ремесленниках — гончарах, кузнецах-металлургах, ювелирах и т. д., то есть о людях, владевших каким-либо ремеслом, для занятия которым требовалось конкретное орудие — ткацкий станок, плавильная печь или гончарный круг...

Они не считались "слугами", они назывались "хозяевами".

Население страны хеттов представляло собой, можно сказать, содружество наций. В чем угодно, но в национализме обвинить хеттов нельзя. Одной только официальной письменности в этой стране ученые различают восемь видов! Разнятся они не по способу письма (хотя их тоже два — иероглифический и клинописный), а по употреблявшимся языкам. К тому же этой в этой восьми широко применялась так называемая "аллография" — использование в тексте совершенно чуждых всем восьми языкам слов и начертаний, например, из шумерской письменности. Причем писцы зачастую пользовались скорописью; им было легче начертать шумерский знак для шумерского понятия, а уж читатель должен был догадаться, как это слово прочесть. Таким образом, получается сразу два совпадения с советской страной — широкий интернационализм и всеобщая грамотность. Правда, при этом получалось, что хетты зна-

чительно лучше советских людей знали иностранные языки. Со временем скоропись с применением чужих слов настолько вошла в правило, что ученые мучаются до сих пор: некоторых слов из хеттского языка они просто не знают. Как звучит "овца", "женщина", "медь" и некоторые другие слова чисто по-хеттски неизвестно.

Хетты и общались со всем миром. Киприоты были васалами царей страны Хатти. Микены не чуждались общения и торговли с ними. С великим Египтом, после ряда "встреч" далеко не дружественного характера и крупной победы при Кадеше на реке Оронт над войсками Рамзеса II, хетты заключили договор о вечной дружбе и взаимопомощи и действительно обменивались даже принцами и принцессами, то есть "дружили домами". Более ортодоксальный Египет не мог до конца понять "загадочной хеттской души", поскольку интернационализмом в Египте если и "пахло", то лишь в виде предпочтения импортной рабочей силы, достающейся почти за бесплатно и потому не ценимой ни во что. А вот от принцев и принцесс Египет не отказывался: похоже на то, что царица Тейе, жена Аменхотепа III, родом из Хатти.

Она первая, а за ней Нефертити и Анхесенпаамон стали непосредственно участвовать в государственных делах и по праву изображаться на троне рядом с фараоном не в качестве немой прибавки, а вполне равновесно и значимо.

Роль женщины в стране Хатти приближалась к роли мужчины. Можно сказать, там было почти равноправие. Как и у нас: не отбирая у женщины исконных и привычных пристрастий вроде стирки, сушки, заготовки, кухни и грязных пеленок, мы милостиво (и давно!) разрешили женщине работать наравне с мужчиной у станка и на стройке. Возможно, и у хеттов были "женщины-пилоты", то бишь "водительницы боевых колесниц"...

Религия у хеттов играла первостепенную роль. Уже сказано, в стране было множество храмов, в которых отправлялись различные культы многих и многих богов. Божест-

ва хеттов отвечали каждый за свою, вполне определенную сферу жизни. Бог Солнца — один бог, ему принадлежало, неотъемлемое: он сотворил весь этот мир. Богиня Солнца всем этим миром управляла. Ей хетты поклонялись как главной, не забывая при этом, что главный — все же Он. Кроме того, были бог Грозы, бог Луны, богиня Духа пчелиного роя (!), божества Страх и Ужаса и так далее.

Боги различались по функциям — периодически исчезающий бог плодородия Телепинус, женские божества Хебат и Иштар (да-да, совершенно чужая хеттам Иштар из Ниневии!), богиня Престол (престол у хеттов женского рода), боги-злаки, боги-ремесла (Кузнец, Пастух и пр.).

Как католики латынь, а православные — церковнославянский язык, так хетты для ритуала использовали хурритский, на котором не говорили. Вся хурритская письменность, даже встречающийся на этом языке текст эпоса о Гильгамеше, была только для религиозных дел, и ни для каких более.

Впервые о своем открытии восьми языков, используемых хеттами, заявил в 1919 г. швейцарский ученый Эмиль Форрер. А об индоевропейском происхождении самих хеттов сообщил еще раньше, в 1914-1915 гг. выдающийся чешский хеттолог Бедржик Грозный.

Они сделали свои открытия не на пустом месте: в 1905-1906 гг. доктор Гуго Винклер добился концессии на раскопки и, начав их в Богазкее от имени Немецкого восточного общества, уже в 1906 г. нашел десять тысяч клинописных табличек, представлявших собой царский архив.

Еще не до конца осознав значение находки, ученый мир принялся изучать таблички. Впрочем, находки были и раньше. И многие! История археологических находок, относившихся к хеттам, сама по себе представляет отдельный миф. Рассказанный воедино, без перерывов на десятки лет, этот хронологический список предстанет в меру остросюжетной, в меру парадоксальной историей, из которой, если убрать одно-два звена, не родилось бы современного знания.

Некий Бургхардт, путешественник и писатель, написавший и издавший книгу "Путешествия по Сирии", поведал в ней о том, что в 1812 г. он, находясь в Хаме, в углу стены одного из домов на базарной площади обнаружил "камень со множеством фигурок и знаков, напоминающих иероглифы, хотя и не похожих на египетские". Между прочим, Хама — это библейский Хамат, и сообщение Бургхардта должно было заинтересовать если не ученых, то хотя бы любознательных людей. Но и книга, и упоминание в ней о любопытном камне — прошли не замеченными публикой. Однако о "хаматском" камне вспомнили незамедлительно, когда двое американских путешественников заявили, что именно в Хаме они нашли пять подобных камней в стенах домов! Это были Джонсон и Джессап, а по времени — 1870 год. Учитывая то, что в конце века уже поднимался интерес к археологии, а может быть, по внутренней интеллигентности (или из желания заработать денег) американцы стали копировать изображение на одном из камней — том самом, на базарной площади. И столкнулись с невиданной доселе реакцией местного населения: их едва не растерзали на месте. Зная крутой нрав мусульманских фанатиков, путешественники не стали задерживаться ни в Хаме, ни в стране. Они едва унесли ноги и были счастливы, что с ними все в порядке. И только в 1872 г. миссионер Уильям Райт, заручившись поддержкой турецкого правителя Сирии, посетил Хаму в сопровождении последнего, обратив внимание паша на необыкновенную ценность камней. Не долго думая паша (правитель все-таки!) приказал выломать из стен домов все пять камней и отправить их в Константинопольский музей. Благородный Райт предусмотрительно сделал слепки-копии. Одна партия слепков была направлена в Британский музей, вторая — в фонд палестинских изысканий.

Европейцы, узнавшие о камнях из Хамы, обратили внимание и на другой город — Алеппо, где подобный камень был встроен... в стену мечети! Мало того: то ли потому, что

камень являлся неотъемлемой частью мусульманского храма, то ли по другой причине на протяжении многих десятков лет среди местных жителей существовала (и существует) вера в его чудодейственную силу — он якобы исцеляет от слепоты. Десятки и сотни тысяч людей — с простым конъюнктивитом и действительно слепых — сотнями лет терлись о камень, дабы исцелиться, и почти стерли все, что на нем было выбито камнерезами. К тому же, прослышав о том, что подобные камни в Хаме стали изымать "из употребления", алеппские фанатики выколупали камень из стены мечети и унесли в неизвестном направлении. Лишь спустя много лет, обнаружив, что вандализма по отношению к священным реликвиям вроде бы не наблюдается, жители вернули камень на место — обратно в стену.

И.Д.Дэвис в свое время находил надписи, подобные изображенным на камнях в Хаме и Алеппо, вовсе далеко от первых — в горах Тавра, на скале над рекой Ивриз. Кроме письма некий рельефный рисунок. А когда этим занялся археолог А.Г. Сейс, то вдруг выяснилось, что такого же характера надписи есть и в других местах региона. В течение многих лет из разных районов Малой Азии поступали сходные сообщения. "Мы ленивы и нелюбопытны", — мог бы сказать Сейс словами Пушкина в докладе Обществу библейской археологии в 1876 г., когда впервые была сделана попытка систематизировать немногие находки.

Наибольший интерес в кругу историков вызывали развалины Богазкея, представлявшие собой величественные руины города-крепости, игравшей в прошлом несомненно не последнюю роль.

В двух милях от города находится так называемая "исписанная скала" — Язылыккая. В скале имеется природный уступ с отвесными стенами, образующими нечто вроде ниши, а на этих стенах высечен выпуклый рельеф из человеческих фигур. Они идут будто двумя процессиями навстречу друг другу и сходятся в центре ниши. Трудно определить, связаны ли эти процессии только композиционно (для кра-

соты), или в их движении навстречу друг другу кроется какой-либо смысл, и вообще — движутся ли они? Фигуры, застывшие в шаге, не обязательно должны быть реалистическим изображением ходьбы или бега. Может быть, загадка ниши Язылыкая настолько глубока, что потребуются не одна сотня лет для ее прочтения, хотя не исключено, что перед учеными рядовой рельеф... По сторонам фигуры в Язылыкая обрамлены иероглифами. Среди развалин Богазкея тоже стоял камень (Нишан-Таш), на котором просматривалась иероглифическая надпись. Правда, он очень сильно выветрился.

Внимание А.Г.Сейса привлекла и другая находка. Неподалеку от деревни Аладжа-Гююк, что на реке Кызыл-Ирмак, были ворота, по сторонам которых стояли сфинксы. В изобразительном плане они, конечно, уступали египетским. Хеттские объемные фигуры иногда выглядят смешно (сфинксы были объемными).

Но и это еще не все. Западнее Аладжа-Гююка встречаются скальные рельефные изображения Гявур-Калеси. А над Смирной и вовсе стоят скульптурные портреты, которые еще Геродот принял за изображения египетского фараона Сесостриса и нимфы Ниобеи.

Обе эти фигуры А.Г.Сейс внимательно осмотрел в 1879 и 1880 гг. Новый его доклад в Обществе библейской археологии категорически отверг причастность Египта к этим памятникам. Ясно одно, сказал археолог: мы имеем дело только с хеттской культурой, и Библия права в том, что народ этот действительно существовал. Согласно предположениям А.Г.Сейса — он занимал территорию к северу от Месопотамии, а скорее всего, хеттскими племенами была заселена вся Малая Азия.

В последующие двадцать лет оказалось, что изображения, подобные обнаруженным, скорее трудно не заметить, чем найти: ими изобиловали Тавр и Антитавр.

• Хуманиа и Пухштейн (1882-83), Рамсей и Хогарт (1890), Шантре (1893), Хогарт и Хэдлем (1894), Андерсон и Кро-

уфут (1900), да и более ранние раскопки 1879 г. в Каркемише, предпринятые Британским музеем, выявили в общей сложности более сотни памятников, так или иначе относившихся к эпохе хеттов. В невероятных местностях: в Вавилоне в 1899 г. была обнаружена при раскопках стела с хеттскими надписями! В сходном стиле памятники в 1888 и в 1892 гг. обнаружила немецкая экспедиция в Северной Сирии, в Зинджирли.

В 1900 г. Л.Мессершмидт опубликовал свод хеттских надписей, и оказалось, что одних только текстов к этому времени обнаружено девяносто шесть! Кроме того, было множество других находок, в том числе печатей хеттского типа.

А ведь в 1887 г. были сделаны (вернее, осознаны) находки в Эль-Амарне. Клинопись из Ахетатона содержала административную и дипломатическую переписку Аменхотепа III и его сына Аменхотепа IV (Эхнатона) примерно с 1370 по 1348 г. до н.э. В этих письмах часто упоминался царь страны Хатти, рассказывалось о продвижении его войск. Было среди них и письмо самого Суппилулиумы, поздравлявшего Эхнатона с восшествием на престол Египта! Было там и два письма для царя неведомого государства Арцава, написанные на неизвестном языке.

Первым обратил внимание на принадлежность этого языка к индоевропейской группе норвежский ученый И.А.Кнудтсон, изучавший письма в 1902 г. Правда, тогда его высказывание не вызвало должного интереса... Кусочки текстов именно на этом языке неподалеку от Богазкея обнаружил Э. Шантре. Было это в 1893 г. И вот Г.Винклер нашел целую библиотеку — 10000 табличек! И среди них — с письменами "из Арцавы"!

Не все, но большинство... По счастливой случайности, которая всегда сопутствует удаче, был обнаружен тот же самый текст договора между Рамзесом II и царем Хатти.

Египетский вариант текста имеет четкую дату — 21-й год правления Рамзеса. Хеттского царя удалось тут же "привязать к местности" — определить во времени.

Из обстоятельств находки вытекало следующее: видимо, была найдена столица страны Хатти. По крайней мере, на те двести лет, которые вытекали из списка царей Хатти.

Винклер получил этот снимок из хеттского текста; и он был расписан примерно с 1400 по конец 1300-х гг. до н. э., от Суппилулиумы до Арнуванды. В ассирийских хрониках говорилось, что царство хеттов было разграблено примерно в 1200 г. завоевателями — народом мушки (мосхи), однако, как выяснилось, не все царство, а та часть его, в которой находилась столица, то есть фактически только Каппадокия. В VIII веке, как явствует из тех же ассирийских хроник, Хатти продолжает существовать, собравшись под начало Каркемиша, и это при том, что мосхи все еще оккупируют каппадокийское царство...

Оказывается, не все так просто: долгие десятилетия хеттские государства, одно за другим, постепенно восстанавливали свою независимость, а затем объединились под Каркемиш.

До первой мировой войны ничего нового археологи не раскопали. А то, что раскопали, — например, дворец в Сакджагёзю, в изучение истории хеттов ничего существенного не внесло.

1914 г. будто бритвой по живому отрезал исследователей одних стран от других. В результате Богазкей "достался" немцам, а Антанте — все остальное.

Правда, и это "остальное" было немалым: Каркемиш раскапывала экспедиция Д.Г. Хогарта, Т.Е. Лоуренса и Л. Вулли (того самого Вулли, который потом раскопает Ур и Эль-Обейду). Каркемишская экспедиция привезла много камней, но, в отличие от немецких исследователей, англичанам достались только иероглифы. Почти вся клинопись сосредоточилась в Германии. Самым ценным, как оказалось уже спустя много-много лет, был единственный текст, содержащий всего десять клинописных и шесть иероглифических знаков (о нем А.Г. Сейс еще в 1880 г. писал статью!), и был этот текст на серебряной накладке, так называемой "печати Таркондемаса".

Сейс, Коули, Томпсон старательно дешифруют иероглифы и публикуют свои разработки по этому животрепещущему вопросу... Они оказываются никому не нужными и бесплодными. Да и задача была на редкость сложна. Пятеро ученых из разных стран, не заикливаясь на иероглифах, значительно шагнули вперед, опираясь лишь на сопоставление имен собственных и некоторых топонимов, известных из ассирийских текстов. Эти пятеро — Форрер, Боссерт, Гельб, Мериджи и Грозный. Их выводы практически совпали, и хеттология получила некоторую базу, основание, с которого можно было строить дальнейшую работу.

И вот на свет появилась детальная работа Б. Грозного, опубликовавшего ее под названием "Язык хеттов". Вслед за ярким первым наброском 1915 г. этот труд развивал тему принадлежности языка хеттов к семейству индоевропейских языков, — правда, автор при этом несколько увлекся ложной этимологией. Впрочем, из-за последнего обстоятельства многие филологи отвергли работу выдающегося чеха, а вместе с тем и все ценное, что в ней содержалось...

В 1920 г. его несколько подправил Ф. Зоммер, обнаруживший уже упоминавшуюся аллографию — применение хеттскими писцами шумерских и вавилонских включений в чисто хеттские тексты. Включений было так много, что иногда хеттские слова терялись в них как несущественные. Другие ученые — И. Фридрих, А. Гётце и Х. Элольф — шли тем же путем. И к 1933 г. практически все более-менее сохранившиеся тексты уже были опубликованы и прочтены.

Э. Форрер независимо от Б. Грозного также составил довольно полный набросок хеттской грамматики, но основной упор в своей работе по хеттам он делал все же на исторические изыскания и достиг при этом многого. Форрер издал в одном томе почти все исторические тексты периода Древнего царства и реконструировал почти весь перечень хеттских царей. А его открытие, касающееся восьми языков, которыми пользовались хетты, имеет громадное значение до сего времени.

На сегодняшний день расшифровано практически все, исключая, возможно, самые древние надписи, полному прочтению которых мешает отсутствие реальной исторической и лингвистической баз. Основанием к положительному продвижению в хеттологии стало открытие 1947 г., когда была обнаружена длинная двуязычная надпись (билингва) в Каратепе.

Первое систематическое описание хеттской цивилизации предпринял А. Гётце в 1933 г. А за пределами Германии самым значительным событием стало издание "Элементов хеттской грамматики" Л. Деллапорта (Париж, 1939 г.). Впрочем, американец Е.Х. Стертевант, издавший в 1933 г. "Сравнительную грамматику хеттского языка", несмотря на просчеты в сравнительной этимологии, превзошел будущую работу Деллапорта. Тот же автор в 1935 г. выпустил "Хеттский глоссарий", труд в области нормативной лексикографии. Но первая работа Стертеванта "продержалась" всего семь лет: в 1940 г. И. Фридрих выпустил "Элементарный курс хеттского языка", книгу, являющуюся и поныне образцом для хеттологов, а в 1952 г. — "Хеттский словарь", "отменивший" работу Стертеванта 1935 году.

Отличительной особенностью раскопок в Малой Азии и Анатолии конца 20–30 гг. явилось деятельное участие самих турок. К ученым, уже зарекомендовавшим себя в хеттологии, Остену, Гельбу, Деллапорту, Вулли, датчанам и немцам прибавился Седат Альп с группой. Турки и Боссерт как раз и сделали открытие первостепенной важности в Каратепе. Раскопанная крепость имела два привратных строения, к каждому из которых вел свой коридор из камней, которые были покрыты надписями. Одна из них была сделана на финикийском языке, а другая — иероглифическая хеттская. Еще один такой же текст был высечен на статуе, лежавшей прямо на поверхности (ее никто не раскапывал — она лежала всегда!). Между хеттским и финикийским текстами не было полного соответствия, но тем не менее это были как бы два подстрочника, сделанные разными переводчиками с

одного и того же текста. Вернее, два разных перевода, сделанных независимыми авторами с одного и того же подстрочника. Надо ли говорить, что прочтение иероглифических хеттских надписей получило хорошую базу?

Две войны XX века внесли очень сильную коррективу в хеттологию. В разных странах, принадлежавших и в первую, и во вторую мировую войны к разным блокам, сложилось собственное понимание хеттов. У одних — "клинописное", у других — "иероглифическое". Однако, не будь этого трагического обстоятельства, возможно, хеттология топталась бы и теперь почти на том же месте...

И еще касательно археологии (из разряда ложной этимологии): американский профессор мисс Хетти Гольдман, занимавшаяся раскопками в Тарсусе в Киликии с 1935 по 1949 г., носит имя исследуемого народа — хеттов. Хотя в судьбе все цепко связано: возможно, этимология не столь и ошибочна...

Один из восьми языков, которые обнаружил Э.Форрер, это лувийский язык. Еще тогда, практически на заре хеттологии, высказывались мнения, в частности, профессором А.Захаровым, о возможности принадлежности этого языка к южной группе угро-финских, теперь исчезнувшей. Эту загадку, честно говоря, можно было бы не рассматривать, если бы не значительное количество обстоятельств, возвращающих к этому вопросу. Не столько отсутствие префиксов и своеобразие суффиксов и окончаний толкает к возвращению. Если уж на то пошло, все языки мира сводятся к одному протоязыку Ойкумены. Об этом в частности пишет Л.Наровчатская в своей книге "Первозванность...", изданной в 1991 г. А ведь в той же истории хеттов опять встречаются, причем дважды, не зависящие от работы Л. Наровчатской совпадения с нею.

Когда Суппилиума и его сын Арнуванда II скончались от чумы, престол перешел к юному Мурсили II. Западные царства восстали, и инициатором смуты была все та же Арцава, которую приходилось покорять еще Лабарне (первый

царь хеттов, по имени которого титуловались цари, хотя по полному списку царей он был вовсе не первый), подбившая к противодействию Мурсили Миру, Кувалию, Хапаллу и "страну реки Сеха". Однако молодой Мурсили не ударил в грязь лицом и восстановил за два г. положение вещей, причем в покоренной Арцаве в ходе военных действий он убил царя-смутьяна.

Распад страны Хатти на множество слабых хеттских государств произошел после завоевания Каппадокии мушхами (мосхами).

Наверное, стоило бы воскресить и исследовать вероятность появления хеттов (с лошадьми) в Малой Азии — из Азии Центральной, где связь их с угро-финнами была бы менее спорной, и основания к тому есть, хотя для современного историка пока еще не очень веские: исследователи привыкли не замечать друг друга.

А ведь кроме Наровчатской есть еще и Юван Шесталов, поэт-манси, который в своем исследовании "Регули" почти доказывает идентичность древних антов и нынешних ханты-манси. Мосхам и теперь есть прямые потомки — мокша. Кстати, одного происхождения с венграми (уграми), которым гораздо ближе было до Балкан из Малой Азии, чем из-за Уральского хребта. Мадьяр — Мари. Угры — Угарит, Финикия.

...Когда был убит молодой царь Египта Тутанхамон, его безутешная вдова-девочка Анхесенпаамон знала, чьих рук это убийство. И не хотела становиться женой нового фараона. И не потому, что было ему шестьдесят лет, а в восемнадцать выходить замуж за старика довольно тягостно. И не потому, что была не царевной, а царицей. И не потому, что унаследовала острый ум родной матери Нефертити.. А потому, что Эйе был чужой. Сложный реестр египетских богов "сыграл" обратный ход, и верховный жрец Атона неожиданно стал верховным жрецом Амона — одного из ликов Солнца-Ра.

Вероятно, не одну бессонную ночь провела царица Египта, вычисляя, что же делать. Египет без фараона остаться не мог, но не было претендента из царского дома.

Тутанхамон — последний из династии... и тот убит. Еще жива была матушка, царица-мать. Не к ней ли направила первое послание третья по счету дочь?..

У Эйе в государстве за долгие годы при дворе кругом были свои глаза и уши. Если царица только подумала о чем-нибудь, верховный жрец уже знал об этом. Ему докладывали о том, что сделано ради того, чтобы мысли царицы Анхесенпаамон никогда не материализовались. Жестокий закон наследования трона: мужчина, чтобы сделаться фараоном, должен жениться на принцессе или на самой царице, ныне вдовой. Двух мертворожденных младенцев похоронили Анхесенпаамон и Тутанхамон. Даже опекунство взять не над кем. Нет сына.

В любом случае, вероятно, ответила ей Нефертити, лучше хетт молодой, чем хетт старый. Зови в цари молодого чужеземца.

А может, не было времени спрашивать у матери? Ведь они с Тутанхамоном предали ее бога... Послание к опальной царице не успело бы дойти.

Верный человек поскакал в страну Хатти. По пути он, конечно, заехал в Мемфис, к Нефертити, передал все те слова, что дочь просила передать. И получил от Нефертити добро на дальнейшее путешествие.

Суппилулиума, умудренный длительным правлением, через Эйе державший руку на пульсе истории великой державы, коей формально был номархом, знал бы, что делать, если бы имел достоверную информацию о том, что произошло в Фивах. Но так же, как они вдвоем обманывали Эхнатона — он и Эйе, — точно так же, зная свой последний шанс, Эйе нынче обманул и его: Суппилулиума ничего не знал о скоропостижной смерти Тутанхамона. И вот — письмо Анхесенпаамон:

"Мой муж умер, а сына у меня нет. О тебе говорят, что у тебя много сыновей. Если бы ты послал мне одного из своих сыновей, он мог бы стать моим мужем. Я ни за что не возьму в мужья ни одного из своих подданных. Это меня очень страшит".

Гениальное послание. Ничего лишнего. "О тебе говорят" — прекрасный дипломатический ход: о тебе во вселенной ходят слухи. "Стать моим мужем"... Суппилулиуме не надо объяснять, что это значит — стать мужем египетской царицы! "Я ни за что не возьму в мужья ни одного из своих подданных". — Его, Суппилулиуму, вассала Египта считают равным! Его, хитростью и "тихой сапой" прибирающего власть над египетским номом! Он — не подданный.

"Это очень меня страшит"... Неужели не ясно, кто станет царем?..

Нет. Умнейший из царей, Суппилулиума не может взять в толк, что именно означает последняя фраза. И... и все письмо начинает казаться ему оч-ч-чень подозрительным.

Что с Египтом? Что с царицей Египта? Она прослышала о том, что он здесь, в Хеттии, забрал себе всю власть?.. Может, хочет заманить и расправиться?

"Мой муж умер..." — Ищи дурака, твоему мужу всего восемнадцать лет! Или я не знаю, как резво летает его колесница? Египетский народ не успеваешь разглядеть своего царя в лицо...

Постой, а может, несчастный случай? Вдруг не справился с лошадьми?.. Он ведь еще молодой, ветер в голове, гоняет на своей золоченой царской телеге... Да нет, не может быть! Эйе доложил бы ему, хеттскому царю. Ведь почти тридцать лет душа в душу, самый верный агент.

Потому и обманул, что самый верный. Предают только лучшие друзья, от них не ждешь. Эйе первый и единственный раз в жизни решил склонить судьбу в свою пользу.

Суппилулиума не поверил. Ни единому слову. Конечно, он догадался, на что намекает Анхесенпаамон: она боится стать женой Эйе. Но этого не может быть!

Суппилулиума принял письмо за тонкую провокацию.

Единственный выход отреагировать на послание — при-слать в Фивы своего человека. Якобы для выражения собо-лезнований. Он все разведает и в краткий миг донесет.

Нет! Не надо юлить: я получил вполне откровенное письмо, и мой посланник привезет (на словах) мой откро-венный же ответ: "Меня обманывают. Я не верю!"

Посол добирался чуть быстрее, чем шло письмо царицы. Он был не опасен Эйе: пока повернет назад да пока при дворе Хатти хватятся... Посол прибыл в Фивы.

Несчастливая Анхесенпаамон! Кто приехал вместо мужа?!

Посланнику стало все ясно без слов. При дворе фарао-нов траур по фараону! Но слова своего царя египетской ца-рице он не мог не передать.

К сожалению, Суппилулиума не догадался сделать про-стой вещи: представить посла полномочным представите-лем своего сына, чтобы тот мог вступить в брак с царицей Египта вместо него (формально). Если, конечно, такое в те времена вообще было возможно. Однако цари на то и ца-ри, чтобы менять законы: в Хатти каждый новый царь рас-писывал свой свод законов — и ничего.

В результате по прошествии десятков дней хеттский царь получил второе послание:

"Почему ты говоришь: "Они-де обманывают?" Если бы у меня был сын, разве бы я обратилась к чужеземцу и тем предала свое горе и горе моей страны огласке? Ты оскор-бил меня, так говоря. Тот, кто был моим мужем, умер, и у меня нет сына. Я никогда не возьму кого-нибудь из моих подданных в мужья. Я писала только тебе. Все говорят, что у тебя много сыновей: дай мне одного из твоих сыновей, чтобы он мог стать моим мужем".

Теперь Суппилулиуме не нужно было послание царицы: верный человек все поведал сам. Но письмо из Египта го-нец все-таки повез, — Анхесенпаамон надеялась, что оно окончательно убедит хеттского царя.

Царевич был готов. Самый быстрый и выносливый конь понес его к власти над всем миром, самые верные слуги сопровождали. А еще (это в истории не записано) с ним ехал палач — для расправы с предателем Эйе...

Он почти загнал лучшего в Хеттии коня. Он успевал!

Похороны фараона назначены на семидесятый день после смерти, в запасе есть еще время.

Царевич с вооруженной охраной — все отменные бойцы — пренебрег советом отца. Он успевал — и должен был добираться до Фив окольными путями. Хотя они тоже контролировались будущим фараоном Эйе, у которого уже не было иного выхода. На границах и дорогах не осталось даже щели, через которую мог бы проползти скарабей.

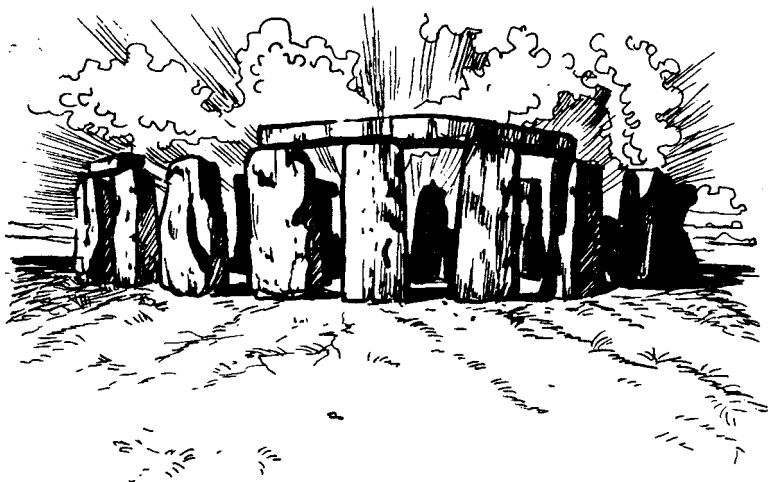
Хеттского царевича убили за миг до славы. Это было сделано не в том открытом бою, когда хеттам нет равных.

Их встретила "делегация царицы", огромный почетный эскорт для будущего фараона, честь и хвала ему, нынешнему, гимн ему, олицетворению Солнца, завтра!

Будущее солнце Египта потухло в одну ночь. Его убили подло, втихаря. Как вырезали всю охрану, предварительно усыпив. Впрочем, в политике ведь не существует слова "подлость", а есть "целесообразность". С точки зрения сохранения национального суверенитета Египта, возможно, это убийство и было единственно правильным и оправданным деянием. На троне воцарился Эйе, хороший ли плохой, но свой, египтянин. Страна продолжила свой путь по ступеням цивилизации. Правда, он вел в тупик, но никто этого тогда еще не знал. До нашествия Александра Македонского оставалась еще добрая тысяча лет.

Таким образом, исчезла вероятность образования великой хетто-египетской империи, и история великой страны Египет, а также история великой конфедерации Хатти пошли каждая своим путем. И время никого из них не пощадило. Кроме, разумеется, пирамид.

ГЛАВА VI. Танцующие камни Стоунхенджа

По притягательности британский Стоунхендж (в переводе: "висячие [по-гэльски — "танцующие"] камни") сравним только с Великой пирамидой. Правда, это сооружение из гигантских каменных глыб (мегалитов) не удостоилось чести быть зафиксированным в числе "чудес", хотя бы под номером 8. Зато при взгляде на этот памятник неолита не только захватывает дух от восхищения мастерством людей прошлого, но и возникает необъяснимое беспокойство, дрожь внутренняя, беспричинный страх. Во всяком случае, камни впечатляют!

Никогда не была забыта конструкция Стоунхенджа, но утеряны следы и даже намёки на то, кому и в качестве чего служил памятник. По возрасту он очень близок той же Великой пирамиде — конечно, если верить принятым методам датировки того и другой. Вот по поводу методов и хотелось бы поспорить с археологами: ни в астрономию их калачом не заманишь, ни логикой других наук не побьешь.

А ведь сами же говорят: фараоны, к примеру, не считали зазорным присвоить более ранний памятник и пометить его своим именем (пусть осуществив при этом небольшой косметический ремонт). Почему такое же не могло произойти со Стоунхенджем?.. Радиоуглеродный анализ остатков органики (костей, деревянных черенков орудий и т. д.) по количеству содержащегося изотопа С14 показал, что Стоунхендж строился от 2000 до 1600 г. до н. э. Возраст куда как почтенный! Однако о назначении этого сооружения с той поры и до нынешних дней никто не имел ни малейшего представления.

О том, что Стоунхендж не был построен ни греками, ни римлянами, красноречиво говорит сам факт молчания о нем и тех, и других. Более того, колонизировав Британию, римляне взглянули на стройную систему каменных глыб, пожалели плечами и... занялись наведением порядка на территории древних британцев. Лишь Диодор Сицилийский (I век до н.э.) говорил в своих заметках: "Этот остров... расположен на севере и населен гиперборейцами, которых называют таким именем потому, что они живут за теми краями, откуда дует северный ветер (Борей); их земля плодородна, и все, что они на ней сеют, дает хороший урожай, а так как там необычайно умеренный климат, они собирают два урожая в год... Лета (мать Аполлона и Артемиды, отцом которых был Зевс) родилась на этом острове, и потому гиперборейцы чтят Аполлона больше, чем других богов; их считают жрецами Аполлона, так как каждый день они безмерно восхваляют его в песнях и воздают ему великие почести.

"И есть также на этом острове велико-

лепное святилище Аполлона, а также прекрасный храм, украшенный многочисленными жертвоприношениями, сферический по форме...

Говорят также, что бог посещает остров каждые 19 лет; это период, за который звезды совершают свой путь по небу и возвращаются на прежнее место... и поэтому девятнадцатилетний период греки назвали метоновым циклом". От себя добавим, что Метон — греческий астроном V века до н. э., который обнаружил, что 235 лунных месяцев равны 19 солнечным г.м, и каждые 19 лет полнолуние наступает в один и тот же календарный день.

Получается, что Стоунхендж — это храм Солнца, в котором каждые девятнадцать лет наступает праздник... Луны!

Если мифическая Гиперборея — не (мифическая же!) Земля Санникова, то более северного и более похожего на описанный Диодором памятника никто еще не обнаружил.

Следовательно, речь идет о Стоунхендже?..

Слава Богу, развалины мегалитического памятника не произвели впечатления только на римлян: не говоря уж о бардах средневековья, Стоунхендж воспели в своих стихах и балладах еще древние британцы. Вероятно, о пирамидах не ходит столько легенд, сколько существует загадок и мотивов, посвященных Стоунхенджу. Надо отдать должное и бардам, и королям с князьями, и путешественникам: все они не только интересовались внешним видом памятника, но и теми, кто его возвел. В результате историки окончательно потеряли нить именно в этом вопросе, поскольку тысячелетиями заблуждались в функциональном назначении Стоунхенджа, а оно напрямую связано с его первостроителями.

Авторство памятника приписывалось легендарной Боадичее — британской королеве, поднявшей восстание против римлян и принявшей яд после поражения, и датчанам — кое-кто считал, что это было место коронации их королей, и мифическим гигантам — великанам, жившим на

Земле до потопа, и финикийцам, и бельгам... Самая живучая версия, по которой Стоунхендж построил великий Мерлин, требует некоторого освещения, ибо в ней сошлись все ошибки, поправить которые до сих пор не удастся.

В одной из них главную роль играет упоминавшийся двумя строчками выше кельтский маг и чародей Мерлин. Он служил при дворе короля Артура. Отечественный читатель знаком с ним по роману Дж. Б. Пристли "31 июня" и его одноименной теле-версии.

Однако Готтфрид Монмутский, историк и сам значительный мифотворец, в XII веке, собрав все мифы воедино, выяснил, что Мерлин на самом деле служил не Артуру, а Амвросию Аврелиану. Это при нем предводитель саксов Хенгист созвал в долину Солсбери на большой совет всех саксов и британцев и затем вероломно перерезал там 460 британских князей.

Мерлин сказал Амвросию: "Если мечтаешь ты поставить этим жертвам памятник, то пошли за Пляской Великанов, находящейся в Килларосе, на горе в Ирландии. Эти камни сможет установить лишь тот, чей ум равновелик сей благородной задаче. И нет сим камням равных по силе: поставь их кольцом в Солсбери, и они простоят до скончания века".

Аврелиан Амвросий собрал могучую армаду и 15 тысяч воинов и отправился в Ирландию. Но ни один, даже самый малый, камушек не был им сдвинут с места: им — победителем короля Ирландии Гилломана! (Неужели война была из-за камней?)

Тогда Мерлин "при помощи хитроумных машин" один легко справился с этой задачей и переправил камни с горы на корабли Амвросия. Затем волшебник, также при помощи механики, возвел из этих камней вечное кольцо, и слава его (а не тех погибших 460 бедолаг!) осталась в веках...

Хотя никто уже не сомневается в том, что кудесник Мерлин — сугубо историческое лицо, однако похоже, что средние века, пусть даже самые глубокие, не имеют к строитель-

ству Стоунхенджа никакого отношения. Простая интуиция при взгляде на памятник отнесет его к временам более древним, а исторические свидетельства доказывают, что уже в XIV веке до н. э. этот памятник был настолько старым, что никто и не помнил его истинного назначения!

Когда кельты прибыли в Британию, они нашли только следы тех, кто построил эти круги. Ирландская "Книга вторжений" содержит записи о таинственной расе Туата де Данаан. Легенды о гигантах и драконах скрывали места с мегалитами: даже друиды не знали об их полном значении. Говорилось, что камни были живыми (на гэльском языке их называли "фальшивыми людьми"). Они "ходили" или "танцевали" по ночам, а иногда (как в случае с оксфордширскими Роллрайт-Стоунз) спускались к ближайшим рекам "попить". Над ними порой видели странные блуждающие огоньки — души умерших?

Хенгист совершил свое злодеяние, скорее всего, уже у подножия Стоунхенджа. А вот могильник для 460 (сотоварищей) Мерлин вполне мог возвести. Холм, насыпанный над кругом, диаметр которого в 1,5 раза меньше Стоунхенджа, вероятно, хранит княжеские кости. Но могильник до сих пор не раскопан. А ведь он может относиться и ко времени возведения Стоунхенджа!

Англичане, успешно копавшие в Египте, Передней и Средней Азии, в Америке... — отчего-то с огромным трудом движутся к своей собственной, "национальной" загадке. Будто рок скрывает от них ответ.

К чести их надо сказать, что в отличие от русских принявшие христианство англичане не ринулись уничтожать памятников своих предков. И хотя ранним миссионерам церкви с трудом удавалось удерживать местных жителей от поклонения этим "священным" местам, в 601 г. н. э. папа Григорий приказал аббату Меллитусу, "чтобы храмы идолов в Британии не разрушались. Августинцы должны уничтожать идолов, но храмы следует окроплять святой водой". Однако трудности продолжались. Святые отцы, пытаясь

основать новые церкви подальше от подобных мест, обнаруживали, что "дьявол" перенес ночью камни с нового места обратно на старый языческий курган или холм. То, что церковь называла дьявольским, вызывало любовь и уважение у последователей строителей мегалитов. Многие церкви, особенно в Уэльсе, оказались построенными внутри мегалитических кругов (Ланерфил, Айсбити Конфин), на языческих курганах (Кескоб, Дероуэн) или в рядах со стоящими камнями и другими признаками "лей" (Дероуэн, Олд Ренор).

Самый парадоксально мысливший из всех исследователей, Уильям Кэмден пишет в XVIII веке: "С величайшей горестью оплакиваю забвение, коему преданы строители столь величавого монумента... Что же касается до самих камней... некоторые полагают, что камни эти — не простые, вытесанные из скалы, но изготовлены из чистого песка и неким клейким и вяжущим веществом собраны и сложены воедино..."

Из ученых знаменитый архитектор Иниго Джонс, по приказу короля Якова I, тщательно изучил "Стоун-Хенг", а его зять Джон Уэбб опубликовал исследования ученого, основываясь на неупорядоченных записках тестя, в 1655 г.. Джонс (со слов Уэбба) отнес сооружение к римским (и ничьим более!) и при этом, как архитектор, на свой взгляд достроил развалины и отразил это свое "начинание" в рисунках. "Если мне возразят: раз Стоунхендж — Римская постройка, почему же ни один римский автор не упоминает о нем? — я отвечу: их Историки вовсе не описывали каждую постройку или деяние римлян, иначе сколь обширными были бы их труды!"

А вот для короля Карла II в 1663 г. Джон Обри зарисовал и обмерил Стоунхендж. Исследование его ценно тем, что впервые в истории памятника оно научно по-настоящему. Правда, Обри оказал и "сомнительную услугу" науке (выражение Джеральда Хокинса), значительно омоложив памятник и посчитав его только Храмом Друидов.

Первый и удивительный ответ на загадку высказал лишь Джеральд Хокинс, и произошло это в 1963 г.!

Джеральд Хокинс — астроном и любитель древностей. Ему первому пришло на ум не то, что Стоунхендж является собою древнюю обсерваторию (еще Генри Уонсли в 1796 г. приписывал памятнику эту функцию — правда, в связи с друидами), и не открытие ориентации памятника на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния (это открыл Уильям Стьюкли в 1747 г., на фоне чего поклялся, что древние жрецы знали магнитный компас!), и не скрупулезность расчетов, свойственная астрономам (еще знаменитый копатель Ахетатона У. М. Флиндерс Питри снял план Стоунхенджа с точностью до 2-3 см). Заслуга Джеральда Хокинса в том, что он впервые применил в полной мере астрономический метод в изучении земного объекта, результатом чего стало открытие.

Не удовлетворившись датировкой, сделанной радиоуглеродным методом, Хокинс решил сделать свою, основанную на чистой астрономии: используя понятие прецессии и других циклов.

Во-первых, земная ось описывает конус к плоскости орбиты Земли с периодом 26000 лет. Во-вторых, ось "кивает" (период 40000 лет). В-третьих, форма эллиптической орбиты Земли вокруг Солнца дает большой цикл протяженностью 92000 лет. Все эти данные и основанная на его собственных умозаключениях дата 1500 г. до н.э. — были заложены Хокинсом в ЭВМ по соответствующей программе. А потом он сравнил полученный звездный результат с азимутами 16 направлений, даваемых камнями Стоунхенджа.

Результат превзошел ожидания ученого! Положения Солнца и Луны легли на расчетные данные с небывалой точностью: Солнца — до $0,8^\circ$, Луны — до $1,5^\circ$ погрешности. Но даже столь малая погрешность получилась только по двум важнейшим причинам — очень большой "лживости" географической карты Солсберийской долины (для географов это не погрешность, точность вполне достаточ-

но

ная), а также — оптического параллакса из-за плотности атмосферы при низких и нулевых углах наблюдения небесных объектов.

Сделав этот вывод, Хокинс не стал "перемеривать" свои измерения, а понял, что ориентировка Стоунхенджа и впрямь соответствует современной, если не более точна!

Далее, отвергая друидов в качестве строителей, Джеральд Хокинс вдруг становится великим британским "патриотом" и не идет далее того, чтобы доказать, иногда необоснованно, местное, британское происхождение памятника.

Разделив строительство Стоунхенджа на три этапа, первый этап Хокинс отдает так называемым уиндмиллхиллцам (народу, населявшему Англию в 2000 г. до н. э., — скотоводам, возможно, земледельцам, но, судя по орудиям, явно неолитическому); второй этап — так называемым бикерам (с ними в Солсбери пришел бронзовый век: их могилами, в которых покоятся характерные чаши, усеяна вся долина; над могилами — холмики или курганы); третий этап — так называемым уэссекцам, производному от бикеров и менее воинственному народу, имевшему отношения со всем миром — от Индии до Египта. Все время строительства Хокинс разбивает на 300 лет (примерно по 100 лет на каждый этап) и относит начало к 1900 г. до н. э. а конец — к 1600.

Великий знаток конструкции Стоунхенджа, которую здесь описывать не место (для данной книги она математически сложна), Хокинс делает поразительный вывод: Стоунхендж, возможно, был Храмом, а возможно, и был обсерваторией, сооружением для наблюдения за астрономическими объектами, — но он был (и есть по сей день) счетно-вычислительная машина для предсказания солнечных и лунных затмений! 11 важнейших точек памятника дали 16 точнейших небесных направлений на Луну и Солнце. А угол между Солнцем и Луной в дни солнцестояний (зимних и летних) составляет ровно 90°. Причем, предположив, что положение Стоунхенджа в долине не случайно (50-тонные

камни-сарсены ведь зачем-то транспортировали из Марлборо-Даунс, что в 47 км к северу!), Хокинс обнаружил, что координата памятника — $51^{\circ} 17'$ северной широты — единственно дающая прямой угол, и смещение обсерватории даже на 30 км к северу или югу превратило бы прямоугольник из 4 основных камней-сарсенов в параллелограмм, исказив весь смысл, всю красоту конструкции.

С этого открытия начинаются поистине романтические приключения Хокинса на европейском Севере, о чем следует поведать отдельно.

Было бы нелогичным, если бы памятник, подобный Стоунхенджу, оказался в Англии один-одинешенек. В 60-е годы не только в Советском Союзе спорили "физики" и "лирики": физик (астроном) Хокинс напомнил лирикам (историкам-археологам) очевиднейшее — что на территории одной только Солсберийской долины находятся и с баснословной скоростью приходят в негодность до десятка мегалитических памятников того же времени и, возможно, того же уровня, что и Стоунхендж! Мало того: многие из них оказались старше! А открытый в 1928 г. благодаря начавшимся регулярным аэрофотосъемкам Вудхендж (деревянная копия Стоунхенджа) находится от Стоунхенджа всего в... трех километрах! Супруги Каннингтон раскапывали Вудхендж еще тогда, и во многом благодаря давней работе археологов сведения о Вудхендже вообще дошли до нас и являются бесценными, ибо Вудхендж сегодня бесследно исчез...

На холме Овертон-Хилл, в 27 км к северу от Вудхенджа, находится другая деревянная реликвия-памятник — Святилище. А в 27 же километрах к северу от Стоунхенджа — четвертый мегалитический памятник Эйвбери, открытый еще Джоном Обри. Жалкие остатки его камней, растаскиваемых еще с XIV века, в 60-е годы продолжали исчезать. В 90 м от Вудхенджа находятся Даррингтонские Стены — гигантский круг диаметром 450 м, расположенный почти на главной оси Стоунхенджа. Силбери-Хилл в 25 км от Стоун-

хенджа — гигантский насыпной холм неизвестного назначения высотой 40 и диаметром основания 180 м — подвергался разведочным раскопам, которые пока не дали результатов. А ведь он напоминает Великую пирамиду в миниатюре! А еще — Уиндмилл-Хилл... И другие!

Хокинс, восторженный первооткрыватель, делает важнейший вывод: Стоунхендж входил в систему объектов, связанных друг с другом.

А далее он "находит" сонмы памятников мегалитической древности — в Бретани (удивительно: в районе городка Карнак! — будто Долина царей в Египте), по всей Франции, Испании, Италии, Греции!.. На Крите, Мальте, Корсике!..

Затем же Хокинс удивительно напрочь забывает об ЭВМ и даже об астрономии и... едет в Стоунхендж, чтобы наблюдать... восход Солнца в день летнего солнцестояния!

Потом состоялось вычисленное им самим в Стоунхендже (при помощи теперь уже неоспоримых счетно-вычислительных свойств памятника) лунное затмение... А ведь этот человек стоял на пороге поворотного для понимания земной цивилизации открытия!..

Правда, один из читателей статьи Хокинса пришлет ему свои собственные исследования, касающиеся шотландского мегалитического памятника Каллениша, и Хокинс и его заложит в ЭВМ, а затем признает Каллениш вторым, шотландским Стоунхенджем, при этом вовсе не поинтересовавшись, кто и когда же построил это сооружение. А ведь конструкция Каллениша совсем иная, и отношения, из которых вытекают те же 16 базовых направлений на Луну и Солнце, там совсем другие. Информацию про Каллениш Хокинс все же поместил потом в своей книге (очень патристической) в виде последнего из приложений к ней.

Попутно Хокинс посмеялся над Норманом Локьером, уже применившим в 1901 г. астрономический подход к Стоунхенджу (о нем — ниже). А еще хмыкнул в отношении одного безумца по имени У. С. Блэкот, утверждавшего в 1883 г., что Стоунхендж построили... люди из Атлантиды!

С момента открытия Хокинса пронеслось более 30 лет, и астрономия ворвалась в запретную (и сегодня!) область — археологию. Роберт Бьювэл перевернул представления о времени создания Великой пирамиды и Сфинкса. Не отстал от него Роберт Гантенбринк (этот и вовсе робототехник по профессии) — его робот "прополз" по жутко узкому ходу в Великой пирамиде, "пробитому" еще в момент строительства (нарочно выложенному из отполированных камней и перекрытому специальной камерой с дверцей; а за дверцей лежал деревянный посох — Анубиса?..). Господа дилетанты, основываясь на законах своей науки и из любви к археологии, на 7-10 тысячелетий (по меньшей мере!) отодвинули в глубь веков историю цивилизации. Они, а не археологи возвращают сейчас человечеству его прошлое, ибо археологи, проводя конференцию за конференцией, "разбивают" их доводы, так и не собравшись по-настоящему взглянуть на небо... Свой вклад в датировку Сфинкса внесли геологи. Позже упомянем лингвиста!..

Подобно тяжелоатлету, Хокинс в 1963-м совершил свой подход к штанге. Надо сказать, его "рекорд" продержался 30 лет!

Ортодоксальным археологам не нравилось, но они не могли отвергать (хотя могут игнорировать) установленное доказательство, что строители мегалитов пользовались универсальной наукой, в которой были знания геометрии, астрономии и неизвестной строительной технологии. Это было достаточно плохо.

Но еще хуже был возрастающий поток выходящих за рамки приличий спекуляций и исследований, выдвигавших предположения, что строители мегалитов не только сознательно добывали неопознанную или едва понятную современной науке энергию, но и производили ее, таким образом превратив в глупость ортодоксальное убеждение в линейном развитии человеческой культуры и в распространении культуры со Среднего Востока.

Вполне понятна профессиональная осторожность археологов: ведь только твердо уверовав в принадлежность на-

ходки именно этому культурному слою (там много своих хитростей), ученый датирует слой и предмет. Датировка Стоунхенджа проводилась по предметам и костям, найденным в "лунках Обри". Песчаник же датировать пока невозможно.

А кто поручится за то, что чужой, давным-давно забытый и существующий сам по себе памятник не использовали сначала уиндмиллхиллцы в 2000 г. до н. э. (самая древняя находка — лопатка оленя, которой якобы долбился известняк), потом бикеры, потом — уэссекцы, сообразившие (по примеру того же Хеопса) слегка отреставрировать памятник и с его помощью "дурить" сородичей? Хокинс подсчитал: на строительство Стоунхенджа ушло 1,5 млн. человеко-дней. Только ради того, чтобы процветал жрец, предсказывающий раз в 56 лет (56 лунок) лунное затмение?.. Ей-богу, легче ему самому научиться шаманить или показывать, на худой конец, фокусы — эффекта и власти над населением будет куда как больше! Нелогично возводить "Висячие камни" триста лет.

Тот, кто построил Стоунхендж, построил его значительно проще! И быстрее. Как Мерлин. Но кто и когда?

Предположить "кто" — можно: вероятно, те же люди (или — не-люди?), которые возвели группы пирамид и других объектов в Египте, Наска, Теночтитлане (Паленке), где все-все-все выверено и сориентировано по звездам! А направление сооружений древних индейцев — вовсе не север-юг. Не доказывает ли это, что построены они еще тогда, когда у Земли было иное направление оси?! Им примерно 13 тысяч лет.

Или... 39 тысяч лет! И пирамидам Гизы тоже — либо 13, либо 39. И — Стоунхенджу!.. 39000 лет получается, если учесть полный круг прецессии (то есть добавить еще 26000 лет).

Взгляните на карту Солсберийской долины: вот он, пояс Ориона- Святилище, Эйвбери, Уиндмилл-Хилл!.. Ориентирован на северо-запад? Не туда ли, куда ориентированы ин-

дейские храмы и города? Совершенно ясно, что размещение памятников-мегалитов на карте идентично египетскому. Почему и зачем — науке еще только предстоит ответить.

А вот другой вопрос. Если широта Стоунхенджа выбрана далеко не случайно, то были ли его строители вообще жителями Британских островов?.. Может быть, из-за кельтского названия "Клас Мерддин" (Земля Мерддина — кельтского Зевса — кстати, до заселения островов людьми!) и приписали потом Стоунхендж Мерлину? Может, построили его те же боги, что строили для индейцев храмы, стены, загадочные сооружения?.. Эти боги (Виракоча, Кецалькоатль и т. д.) умели возводить строения при помощи одной лишь "силы звука": камни укладывались сами.

Астрономия, как таковая, нужна лишь великим мореплавателям. Все три народа, определенные Хокинсом в строители Стоунхенджа, были сугубо сухопутными. Так ли уж важно было им при посеве гороха, — первого или третьего числа состоится лунное затмение? Стоило ли сверять координаты свекольного поля в соответствии со звездным небом?.. Скорее всего, строил кто-то пришлый. Не наезжали ли на своих прекрасно оборудованных морских судах (а может, и вовсе на самолетах?) истинные строители? Как Гринвичский меридиан принят нами за нулевой, так в древних картах центром, от которого картографы строили свои проекции, была Великая пирамида. Не входит ли Стоунхендж в давно забытую нами древнюю систему географических отсчетов?..

Вполне возможно, бикеры и уэссекцы как-то приложили руку к строительству. Но они лишь отреставрировали Стоунхендж по прошлым, пришедшим в негодность, деревянным схемам: дерево гнило — заменяли камнем. Такое могло быть?.. Постепенно народу-земледельцу ни Вудхендж, ни Стоунхендж стали не нужны. Стоунхендж перехватили друиды для кровавых ритуалов. Они хоронили жертвы в Стоунхендже еще совсем недавно — после второй мировой войны.

Теперь представим вполне вероятную ситуацию: утеряны наши знания (полностью или частично), и будущие археологи датируют Стоунхендж по друидским захоронениям XX века... Получается, это мы построили Стоунхендж?..

К сожалению, очень плохо изучена биография Нормана Локьера — астронома, впервые сделавшего расчет на первостроительство Стоунхенджа. У него получилось — 188—1480 гг. до н.э. И хотя у Хокинса почти совпало, и копыта лопать было вроде бы незачем, доводов Локьера не принял Хокинс по своим, а археологи начала века — по своим соображениям. Астроном считал восход Солнца по первому лучу. Кто-то из дотошных оппонентов Локьера вычислил, что если пользоваться первым лучом, то выходит, что Стоунхендж построен... в 6000 г. н. э. (то есть его еще нет в природе). Аргумент веский, что и говорить... Локьера забыли.

Действительно, разница между первым лучом и последним лучом, которым пользовался в расчетах Хокинс, дает колоссальную погрешность. Даже не погрешность, а просто другие сроки!

Однако обратим взор на Хокинса: он-то задал прежде придуманный срок — 1500-й год до н.э.-и выбрал удобный лично ему для расчетов последний луч солнечного диска на восходе. А если задать, к примеру, 11000-й год и верхний край солнечного диска над горизонтом?.. Никто этих расчетов не провел.

Цена и не умаляя работы Хокинса и его блестящих открытий, о которых уже сказано, можно все же предположить, что открытия состоялись бы и в том случае, если бы ученый задался другими исходными соотношениями (а геометрические параметры не менялись и были всегда). А если 13000 лет назад главная ось Стоунхенджа указывала на знак Льва (Сфинкс!), в котором восходило Солнце в день весеннего равноденствия (и осеннего тоже), то северо-западное направление (90°) указывало на Тельца! Если с точки зрения здравого смысла невозможно объяснить направление британского "пояса Ориона" (Святилище, Эйвбери, Уиндмилл-Хилл), возможно, в этом помогут мифы?

...20 июня 1964 г. Хокинс увидел солнечный луч сквозь щель в трилитах (первый, кстати, луч!) на подходе к Пяточному камню, а не на его вершине, как ему хотелось.

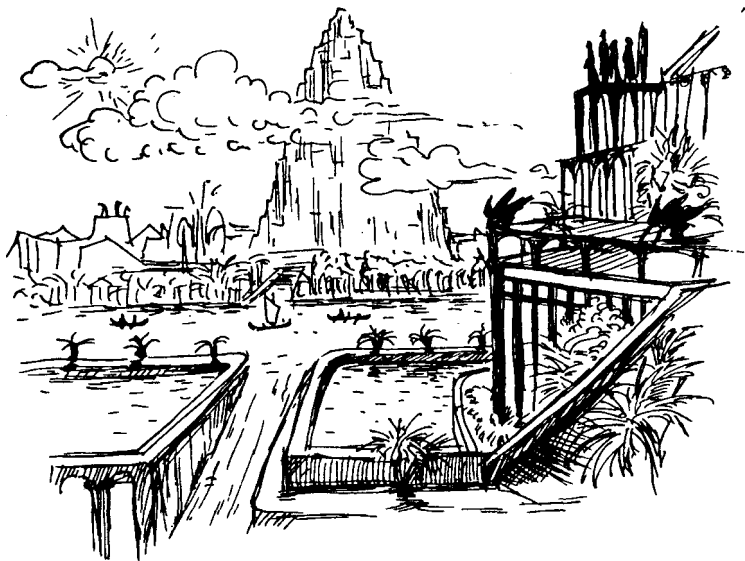
С нетерпением ждал он 21-го числа... Но в Англии ведро так редко! Хорошо еще, что не было дождя...

За решетку, окружавшую "храм", полицейскими были допущены только члены новомодной секты друидов. По их-то нелепым песнопениям и воздеваниям к небесам рук Хокинсу стало совершенно ясно: ни новый "Орден Древнейших Друидов", ни прежние друиды, какими бы ни были они древними, не имеют к Стоунхенджу никакого истинного отношения!

Согласитесь, обидно: 56 лет ждать лунного затмения, а разглядеть лишь пасмурное небо.

Что же касается современных "друидов", которые и по сей день в середине лета в белых одеждах встречают в Стоунхендже восход солнца, то они имеют такое же отношение к друидской магии и мистике, как Голливуд (через Индиану Джонса) к Святому Граалю. Однако память все еще сохраняется.

ГЛАВА VII. Город тысячи языков

В 1991 г. издательство "Художественная литература" выпустило в свет книгу в мягкой обложке — "Первозванность" поэтессы Людмилы Наровчатской.

На самом деле название книги не столь коротко, имеется подзаголовок: "Поэтико-фантастическое эссе с прикладом исследования древней русской поэмы "Слово о полку Игоря, известного всем Игоря, сына Святослава, внука Олегова" и переводом ее по римско-славянскому классическому канону".

О серьезности намерений автора можно судить уже по этому заголовку: мы же привыкли называть это произведение просто "Словом о полку Игореве"! Нет, говорит Наровчатская: "Игоря, ведомого всем"! Увлекательнейшее исследование древней поэмы, а также... находка Ходына —

автора "Слова", и еще многое-многое из того, что есть в книге, не предмет нашего разговора. В отличие от других "переводчиков" "Слова", Л.Наровчатская "копает" столь глубоко, что читателю сначала требуется "отдохнуть" от книги, затем — вернуться и осмыслить ее, и уж после что-то говорить. В ней много спорных моментов, зато и открытий более чем достаточно! Откровений...

Сейчас же для нас важно другое — философское осмысление первобытного человека и человечества, с применением знаний, основную часть которых зафиксировал, как это ни парадоксально и ни просто (в том числе), протоязык.

Мы найдем в словаре Людмилы Наровчатской и Стоунхендж — в "примитивных" неандертальских (150000 лет) звуках и их сочетаниях! Главным, если не основным, доказательством подобной древности является... способ крепления гигантских трилитов — камней-сарсенов — по способу "паз — шип" (из деревянной архитектуры)! Если есть подобный узел, он означает принадлежность как раз к тому самому протоязыку: УЗ — узел — изобретен. Вот она — подсказка нам, теперешним. Этот вывод мы оставляем бездоказательным лишь потому, что гораздо точнее и красивее нужные доказательства приведены в книге. С помощью протоязыка — конечно же, до-санскритского! — конечно же, доиндоевропейского! — до-древнекоптского! — до-коптского! — и прочих!.. — можно расшифровать и Мерлина, и Хенгиста, и Англию (АН-ГАЛЛИЯ), и многое, многое другое. А это доказывает, что человечество, населявшее Ойкумену, когда-то уже было единым, хотя имело по крайней мере "разделение труда" в пределах Афро-Евразии, и даже Америк! Ведь курганы и способ захоронения (он одинаков!) разбросаны по всей гигантской территории — хотя бы от САХА-ры до САХА-лина... На одном языке общались не только славяне и протославяне, но и монголы, и японцы!..

Теперь и нам с вами неудивительно утверждение о том, что Стоунхендж входил в единую систему общепланетарных объектов ТОГО человечества.

Оно жило себе и развивалось, строя мегалиты, охотясь на мамонтов (а может быть, и пася их), благополучно пережило всемирный потоп и продолжало благоденствовать, плодиться и размножаться, пока однажды, заспорив о чем-то в городке под названием Вавилон, не решили построить башню высотой до самого неба...

Приведем обширную цитату из Библии, описавшей это событие:

"На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжем огнем. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя: Вавилон (от западно-семитского Баб Эл, "Врата Бога". — Прим. автора), ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле". (Быт. 1-9.)

Обратим внимание на то, что Библия допускает непростительный грамматический нонсенс: Господь видит (глагол в единственном числе), далее "сойдем же и смешаем" (глагол во множественном числе). Не правы ли те, которые ивритское "элохим" (Господь) переводят во множественном числе, то есть "сияющие". Таким образом Бог — не единая личность, а совокупность личностей! (Бравый экипаж межзвездной тарелки? Нечто вроде обладающего коллективным разумом роя?)

Но как бы то ни было, жители Вавилона явно расстроили Всевышнего.

...В добрые старые послепотопные времена Вавилон, очевидно, был чем-то вроде Парижа нынешних времен, Меккой туристов и средоточием торговых путей. Что привлекало к нему людей? Ну как же: чудеса и диковины, висячие сады, множество магов и волхвов, учивших своим магическим наукам (прообраз университетов), а еще женщины, женщины...

Покровителем города был любвеобильный бог Мардук-Бел, а главным религиозным актом было ежегодное торжественное совокупление верховного бога со жрицей из числа местных жительниц в его собственном храме Эсагила. Обряд совершал, замещая Мардука, главный жрец Вавилонии — царь.

В день весеннего равноденствия, вычисленный астрономами-жрецами с вершины Этеменанки, то есть на вавилонский Новый год, и происходил обряд "священного брака" — как кульминация 9-12-дневного праздника. Ритуал его был расписан до мельчайших подробностей.

"Второго нисана, за два часа до окончания ночи, встает жрец-шешгаллу и моется речной водой. Он становится перед Белом и обращается к нему с молитвой. Эта молитва — тайна Эсагилы. Кроме жреца-шешгаллу из Экуа, пусть Бел никому не показывается!"

Статуя Мардука, сидящего на троне, была из чистого золота. Перед ним стояли большой золотой стол и стул. На все вместе пошло 800 талантов (24 тонны) золота. Около храма стояли два золотых жертвенника — большой и малый, для мелкого скота, животных, сосущих материнское молоко.

Помещение (капелла) Мардука имело мраморные стены, украшенные золотом и лазуритом.

Еще одна золотая статуя Мардука-Бела высотой 6 м стояла в пределах Эсагилы под открытым небом, символизируя Вавилон.

По ритуалу совершались жертвоприношения, сопровождаемые музыкой и пением храмовых певцов. Вообще за

все дни праздника сжигалось воскурений (ладана) на 1000 талантов (30 тонн). Златокузнецу и резчику-столяру приказывалось изготовить несколько деревянных статуй, изображений, оставшихся неизвестными. Для этой цели из сокровищницы выдавали душистую древесину кедра и тамариска, золото и драгоценные камни. На шестой день, после прибытия в храм Мардука "гостя" — бога Нэбо из соседнего с Вавилоном города-храма Борсиппы, таинственные статуи обезглавливались "носителями мечей".

За жертвоприношениями следовали трапезы. За трапезами — ночные молитвы. Жрец-шешгаллу обращался к созвездию Ику — небесному подобию Вавилона. Затем он обращался к Мардуку и читал ему полностью "Поэму о сотворении мира", в которой Мардук чаще всего назывался Белом. И тогда начинались приготовления к встрече бога Нэбо, сына Мардука, бога письменности. Им были написаны таблицы судеб, находившиеся в "Храме судеб". Начиная с III тысячелетия до н. э. владение этими таблицами давало право притязать на мировое господство. Мардуку таблицы достались после победы над Тиамат — праматерью богов и владычицей моря.

Нэбо прибывал в Вавилон по своей дороге: поверх основания из обожженного кирпича она была вымощена красными и белыми плитами из брекчии (сцементированных обломков горных пород) и известняка; дорога проходила под Высокими воротами с драгоценным убранством и разноцветными воротами, украшенными изразцами с глазурью. Кончался путь у канала, где Нэбо ожидал корабль.

Тем временем в Эсагиле заканчивались приготовления.

Храм очищали, как записано на табличке:

"Когда минет два часа после восхода солнца, позовет он, как только стол для Бела и Белтии будет накрыт, жрецазаклинателя; и тот очистит храм и окропит из сосуда с водой из Тигра и из сосуда с водой из Евфрата. И ударит в медный литавр посреди храма. Сосуд для воскурений и факел приносит он в храм. Сам он останется во дворе, в свя-

тая святых Бела и Белтии он не войдет". Очищали также помещение Нэбо в Эсагиле; створки дверей мазали кедровым маслом. Затем отрубали голову овце, и жрец-заклинатель символически очищал святилище окровавленной тушей. После этого жрец выносил тушу из храма и шел к реке вместе с носителем меча, который нес голову овцы.

Они бросали жертву в реку и уходили в степь, потому что становились нечистыми, в них вселялись изгнанные из храма злые духи. В город они не возвращались, пока Нэбо "гостил" в нем. Были и другие гости из других городов; из города Ура прибывала богиня Иштар (Венера). Для нее в Вавилоне были сооружены специальные ворота, сверху донизу облицованные глазурованными изразцами-рельефами священных животных, сопровождавших богов — участников праздника: священный бык, дракон Мушхушшу, спутник самого Мардука. На пороге ворот стояли мощные быки из бронзы и чудища.

Боги встречались на дворе Эсагилы, пировали, определяли судьбы друг друга и царей. Царю полагалось держать ответ перед Мардуком. Жрец отбирал у него скипетр, кольцо и божественное оружие, царскую тиару и ударял его по щеке. Царь преклонял колена и позволял выдрать себя за уши. Он заявлял, что не грешил, не был небрежен к богу и своим подданным, заботился о Вавилоне. По велению Мардука царю возвращали его атрибуты и снова били по щеке. Если на глазах царя появлялись слезы, год обещал быть удачным. Во дворе храма приносили в жертву белого быка.

На девятый день боги отправлялись в процессию в честь Мардука. Статуи богов несли на драгоценных тронах-носилках. Ожидающую толпу вавилонян ошеломляло это шествие с громкими молитвами, дымом курильниц, блеском одежд и драгоценностей. Процессия спускалась к воде и погружалась на корабль. Царь Навуходоносор II, супруг Семирамиды, писал в табличке: "Корабль... судно с каютой, его блистательное судно, его нос и корму, его канаты, его борта, изображения львов и драконов я облицевал золоче-

ной бронзой, украсил драгоценными камнями, дал его блеску воссиять в светлых струях Евфрата, как звездам ночного небосклона, и наполнил его роскошью на удивление всем. В месяц загмук, в начале г., представил я Мардуку, господину богов, расположиться на нем и торжественно направиться к своему великолепному празднику, священному празднику акиту".

Судно плыло вверх по течению, на берегу его то и дело останавливали толпы молящихся. Наконец оно прибывало в загородный дом новогоднего праздника — Дом акиту.

До сих пор ученые спорят, где происходила кульминационная "святая свадьба" — в Эсагиле, на башне Этеменанки, где, по слухам, находилось ложе длиной в 5 и шириной в 2 м, или в Доме акиту. Ибо, совершив путешествие, Мардук с другими богами возвращался в свой храм Дорогой процессии — она называлась "аибуршабу", то есть "Пусть не существует тайный враг". Вдоль дороги, начинавшейся за городской стеной Вавилона, далее проходившей между высоким земляным валом, окружавшим царский дворец, и линией военных укреплений, тянулись стены, украшенные изразцовым фризом высотой 2,95 м, с полосами из розеток и с шагающими между этими полосами львами, спутниками Иштар. Шириной дорога была 20-24 м, длиной — 250 м, вне города. Вымощена она была обожженным кирпичом, поверх которого лежали плиты в три дорожки: по бокам белые, в середине красные.

Народ шел по этой дороге, держа в руках множество ритуальных предметов — глиняные кровати, столики, колесницы, кораблики, а также женские обнаженные фигурки с младенцами, сосущими грудь, и статуэтками других богов.

В черте города дорога, уже без стен и красно-белого покрытия, называлась "Иштар — защитница своих войск".

Возможно, это были "войска" влюбленных и супругов. Недаром по всей Месопотамии на память потомкам разбросаны глиняные культовые фаллические и женские половые органы — все это в гипертрофированном виде.

Праздник Нового года был тесно связан с плодородием. И не одни только боги вступали на этом празднике в "священный брак".

Той же цели были посвящены обряды, описанные Геродотом. Вавилоняне не видели греха в ритуальной проституции; девушки даже из аристократических семей по достижении совершеннолетия поступали служительницами в храм и продавали за деньги свою невинность чужестранцам. За год служения в храме молодая особа вполне созрела для того, чтобы стать своему будущему мужу верной и искусной женой.

Женские имена звучали тоже красноречиво: Ина-Эсагилирамат ("Любима в храме Эсагилы"); Итти-Мардук-балату ("Жить с богом Мардуком").

Неудивительно, что строительство ступенчатой башни (зиккурата) Этеменанки с храмом-ложем наверху (стороны квадратной башни в основании 91,66 м) приписывалось Семирамиде. Понятно также, что супруг ее, правивший в 605-562 гг. до н. э. царь Навуходоносор II горячо любил свою жену, несмотря на ее любвеобилие, и в ее честь приказал сотворить висячие сады с финиковыми пальмами, кедрами, смоковницами, миртами, алоэ и многими другими редкостными для степной безлесной Месопотамии деревьями и кустарниками, высаженными на ступенчатых террасах в искусственно насыпанную землю и в алебастровые вазы. Так он сотворил не что иное, как Седьмое чудо света.

Археологи, правда, спорят, были ли сады Семирамиды сооружены как пристройка к летнему дворцу царя в северном углу огражденного двойной стеной города площадью 16 км², или находились в западной части дворцового комплекса, спускаясь прямо к водам Евфрата, вдоль которого и протянулся Вавилон. Сплетничают и о том, точно ли Семирамидины были сады, а также существовала ли она вообще.

"Отец истории" Геродот, побывавший в Вавилоне в 500 г. до н. э., приписывает Семирамиде постройку камен-

ного моста через Евфрат и углубление русла реки, после чего та сделалась судоходной. Но наши современники опровергают Геродота: все это как раз сделал Навуходоносор П. А за Семирамиду, якобы мидянку, потомки принимали ассирийскую царицу Шаммурамат, жившую в IX в. до н. э.

Уже открыты города древнее шумерских, а "юный", пяти- или четырехтысячелетний Вавилон по-прежнему предмет пересудов, будто жизнь в нем не перестает кипеть и сейчас и будто нам о нем все известно. До сих пор слова "вавилонская блудница" звучат нарицательно (кстати, полагают, что так нарекли Семирамиду, якобы с чрезмерным рвением предававшуюся религиозным обрядам в честь Мардука).

Как аксиому, что "все дороги ведут в Рим", так же и все, что мы сейчас знаем и умеем и чем владеем, шло из Вавилона. Там придумали шестидесятиричную систему счисления: 12 месяцев в г., 60 минут в часе, 60 секунд в минуте; измерения по 360-градусной шкале. Там же придумали семь дней недели и само священное число 7 (как и 3), тот самый "таллант" — мера веса и удачи (29 кг 68 г), слово "херувим" и так далее, далее... Дни недели, названные по небесным светилам, сохранились у романо-германских народов, придя через греков и римлян: 1-й — день Шамаша (Солнца), 2-й — Сина (Луны), 3-й — Нергала (Марса), 4-й — Нэбо (Меркурия), 5-й — Мардука (Юпитера), 6-й — Иштар (Венеры), 7-й — Ниниба (Сатурна). Имена звездных богов здесь аккадские (семитские), они сменили шумерские имена тех же божеств; затем их сменили имена греко-римских богов, а потом появились романо-германские названия солнца и планет. Но принцип остался неизменным.

Вавилон был признанной столицей звездочетов, астрономов, астрологов. Этот город не раз бывал столицей возникавших и погибавших мировых держав. Последним хотел его сделать центром мира Александр Македонский. С этим замыслом он и умер в 323 г. до н. э. Вавилон — исток мировых религий, культов, обрядов, религиозных тради-

ций. Вавилон — самый большой и самый богатый город мира II — I тысячелетий до н. э., родина космополитизма и "смешения языков", город Вавилонской башни, Библии, город — "великая блудница".

Так не могло продолжаться вечно. Города имеют свои сроки жизни, они рождаются, расцветают и погибают — всему свое время, — как каждый человеческий или общественный организм. Строго говоря, существование Вавилона было нонсенсом со многих сторон. Погибнуть он должен был уже тогда, когда его жители дерзнули бросить вызов небесам и принялись строить свою супербашню. Чем ответили "сияющие" — массивной телепатической атакой или потоком жесткого гипер-пси-излучения, — нам неизвестно. Может быть, был послан просто гипнотический приказ "Отныне ты не понимаешь этого языка", — что, кстати, в силах проделать любой средней руки гипнотизер из тех, что выступает в цирке. Но в итоге что-то повернулось в головах предприимчивых вавилонян — и они разбрелись по свету.

А Вавилон? Можно было бы ожидать, что место это станет отныне проклятым и даже трава там расти не будет. Но напротив — он еще более расцвел. Во-первых, недостроенная башня привлекала в город многочисленных туристов, во-вторых, играла свою роль близость караванных торговых путей, в-третьих, все эти роскошные изразцовые зиккураты, храмы с пикантными девочками-жрицами, свобода нравов...

Вообще-то, древние не хуже нас с вами понимали, что туризм и торговля — основа процветания, и потому всячески украшали свои города, строили огромные храмы и пирамиды, устраивали красочные празднества и спортивные состязания, на которые стекалось огромное количество народа.

Обратимся же к моменту строительства башни. Эта тема, по крайней мере, не уступает по значимости "каре Господней" и также присутствует в Библии. Итак башня была

главной достопримечательностью Вавилона, его, если хотите, визитной карточкой, главной приманкой туристов. Однако она постепенно ветшала и приходила в негодность. Ремонт этой башни был, пожалуй, равновелик подвигу ее постройки. За это взялся царь Нувуходносор. К строительству его приучал его отец, основатель халдейской династии Набопаласар.

"Когда по велению Нэбо и Мардука, любящих мое царство, и при помощи оружия, сильного тростника (копья. — Прим. автора) принадлежащего грозному Эрре, который поражает молнией моих врагов, я победил Субарея (Ассирию. — Прим. автора) и превратил его страну в груды обломков и развалин, тогда Мардук, владыка Этеменанки, Вавилонской ступенчатой башни, которая еще до меня обветшала и обвалилась, приказал мне заново возвести фундамент в котловане на старом основании, чтобы глава башни могла высотой состязаться с небом. Я изготовил кирпичи, лопаты и формы для кирпичей из слоновой кости и эбенового дерева, отборной древесины и заставил многочисленных людей, созванных со всей страны, нести все это, лепить глиняные кирпичи, изготавливать обожженные кирпичи, бесчисленные, как капли дождя, падающего с неба... Бусы из золота и серебра, камни гор и морского побережья я разложил внутри его основания, белую драгоценную мазь, очищенное масло, благовонные травы и красную пасту я положил под кирпичи. Изображение моего величества, несущего корзину с кирпичом, я изготовил и заложил в фундамент.

Перед Мардуком, моим господином, я склонил выю, я подоткнул платье, роскошное одеяние моего величества, и носил на своей голове кирпичи и глину. Я велел сплести из золота и серебра корзины для кирпича, и Нувуходносора, старшего сына, любимца моего сердца, я заставил носить вместе с моими людьми глину, смешанное вино, чистое вино, масло и пряные травы"...

Найти и раскопать руины Вавилона европейцам оказалось необычайно трудно. Прежде всего потому, что доступ

в Месопотамию был почти полностью закрыт тяжелой дорогой через горы и пустыни, а также враждебно настроенными кочевыми исламскими племенами, уничтожавшими "неверных".

Потомкам исчезнувшая Месопотамская цивилизация предстала в виде курганов — могильных холмов ее, состоявших из строительного мусора. Оттого археологические раскопки Вавилона невозможно вести традиционными методами. Еще Роберт Кольдевей жаловался, что ему не под силу вывезти эти немыслимые завалы строительных отходов.

Видимо, точно так же погибла под собственными обломками, а вовсе не сгорела разрушенная в последний раз Ксерксом Вавилонская башня. Ее взялся было перестроить Александр Македонский. Говорят, будто он совершил вавилонский обряд венчания на царство: взятие статуи Мардука за руки с тем, чтобы тот встал с трона. Но Македонский умер, так и не приступив, в сущности, к объявленному строительству.

Что же касается "возгораемости" вавилонского кирпича, то объяснить ее просто. Дело в том, что основной строительный материал — глина — выветривается и вымывается дождями. Для формирования ее применялся порубленный тростник, солома, то есть получается тот самый "саманный" кирпич, из которого до сих пор кладут дома на юге нашей страны. Материал этот прочный, легкий, сохраняющий тепло в доме зимой и хранящий прохладу в летний зной. Но... действительно горючий.

Позже научились обжигать кирпич в печах. Но с топливом в Месопотамии было не совсем вольготно, обожженный кирпич стоил очень дорого, ему вели счет: на каждом ставилось царское клеймо. В связи с этим здания строили из сырцового кирпича, переложенного тростниковыми канатами и залитого асфальтом ("земляной смолой"). Толщина стен в огромных дворцах и храмах, а также в городских стенах достигалась именно таким способом. А вот

снаружи стены облицовывали обожженным кирпичом, ярко выкрашенным глазурью — синей, голубой, красной, черной.

Все здания стояли на высоких кирпичных площадках, а ниже — на насыпных холмах. Новые сооружения держались недолго: сырцовая кладка оседала, крыша проваливалась и здание приходило в негодность. Постоянное обновление строений было царской заботой, предметом гордости и похвальбы. Навуходоносор II говорит: "И Этеменанки, ступенчатую башню Вавилона, я заставил отделать асфальтом и глазурованным кирпичом, прекрасным, как день. Для перекрытия его помещений я применил в изобилии могучие кедровые стволы".

Непрерывная вавилонская "перестройка" — это и в самом деле гигантский труд. Несмотря же на склонность нового сооружения к разрушению, каждый раз строили "навечно". Это было священное дело, угодное богам. Еще есть версия о том, что храм наверху зиккурата разрушали сами строители: они, дескать, ежегодно строили его заново, чтобы каждый раз "священный брак" совершался в "новогодних стенах". Однако думается, что древние строители все же были людьми практичными и ограничивались косметическим ремонтом.

Пожар, возможный по ряду причин, в том числе и вовсе не от "карающей десницы", вполне мог бушевать и те семь дней, что отводят ему специалисты: тростник, без доступа воздуха, накапливал в себе гигантскую температуру, достаточную для плавления глины.

Первым европейцам, с риском для жизни посетившим Месопотамию, предстала унылая безлюдная равнина, окруженная Иранским и Армянским плоскогорьями на востоке и северо-востоке и Аравийской пустыней на западе. Однообразный унылый вид и курганы вдоль обеих рек, Евфрата и Тигра, стекающих с гор и впадающих в Персидский залив. В древности они сливались в 150 км от моря и имели общее устье. Жаркий климат и обилие степных трав,

превращавших равнину в пастбище, — вот и все дары природы. Остальное было сделано руками человека, поселившегося здесь.

Впрочем, 6000 лет назад страна Сенаар (Шумер) была не безлюдной пустыней, а страной цветущей, кормившей многомиллионное население. Климат позволял земледельцам на распаханных, ухоженных полях собирать два урожая пшеницы и ячменя. Разбросанные по равнине редкие финиковые рощицы тоже подвергались окультуриванию. Степные травы кормили огромные стада быков и баранов.

Но не все было безоблачно с природной точки зрения: равнина изобиловала хищными зверями, ядовитыми змеями, скорпионами, тучами комаров и песчаных мух. К концу лета степь выгорала, особенно к Евфрату, к которому подступали пески. После засухи начинались обильные дожди — осенние и зимние. Болота испускали ядовитые испарения. Свирепствовали холера, малярия, дизентерия, тропическая лихорадка. В апреле разливались реки: наводнения превращали страну в огромное озеро. Вода стояла на равнине шесть месяцев.

С древнейших времен уцелели земляные дамбы и укрепления от воды. Вся Месопотамию пересекали вдоль и поперек отводные каналы, стоки с полей. Каналы рыли параллельно рекам, вокруг городов и в самих городах. На улицах тоже были стоки. Отводили воду и в обширные озера, вырытые искусственно; два таких озера еще видны вблизи Вавилона. Откосы и дно каналов выкладывали камнями, привозимыми с гор.

И при всем этом равнина подвергалась постоянным завоеваниям: Вавилон завоевывали последовательно — амореи, ассирийцы, персы, касситы, парфяне и еще многие племена и царства. А народ строил города и храмы, разрушал и снова возводил здания, вез из дальних земель камень, металлы, драгоценности, древесину и саженцы, краски, материалы для изготовления стекла, вообще множество ремесленного сырья, рыл каналы и озера, очищал их, обжигал

глину, отвоевывал свою землю бесконечное число раз и, укрепившись, продолжал диктовать миру свою волю...

Ныне считается, что шумеры — пришлый народ. Откуда они пришли в междуречье Тигра и Ефрата, мы не знаем. Но следы их остались в предгорьях Копет-Дага и Эльбруса. А вблизи пустыни Каракум найдены родственные им развалины. Так появилась одна из теорий, наиболее логичных и все объясняющих. Жители пустыни попали в местность с невиданным изобилием воды, "в страну, текущую молоком и медом". И в то же время они были людьми гор.

Достичь этой местности им и помог бог гор — Энлиль-Бел. Для храма Энлилю они насыпали холм Э-кур — "Дом на горе". Горные народы ставили храмы на вершинах, отсюда и приверженность их к "искусственным горам" — пирамидам.

А потом пришли семиты, аккадское племя, создавшее Аккадское царство на севере Месопотамии. Аккадцы ринулись на юг и покорили шумеров, переняв у них язык, письменность, календарь. В конце концов они смешались в один народ — вавилонский. На самых древних рисунках шумеры и аккадцы — вместе. Шумеры с круглыми и бритыми головами и лицами. Глаза большие, большой прямой нос. Семиты — с длинными волосами и бородами, лица продолговатые, нос изогнутый и тонкий. Интересно, что в Вавилоне житейский, разговорный язык был семитский, а язык священнодействий, жреческий — шумерский. Молитвы, заклинания, священная история...

Бел, чей гнев не имеет подобия, Бел, благой царь, господин стран, делающий благосклонными великих богов, Бел, ниспровергающий своим взглядом могучих, господин царей, свет человечества, распределяющий судьбы, Бел, твое жилище — Вавилон, Борсиппа — твоя тиара.

В табличках из дворца ассирийского царя Саргона в Ниневии, найденных в 1849-1954 гг. и представлявших собой библиотеку Ашшурбанипала, вывезенную им из разрушенного Вавилона, прочли гимны богам, легенды о царях и ге-

роях, летописи ассирийских царей. В табличках — математика, астрономия, словари, учебники вавилонского языка, долговые документы, контракты о купле-продаже, завещания, печати. Ашшурбанипал собрал и сохранил все это.

Первый вавилонский царь-аморей Хаммурапи в прологе к своим Законам (1790 г. до н. э.) определил, в чем состоят царские добродетели, на своем примере. "Я, Хаммурапи, царь несравненный. Черноголовыми, которых дал мне Энлиль-Бел и власть над которыми поручил мне Мардук-Бел, я не пренебрегал, о них я не радел, я искал их блага. С могучим оружием, врученным мне Замамой и Инанной, с премудростью, дарованной мне Эа, с разумом, которым наделил меня Мардук, я истребил врагов вверху (на севере) и внизу (на юге), прекратил раздоры, устроил стране благосостояние, дал людям жить в безопасных местах, охранял их от нарушения спокойствия. Великие боги призвали меня, жезл мой — жезл правды, моя благая сень простерта над моим городом. На груди своей лелею я жителей Шумера и Аккада, а с помощью моего бога-покровителя и его братьев успокоены они в мире, моя премудрость их покрывает".

Хаммурапи провозгласил город Вавилон вечным обиталищем царственности; его жители получили привилегии, за которые крепко держались, ведь ореол царственного города признавали и покорявшие его персы, ассирийцы и другие завоеватели. Все правители-завоеватели "причащались" Вавилону через обряд "прикосновения к рукам Мардука, чтобы он встал".

Памфлет под вавилонским названием "Если царь не блюдет правосудия..." (700 г. до н.э.), а позднее под названием "Зерцало правителя" посвящен защите гражданских привилегий. Плохой царь тот, кто покушается на имущество граждан путем поборов, налагает на них тяготы и повинности, привлекает к военной службе, выносит неправильные приговоры и вообще не считается с привилегиями, "написанными на стелах", то есть с законами Хаммурапи.

Поскольку Вавилон есть средоточие мира, неприкосновенность его крепка. Даже собака, вошедшая в город, не

может быть убита. Ашшурбанипал сообщает, что он сам переписал и сверил этот текст "для моего постоянного чтения".

С тех пор нашли еще множество глиняных, изредка каменных, архивов на табличках, надписей на стенах, каменных столбах и скалах предгорий. Табличками и списками с надписей наполнили все музеи современного мира. Но их до сих пор ищут и находят. Общее количество превысило уже 25000.

Вавилоняне отомстили Ассирии и разрушили дворец Саргона, с помощью мидян восстановив мировое Вавилонское царство. Но архивы отчего-то обратно не вывезли.

Переписка между тем велась интенсивная. Письма (глиняные таблички) вкладывались в глиняные же футляры ("конверты").

Точно пригнанный футляр обжигался в печи вместе с письмом. При получении футляр, на котором был адрес, разбивали. Зато хранили письмо.

Билингвы, двуязычные надписи, сыгравшие свою золотую роль в расшифровке древнекоптского письма египтян, предпринятой гениальным Шампольоном, в вавилонских табличках встречаются не единожды. Есть и трехязычные тексты, но ни один из этих языков не был знаком ученым.

Первый перевод осуществил немецкий учитель Георг Гротефенд в сентябре 1802 г. Для сравнения он взял новоперсидские части двух надписей. До него был известен всего один клинописный значок — отделение слова от слова. Слова состояли из знаков числом до десяти. Гротефенд решил: это буквы, а не слоги. Он отыскивал повторяющиеся слова. Затем — догадка: ведь повторяться столь часто могут имена и титулы царей. По-гречески и по-римски имена и титулы восточных царей передавали так: "М, царь великий, царь царей, №4 царя сын". К примеру: "Дарий, сын Гистаспа; Ксеркс, сын Дария". Ксеркс был первым именем, прочитанным в клинописи. Гротефенд проверил имена царей по Библии; по сравнению с нею, имена отличались зву-

чанигм: Кхшхерше, Дархеуш, Гоштасп. Прочитал исследователь и имя бога Ахурамазда, и слово "великий". Но открытие Гротефенда не произвело ни на кого впечатления и было опубликовано только через 80 лет.

Когда в Египте нашли алебастровую вазу из Вавилона с надписями на четырех языках, один из которых был иероглифический, а три клинописные, вазу послали Шампольону. Он-то и прочитал опять то же имя: Ксеркс.

Всего в вавилонских надписях насчитано 500 разных знаков.

Через 50 лет после Гротефенда англичанин Генри Раулинсон прочитал гигантскую надпись на скале — это был рельеф из Персеполя. Бехистунская скала в Загросе поднимается на высоту 1000 м почти отвесно над равниной.

Начиная со стометровой высоты на скале сохранилась клинопись на вавилонском и персидском языках и рельефный рисунок. Больше десяти лет Раулинсон перерисовывал эти знаки — четыреста двадцатиметровых строчек. На рисунке царь Дарий, а перед ним 9 бунтовщиков со связанными сзади руками, а сам он попирает ногами поверженного врага. Надпись повествовала о том, как царь Дарий справился с бунтом и сел на трон царств, им тут же перечисленных.

После копирования (с риском для жизни — все-таки скала!) Раулинсон обнаружил в надписи более 200 имен царей, царств и народов...

Кроме имен, первыми словами, прочитанными в клинописи, были "царь", "народ", "страна", "бог".

Но все еще неизвестно было, на каком языке говорили вавилоняне и ассирийцы. Ассирийцы оставили учебные таблички-словари: они изучали вавилонский язык. И когда с их помощью наконец прочли слова вслух, то в звучании сразу обнаружилось огромное сходство с древнееврейским языком.

Позже прочли шумеров. В шумерских табличках удалось подобраться к истокам клинописи. Они писали не знаками, а штрихами — рисунками предметов.

Клинопись — сложное письмо: знаки, идеограммы, слоги, слова, звуки в них можно толковать как угодно. И, в общем-то, толкуют до сих пор.

Дольше всех из старинных начертаний держались круги и полукружия, а также идеограммы царей и богов — звездообразные знаки. Так, Иштар изображалась в виде восьмиконечной звезды, рядом с солнцем и луной. Мардук же — в виде копья.

Конечно же, владевшие грамотой вавилоняне умели читать письма. Это обстоятельство также подталкивает ученых к тому, чтобы досконально овладеть утерянным и восстанавливаемым способом передачи информации.

Но вернемся к Вавилону.

Громадный, шумный, квадратный или прямоугольный по форме, обнесенный двойной стеной город имел от 100 до 500 тысяч жителей.

Наружная стена города представляла собой насыпной вал не менее 25 м высоты. Кирпичная внутренняя стена, по слухам, достигала 90 м. Внешняя стена была шириной 7-12 м. Через каждые 52,5 м на ней стояли прямоугольные башни шириной 8,37 м. За 12 метров до стен был вырыт широкий и глубокий ров, заполненный водой. Через него были перекинуты крытые мосты.

Со стороны Евфрата стена смыкалась с высокими набережными. Вместе с укрепленными пристанями западная, обращенная к Евфрату сторона Вавилона представляла грозный бастион.

Восемь (а не сто, как у Геродота) медных наглухо запирающихся ворот вели из города к городам-храмам богов. Ворота Иштар — дорога в ее город-храм; Ворота Сина — на Тигр; Ворота Мардука-Бела, называвшиеся Гишшу, — дорога в Кугу; Ворота Забабы, или Нинурты (бога войны), — дорога в Киш; Ворота Энлиля — в Ниппур; Ворота Ураша — в Дильбат (это дорога Нэбо из Борсиппы); Ворота Шамаша — дорога в Ларсу; Ворота Адада — в Акуц.

Еще одни — Священные ворота — находились в самом городе, в Эсагиле; они были украшены гербом Вавилона — драконом. К Священным воротам вела улица бога Нергала Радостного, или, по-другому, улица Мардука.

Внутри города ворота выводили на прямые, взаимно пересекающиеся проспекты. Планировке города удивлялись жители других стран цивилизованного древнего мира: ни о каких проспектах не знали ни греки, ни египтяне...

Кроме того, город делился внутри еще одной стеной в восточной части; а также каналом Арахна. В результате исторических передраг менялось и русло Евфрата: персидский царь Ксеркс пустил его по городу, но это случилось уже в позднейший период истории Вавилона.

Многочисленные стоки, арыки, водопроводы, фонтаны во дворах домов регулировали извечную месопотамскую проблему, связанную с переизбытком воды.

Проспекты делили город на восемь глухо изолированных друг от друга кварталов; почти все более или менее большие улицы Вавилона запирались с двух сторон медными воротами.

Наиболее роскошными районами Вавилона считались "Дом царского дворца" в его северной части с летней резиденцией царя, всеячими садами и виллами знати, а также центральная часть города с Храмом Эсагиллой, южным царским дворцом и окружающими дворец храмами других богов, среди которых красивейшим и внушительнейшим был храм Иштар-Нинмах, ныне восстановленный. Вообще в Вавилоне насчитывалось 53 храма, 955 целл (помещений-часовен для фигур богов) и 384 уличных алтаря, не считая алтарей домашних.

Улицы Вавилона были покрыты плотно утрамбованными остатками строительных материалов, в городских домах полы были глинобитными.

Геродот восхищался красотой улиц Вавилона с 3-4-этажными домами. Однако внутри кварталов начинались узкие улочки и тупики с глухими стенами без окон. Иногда эти улочки были крытыми — над ними нависали соединив-

шиеся кровли домов. О тесноте прижимавшихся друг к другу строений могут поведать многочисленные тяжбы, записанные на глиняных табличках. Судились за право ступать по определенной части проходов, за деревянные балки, соединяющие стены. Вот вам наглядный пример:

"В 527 г. Итти-Мардук-балату, сын Набу-аххеиддина, потомка Эгиби, купил у Забабы-иддина, сына Белиддина, потомка Ададусине, дом у Ворот Гишшу за 4,5 мины (2,25 кг — Прим. автора) серебра. Вплотную к этому дому был пристроен другой дом, принадлежавший Забабе. В 522 г. сосед Итти умер, а его сын захотел купить и второй дом. Забаба отказался. Тогда сын Итти по имени Мардук-Нацир-Анли решил пойти на конфликт. Ссора произошла по поводу того, что балки в доме Забабы были укреплены в стене дома. Итти, сын покойного, потребовал убрать балки, то есть разломать крышу. Или же продать дом. Суд признал стену собственностью сына и обязал Забабу убрать балки, не трогая дренажных труб и бревен в стене; а также возместить ущерб дому истца и внешнему виду улицы".

Вавилон был городом многонаселенным, и частных домов на всех не хватало. В основном помещения арендовали. Причем в сырцово-кирпичных домах самой ценной вещью были деревянные двери. Арендатор, въезжая в дом, привозил с собой свои собственные.

Горожане, называемые "дети Вавилона" или "сыны Вавилона", не только молились богам и тяжело трудились. Они вели кипучую жизнь, судясь, торгуясь, спекулируя, подыскивая своим рабам выгодные оброки. В шумном Вавилоне каждому находилось множество занятий, а также разнообразный досуг. Рестораны, трактиры, публичные дома, притоны для многочисленных тогдашних "бомжей".

Эти притоны содержали большей частью оброчные рабы и рабыни; к тому же трактирщицы часто совмещали свои хозяйские обязанности с проституцией. Немало было в Вавилоне и всякого рода преступников. Интересно, что разбой тоже считался профессией: в Вавилоне можно было

получить диплом мастера уголовных дел. На одной глиняной табличке был запечатлен оригинальный для нас, но обычный для Вавилона контракт. Некий вавилонянин обязался за 2 года и 5 месяцев обучить свободного человека профессиям бандита и сутенера. За это он получал доход от "работы" и 17 г серебра "на угощение". В случае неудачи (!) ученик имел право взыскать с учителя по суду 15 литров ячменя за каждый день.

Сыщик Бел-надин-апли однажды напал на следы тогдашней мафии и, минуя инстанции, донес об этом царю. Члены банды напали на царский полицейский пост и перебили гарнизон. Сыщик установил, что они связаны с разбойниками вне города. "Пусть царь поскорее прочтет этот донос, чтобы мужчины не ушли к разбойникам", — до сих пор взволнованно звучат слова сыщика на табличке.

Но, конечно, Вавилон был прежде всего не разбойно-развратно-ростовщическим городом, а центром науки и ремесел, родиной театра и оригинальных диалогов. Кстати, Вавилон был законодателем древней "всемирной" моды.

Космополитичность одежды рано проявилась как раз в Вавилоне. Уже первые вавилонские цари совместили в своем одеянии традиции шумерские и аккадские: на голове они носили семитскую шапку-тюрбан (похожую на головной убор египетских царей), а плащ был шумерским.

По Геродоту, вавилоняне одевались так: спускающийся до пят льняной хитон, поверх него другой, шерстяной, затем белый короткий плащ. Обувь — кожаные башмаки. Волосы скреплялись повязкой вокруг головы.

Каждый мужчина носил с собой посох, украшенный сверху яблоком, розой, орлом, лилией. Также при себе вавилоняне постоянно держали печати — цилиндры, призмы, конусы из драгоценных и полудрагоценных камней или обожженной глины — для скрепления договоров. Женщины в Вавилоне имели все юридические права, владели собственностью и тоже скрепляли сделки своими печатями. Сохранились и царские печати — цилиндры из лазурита.

Одежды вавилонян были разноцветными, яркими — красными и синими. Кстати, это любимые цвета Вавилона.

Также носили желтые, зеленые, коричневые, черные и белые одежды. Их обильно покрывала вышивка. В ходу была косметика и украшения — серьги, перстни, браслеты, ожерелья, пряжки, броши из серебра, бронзы, меди, железа и драгоценных камней. Народ попроще носил обычно разноцветные туники.

Деньги в Вавилоне были серебряными; но и зерно служило мерой торгового обмена из расчета 1 кг серебра за 60 кг зерна. Эталонный талант был найден в одном из хозяйственных помещений Эсагилы. Это слиток серебра в форме сидящей утки с надписью, заверяющей истинную точность веса. Торговцы пользовались гирями-камнями в форме яйца. Вначале серебро взвешивали; потом деньги постепенно превратились в куски серебра с царской печатью. Векселя писались в форме простых глиняных табличек; однажды подделавший такой вексель вавилонянин на суде принялся грызть табличку, чтобы ее уничтожить... Весьма знакомый прием, не правда ли?

Ремесленники Вавилона были известнейшими в мире мастерами. Художники, скульпторы, резчики, златокузнецы, ткачи и вообще люди всех профессий ценились настолько высоко, что и после падения Вавилона нашли себе занятия в других странах; их попросту вывозили в большом числе.

Тогда же был заложен главный принцип здоровой государственной экономики: Вавилон торговал с другими державами и племенами исключительно собственной продукцией, а ввозил только сырье. Спрос на вавилонские изделия был так высок, что, например, вышитые льняные ткани соперничали у царей, вельмож, богатых людей в Греции и Лидии с египетским виссоном (секрет которого, кстати говоря, утерян). Славилась и поделка из стеклянного сплава "под лазурит". Изобретение вавилонян — кожаные бурдюки, наполняемые воздухом, игравшие роль понтонов для мостов. Они входили в воинскую амуницию.

Особым почетом пользовались вавилонские жрецы. При всех завоеваниях Вавилона они оставались неприкосновенными и продолжали творить заклинания, совершать обряды, вести астрономические наблюдения, обучать в храмовых школах. И конечно, проводить празднования Нового года в дни весеннего равноденствия.

Даже чужеземцы, в разные времена правившие в Вавилоне, с должным почтением относились к новогоднему празднику, всячески давали понять, что ценят его. Ни ассирийские, ни персидские цари не пропускали этого события и считали необходимым подчиняться всем предписаниям установленного ритуала. Если царь сам не приезжал в Вавилон, то в отдельных случаях допускались его "заместители" из числа родственников. Так, Кир Персидский вместо себя послал сына Камбиза. Известны случаи, когда жрецы готовы были довольствоваться хотя бы царским одеянием.

Сохранилось письмо, в котором жрецы просят ассирийского царя Асархаддона прислать свой наряд в город Харрон на Праздник акиту. "Священное совокупление" женщины с царской одеждой становилось, естественно, символическим. Но в конце концов чужеземные цари перестали посещать Вавилон, и жречество разбрелось по свету вместе со строителями, художниками, ремесленниками.

А начало вольнодумству положил не кто-нибудь, а законный вавилонский царь Набонид, родом вавилонянин. Его мать служила царям Набопаласару, Навуходоносору, Нергал-Шарру-уцуру как жрица бога Сина (Луны). Она помогла сыну взойти на престол. Но тут Набонид поссорился с родным городом. Вавилоняне отказались платить подать — урашу, то есть строить Храм Сина — башню Эхулхулу. Тогда Набонид отменил празднование Нового года и покинул Вавилон на 10 лет. Беспрецедентный случай — царь объявил войну родному городу! Он ушел в Аравию и создал там себе царство, блокировав караванные пути в Вавилон. В 546-544 гг. до н.э. в Вавилоне свирепствовал голод. А потом в 539 г. до н. э. его завоевал Кир.

Евреи жутко завидовали богатству Вавилона, наверное, поэтому каждый библейский пророк предрекал ему гибель и разорение. Соломон даже отгрохал Иерусалимский храм, чтобы утереть нос вавилонянам. Те же на подобные выходки отвечали очередной победоносной войной. Но однажды прозвучало грозное "мене, текел, перес" — и настал закономерный конец.

Библия описывает это так. Однажды, во время пира, царь Валтасар "для поругания Бога истинного и восхваления своих идолов" приказал принести сосуды, которые его отец Навуходоносор взял из Иерусалимского храма, и пил из них сам и все присутствовавшие с ним. За такое кощунство последовал суд Божий: в воздухе явилась рука, которая писала на стене какие-то "огненные письма".

Валтасар затрепетал от ужаса и закричал, чтобы к нему привели гадалей. Пришли мудрецы вавилонские, но никто из них не мог даже прочитать написанного. Тогда великомудрая царица порекомендовала обратиться к пророку Даниилу, который вообще-то состоял у царя на службе, но в то время был удален от царского двора.

Когда пророка привели, царь сказал ему: "Если ты можешь прочитать и объяснить написанное, то будешь одесен в багряницу, и золотая цепь будет на шее твоей, и будешь третьим властелином в царстве".

Даниил от награды отказался и напомнил царю, как Бог вразумил возгордившегося Навуходоносора. "И ты, царь, зная все это, не смирил сердца своего, восстал против Господа небес и пил из сосудов Дома Его, величал бездушных идолов, а Бога, в руке Которого дыхание твое и все пути твои, ты не прославил. За это и послал Бог руку, начертавшую эти письма. Вот что тут написано: мене, текел, Перес: мене значит — исчислил Бог твое царство и положил ему конец; текел значит — взвесил тебя и нашел очень легким; (по некоторым источникам звучит как "упарсин". — Прим. автора) перес значит — разделил твое царство и отдал мидянам и персам".

Царь сразу же наградил Даниила, как обещал, хотя как правило, за подобные пророчества в те времена карали весьма строго. В ту же самую ночь войска мидян и персов под водительством царя Кира персидского вторглись в город и овладели им. Валтасар был убит. Даниил был столь же щедро награжден персами и поступил на службу к Киру. Так пало Вавилонское царство.

Впрочем, Вавилон пережил не одно падение.

Пожалуй, самым шумным вторжением в Вавилон было вторжение персидского царя Дария.

Об этом событии рассказывают такую легенду. Когда персы впервые неудачно осадили Вавилон, то вавилоняне дразнили их, крича со стен: "Зачем, персы, вы праздно сидите здесь и не уходите. Вы овладеете нами, когда ожеребится мул!"

И представьте себе, что ровно через 1 год и 7 месяцев неожиданно ожеребилась мулица у некоего Зомира, сына Мегабиза. Зомир отрезал себе нос, уши, остриг волосы в кружок, исполосовал тело бичом и предстал перед Дарием.

Тот ужаснулся, но Зомир предложил ему план взятия Вавилона. Под видом перебежчика, которого якобы избил Дарий (так вот для чего понадобилось уродовать себя!), Зомир проник в город. На народном собрании он упросил вавилонян дать ему возможность отомстить обидчику. Зомир сделал три крупные вылазки и, по договоренности с Дарием, разгромил и обратил в бегство крупные отряды персов. Тогда обрадованные вавилоняне поручили ему главнокомандование и оборону стен. После чего Дарий начал штурм. И тогда Зомир открыл ему Ворота Забабы (Касситские) и Ворота Гишшу (Бела). Так пал величайший город мира.

Дарий срыл вавилонские стены, снял ворота. 3000 знатных вавилонян посадили на кол. Остальных жителей царь простил и прислал им пятьдесят тысяч женщин из других стран "на потомство". Зомира же он назначил правителем Вавилона пожизненно.

Клинописные автографы Дария рассказывают об этом более скупо. В 522 г. до н. э. Вавилон провозгласил своим царем Навуходоносора III. Дарий, подавив восстание в Эламе, разбил вавилонские войска на Тигре и Евфрате и овладел Вавилоном, казнив Навуходоносора III. Затем, пока Дарий боролся с мятежниками на других концах своей обширной империи, в Вавилоне снова вспыхнуло восстание и появился Навуходоносор IV. 27 ноября 521 г. до н. э. войско Дария снова одержало победу. Навуходоносора IV посадили на кол. Впрочем, к тому времени Вавилония и так была персидским владением (напомним, что в 538 г. до н. э. ее подчинил себе великий Кир), так что поход Дария — всего лишь расправа с бунтовщиками, не более того.

При Дарий Вавилония вместе с Ассирией составила IX сатрапию, платившую дань в 1000 талантов (30,3 т) серебра и 500 мальчиков-евнухов. Ее области расчленили.

Дарий не стал вывозить статую Мардука, но принял титул царя Вавилона.

В 486-484 гг. до н. э. в Вавилоне вспыхнуло новое восстание. Самозванец Бел-шиманни провозгласил себя царем Вавилона, царем стран. Его сверг Ксеркс, сын Дария, севший на вавилонский престол. В 482 г. до н. э. Ксеркс увез статую Мардука из Эсагилы.

Александр Македонский прославил Вавилон только тем, что умер в этом городе от тропической лихорадки, подхваченной во время Индийского похода. Никогда больше Вавилон не был столицей.

Кстати, среди неразгаданных тайн Вавилона есть и такая: все цари, которые разрушали Вавилон и похищали главную святыню — статую Бела-Мардука, — умерли насильственной смертью от руки собственных родичей. Хеттский царь Мурсилис I (начало XIV в. до н. э.), ассирийский царь Тукульти-Нинурта I (1244-1208 гг. до н. э.), эламский царь Кудур-Наххунте (693-692 гг. до н. э.), ассирийский царь Синаххериб (704-681 гг. до н. э.) и персидский царь Ксеркс (485- 465 гг. до н. э.).

Не нарушил ли и Александр Великий какой-либо из законов Мардука?..

Однако даже скрывшись с глаз людей, вместе с многочисленными городами древней Месопотамии, Вавилон из века в век сохранял свое имя. Оно дошло до нас в названии арабской деревушки возле холма Бабиль, под которым погребены остатки летнего дворца Навуходоносора в северной части (остром углу) Вавилона. А славу исчезнувшего города — "чуда света" — разнесли по миру халдеи — жрецы древних богов, прорицатели, астрологи, чародеи, врачеватели.

Первыми землепроходцами в Месопотамии оказались католические монахи. Правда, в XII веке Месопотамию посетил некий Вениамин из Туделы, чтобы пересчитать жившие там еврейские общины. Католические монахи обратили внимание на загадочные курганы, протянувшиеся вдоль Тигра и Евфрата. В 1765 г. генеральный викарий Бошан напечатал в парижском журнале свои путевые заметки о путешествии по Евфрату от Багдада до Басры. Еще он прислал в Париж глиняные дощечки с клинописными знаками (это были деловые контракты).

"Необходимо раскопать курганы", — писали монахи Эммануэль де Сент-Альбер из Багдада и д'Анвилль. Но серьезнее всех оказались руководители Ост-Индской Компании, торговавшие с Месопотамией товарами из Индии. Резиденты Компании, жившие в городе Мосул, собрали коллекцию находок из курганов и в 1801 г. впервые прислали ее в Лондон. Это были клинописные таблички из деревни Гилла на месте Вавилона. Требования раскопать курганы повторялись все настойчивее. Между тем курганы уже всюду раскапывались: арабы брали оттуда необожженный кирпич, чтобы сложить очаг или подпереть стену тростниковой хижины.

Первые археологические раскопки осуществил за свой счет сотрудник Ост-Индской Компании Джеймс Рич; но из-за нехватки сил, средств и умения он вскоре бросил это занятие. В 1842 г. французский консул Ботта приехал в Мо-

сул, чтобы также приступить к раскопкам. Он собрался раскапывать Вавилон. По профессии натуралист, богатый человек, Ботта вложил в это дело все свои средства. Его не останавливала даже одна весьма существенная деталь: он не знал, где находился Вавилон. Не знали этого и другие любознательные искатели. Ботта начал копать в селении Гуюнджик, старинной Меспиле. Историк Ксенофонт в 300 г. до н. э. писал, что оттуда видны развалины Ниневии (столицы Ассирии). Ни до чего не докопавшись, Ботта по совету арабов пошел в деревню Хофсабад: роя могилы, местные жители находили там куски камней с рельефами. В результате Ботта открыл ни больше ни меньше как Ниневию! Это были развалины дворца ассирийского царя Саргона: комнаты, тронный зал, по стенам рельефы на каменных плитах — сцены царской охоты, военные. Все вокруг было усеяно клинописью. Арабы же едва не прогнали Ботта со смертельными угрозами: они испугались выкопанной головы крылатого быка выше человеческого роста. Издревле крылатый бык был символом Ассирии. Спустившись далее в подвал дворца Саргона, археолог открыл нечто невиданное — архив и библиотеку. Глиняные таблички, обожженные и не обожженные, принадлежали ассирийскому царю Ашшурбанипалу и были вывезены из разрушенного Вавилона. Оказалось, что таблицы были пронумерованы: "Серия таблиц такая-то, по счету таблица такая-то, дворец Ашшурбанипала, царя вселенной, царя Ассирии".

В 1899 г. в Месопотамию прибыл немецкий археолог Роберт Кольдевей. Ему первому удалось значительно раскопать Вавилонское городище — группу холмов площадью 16м². С тех пор и по сей день раскопки продолжаются, однако достигнуто не так много. Вавилон, до сей поры пользующийся покровительством Мардука, никому ничего "не показывает". Однако немецкие археологи установили план города с каналами, главными улицами, стенами и зданиями.

Археологи не смогли сдержать эмоций, когда перед ними внезапно возник холм, "вырвавшийся из мрачного кипе-

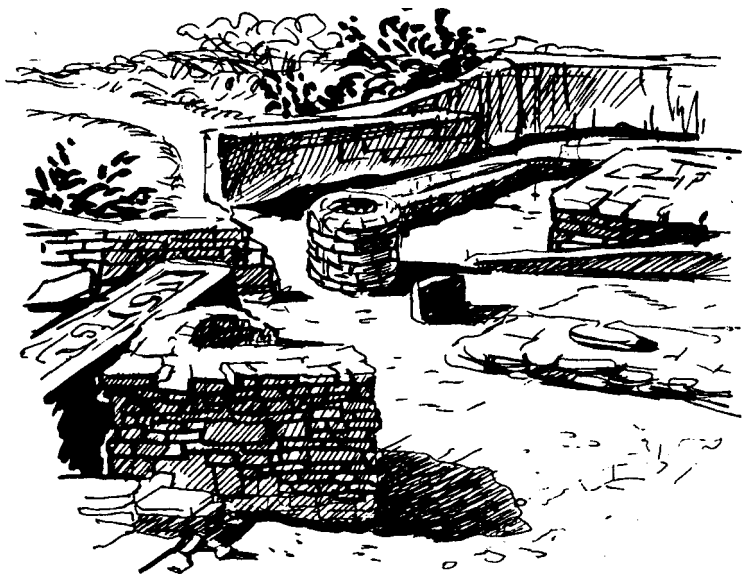
ния туч..." и так далее. Впрочем, не прозрение ли посетило их: им показалось, что они видят оплавленные кирпичи Вавилонской башни. В самом деле, кто, как не "карающая десница Господа", мог оплавить эти кирпичи, — однако не Вавилонской башни, а зиккурата с храмом Нэбо в Борсиппе. Кирпичи превратились в "пузырчатые, "базальтовые" комья"... Так должны были гореть они при температуре до 1200 градусов не менее семи дней.

Раскопанный в Борсиппе холм Бирс-Нимруд поначалу приняли за центр Вавилона, отчего предположили, что город простирался на многие десятки километров. Правда, Вавилон и так оказался очень большим городом: когда в IV веке до н.э. войско Македонского вошло в Вавилон, в некоторые кварталы эта весть не успела прийти.

Как только начались раскопки Вавилона, к его руинам потянулись толпы людей разного цвета кожи, национальностей и вероисповеданий. Поток не прерывается и доныне. Все хотят увидеть Вавилон своими глазами; люди, не имеющие отношения ни к археологии, ни к исторической науке, испытывают неодолимую потребность убедиться в том, что Вавилон и его чудеса были на самом деле.

Но многих ждет разочарование. Даже раскопанные в прошлом и начале нынешнего века руины снова занесены песком, многое рассыпается. Город не возвышается над местностью, а утопает в глубинах строительных холмов-курганов. Большая часть Вавилона не раскопана. Реконструирован лишь один храм Иштар-Нинмах да часть царского дворца. Героическое стремление правительства Ирака превратить Вавилон в самый большой музей мира, восстановив его полностью, становится еще одной, современной легендой Вавилона. Климат, почва, вода и солончаки, бедность страны, разбросанность экспонатов по музеям мира и неспособность нынешнего правительства Ирака "найти общий язык" с богатейшими странами-инвесторами — эти причины "вавилонского столпотворения" наших дней мешают возрождению "чуда света". Может быть, поначалу надо вернуть в Вавилон статую Мардука-Бела?

ГЛАВА VIII. Тайны исчезнувших библиотек

Сокровища древнего Пергама

В 1870-х гг. в Малой Азии искал древности не только знаменитый впоследствии Генрих Шлиман, откопавший Трою. Имя другого немца, тоже не профессионального историка и археолога, а инженера-путейца Карла Хумана стало известным благодаря тому, что, работая на строительстве железной дороги в Турции, однажды он совершенно неожиданно приобрел в собственность высокий холм в окрестностях города Бергамо. Вернее, не весь холм, а один из его склонов. И если это приобретение не насторожило власти, то уже следующий шаг инженера должен был насторожить, но...

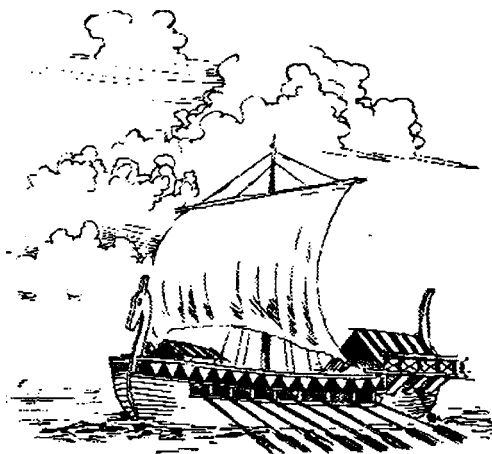
Предприимчивый немец подписал у самого султана бумагу, по которой любой кусок старого мрамора, найденный на этом холме, признавался собственностью кайзеровской Германии.

Нетрудно догадаться, что таким "куском" вполне могла оказаться, например, древняя статуя или часть архитектурного сооружения эллинской или римской эпохи.

Но никому и в голову не могло прийти, что Хуман стал хозяином развалин целого города Пергама, основанного в XII веке до н. э. древними греками.

Видимо, в период расцвета (и заката) греко-микенской культуры Критская цивилизация, предшественница Эллады, расширила границы влияния на многие области по берегам Средиземного моря. Скорее всего, она контролировала не только воды этого моря, но и значительной части Атлантического и Индийского океанов. Как бы то ни было, примерно к тому же времени, когда был основан Пергам, относятся знаменитое путешествие аргонавтов во главе с честолюбивым Ясоном, гибель Трои (по крайней мере, Троянская война) и события, ей предшествовавшие. Это говорит о том, что греческие города-колонии не были редкостью в Малой Азии.

Да, это был древний Пергам, о чем догадался Хуман, со- поставив имя с городом Бергамо. Правда, Пергам покинутый и разрушенный, но именно Пергам: об этом свидетельствовали надписи на

некоторых частях античного мрамора, попавшего в более поздние, средневековые стены.

Как и многое другое, античный Пергам оказался не вымыслом древних авторов, а реально существовавшим городом.

Карл Хуман увлеченно начал раскопки. Правда, было это уже в 1882 г. Да и то поначалу он нанял профессиональных археологов и стал копать лишь после того, как они сняли точный план местности. Но зато, когда раскопки начались, ожидаемое померкло перед действительным: за много лет Хуман раскопал, обнаружил и отправил в Германию огромное количество шедевров древнего искусства. Только первая мировая война помешала вести раскопки непрерывно. Кстати, в той войне Германия, бывшая союзником Турции, сумела использовать и ту железную дорогу, на строительство которой уже никогда не вернулся Карл Хуман.

А еще Хуман раскопал сам город, оказавшийся неординарным даже для древних греков.

Вероятно, условия жизни колонизаторов не были столь уж прекрасными: ведь не следует забывать, что в те времена Тавром и Антитавром владели могущественные хетты, которых побаивались самые великие египетские фараоны.

По крайней мере, хлопоты, доставляемые владыкам Обоих Египтов хеттскими возмутителями, зафиксированы даже в переписке царя Аменхотепа III и его сына Эхнатона, найденной в Ахетатоне. О том, что первоначально греческий, а с III века до н. э. скорее римский, чем греческий, Пергам вынужден был иметь надежную защиту от "аборигенов" сих мест в районе мелководной реки Каик, говорит двойная крепостная стена, опоясывающая древний город. А сам город был расположен целиком на холме высотой 270 м.

Соображения безопасности заставили правителей Пергама в III веке до н. э. искать высоких и могучих покровителей: они выбрали Рим. А последний царь Аттал III заве-

шал Риму свое царство со столицей в Пергаме в полную собственность. С тех пор процветание и защита Пергама как центра искусств и науки в Малой Азии стали уже заботой римских правителей. В отличие от завоеванных городов Пергам римлянами не разрушался, а только все более обустроивался. Ведь он стал центром римской провинции Азия.

Многие художники еще до римской эпохи строили и украшали Пергам. У этого древнего города, вознесшегося на скалу, был весьма необычный вид. Главные улицы, опоясывавшие крутой холм, представляли собой не улицы в прямом смысле, а две мощенные плитами извивающиеся серпантинном петли, поднимавшие жителей и путешественников на самую вершину; они сходились у стен акрополя. Здания и сооружения той и последующих эпох возводились с учетом рельефа, поэтому там, где было можно, из камня вырастали классические колонны, поддерживавшие изящные своды. Правда, в местах, где естественной скальной породы оказывалось недостаточно, из того же камня надстраивались стены и парапеты. Когда же здания приходили в негодность или разрушались естественным путем, новые поколения строили их заново, не меняя ни планировки, ни основной градостроительной концепции. Если бы не традиционный эллинский дух, требовавший от внешнего вида города воздушности и величия одновременно, то холм Пергама, скорее всего, представлял бы собой нагромождение ячеек, схожее с термитником. Здесь этого не произошло: Пергам не похож на традиционно восточные города. А акрополь на вершине создавал впечатление увенчанности холма короной.

Примерно на середине склона холма находилась обширнейшая терраса, заменявшая горожанам площадь. Она живо вписывалась в ансамбль города. Терраса поддерживалась стеной, выстроенной как мощное подпорное сооружение. Выше располагался прямо по склону амфитеатр из девяти рядов, выбитых в камне в форме подков возраста-

ющих размеров, из-за чего создавалось впечатление водопада. Подковы — это ряды зрительских мест, и всего этот театр вмещал четырнадцать тысяч зрителей. Крутизна "зрительного зала" составляла 46 м.

Все дворцы и храмы Пергама архитектурно уравновешиваются громадным амфитеатром. Он является душой всего ансамбля. Однако римляне внесли здесь одно существенное дополнение: над самой "короной", над акрополем возвышаются колонны римского храма. Его громада тоже впечатляет и не оставляет сомнений в том, чья это земля, центром чьей провинции является Пергам. Его колонны сделаны из цельных кусков камня, а стоят они на цоколе, высота которого приближается к высоте стен греческого акрополя. Понятно, что длина колонны из песчаника обязательно выше любого самого высокого греческого здания Пергама. Мраморные перекрытия высечены из цельных кусков мрамора, а фронтоны украшают мраморные скульптуры. В глубине храма стоит статуя императора Траяна, при котором было закончено возведение самого храма.

Посреди городской рыночной площади в Пергаме стояла статуя Гермеса, покровителя торговли и, как говорят мифы, бога, который сам был изрядным плутом.

Торговая жилка чувствуется в Пергаме неспроста: много веков он лежал на пути из Азии в Европу и Африку. Здесь сходились торговые пути всего бассейна Индийского океана и доступного в те времена побережья Атлантического океана, а к тому еще и купцов из всех стран побережья Средиземного моря, Эгейского и Эвксинского Понта, а за ними на север простиралась столь загадочная и не похожая на южные страны Гиперборея...

Что же касается статуи Гермеса, то она была не простой: каждый час, пока на рынке шла торговля, из рога изобилия в руке бога изливалась в бассейн струя драгоценной для этих мест воды. Аналога этим оригинальным часам в мире нет. Над рынком была расположена галерея; в ней отдыхали или заседали городские судьи. Это в их обязанности вхо-

дило вечером, перед закрытием рынка, обрубить хвосты всей пойманной, но не проданной за день рыбе. Причин такого жесткого обращения с залежавшимся товаром было две: во-первых, чтобы избежать развития эпидемий, а во-вторых, судьи старались оградить от мошенничества наивных покупателей. Поистине, в этом городе отсутствовало понятие "второй свежести"!

На трех террасах был построен Гимнасий. Мальчики от 7 до 13 лет учились здесь на первой террасе (из трех). Именно здесь учителя на протяжении пяти-шести лет заставляли их зазубривать без запинки многие и многие тексты классических стихов, играть на лире или флейте, петь, писать и считать. А еще каждый из них прошел через ежедневное созерцание прекрасной галереи античных статуй и портретов древних мудрецов. В награду за послушание и прилежание имена самих учеников заносились на отдельные таблички в глубине стенных ниш. На второй террасе, куда ведет винтовая лестница, — зал для спортивных состязаний. Мало кто знает, что занятия гимнастикой, борьбой, прыжками и бегом в древности шли не совсем так, как в наше время. К примеру, борцы перед поединком обмазывались оливковым маслом, а сама борьба проходила в пыли, обильно смоченной водой. Правда, потом ученикам, юношам 13-18 лет, позволялось вволю купаться в бассейнах с теплой и не совсем теплой водой, чтобы вернуть телу легкость и согнать усталость. А грязь ученики счищали с себя специальными бронзовыми скребками, после чего полагалось опять натереться маслом.

Для тех, кому стукнуло восемнадцать, то есть для совершеннолетних и постигших нелегкое ученье настоящих мужчин, которым частенько приходилось быть воинами, отводилась третья терраса. Там находилась галерея почетных и прославленных горожан; именно в этот список мечтал попасть каждый пергамец. Третья терраса предназначалась уже для взрослых собраний, размышлений, любования долиной и философских дискуссий.

Кроме основного рынка, где шла повседневная торговля, был еще и верхний рынок, расположенный в верхней части города, где жили богатые горожане. Ее в конце концов заняли оккупировавшие город римские солдаты и начальники, чиновники и купцы. Она же перестроена ими в несколько вольном стиле: достроены этажи и переделаны на иной лад крыши домов. Зажиточная часть населения вела торговлю в иных масштабах. И ассортимент товара здесь был шире, и сами товары экзотичнее. И здесь же находился алтарь для жертвоприношений верховному богу Олимпа Зевсу. Алтарь был опоясан рельефом, на котором была изображена битва богов и титанов, — страница греческой мифологии.

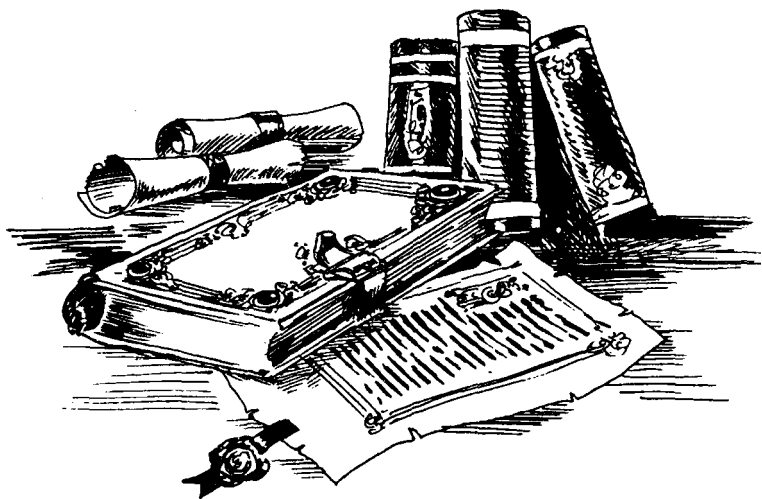
Но, может быть, главное, что имелось в Пергаме, — это библиотека, краса и гордость жителей, предмет жестокой зависти других городов. Во-первых, помещалась она в храме Афины — покровительницы афинского народа. Вошедшего встречала галерея героев, полководцев и богов, созданная блестящими скульпторами древности. Любопытно, что мастер, изобразивший битву пергамцев с галлами, показал галлов, да еще и побежденных, сильными и благородными. Не отсюда ли пошло нарицательное и не совсем приличное имя подражателям и последователям, которое хотя напрямую и не относится к скульптору, но все же выражает отношение к нему недовольных портретом галлов горожан? Скульптора звали... Эпигон.

Афина покровительствовала Пергамской библиотеке. И недаром: библиотека в Пергаме по количеству рукописей была почти равной Александрийской библиотеке. Египетский царь Птолемей во II веке до н. э., не терпя соперничества, запретил вывоз из Египта папируса. Тогда в Пергаме родилась (или была восстановлена) древняя технология выработки из шкур телят, коз и баранов особого материала для изготовления книг — пергамента.

Простое удаление шерсти с вымоченной в известковой воде шкуры, соскабливание сединительной ткани до эпидермиса, последующая полировка и сушка представляли

собой особую консервацию кожи без предварительного выдубливания химическими средствами. Волосяная сторона оставалась несколько шероховатой и имела желтоватый цвет, мясная же была белой и гладкой. Свеженарисованный текст можно было стереть, старый — только соскоблить. Так называемый "Пергамский кодекс" представлял собой пачки сложенных вчетверо листов (кватернион), шерстяная сторона к шерстяной, мясная к мясной. В пергамских рукописях впервые появляются иллюстрации. Всего в Пергамской библиотеке хранилось свыше двухсот тысяч свитков!

Затерянная "либеррея"

Более ста лет Пергамская библиотека конкурировала с Александрийской, но в 31 г. до н. э. Влюбленный Марк Антоний решил подарить Пергамскую библиотеку своей обожаемой Клеопатре, и все бесценные рукописи вывезли в Александрию. Такого подлого удара ножом в спину пергамцы не ожидали даже от циничных и охочих до чужого добра римлян.

В VIII веке н. э. Пергам был завоеван арабами, в XIV веке — турками. Впрочем, это уже совсем другая история...

Неизвестно, что в этой загадке для читателя интересней — сама библиотека русского царя Иоанна Грозного или история ее поисков? И с чего лучше начать?..

Наверное, с конца. 16 сентября 1997 г. в дни празднования 850-летия Москвы — юбилей, кстати, очень спорный, разве что дань уважения конкретно князю Юрию Долгорукому, — мир облетела сенсационная весть: 87-летний московский пенсионер Апалос Иванов в личной беседе с мэром Москвы Юрием Лужковым сообщил ему, что знает местонахождение знаменитой библиотеки Ивана Грозного! Пенсионер полагал, что, если библиотека не будет найдена в указанном им месте, то "дальнейшие ее поиски вообще бессмысленны".

Пенсионер ослеп, как он сам выразился, от "бытовых причин". А вот организаторы встречи рассказали корреспонденту ИТАР-ТАСС Евгению Евдокимову, что "почти все исследователи, подошедшие близко к известной библиотеке, теряли зрение".

Правда, организаторы не поделились, каким именно образом искателями "терялось" зрение: ведь они подходили вплотную к открытию государственной важности или, лучше сказать, планетарного значения!..

Зато поведал об этом мэру сам пенсионер Апалос Иванов: долгое время работая в Кремле, он однажды уже побывал в тех подземельях, где "забыта" библиотека, а то, что она до сих пор "не обнаружена", объясняется "строгим режимом секретности" за кремлевскими стенами. Из этого можно сделать вывод, что загадки библиотеки в принципе не существует, и те, "кому положено", о ее местонахождении прекрасно осведомлены. Апалос Иванов добавил, что передает эти сведения именно московскому градоначальнику лишь потому, что он — человек, которому пенсионер "безгранично доверяет".

Интересно, что на сообщение ИТАР-ТАСС мгновенно откликнулся другой старец — маститый академик Д. С. Ли-

хачев, один из крупнейших в мире знатоков Древней Руси. "Вместо раздувания ажиотажа вокруг поисков и тайны библиотеки Ивана Грозного, — сказал академик, — нам важнее было бы спасти книжные сокровища, которые гибнут в наши дни". Дмитрий Сергеевич объяснил свое заявление тем, что даже если библиотеку Ивана Грозного обнаружат, находка не будет представлять большой научной ценности (в средствах массовой информации ее ценность явно преувеличивается), так как "значительную часть этого собрания составляли церковные книги, которые Софья Палеолог привезла на Русь из Византии, чтобы молиться на своем родном языке". Хотя академик и привел потом примеры нескольких пожаров в библиотеках — Пулковской обсерватории, Академии наук, Адмиралтейства, исторического факультета Петербургского университета, — в которых за последние годы погибли многие тысячи редких книг, хотя академик и убежден, что, "раз от огня страдают главным образом антикварные отделы", это "свидетельствует об одном: кто-то греет на этом руки, и пожары покрывают кражи", — тем не менее его позиция прочтена совершенно однозначно: Д. С. Лихачева мало интересуют содержащиеся в государевой библиотеке давным-давно утраченные или вообще не известные миру произведения Тацита, Вергилия, Юлия Цезаря, Тита Ливия, Аристофана, Цицерона, Гелиотропа, Заморета, Эфана, Бафнаса...

Впрочем, директор Центра археологических исследований Александр Векслер в тот же день "обнадежил население", заявив, что библиотека Ивана Грозного, конечно же, дело интересное, и он, директор Центра, надеется, что библиотека будет обнаружена. "Подземелья Москвы полны сокровищ", — поделился ученый с корреспондентом сильно одолевающей его проблемой, но прибавил, что возглавляемый им Центр ведет в Москве масштабные археологические исследования, которые "уже дали блестящие результаты".

Как видно, в вопросе поисков и ценности библиотеки русского государя ученый мир, как и на протяжении почти

всего XX века, занял всего лишь выжидательную, если не сказать — скептическую, позицию. Оно и понятно: куда как легче просто давать направо и налево интервью по тому или иному вопросу, чем собраться с силами да и опуститься на дно того самого подземелья, где "полно сокровищ".

В который уже раз возникла проблема с созданием штаба поисков. История самих поисков диктует: если организуется "штаб", это наверняка может означать лишь то, что поисками опять займутся 2-3 энтузиаста, а XX век знает их поименно. В числе первых был Игнатий Яковлевич Стеллецкий, затем "заразившиеся" В. Осокин, И. Е. Кольцов, Е. А. Фенелонов, А. Иванов и сочувствующие им. Вот, пожалуй, и все. Но зато какие люди! О некоторых из них следует рассказать подробнее.

Апалос Иванов, будучи инженером, в 30-х гг. получил задание "определить кубатуру" Храма Христа Спасителя. 5 декабря 1931 г. здание храма стерли с лица земли, но до этого прискорбного факта Иванов обнаружил "потайной ход в восточной стене бывшего храма". Через тридцать четыре ступени вниз исследователь оказался в просторном тоннеле — "добротном", как он сам выразился. Высота хода была более роста человека. Пойдя по тоннелю, Иванов дошел до развилки. Один ход вел к Кремлю, второй уходил вправо, к Саймоновскому проезду. Инженер нашел там и "прикованные ржавыми цепями скелеты", и "железные двери", разделяющие отсеки переходов. Дальше ему пройти не удалось: железную дверь, находившуюся в цокольной стене Храма, опечатали сотрудники НКВД, поставив надежную охрану, а выход из-под земли к Москве-реке замуровали кирпичной кладкой.

Апалос Иванов все сокрушался, что не исследовал понастоящему отсеки: он уже тогда был "болен" библиотекой русского царя и считал, что она может находиться в подвале или подземном тоннеле... позднейшего Храма! Прошли годы, инженер много повидал подземелий и вплотную приблизился к находке библиотеки...

Так что же это все-таки за библиотека и в чем ее притягательная сила?

История распорядилась так, что в первую очередь отвергла сослагательное наклонение в отношении самой себя. Обстоятельства же или силы, способные превращать сослагательное наклонение в действительное, не спешат показаться миру. В разное время, но по совершенно одинаковому сценарию сторели лучшие и полнейшие библиотеки планеты. Достаточно припомнить одну лишь Александрийскую! Наступит время, и человечество перестанет знать свою историю: отсутствие архивов — вот то страшное, что может нас ожидать. Иван Грозный, блестящий писатель и мыслитель своего времени, это как раз прекрасно осознавал. Потому и уселся за составление Свода Истории Человечества, в основу собираясь положить уже существующий "Хронограф" и... материалы собственной библиотеки! К "Хронографу" XVI века мы еще вернемся. А пока запомним это обстоятельство и перенесемся в 1472 год.

Великий князь Московский Иван III Васильевич овдовел и женился на византийской царевне Софье Палеолог, получив "в приданое" уникальную библиотеку, принадлежавшую последнему императору Византии Константину XI, а к тому времени — семейную реликвию Палеологов.

Племянница императора Софья (Зоя), обнаружив Москву деревянной и пережив в ней незначительный пожар, тут же выписала из Италии знаменитого художника и архитектора Аристотеля Фиораванти и велела ему построить под Кремлем белокаменный тайник — для "приданого". Она же и подсказала, как считают историки, Ивану Васильевичу перестроить Кремль, и в XV веке Московский Кремль сделался белокаменным, а "белокаменной", как известно, Москву называют до сих пор.

Сын Ивана III, Василий III Иванович, привлекает для перевода имеющихся в "либерее" книг монаха Максима Грека. Переводя "Толковую Псалтирь", Максим заодно сделал и опись "либерей" Это отражено в "Сказании о Максиме Философе".

Неизвестно, каким образом передавалась библиотека от Ивана III сыну Василию, а от Василия — Ивану Грозному. Есть мнения, что и внук, и даже сын Ивана III специально разыскивали ее по тайникам. Якобы и Иван, и Василий замуровывали книгохранилище. С чем это было связано, не совсем понятно, если не следовать логике "проклятия", о котором будет сказано ниже. Как бы то ни было, "либерея" всегда была любимым и лелеемым Иваном Грозным сокровищем. В какой бы дворец он ни переезжал, и сколько бы там ни жил, к библиотеке всегда проводили тайный ход, дабы государь имел возможность оказаться в хранилище и прикоснуться к заветным фолиантам. Списки, свитки и книги в библиотеке были на разных языках, но в основном на латыни, греческом и древнееврейском...

Во время Ливонской войны (1558-1583) в Россию привозили пленных ливонцев и расселяли по разным провинциальным городам, в основном во Владимире. Примерно в 1565/66 гг. очередную партию сопровождал дерптский пастор Иоанн Веттерман. Встретившись с Иваном Грозным в Александровской слободе, пастор получил от царя предложение заняться переводом древних книг на русский язык. Побывав в хранилище и увидя собственными глазами сокровище, о котором по Европе ходили слухи, пастор онемел от собрания столь великого числа раритетов в одном подземелье. Протянув время с окончательным ответом, Веттерман якобы занялся работой над переводами, а на самом деле составил каталог государевой сокровищницы. В начале XVII века в "Хронике" Ф. Ниенштедт подробно описал приключившееся с дерптским пастором в России. Вероятно, список Веттермана "всплыл" в 1822 г., когда профессор Дерптского же университета Христиан Дабелов обратился в некоторые городские архивы Эстляндии с просьбой прислать ему интересные исторические публикации и документы. Из Пернова (Пярну) ему пришел пакет, где лежали два мелко исписанных листочка. Текст был написан на старонемецком языке чернилами, к тому времени почти выцветшими:

"...Сколько у царя рукописей с востока. Таковых было всего до 800... Ливиевы истории, Цицеронова книга Де республика и восемь книг Историарум. Светониевы истории о царях... Тацитовы истории. Вергилия Энеида и Итх..."

"Итх..." — это "Итхифалеика", популярная среди современников Вергилия, но ко времени Смуты на Руси утерянная, причем давно, независимо от того, содержалась она или нет в библиотеке царя. Кроме известных гимнов Пиндара в библиотеке были и другие его стихотворения, о которых не знал никто. Историческая часть "либерей" оказалась самой полной: историки были представлены почти все и в полном объеме!

Сделав копию со списка, Дабелов отправил документ обратно в Пернов.

Дерптский же профессор Вальтер Клоссиус в 1826 г. приехал в Пернов ознакомиться с этим списком в подлиннике, но... списка уже не было в наличии!.. Клоссиус скрупулезно и терпеливо разыскивал "либерей" в Москве, но не нашел. В конце прошлого века Страсбургский ученый Эдуард Тремер, испросив высочайшего соизволения императора Александра III, специальным зондом исследовал землю под сооружениями Московского Кремля. Его поиски не дали результата, хотя он очень надеялся на подвалы — подклетьевой этаж теремного дворца, возведенного как раз на белокаменных погребях. Подтверждением блестящей возможности мелькнуло тогда сообщение, что в теремном дворце под мусором и бочками с дегтем обнаружена небольшая дворцовая церковь. Горько сожалая о неудаче, в момент отъезда из России Э. Тремер сказал: "Наука поздравит Россию, если ей удастся отыскать свой затерянный клад".

Вопрос о библиотеке Грозного разжег в России ученую полемику. Русские историки тоже наконец принялись за поиски клада.

Тему задал не иностранец Тремер — дискуссии затихали и разгорались с новой силой еще с 1724 г., а начались они с заявления пономаря московской церкви Иоанна Предтечи

Конона Осипова. После того как Осипов уже совершил попытку разыскать библиотеку для Петра I, он написал в Канцелярию Фискальных дел в Петербурге доношение, в котором заявил, что в подземелье Кремля имеются "две палаты", заставленные до потолка сундуками с неизвестным содержимым. На них "замки вислые превеликие, печати на проволоке свинцовые; и у тех палат по одному окошку, а в них решетки без затворок". На допросе Осипов показал, что узнал все это от дьяка Василия Макарьева, бывшего при смерти. Макарьев наткнулся на хранилище во времена царевны Софьи. Тайники находились возле Тайницких ворот, а из Круглой башни можно было выйти к реке Неглинной...

Сенат решил провести раскопки. Подземелья искали у Тайницких ворот на Житном дворе, на площади против Иностранной коллегии (там нашлись погребки), напротив колокольни Ивана Великого, у Цейхгаузской стены в Круглой башне, в самих Тайницких воротах... Найти ничего не смогли или не успели: за Осиповым обнаружилась казенная недоимка, и порешили, что пономарь нарочно имитировал бурную деятельность, якобы преследующую государственный интерес, а на самом деле имеющую цель открутиться от долга. Однако, как справедливо заметил еще В. Осокин, хитрость пономаря, если она и была в той истории, никак не роняет тень сомнения на существование библиотеки русского царя вообще... В конце XIX века раскопки проводил князь Н. С. Щербатов. Но ничего искатели не нашли. Однако идея раскопок не умерла. В начале XX века ее подхватил Игнатий Яковлевич Стеллецкий. Почти столетия занимался он проблемой "либерей", "заразив" ею в 1947 г. молодого писателя Василия Осокина и еще многих. В 1914 г. Игнатий Яковлевич ездил в Пярну. И ведь нашел-таки заветные листки с пометкой "W"! А ведь исчезли они почти за сто лет до того.

Сфотографировать документ у энтузиаста-ученого не было денег, да и качество текста, еле видного из-за выцвет-

ших чернил, оставляло желать лучшего. Стеллецкий переписал его от руки... И листки с пометкой "W" исчезли опять!.. У Игнатия Яковлевича не было на руках ни одного доказательства, кроме этой собственноручной записи, а СССР и Эстония не ладили. После Великой Отечественной войны, в августе 1945 г. профессор И. Я. Стеллецкий мчит-ся в Ригу, потому что тамошние исследователи старины случайно упомянули о библиотеке Ивана Грозного... Игнатий Яковлевич скончался в 1949 г., так и не завершив главного своего труда, не отыскав государевой "либерей".

Археологические тайны, а библиотека Ивана Грозного относится к разряду именно таких, если они не поддаются разгадке на протяжении веков, конечно, обрастают легендами, суевериями, "знаками". Неспроста возникло упоминание о "слепоте", подстерегающей людей, почти добившихся разгадки и блуждавших где-то около библиотеки.

Интересно было бы найти исторические подтверждения состоянию здоровья прошлых искателей "из простых" — Конона Осипова, Василия Макарьева, Фуникова, Веттермана, Джерома Горсея, которому Иван Грозный самолично подарил Библию из своей библиотеки, теперь хранящуюся в Британском Музее. Однако состояние здоровья, а также личные и семейные дела царствовавших особ нам хорошо известны. Ведь и в самом деле бытовало и бытует мнение, будто Софья Палеолог была колдуньей и наложила на хранилище книг и рукописей ни больше ни меньше как "проклятие фараонов", о коем узнала из древнего пергамента, свитка, хранившегося в той же библиотеке!

Мы знаем непростую судьбу Иоанна IV. Истинный любитель "либерей" и старинных знаний, прекрасно ориентировавшийся в мировой истории, особенно античной, Иван Грозный после юношеских удач пережил многолетнюю серию потрясений, сказавшихся не только на его личном здоровье и судьбе, но и на судьбе и здоровье России. С 1564 г. и почти до самой своей смерти Грозный прожил в Александровской слободе, но это не совсем правильно: покинув

Москву, он много и долго искал пристанища — Коломенское, Вологда, Александров... Возвращался и жил вне Кремля... Отчего бы?.. Только ли мятежи и боярские домогательства были тому причиной? Не навис ли над ним рок "проклятия"?.. Александров, фактически на двадцать лет превратившийся в столицу Руси, тоже не удовлетворял царя: он рвался из него, но не мог вырваться. Очень просто все списать на душевную болезнь, как это проделал А. К. Толстой, но не все пока объяснимо, и тема тоже ждет исследователя скрупулезного и честного. Ведь доподлинно известно, что царь собирался даже эмигрировать!.. Предощущая, предвосхищая все дальнейшее, что произойдет с ним, с детьми и с Россией, он не знал только одного — почему? Философский вопрос "за что?", конечно, тоже мог бы прозвучать, но он, к счастью, уже глубоко исследован специалистами по истории России XVI-XVII веков. И, не зная "почему?", царь продолжал возить за собой пресловутую библиотеку... Последние три года, после безобразного убийства будущего наследника и сына Ивана, Иоанн Грозный находился в смутном разуме. А славная династия Рюриковичей заглохла на безвольном и слабоумном Феодоре.

Борис Годунов тоже искал библиотеку царя! И тоже плохо кончил. Искал ее Лжедмитрий!.. Судьба его известна. Хотя специалистам, окунувшимся в полную тайн историю этого царя, известно, что "Лже-" очень даже мог быть (и скорее всего был) настоящим царевичем Димитрием!..

Поисками библиотеки активно занялся Наполеон Бонапарт, войдя в Москву!..

Рано умер Игнатий Яковлевич Стеллецкий, скоростижно скончался писатель и энтузиаст Василий Осокин, правда, много успевший сделать для популяризации самого факта существования библиотеки и ее поисков. Кажется, недаром в систему поиска включились все же люди с феноменальными, "колдовскими" способностями — лозоходец И. Е. Кольцов, экстрасенс Ю. Шуртин и другие. Однако все их прозрения оказались ложными.

Чтобы перейти к версиям, следует немного рассказать о том, что происходило с "либереей" при Иване Грозном.

Устав от мятежей и сопротивления бояр, в 1564 г. царь Иоанн, собрав "пожитки", с царицей Марьей и детьми выехал насовсем из Москвы. Это было 3 декабря, в воскресенье, и выглядело как обычный отъезд на богомолье в Коломенское... Но на этот раз все было по-иному.

Царский поезд был не только неожиданно мрачновеличествен, но и длинен чрезвычайно: несколько сотен подвод! Так на богомолье не ездят. Москва закипела было, ибо привыкла вить веревки из слишком мягкого государя, но быстро осеклась, поняв: это он серьезно! И затаилась, дожидаясь, когда царь сам объявит — что с ним. Гнетущее состояние столицы длилось около месяца...

Иоанн забрал с собой не только иконы и кресты: он сложил на подводы всю одежду и драгоценности, а также "деньги и всю свою казну". Что это значит? Дело в том, что деньги понимаются Александро-Невской летописью отдельно, а казна, в которую входят бумаги, грамоты, книги, — отдельно. А необычайно большая вооруженная охрана, сопровождавшая царя, говорила о том, что, конечно, все это неспроста.

И правда, царь был в Коломенском две недели. Но не задержался там! Был в Троице. И там не задержался. Был где-то еще... Окончательно остановился он в Александровой слободе. И вот оттуда — направил в Москву грамоты с фактическим ультиматумом: или отречение, или опала на бояр! То ли Грозный имел тонкий расчет, то ли впрямь все-рез отрекался?

Тут необходимо сделать небольшое отступление. Почему сказано, что Грозный был мягкий государь?.. Да потому, что, вероятно, прозвище Грозный он получил, как говорится, "от противного": начитанный интеллигентный человек, один из умнейших и добрейших людей своего времени, был царем лишь номинальным. Этим всегда пользовались сначала бояре, потом инородцы-опричники. Да, возможно,

царь был вспыльчив, но это скорее была не та грозная вспыльчивость в известном понимании, а эмоционально-импульсивные порывы, приступы, в один из которых, говорят, он нечаянно убил сына Ивана, ударив его посохом. А может, нет? Может, в который раз взял вину на себя, убитый родительским и государским горем?.. Как бы то ни было, Грозным его можно было назвать лишь в насмешку. Что наверняка и произошло, но XVI век еще не знал кавычек.

Под давлением народа бояре... уступили царю! Еще одно, косвенное, подтверждение мягкости Грозного: народ в таких ситуациях становится очень чуток. Правда, бедный народ не знал, что началась опричнина, от которой ему сильно достанется...

Но нас сейчас интересует лишь казна: поскольку речь идет о "всей казне", разночтения здесь не предполагаются, — значит, библиотека была при царе! Это подтверждается тем, что в начале или середине 1565 г., проезжая во Владимир через Александров, "либерею" видел Веттерман.

Однако после этого события в документах исчезают какие бы то ни было упоминания о библиотеке. Есть косвенное подтверждение, что библиотека существовала и в 1581 г.: англичанин Джером Горсей принял от царя в подарок Библию... Горсей приезжал именно в Александров (открытие краеведа из Александрова М. Куницына).

Царь возвращается в Москву, но в Кремле ему неудобно, и он селится в новом дворце — на опричном дворе, где чувствует себя комфортнее. Это было за рекой Неглинной, на Воздвиженской улице. Квадратный, огромных размеров двор, обнесенный высокой каменной стеной с тремя воротами, надежнее, чем Кремль, защищал государя от напастей. Охрана не дремала никогда. 500 стрельцов несли постоянный караул. Царские палаты, хозяйственные постройки, а рядом — приказы. Не здесь ли была спрятана библиотека?.. Не к этим ли подвалам поначалу шел подземный ход, позднее выведенный к Храму Христа Спасителя? На

территории в 8 гектаров, занимаемых царским двором, вполне могла быть размещена и "казна".

В 1571 г. царь решает переселиться в Вологду! Там и к торговле ближе, и все же Север — исток великой Руси, начало Рюриковичей. В Вологде давно уже по приказу Ивана Грозного строится каменный город, чтобы назваться столицей Руси. Но... судьба воспротивилась перенесению столицы: в Вологде в 1571 г. начался чумной мор. Заложенные в 1556 г. "град белокаменный" и Соборная церковь Успенья Пресвятой Богородицы остались северному городу от царя на память. А ведь живя в Вологде, государь самолично установил контакт и хорошие отношения с англичанами. А ведь защищенная от любых набегов непроходимыми лесами Вологда еще долго представляла и представляет до сих пор место, где удобно и приятно было бы вершить государственные дела. Но Иван не находил в этом для себя ни радости, ни покоя. Недостроенный Благовещенский собор отдали под пороховой склад, а многочисленные подземные ходы и подвалы, построенные в первую очередь, ни по какой надобности не использовали. А может, использовали да умолчали?..

Копали и обследовали Соборную гору еще в XVII веке: архиепископ Вологодский Симон раскопал часть подземных сооружений и нашел серебро и украшения. Камень из подземелий пошел на достройку архиерейского дома. В XVIII веке из той же Соборной горы брали кирпич для Воскресенского собора и архиерейского подворья, что и зовут сейчас Вологодским Кремлем. Говорят, есть глубокий тайный ход под рекой Вологдой, соединяющей Кремль со Спасо-Прилуцким монастырем на окраине города...

Государь жил больше в Александрове, чем в Москве. Приезды его в столицу бывали короткими, да и то все реже и реже. Лишь обезумевший после смерти сына, возвратился он за гробом в Москву в 1581 г. и уже не уезжал. Привез ли библиотеку? И нужна ли была она ему в отмеренные до могилы три года?.. Позаботился ли он о перевозе "казны"?

Известно: подвод в царском поезде было очень мало. А может, догадавшись о "проклятии", замуровал навсегда?..

Исследователи называют наиболее вероятными места, где можно обнаружить библиотеку: Москва — Кремль или Александров. Несколько лет назад возникла вологодская версия, но она мало правдоподобна. Первые две версии признаются ученым миром.

Следом за энтузиастами по проблемам поиска и тайны библиотеки Ивана Грозного высказывались в печати и ученые: популярность темы не ослабевает, и историки как бы вынуждены реагировать, хотя и не любят вмешательства дилетантов. С другой стороны, трудно назвать дилетантами, например, писателя В. Осокина, краеведа из Александрова Михаила Николаевича Куницына (картина пребывания Ивана Грозного в Александрове воссоздана им с почти календарной точностью) или реставратора музея из Вологды Николая Федышина. Правда, ученые имеют, как правило, свое категорическое мнение, сильно охлаждающее пыл. В конце прошлого века в России сформировалась и просуществовала довольно долго "скептическая школа", пытавшаяся доказать убогость древней русской культуры, а следовательно — и невозможность существования каких бы то ни было рукописей и книг... Очень постарался С. А. Белокуров, собравший материалы, доказывающие, что никакой библиотеки Ивана Грозного никогда не было. Старания энтузиастов немного поутихли. Но ведь главным доводом Белокурова было мнение Петра Аркудия и польско-литовского посла Льва Сапегы, посланных в Москву в 1601 г. ради поиска библиотеки, о которой говорила вся Европа. Конечно же, посланцы библиотеки не нашли, да в сердцах и написали в Ватикан, что-де русские дворяне — и те непросвещенны, ходят летом в шубах да щи лаптем хлебают: какая уж тут, извините, культура да библиотека! Понятно, и Ватикан, и западные противники русской культуры, очень ревностно относившиеся к любым ее проявлениям, мнение папских миссионеров постарались всячески раздуть.

Но были и есть другие ученые. М. Н. Тихомиров во времена Н. С. Хрущева возглавлял Комиссию по поискам библиотеки, распущенную при Л. И. Брежнев. Изрядная доля скептицизма — вполне обоснованного — присуща и мнениям Б. А. Рыбакова, и С. О. Шмидта.

Весьма конструктивное предположение высказывали в разное время А. А. Зимин и В. Кучкин. Они вдруг поставили перед ученым миром вопрос — а что, если библиотека царя Ивана Грозного давным-давно найдена, и книги уже разошлись по научным хранилищам? Такое вполне могло случиться, особенно в 20-30-е гг. нашего века, когда в Москве проводились активные земляные работы (строительство метро, канализации и т.д.). На библиотеку могли наткнуться рабочие, прокладывавшие сверхсекретную линию "кремлевского метро", существование которой не подтверждают, но и не опровергают ведущие специалисты метрополитена. Учитывая режим "строжайшей секретности", царящий в те годы вокруг подземных изысканий в Кремле, и некомпетентность "компетентного" НКВД в вопросе принадлежности клада, библиотеку Ивана Грозного могли без ажиотажа оприходовать и передать "по назначению", не объясняя, откуда она возникла. Ныне покойный заведующий отделом рукописей Российской государственной библиотеки (бывшей "Ленинки") профессор Виктор Яковлевич Дерягин в 1993 г. говорил: "У нас хранится 600 тысяч рукописей, из них 60 тысяч древних, более трехсот греческих (в основном византийских). Некоторые из них относятся еще к VI веку нашей эры. Вполне возможно, что среди них есть и книги Софьи Палеолог. А кроме нашей библиотеки, уникальные древние рукописи есть в библиотеке РАН в Санкт-Петербурге и Государственном Историческом музее в Москве".

С трудом верится, что такое количество древностей могло поступить в архив или библиотеку "молча", не вызвав вопроса хотя бы у одного из ученых: откуда книги? Ведь и отделы, и сами библиотеки возглавляли и возглавляют не

дворники... Где-нибудь да бышо бы отмечено, чья и откуда коллекция. Тем более столько известных авторов в одном собрании — такие "поступления" бывают не каждый день. Может, следовало бы поискать, не было ли поступлений?..

И следы поступления отыскались. Читаем газету "Труд" за 22 ноября 1944 г.: "В шкафах Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина хранится много тысяч древних рукописей и рукописных книг. Среди других здесь находятся пять книг большого формата в старинных кожаных переплетах из личного собрания Ивана Грозного... Крупнейший специалист по древнерусским рукописным книгам профессор Г.П. Георгиевский говорит: "Книги хорошо сохранились. Листы их почти не пожелтели от времени. Изумительные рисунки, мастерски выполненные лучшими художниками XVI века, сохранили до настоящего времени яркость своих красок"".

Наверняка этот "след" может дать определенный, если не окончательный, результат.

ГЛАВА IX. Вождь и любимец народов...

Народ, сенат, солдаты, актеры, поэты, рабы, патриции, германцы, иллирийцы, каппадокийцы, иудеи... В общем, практически все... Впрочем, не названы еще ближайшие родственники — мать, брат (вероятно), сын родной и двое приемных, внуки, невестки... Теперь, кажется, действительно все. Эти все страстно желали только одного — скорейшей смерти Тиберия Цезаря. За что? За все. Натерпевшись за 23 г. кесарства, ближайшее окружение римского цесаря на 78-м г. жизни государя-императора все-таки не вынесло пытки временем и придушило Тиберия подушкой! Оно и понятно: уже прекратив дышать, чем вызвал и тайное, и откровенное ликование, старец вдруг, вне всяких приличий и нормативов, затребовал есть... Не выдержали нервы Макрона! И наследник Гай Цезарь (Калигула) вздохнул с облегчением: он-то уже принимал поздравления...

Сам не подарок, император Август, приемный отец Тиберия, заявил на смертном одре: "Бедный римский народ, в какие он попадет медленные челюсти!" Ни за что бы не усыновил он кровожадного мальчишку, не питай страсти к прекрасной Ливии, его матушке. А тут то ли жизнь так распорядилась, то ли Тиберий не подкачал, только, едва приемыш вернулся с Родоса в Рим, не прошло и трех лет, как скончались оба прямых наследника — усыновленные внуки Августа Гай и Луций... И императору ничего не оставалось, как назначить наследником Тиберия Цезаря.

Август обладал чувством юмора: он отдал Тиберию две трети наследства, что практически означало — империю! Оставшуюся треть, сами понимаете, способный юноша (правда, было ему тогда уже 55 лет) быстренько извел.

Блестящий полководец, молодость Тиберий провел, надо сказать, не зря: усердно отстаивал интересы Рима в провинциях и царствах, умирял Паннонию и Далмацию, переселял народы (германцев — в Галлию), возвращал обиженным царям троны и ключи от Рая (Тиграну вернул армянское царство). "Должности квестора, претора и консула он занимал раньше срока и почти без перерыва; а затем, спустя немного времени, получил второе консульство и трибун-

скую власть на пять лет", — пишет о нем Светоний в начале II века н. э. Кроме решительных, мягко говоря, черт Тиберий обладал еще и умом. При Августе он в судах доказывает недоказуемое, из самого собою разумеющегося делает проблему и приписывает себе ее решение, а власть, "саму" пришедшую к нему в руки, настолько долго и витиевато отвергает (он ведь был еще и писателем!), что кто-то из сенаторов, не выдержав, воскликнул: "Пусть он правит — или пусть он уходит!" Красиво сказал другой сенатор, "побивший" Тиберия его же оружием: "Иные медлят делать то, что обещали, а ты медлишь обещать то, что уже делаешь". Тиберий это проглотил и продолжал ломать комедию, но тому безымянному сенатору через пару лет, вероятно, пришлось несладко...

Цесарь обладал отменной памятью, а совести у него не было вовсе: брошена ради карьеры любимая жена, вторая жена Юлия (дочь Августа) оставлена после целой серии ловушек и подтасовок, когда сам венценосный отец потребовал развода, уличив дочь в прелюбодействе, — причем Тиберий бросил ее с таким цинизмом и такой жестокостью, что она умерла... от голода! Это дочь прежнего императора... Хорошо, что Август не дожил до этой минуты: бедняга скончался бы от одного лишь известия.

Все-таки юморной был старик этот Август. Пишет Тиберию, у которого вот уже три года особых успехов не наблюдается (не везде и не все решает полководческий талант: балканские проблемы и нам хорошо известны): "Я могу только похвалить твои действия в летнем походе, милый Тиберий: я отлично понимаю, что среди стольких трудностей и при такой беспечности солдат невозможно действовать разумнее, чем ты действовал. Все, кто был с тобой, подтверждают, что о тебе можно сказать словами стиха:

Тот, кто нам один неусыпностью выправил дело..."

Август цитирует известный стих Энния о Фабии Кунктаторе ("Анналы", 370 по Фалену), где вместо "неусыпнос-

тью" — "промедлением"!.. Зная любовь пасынка к чтению и стихосложению, едкий старец мстит ему заранее за все то, что будет и уже произошло с его собственным корнем, с его империей, с ее народом. А еще — предупреждает: не зарывайся! — я все про тебя знаю ("все, кто был с тобой" — глаза и уши). Намек на пороки Тиберия — в подчеркнутой фразе о "такой беспечности солдат". И все же опять предупреждение: а не уберут ли они тебя за чрезмерную к ним любовь?

Уехав на Капри — говорили, "умирать", — престарелый император Тиберий повел такую разнузданную жизнь, столько развратил тамошнего населения обоего пола, что удивительно, как в течение нескольких лет терпели "отцы семейств" и не удавили Тиберия раньше!

Много лет в Риме император занимался шутовством: например, вставал или уступал дорогу идущему сенатору.

"Вы и не знаете, какое это чудовище — власть", — говорил он друзьям, умоляющим его принять кесарство — именно ту верховную власть, которую он захватил через мгновение после кончины Августа. И долго-долго потом доказывал самой последней кухарке, насколько она ему, эта верховная власть, претит. А сам в это время, пока "колебался", успел отправить Германика в Германию, а Агриппу — на тот свет. Ах, какую шутку приготовил ему мертвый император на словах в завещании! "Поскольку жестокая судьба отняла у меня сыновей Гая и Луция, — писал Август, а вольноотпущенник зачитывал текст в сенате! — пусть моим наследником будет Тиберий Цезарь"... Ему при всех, на этот раз никак не в шутку, указали на его место. Август знал, что эти слова будут зачитаны вслух. Проглотил...

И продолжал прибежаться: мои дела впредь попрошу называть не "священными", а "важными", и осуществляются они не по моей "воле", а по моему "совету".

"Государь?!.. Да вы что! Я государь для рабов, император для солдат, принцепс для всех остальных", — лицемерил Тиберий.

Великодушные император проявлял лишь напускное и позорное. И то за него полагалось платить. Например, заподозрив одного явившегося ко двору родосца в нехороших намерениях, кесарь приказал его пытаться. А потом вспомнил: ведь сам же написал ему любезное письмо с приглашением приехать развлекаться, молодость вспомнить... Фи, как нехорошо вышло! Отпустить?.. Расскажет всему свету о гостеприимстве императора...И приказал: добить!

Конечно, с памятью становилось плоховато — сказывались пьяные оргии... Да и дружка-то, видимо, для того и позвал...

В один из таких "обедов" "на вилле под названием "Грот" близ Таррацины с потолка вдруг посыпались градом огромные камни — много сотрапезников и слуг было раздавлено, но сам он, вопреки всякому ожиданию, спасся" (Светоний). Верный слуга Сеян (по словам Тацита) защитил Тиберия от камней своим телом... С ним император расправится чуть позже.

А пока в качестве мести всем происходит несчастье в Фиденгах: на гладиаторских играх обрушивается амфитеатр, и гибнет двадцать тысяч народу! Император оставляет Капри и едет на материк. Впрочем, пребывает он там очень недолго и возвращается к своим "делам" на красивом острове с одной-единственной пристанью, да и той малюсенькой, ибо остальное — неприступные скалы. Раздолье! Никакому десанту взять Капри не под силу — не развернешься. Ленин и Горький тоже любили этот островок...

Вообще-то говоря, имя Тиберия звучит так: Тиберий Клавдий Нерон. За безмерную любовь к алкоголю новичка в лагерях звали Биберием Калдием Мероном (bibere по-латыни — "пить, caldum — "подогретое вино", merum — "чистое* вино"). Пьяному — море по колено: даже смертельный

*

В данном случае «чистое» означает «неразбавленное». В античные времена характеристикой крайней степени алкоголизма служили слова «он пьет вино не разбавленным!»

"Грот" Тиберий пережил, вопреки всем надеждам. Не пережил только старости и душевной подушки. За три дня до смерти императора был еще знак — от землетрясения на Капри рухнула башня маяка. "А в Мизене (на бывшей вилле Лукулла! — Прим. автора), когда в столовую внесли для обогрева золу и уголья, давно уже погасшие и остывшие, они вдруг вспыхнули и горели, не погасая, с раннего вечера до поздней ночи" (Светоний).

С огнем у Тиберия были свои счеты, более счастливые, чем с сооружениями из камня. "В сражениях, — пишет Светоний, — он никогда не полагался на удачу и случай; все же он принимал бой охотнее, если накануне во время ночной работы перед ним вдруг сам собою опрокидывался и погасал светильник: он говорил, что эта примета испытана его предками во всех войнах, и он ей доверяет..." В годы побега Тиберия Клавдия Нерона, ярого противника триумвиров (отца Тиберия) и красавицы Ливии они попали в лесной пожар, и Ливия, держа у груди сына, опалила волосы и даже край его одежды. За несколько дней до возвращения с Родоса на крышу дома Тиберия сел орел! Феноменальный случай: орлы на Родосе и вообще в близлежащем регионе ни тогда, ни теперь не водились и не водятся. "А накануне дня, когда он узнал о своем возврате, ему при переодевании показалось, что на нем пылает туника. Еще раньше, когда он выступил в свой первый поход и через Македонию вел войско в Сирию, перед Филиппами вдруг сам собою вспыхнул огонь на алтарях, некогда воздвигнутых победоносными легионами" (Светоний).

Впрочем, счастливее огонь или камень, вопрос астрологический, а мы твердо знаем лишь то, что, не будь у императора "букета" пороков, мы не имели бы точных датировок или других нюансов, связанных с неординарностью цезаря.

В 1957 г. в Сперлонге (к югу от Рима), между Террачинной и Газтой, был раскопан "Грот"! Так вот, в том самом подземном гроте находился большой нимфеум (помещение

с водоемом в центре). Пещера была заполнена обломками мраморных скульптур и полуразрушена. Археологи нашли несколько тысяч фрагментов. Среди них были части шестиметровых статуй, другие обломки от фигур, тоже в полтора-два раза больших обычного человеческого роста.

Находка поразила итальянских ученых: стилистика некоторых фигур в "Гротте" была сходной со знаменитой группой "Лаокоон и сыновья", ныне находящейся в Ватикане.

Предположили даже, что Ватиканская группа — копия с этого найденного оригинала. Была обнаружена и плита с именами трех родосских скульпторов — Афинодора, сына Агесандра, Агесандра, сына Фания, и Полидора, сына Полидора. Среди обломков было много фрагментов змеиных тел...

Нет, скульптура в Ватикане осталась оригиналом; при дальнейшем изучении находки оказалось, что найдены ранее неизвестные работы прославленных мастеров I века до н. э. Возможно, среди фигур "Грота" и была группа Лаокоона, но только в другой интерпретации, не схожей с ватиканской. Другой сюжет установлен благодаря обломкам надписи-эпиграммы поэта Фаустина, друга Марциала, в которой говорится о фигуре Скиллы, похищающей спутников Одиссея. Группы располагались у водоемов нимфеума с проточной водой — круглого и квадратного.

Фрагменты фигур, обвитых змеями, видимо, относятся к сюжету нападения чудовища на корабль Одиссея. Сам Одиссей из этой группы, вероятно, тот, что прибег к защите Палладиума. Сохранился фрагмент, изображающий фигурку Афины, судорожно обхваченную рукой.

У входа в грот найдена большая мраморная группа, изображающая Ганимеда, похищаемого орлом. Орел и тело Ганимеда — из голубого мрамора. Голова Ганимеда исполнена отдельно, из белого мрамора. Группа — римская копия бронзового оригинала работы Леохара. Выделяется качеством голова Афины в высоком коринфском шлеме —

копия с Афины Мирона, другие римские копии с греческих оригиналов...

Может быть, кого-то совершенно не тронет, а кого-то успокоит сам факт находки, попавшей в музей, — ведь посреди образцов высокого искусства, сам не чуждый поэзии, в I веке нашей эры кесарь Тиберий творил дикие свои мерзости...

ГЛАВА X. Загадка Золотого скифа

Столица Скифского царства

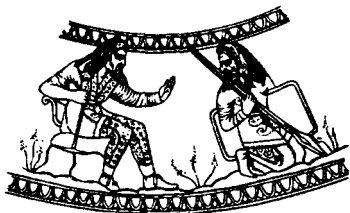
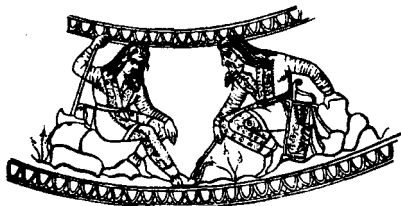
Античный историк Геродот, изгнанный из родного города Галикарнаса в юном возрасте за участие в восстании против персов, поселился на острове Самосе. Здесь он задумал создать труд по истории войн между греками и персами, а затем и более того — о том, как народы борются против персидских завоевателей. Для сбора материалов он решил объездить страны, где происходили главные события персидских войн, увидеть все исторические места собственными глазами и, если это возможно, самому побеседовать с очевидцами событий или хотя бы выслушать местные предания о них.

Результатом этого глобального исследования стал великий, не стареющий по своей значимости в веках труд — "История в девяти книгах, или Музы".

Многочисленные эпизоды "Истории" писались греками задолго до Геродота, даже его дядя Паниасид начинал писать историю греческого народа, но именно Геродот создал столь грандиозный во всех отношениях — и в историческом, и в географическом, и в этнографическом, и в философском планах — труд, что выдающийся древнеримский мыслитель и оратор Марк Тулий Цицерон с полным на то основанием впервые назвал Геродота "отцом истории". Звание это осталось за великим греком навсегда.

В наши дни "История" Геродота стала неисчерпаемым источником знаний о древней истории многих народов мира. Для истории России она представляет особую ценность. Нет более полного, современного описываемым событиям произведения об образе жизни и истории обитателей южных территорий Российской империи, которое могло бы конкурировать с трудом Геродота. Более того, если говорить об определенных частных вопросах, то, подобно Гомеровской "Илиаде", толкнувшей Шлимана на поиски Трои, подобно Платоновским диалогам, породившим целую науку атлантологию, "История" Геродота создала легенду о скифском или будинском городе Гелоне, поиски которого ведутся уже более двухсот лет и пока что не дали окончательного результата.

Приступая к осуществлению своего гран-

диозного замысла, первое дальнейшее путешествие Геродот совершил именно в Скифию, поскольку в южных землях будущей Российской империи потерпел от скифов тяжелейшее поражение персидский царь Дарий. Случилось это в 512 г. до н. э. Как и почему оказался Дарий в Скифии, отчего было разгромлено его огромное войско — вот что интересовало древнего историка.

В те времена Скифия была для греков страной легендарной и таинственной. Гомер в "Одиссее" называл ее "вечно одетой туманом и мглой облаков". Жуликоватый же поэт Аристей, согласно преданию, обошедший все земли нашей страны вплоть до Уральских гор, в несохранившейся поэме "Эпос об аримаспах" наполнил эти края невероятными чудесами и ужасами.

Геродот поселился в греческой колонии Ольвии. Здесь он провел несколько месяцев, периодически совершая познавательные поездки вглубь скифской страны. Предполагается, что во время кратких поездок он поднимался вверх по реке Гипанис (Южный Буг) до так называемых "Священных путей" и побывал в устье Борисфена (Днепра).

Поначалу Геродот называл скифами только тот народ, который называл. А с его легкой руки имя перекинулось на все народы, жившие к северу от Понта Эвксинского. Даже великий русский поэт Александр Блок и тот поверил, что он скиф, — настолько силен авторитет древних греков:

Да, скифы мы, да, азиаты мы!..

Кто же они — скифы? Кто и почему?..

В многовековом заблуждении пребывает, кажется, и точная наука археология, приписывая едва ли не все имеющиеся в природе курганы скифам. Как не верить Геродоту!..

Положение осложняется из-за отсутствия у скифов письменности. Взять вавилонян: чуть потоп, или просто дождик зарядил — тут же соответствующую запись. Ассирийцы, шумеры — всякое лыко в строку. В Древнем Египте любой

мало-мальски вставший на ноги резчик по камню сделает себе гробницу и на стенах распишет, какое он, резчик, значение имел при таком-то фараоне. А воинственные кочевники-скифы в своих могилах под курганами оставили только золото да оружие. Кто он такой, как его при жизни звали, из какой династии — курган молчит.

Основным источником информации для историка стали беседы с местными жителями, преимущественно греками. В частности, последние рассказали ему легенду о происхождении скифов и некоторых соседних с ними народов.

Поскольку она имеет прямое отношение к проблеме возникновения города Гелона, обратимся к Геродотовой "Истории".

"Геракл, гоня быков Гериона, прибыл в эту тогда еще необитаемую страну (теперь ее занимают скифы). Герион же жил далеко от Понта, на острове Гадир в Океане, за Геракловыми Столпами (остров этот эллины зовут Эрифией). Океан, по утверждению эллинов, течет, начиная от восхода солнца, вокруг всей земли, но доказать этого они не могут. Оттуда-то Геракл и прибыл в так называемую теперь страну скифов. Там его застали непог. и холод. Закутавшись в свиную шкуру, он заснул, а в это время его упряжные кони (он пустил их пастись) чудесным образом исчезли.

Пробудившись, Геракл исходил всю страну в поисках коней и наконец прибыл в землю по имени Гиляя. Там в пещере он нашел некое существо смешанной природы — полудеву, полузмею. Верхняя часть туловища до ягодиц у нее была женская, а нижняя — змеиной. Увидав ее, Геракл с удивлением спросил, не видала ли она где-нибудь его заблудившихся коней. В ответ женщина-змея сказала, что кони у нее, но она не отдаст их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. Тогда Геракл ради такой награды соединился с этой женщиной, однако она медлила отдавать коней, желая как можно дольше удержать у себя Геракла, а он с удовольствием бы удалился с конями. Наконец женщина отдала коней со словами: "Коней этих, пришедших ко мне,

я сохранила для тебя, ты отдал теперь за них выкуп. Ведь у меня трое сыновей от тебя. Скажи же, что мне с ними делать, когда они подрастут? Оставить ли их здесь (ведь я одна владею этой страной) или же отослать к тебе?" Так она спрашивала. Геракл же ответил на это: "Когда увидишь, что сыновья возмужали, то лучше всего тебе поступить так: посмотри, кто из них сможет вот так натянуть мой лук и опоясаться этим поясом, как я тебе указываю, того оставь жить здесь. Того же, кто не выполнит моих указаний, отошли на чужбину. Если ты так поступишь, то и сама останешься довольна и исполнишь мое желание"".

С этими словами Геракл натянул один из своих луков (до тех пор Геракл носил два лука). Затем, показав, как он опоясывается, передал лук и пояс (на конце застежки пояса висела золотая чаша) и уехал. Когда дети выросли, мать дала им имена. Одного назвала Агафирсом, другого Гелоном, а младшего Скифом. Затем, помня совет Геракла, она поступила, как велел Геракл. Двое сыновей — Агафирс и Гелон не могли справиться с задачей, и мать изгнала их из страны. Младшему же, Скифу, удалось выполнить задачу, и он остался в стране. От этого Скифа, сына Геракла, произошли все скифские цари. И в память о той золотой чаше еще и до сего дня скифы носят чаши на поясе (это только и сделала мать на благо Скифу).

Таким образом, греческая легенда говорит о том, что гелоны — это как минимум родичи скифов. В любом случае одни ученые отождествляют их с одним из скифских племен, другие резко отличают как самостоятельный народ, третьи полагают, что речь идет о смешении в гелонах скифской и будинской крови, принимая во внимание указание Геродота, что "будины — большое и многочисленное племя; у всех у них светло-голубые глаза и рыжие волосы". Другими словами, в них видят отдаленных предков либо славянских, либо финно-угорских племен.

Далее Геродот пишет: "В их (будинов. — Прим. автора) земле находится деревянный город под названием Гелон.

Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые три года будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое исступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов другой язык, чем у гелонов, образ жизни их также иной.

Будины — коренные жители страны — кочевники. Это единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками. Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно. Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой (лоси. — Прим. автора). мехом этих зверей будины оторачивают свои шубы, а яички бобров применяют как лечебное средство против болезней матки".

Рассказ Геродота о Гелоне стал толчком для археологических поисков города. Но в отличие от той же самой Трои область поиска оказалась столь обширной, что надежд на положительные результаты практически не было. Почему?

Дело в том, что географические познания древних о нашей стране не отличались ни точностью, ни полнотой.

Колонизовавшие северное побережье Черного моря, греки не проникали вглубь страны, на север, и довольствовались теми сведениями о ней, которые стекались в греческие города вместе с варварами, являвшимися сюда для торгового обмена. Такого рода сведения не могли быть точны-

ми и относились прежде всего к той или другой греческой колонии. Как говорят историки, живи Геродот в Пантико-пее, наши представления об истории южной России были бы коренным образом иными.

По мнению Геродота, обитаемые земли к северу от Ольвии простирались всего на двадцать дней пешего пути.

Далее было царство холода и непроходимых снегов, жить там, считал историк, невозможно. Он подтверждал это мнение словами: "Я не могу найти никого, кто бы сказал, что знает эти страны, как очевидец".

Геродот видел Скифию, как четырехугольник, почти квадрат. Если определить каждую его сторону в двадцатидневный пеший путь, то получатся следующие границы: на юге — побережье Черного моря, прямо на этой границе лежит город Ольвия; на западе — река Дунай; на востоке — вытянутые к северу берега Азовского моря; на севере — неведомые страны. Вот в этом четырехугольнике и следует искать земли будинов и местоположение легендарного города Гелона. Версий было много. В основном они сводились к тому, что город следует искать либо на Волге, либо на Среднем Дону. Первым начал поиски Гелона известный историк И. Е. Забелин. Именно он высказал предположение, что Гелон — это городище Укек (или Увек), лежащее на берегу Волги немногим ниже Саратова. Эту точку зрения поддержала саратовская археологическая комиссия во главе с С. С. Краснодубровским. Продержалась она в течение всей второй половины XIX — начала XX веков. Однако затем была отвергнута.

На местоположение Гелона Геродот косвенно указывает еще в одном месте своей книги. Когда он описывает поход Дария на скифов, то говорит и о следующем.

Военные планы скифов были составлены весьма хитро. Войско царя Скопаса должно было завлекать персов вдоль Меотиды. Два других царства — великое царство под властью Иданфирса и царство, где царем был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами, —

должны были медленно отступать, заманивая врага в пустынные местности.

Персы упорно преследовали хитрецов и проникли в землю будинов. Здесь они нашли большой город, окруженный деревянной стеной. Жители его не оказали персам сопротивления, но заранее бежали, так что город был пуст. Персы предали его огню.

Ни одно из поселений на Волге или Дону не соответствовало данному описанию событий — не было найдено следов пожарищ, соответствовавших бы VI веку до н. э.

Где же искать Гелон? В 1906 г. археолог В.А. Городцов начал раскопки в междуречье реки Ворсклы и ее притока Сухой Груни. Находится это место в 35 километрах выше Полтавы по реке Припяти. Раскопки велись только один сезон и в весьма сложных условиях: во-первых, на месте древнего городища, которое и было целью раскопок, даже в наши дни находится сразу несколько селений, во-вторых, с юга к городищу примыкает старинный русский город Глинск, хорошо известный прежде всего как вотчина матери Ивана Грозного Елены Глинской, Местное население не только разоряло само городище, но и всячески мешало археологическим раскопкам из опасения потерять свои усадьбы.

Однако результаты проведенных работ были столь значительны, что в 30-х гг. позволили археологу В. Щербакивскому отождествить Вельское городище (название дано по одному из современных селений на его территории) с городом Гелоном. Особое внимание историков было обращено на этимологию древнегреческого названия реки Ворсклы. Геродот именовал ее Пантикапой.

В.И. Абаев, исходя из иранского (скифского) языка, установил двусложность этого имени: "панти" — "путь" и "капа" — "рыба", то есть "рыбный путь". Ян Збожил предпочел концепцию славянского происхождения названия.

Первое слово тоже означает слово "путь", зато второе берет свои корни из славянского слова "кап" — "начало". И в том, и в другом случае название показывает значение

географического положения Пантикапы (Ворсклы). Вполне справедливо предположить, что название Пантикапа означало, что с Ворсклы начинался путь из Гелона (Вельского городища) к торжищу борисфенитов или в Ольвию и обратно. Если с этим согласиться, то из Гелона купцы плыли по Пантикапе, в устье ее переправлялись через Борисфен (Днепр) — переправа здесь существует издревле — и шли уже пешим ходом в нужном им направлении.

Но географическое описание местопребывания Гелона у Геродота не соответствовало положению Вельского городища. Античный историк постоянно ссылался на определенную близость города к Танаису, то бишь Дону.

Выдающийся советский археолог М.И. Артамонов обратил внимание на то, что, согласно Геродоту, около середины VI века до н. э. поблизости от Гелона поселились невры, которым пришлось спасаться от появившихся в их землях множества змей.

Исторически точно известна местность Неврида, страна невров. Она располагалась к северу от верховьев Днестра, между его истоком, истоками Западного Буга и бассейном реки Припяти. То есть это Северная Галиция и Вошьнь. Пришли они сюда из низовий Западного Буга.

Следовательно, где-то рядом с Невридой и следует искать земли будинов. Артамонов определил их как среднее Поднепровье и прежде всего соседствующая с Вошьнью Киевщина. Эти места обычно считают территориями племен андрофагов и меланхленов. Однако в XX веке и тех, и других не смогли археологически выделить из будинов. Поэтому вполне возможно предположить, что андрофаги и меланхлены — это качественные определения будинов по их отдельным характерным приметам. Так, в частности, археологи точно установили, что будинам было свойственно культовое людоедство, откуда, возможно, и родилось прозвище "андрофаги".

Однако, напомним еще раз, Геродот указывал, что земли будинов находились за рекою Танаис (Доном), выше

земли савроматов. И этот вопрос разрешил Артамонов. Он обратил внимание на то, что, по Геродоту, в земле савроматов нет деревьев — это обширная степь, простиравшаяся от Азовского моря к северу на пятнадцать дней пути. То есть Геродот говорил об обычном пути ежегодных перекочевков савроматов с юга на север и обратно. Кочевье действительно шло вдоль реки. И вот здесь-то и возникает главный вопрос: знали ли древние савроматы истинное русло Дона, как его определяют современные ученые, не называли ли они Танаисом крупнейший правый приток Дона — реку Северный Донец? Если именно Северный Донец считался тогда большей частью Танаиса (а это наиболее вероятная версия), то местожительство будинов следует искать в его верховьях! Иными словами в Харьковщине.

Но, как показывают археологические изыскания, в пределах территориальной полосы Харьковщина-Полтавщина-Киевщина в Геродотовы времена проживали представители единой культуры и единого типа погребений — столбовой конструкции деревянного склепа. Итак, теоретическое обоснование того, что именно Вельское городище является остатками Геродотова города Гелона было дано.

Окончательно это доказала археологическая экспедиция Б.А. Шрамко, начавшая с 1958 г. систематические ежегодные раскопки Вельского городища. На первых порах одним из руководителей работ был Б. Н. Граков. Проходили они в гораздо лучших условиях, чем работа экспедиции В.А. Городцова. Археологи не только пользовались всемерной поддержкой государства, но и местное население относилось к ним доброжелательно.

В ходе многолетних исследований удалось установить, что городище было основано и заселено в раннем железном веке. Расположенное в междуречье Ворсклы и Сухой Груни, оно четко разделено на три части. Археологи назвали их: Западное городище (на берегу реки Сухая Грунь); Восточное городище (на берегу реки Ворскла), Куземинское городище — между первыми двумя, на берегу Ворсклы.

Вначале Западное и Восточное городища существовали раздельно. Затем они были объединены общим валом Большого Вельского городища. Такое объединение для того времени и тех культур явление уникальное. Ничего подобного больше нигде не наблюдается. Объединение произошло либо в конце VI — начале V века до н. э., либо в V—IV веке до н. э. К этому уже новому городищу было пристроено дополнительное — Куземинское — городище, построенное, видимо, для охраны речной пристани.

Начало активного обустройства городища относят к VII в. до н. э., хотя найдены следы поселения, относящегося к VIII в. до н. э. Жители покинули город в III в. до н. э.

Б. Н. Граков высказал предположение, что Вельское городище было основано союзом двух племен в начале VI века до н. э., а в V веке до н. э. к ним присоединилось еще одно племя. Академик А. Б. Рыбаков поддержал эту точку зрения и даже попытался определить возможные племена союза: будины, переселившиеся с правого берега Днепра борисфениты (они же "скифы-пахари"), а затем осевшие кочевники гелоны (одно из скифских племен). В любом случае Вельское городище сложилось как центр племенного союза, объединявшего две разные этнические группы.

Одна из них имела культуру местного происхождения, которая типична для лесостепных памятников скифской эпохи, охватывающих значительную территорию от Днепровского Левобережья до Среднего Дона. Другая по своему происхождению связана с Правобережными памятниками жаботинского типа и появилась на Левобережье лишь в раннескифское время. По-видимому, первую группу можно связать с аборигенами будинами, а вторую — с пришельцами гелонами.

Руководитель археологических работ в Вельском городище Б. А. Шрамко по этому поводу писал:

"Это был крупнейший по тем временам политический и торгово-ремесленный центр в Лесостепной Скифии. Значительное различие археологических памятников Восточного

и Западного городищ свидетельствует о том, что на этих двух поселениях, объединенных валом Большого Вельского городища, жило разное население, принадлежавшее к различным этническим областям с разными обычаями и хозяйственными традициями. В таком случае все Вельское городище следует рассматривать как центр племенного союза, в который входили по крайней мере два различных племени. К северу от Степной Скифии древние авторы упоминают только одно крупное поселение, с которым пытались отождествить Вельское городище. Это город Гелон, который Геродот описывает как центр своеобразного союза гелонов и будинов".

Наибольшая плотность населения Вельского городища была в Западном и Восточном городищах, где культурный слой хорошо насыщен и толщина его в некоторых местах превышает 1 м². Площадь их вместе составляет 3 868 га, то есть почти столько же, сколько занимала Москва в начале XX века!

Куземинское городище занимает площадь в 15,4 га. Здесь нашли небольшой, слабонасыщенный культурный слой керамики IV- III веков до н. э. В основном находки были сделаны на пологом склоне, который опускается к самому берегу реки Ворсклы. Скорее всего, здесь была пристройка, защищавшая пристань. Это подтверждается и обнаруженным в этом месте в 1952 г. складом античных остродонных амфор.

Западное и Восточное городища резко различаются между собой как по жилищам, так и по крепостным укреплениям, и, конечно, по могильникам.

Установлено, что крепостные валы городища возводились на местах, где рос кустарник. Его сжигали, а затем строили стены из дерева и земли.

В Восточном городище опорные столбы стены располагались на большом расстоянии друг от друга. Между ними вкапывались на расстоянии около метра поддерживающие вертикально столбы. С внутренней стороны на вертикаль-

ные бревна опиралась стена из горизонтальных бревен и примыкающая к ней насыпь из глины и земли. В верхней части насыпи, для жесткости конструкции и удержания верхних концов вертикальных бревен, были заложены деревянные стяжки.

Первоначально крепостная стена была высотой около двух метров. Но в конце VI века до н. э. ее сожгли, при восстановлении стены были подняты в два раза — до 4 метров.

Перед стеной был ров шириной до 5 м 40 см, глубиной от подошвы вала 5 м 60 см. Дно рва было плоское, шириной 1 м 10 см. Такое дно позволяло осажденным незаметно для врага передвигаться во время вылазок.

Верхняя часть внешней стороны стены была покрыта глиной и побелена.

Вход в город был узким в начальной части и расширялся в сторону внутренней части города.

Внутри города у стены был вал шириной до 7 м 20 см.

Жили в Восточном городище в наземных столбовых домах с глинобитными печами. Это был крупный ремесленный центр. Здесь нашли целые комплексы, созданные для деятельности кузнецов, бронзолитейщиков, гончаров.

Обнаруженная здесь керамика относится к культуре VI века до н. э. старшежуравского этапа. Есть здесь чернолощенная инкрустированная керамика.

В городище находилось святилище с разнообразными предметами, некоторые из которых могут быть связаны с местным культом божества, подобного Дионису.

Западное городище располагается на берегу реки Сухая Грунь. Исследовано оно гораздо хуже, поскольку значительно разрушено местными жителями. Дело в том, что здесь обнаружены курганообразные зольники, которые использовались в XIX — XX веках для получения селитры.

Зольники появились в VI веке до н. э. Число их как минимум семь, и располагались они по неправильному кругу.

В зольниках археологи нашли обломки ионийских амфор VI — V веков до н.э., протофазосских амфор V века до

н.э. и средиземноморских амфор неизвестного центра V — IV веков до н. э. Факт обнаружения столь значительных керамических объемов древнегреческой керамики свидетельствует не только о том, что жители Вельского городища вели активную торговлю со странами Средиземноморья, но и о том, что, вероятно, здесь постоянно проживала целая колония греческого купечества.

Крепостные сооружения Западного городища резко отличаются от крепостных сооружений Восточного городища. Валы здесь тянутся на 3270 м. Здесь просто копались ров и насыпался вал. Вершина насыпи была четко заострена под углом в 30 градусов к горизонту. Перед насыпью были вплотную друг к другу вбиты в землю вертикальные столбы. Нижняя их часть служила стенами внутренних помещений, а верхняя — крепостной стеной.

Следует отметить, что помимо древнегреческой керамики в зольниках обнаружена и характерная для VII — VI веков до н. э. керамика так называемой жаботинской культуры (от раскопанного поселения на Тарасовской горе близ Жаботина).

Население Западного городища обитало в жилищах типа землянок с покатыми крышами.

Здесь обнаружено святилище с жертвенником, зооморфными и антропоморфными статуэтками.

В целом внутри городища были колодцы, многочисленные зерновые ямы для больших запасов зерна и других продуктов, хозяйственные помещения. Здесь можно было содержать большие стада домашнего скота. Все это позволяло выдерживать длительную осаду. Вероятно, в случае военной опасности за стены Вельского городища, с полным основанием идентифицированным с Геродотовым городом Гелонном, могли укрываться все жители близлежащих поселений.

Во рвах городища были обнаружены наконечники стрел из бронзы, железа и кости, железные мечи и кинжалы, дротики, железные чешуйки от панциря, метательные камни разных размеров, булава.

Город жил, город воевал, город побеждал.

Экспедиция Б.М. Шрамко доказала, что в конце VI века до н. э. городище постигла катастрофа — оно было сожжено. Это полностью подтверждает рассказ Геродота о том, что в 512 г. до н. э. персы без сопротивления со стороны местного населения заняли и сожгли город Гелон. Нападение захватчиков на центральный город Северной Скифии было неизбежно — огромный укрепленный район, славившийся торговлей, а следовательно богатством, не мог не привлечь персов, искавших военной добычи.

После разгрома персов город был восстановлен и просуществовал до III века до н. э. Как и отчего он погиб точно сказать невозможно. Изучение Вельского городища продолжается.

Основным источником информации о жизни древней Скифии для историков стали молчаливые степные курганы. Впрочем, археология умеет читать и без письма, но в случае со скифами этот номер не проходит: почти полтора века курганы раскапываются (даже некоторыми профессиональными археологами), хотя часто не для установления исторических истин, а ради обогащения — личного (разбойные раскопки) либо государевой казны. Раскопки упорядочились только в XX веке.

Нынешние археологи делят курганные захоронения на три типа культуры — ямную, склепную и срубную. И растянулись курганы от Малой и Передней Азии и Причерноморья — через Среднюю Россию на восток, через степи Средней Азии и Казахстана, через Алтай — до самого Тихого (Великого) океана.

Собственно, кочевники возникали и в оседлых народах — по разным причинам — еще в III-II тысячелетии до н. э. Примитивное кочевье рода из одной земли в другую сотни лет не ознаменовывалось ни крупными войнами с аборигенами, уже населявшими земли, ни историческими упоминаниями у более развитых народов, имевших письменность. Только пылливый Геродот, или греческий исто-

рик Гиппократ (V в. до н.э.), или добросовестный Страбон (I в. до н. э.) описали некоторые скифские племена, поскольку они стали играть заметную роль в Передней и Малой Азии, а также в Северном Причерноморье, то есть в первую очередь там, где были греческие колонии. Об остальных же скифах Страбон, к примеру, говорит: "Древние эллинские писатели... называли одних саками, других массагетами, не имея возможности сказать о них ничего достоверного".

Правда, кое о чем достоверном авторы-эллины говорили — допустим, о том, что в землях, где живут скифы, очень холодно: в самом деле, Северное Причерноморье несколько прохладнее Балкан. Так в "Одиссее" представлялась земля, где жили киммерийцы, — во-первых, это уже был мрачайший край света, за которым находился вход в царство мертвых, а во-вторых, по сравнению с Грецией, на Южной Украине и впрямь реже показывается солнце.

Несмотря на приведенные Геродотом две версии происхождения скифов (первая — они произошли от Зевса и богини реки Днепра; вторая — от Геракла и женщины-змеи, что должно было польстить скифам), самому историку кажется наиболее правдоподобной третья версия: скифы пришли с востока в результате межплеменных войн, а киммерийцы под их натиском ушли в Малую Азию. Как бы то ни было, в VIII — VII вв. до н.э. их присутствие на "исторической" территории не только ощущается, но и весьма ярко.

Находясь примерно около двух тысячелетий в состоянии разложения первобытно-общинного строя, при этом наполовину оседлые, скифы не могли противостоять сильным и давно сформированным государствам. Этому препятствовала и их жизнь "на колесах", заставлявшая племена кочевать с пастбища на пастбище. Но по мере нарастания поголовья стад, а значит, и родового благополучия, у скотоводов-кочевников возникла потребность в поиске новых земель, а жизненное пространство степей и лесостепей, несмотря на их обширность в Евразии, было занято. Пер-

востепенное значение приобретает конное поголовье и военная конница, в коей скифам не было равных. Кочевники активно выходят на историческую арену! Поэтому с VIII века до н. э. они фигурируют и в клинописи Передней Азии, и в сочинениях греков, и в истории Египта. И получают официальную "прописку" в Причерноморье и Закавказье.

Но даже самых значительных упоминаний у самых выдающихся историков древности недостаточно для изучения культуры народа, населявшего громадные территории евразийских степей. Скифы оставили богатую возможность для знакомства с ними — знаменитые курганы, о которых слышали, наверное, все. Цепочками и линиями, группами и в одиночку, курганы возвышаются над ровной, как бильярдный стол, степью, а некоторые просто поражают путешественников своими размерами, производя иногда столь же загадочное впечатление, что и египетские пирамиды.

Так был поражен в конце XVIII века сын русского народа Василий Федорович Зуев, в 1781-82 гг. исследовавший местность между Бугом и Днепром: "Дорога была ровною, черноземною степью, по которой одни только курганы в великом множестве были видны". А в первую очередь поразила его размерами и загадочным видом Чартомлыкский курган.

Ольвию, древнюю греческую колонию, разглядел в 1794 г. на берегу Черного моря у села Парутина петербургский академик Петр Симон Паллас. Найденные им монеты с Ольвиопольским клеймом говорили, что именно здесь, в остатках развалин, была когда-то милетская колония. Через пять лет Павел Иванович Сумароков подтвердил находку естествоиспытателя, обозначив Ольвию в урочище Ста могил (именно там находится огромный курганный могильник). А в сочинении "Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду" русский классик описал керченские древности и правильно определил Керчь как прежний Пантикапей — тысячелетнюю столицу Боспора-

ского государства. А в четырех верстах от Керчи Павел Иванович увидел и описал Алтын-обу — величественный Золотой курган. Здесь великий Пушкин в 1820 г. желал восхититься "следами Пантикапея" и "развалинами Митридатова гроба", но "сорвал цветок для памяти и на другой день потерял без всякого сожаления". "За несколько верст остановились мы на Золотом холме. Ряды камней, ров, почти сравнявшийся с землею, — вот все, что осталось от города Пантикапей", — разочарованно пишет брату опальный поэт, подверженный эмоциям. Неправда! Через десять лет он пишет о Тавриде с другим настроением. А в 1825 г. А. С. Грибоедов с горечью отмечает варварское отношение местного населения к памятникам древности: "Сами указываем будущим народам, которые после нас придут, как им поступить с бренными остатками нашего бытия".

Вместо систематических раскопок, столь необходимых в этом богатом историческом крае, в Тавриде и Ольвии, как и в отмеченной Грибоедовым Феодосии, копали землю все кому не лень, чтобы добыть "денежек и горшков" (Муравьев-Апостол, 1826 г.): "То, чего не успело и все разрушающее время, то довершается теперь рукою невежества!"

Официальные и полуофициальные "генеральские" раскопки конца XVIII-начала XIX вв. в Керчи, Тамани, в низовьях Буга и Днепра можно охарактеризовать как варварские. Кирпич и камень, добытые из городищ и курганов, шли на строительство казарм, а золотые и серебряные вещи растаскивались не только солдатами, но и офицерами. Случайные находки из золота и серебра достигали Петербурга и попадали в Эрмитаж, остальные же археологические ценности из курганов таковыми не считались и уничтожались на месте! Даже Литой курган в 30 верстах от Елизаветграда, раскопанный в 1863 г. губернатором Новороссийского края генералом-поручиком Алексеем Петровичем Мельгуновым, находки из которого поступили в музей (курган скифского вождя VI века до н. э.), так и не был впоследствии найден, чтобы осуществить правильные его дораскопки.

Генерал Вендервейде, раскопавший в конце XVIII века большой курган возле станицы Сенной (Фанагория!) на Тамани, позволил солдатам украсть из склепа все, остальное было уничтожено. Самому генералу достался золотой массивный браслет в виде свернувшихся змей, украшенный рубинами. Генералы Сухтелен, Гангеблов, полковник Паронья также копали... "под себя", загубив многие археологические возможности и ценности.

А вот два камня с греческой надписью, подтверждавшей вхождение Таманского полуострова в IV веке до н.э. в состав Боспорского государства, принесли простые крестьяне из деревни Ахтанизовки — Денис Коваль и Андрей Лоянь. Другие важнейшие находки тоже были сделаны в основном случайно.

Правда, в 1805 г. было издано правительственное распоряжение "об ограждении от уничтожения и расхищения крымских древностей", но оно по сути ничего не меняло. Керчь добывала для строительства камень из античных гробниц. Лишь первым шагом к планомерным исследованиям была записка академика Г. К. Э. Келера от 1821 г. "О сохранении и возобновлении в Крыму памятников древности и об издании описания и рисунков оных".

Надо было быть коренным французом Полем Дю Брюком, чтобы, не будучи специалистом по древностям, но после назначения в Керчь начальником таможи в 1811 г. и комиссаром по медицинской части в Еникале в 1812 г. проникнуться глубоким и подлинным интересом к истории и начать — на свои средства! — бережное профессиональное раскапывание тамошних курганов, начавшееся, как и сама цивилизация, с простого собирательства. Павел Дюбрюкс (так этого роялиста-иммигранта стали звать в России) с 1816 по 1835 г. (до самой смерти) ведет планомерные раскопки древних могил. Впрочем, сам Дюбрюкс мог лишь отыскивать и благоговейно раскапывать памятники, истолкование же их было выше его познаний. Однако в 1820 г. судьба сводит Дюбрюкса с полковником Иваном Алек-

сандровичем Стемпковским, который и становится руководителем археологических работ Дюбрюкса. Член-корреспондент Парижской академии, по программе которого, поданной Новороссийскому генерал-губернатору графу Воронцову, создаются музеи древностей в Одессе и Керчи, а в 1839 г., уже после смерти И. А. Стемпковского, основано Одесское общество истории и древностей, сыграл большую роль в организации и изучении археологии и истории Северного Причерноморья. С 1828 г. Керчьеникальский градоначальник, И. А. Стемпковский похоронен на вершине горы Митридат за неопределимые заслуги перед историей, которые в те времена поощрялись редко. Его коллекцию античных монет приобрел Эрмитаж.

Стемпковский и Дюбрюкс и осуществили замечательное открытие Золотого кургана (так иногда называют курган Куль-оба, чтобы не путать с курганом Алтын-оба, — из-за золотых богатых находок). Открытие случайное.

Богатый склеп, на который наткнулся, тоже совершенно случайно, один из жителей Керчи, был вычищен 12 января 1821 г. матросами гребной транспортной флотилии.

По имени их командира капитан-лейтенанта находка называется курганом Патиниотти. Капитан-лейтенант честно отправил все драгоценности тогдашнему генерал-губернатору Новороссийского края графу де Ланжерону, от которого они якобы и поступили позднее в Одесский музей, но, впрочем, не найдены до сей поры. По счастью, сохранилось не только описание, но и рисунки найденных вещей — массивной шейной гривны из электра (сплава золота и серебра) с львиными головами на концах, два золотых браслета, электровая фигурка скифа с рогом для вина в руке, множество золотых бляшек — нашивных украшений скифского одеяния. Найдены также медные котлы с бараньими костями, греческая амфора и множество наконечников стрел.

Через 9 лет другие военные были посланы командованием для сбора строительного камня на курган Куль-оба (по крымско-татарски — "холм пепла"). Камень собирался с

облицовки кургана и доставлялся в Керчь. Наконец работа была завершена, и лишь несколько нижних чинов остались там для сбора дополнительно к 400 кубическим сажням камня еще мелкого щебня. В качестве наблюдателя при этом присутствовал смотритель Керченских соляных озер... Павел Дюбрюкс! Он-то и решил, основываясь на 14-летнем археологическом опыте, что курган — дело рук человека, а стало быть, внутри кургана — гробница. И определил примерное место для входа в курган — дромоса.

Стемпковский немедленно приказал увеличить число солдат Воронежского пехотного полка и копать в указанном месте. Уже 19 сентября, то есть через несколько дней, градоначальнику доложили: открылись части строения из тесаного камня. Стемпковский с любителями древностей прибыл и увидел довольно широкий проход из камней, ведущий к двери, однако проход перекрывали сгнившие и обрушившиеся бревна, переложенные когда-то камнями. Многие из них нависли над дромосом, грозя обвалом.

По приказу Стемпковского дромос был очищен, начиная сверху. Наконец 22 сентября через отверстие в верхней части двери участники экспедиции проникли в квадратный склеп площадью около 20 м², перекрытый пирамидальным сводом — камнями, выложенными уступами. Там они нашли "разрушенные доски и бревна, изломанный катафалк"...

Дюбрюкс был очень разочарован: склеп очистили до него! Однако при дальнейшей расчистке оказалось, что камера не тронута. Только дерево, ткани, а частично и кости истлели. В склепе было захоронено три человека.

Главный из них — высокорослый воин (193 см), одетый в праздничный наряд, увенчанный войлочным остроконечным скифским башлыком с золотыми накладками. На шее — золотая гривна весом 461 г в виде жгута из шести толстых проволок, концы которой украшены фигурками скифа на коне. На руках и ногах воина — золотые браслеты тончайшей работы, а вся одежда расшита множеством

золотых бляшек. Меч, лук и стрелы, поножи лежали рядом. Рукоятка и ножны меча, а также горит (футляр для лука и стрел) обложены золотыми пластинами с выгесненными на них изображениями фантастических зверей, а также известных животных. Рукоятка кожаной нагайки оплетена золотой лентой, а бронзовые поножи — покрыты позолотой. Точильный камень для меча был в золотой оправе, рядом находилась золотая чаша весом 698 г — с вычеканенным изображением Медузы Горгоны и бородатой головы скифа. Изображение во множестве повторялось по кругу.

Второе погребение принадлежало жене или наложнице скифа, вероятно, царя. Тело женщины было положено в кипарисовый гроб с росписью и отделкой из слоновой кости. Рисунки поразительны по тонкости и местами раскрашены. Изображения передавали сцены охоты скифов и сюжеты из греческих мифов. Одежда женщины расшита электровыми бляшками, голову украшала электрова диадема, здесь же найдены золотые подвески с изображением Афины, повторявшим изваянное Фидием в 40-х гг. V века до н. э. (он сделал статую богини для храма Парфенона в Афинах). Еще одна пара золотых подвесок содержала мелкодетальное изображение в медальонах сцен из "Илиады" с участием Ахилла. На шее женщины было ожерелье и золотая гривна весом 473 г. Возле положены два широких браслета и бронзовое зеркало с отделкой золотым листом. У ног — электровый сосуд с гравировкой из жизни скифов (лагерь после боя), всего четыре сцены. На одной из картинок скифу вырывают больной зуб. При изучении черепа воина оказалось, что погребенный царь действительно имел на указанном месте следы манипуляций лекаря — больной зуб, а двух коренных, вырванных ранее, лишен. Таким образом, ваза давала блестящий повод к изучению подлинной жизни скифов, ибо реализм изображений был просто поразителен.

В дальнейших находках (Воронежский курган в 1910-1911 гг.) была доказана идентичность быта и облика изоб-

ра женных в Куль-обе и Воронеже скифов, а следовательно, принадлежность погребенных к одному народу. И Куль-обская электрическая, и серебряная с позолотой Воронежская ваза — обе относятся к IV веку до н. э.

Одна из найденных в Куль-обе фигурок двух скифов, держащих один ритон (рог для питья вина), показывает сцену побратимства, описанную Геродотом. Куль-обская находка во многом подтвердила правильность Геродотовых описаний.

За гробом царя лежал скелет конюха-раба. За его головой найдены кости лошади (в специальном углублении) и греческие бронзовые поножи, называвшиеся кнemiдами, а также шлем. В серебряных позолоченных тазах и серебряном блюде у стен склепа найдена посуда — чеканный набор серебряных сосудов, два ритона и килик (чаша для питья вина), кроме того, медные котлы и четыре глиняных амфоры, в которых когда-то, судя по клеймам на горлышках, было вино с острова Фасоса. На полу найдено множество бронзовых наконечников стрел и копий — несколько сотен.

Во время работы над склепом в одну из ночей он был ограблен, несмотря на принятые меры предосторожности. С великим трудом Дюбрюксу удалось спасти только львиную головку, венчающую один из концов массивной шейной гривны, и золотую бляху с изображением оленя — один из шедевров так называемого "звериного стиля", весящий 226 г.

Грабеж Куль-обы продолжался и позднее, но только до 28 сентября, когда на грабителей обрушилась северная стена склепа и повредила ноги двоих из них. Впрочем, за четыре ночи, предшествовавшие этому событию, с которого грабежи прекратились, "счастливчики" (так называли нарушителей древних курганов) успели целиком расчистить склеп, поднять огромные плиты пола и... освободить три ямы-тайника, содержание которых ученым до сих пор неизвестно. Ни одна из изъятых в тайниках вещей, среди которых несомненно было золото, не появлялась больше в поле

зрения. Правда, на дне вскрытых грабителями ям и между оставшихся плит пола в 1830 г. было найдено несколько золотых бляшек.

Директор Керченского музея А. Е. Люценко после публикации труда Дюбрюкса (при жизни автора так и не опубликованного) в 1875 г. предпринял очередную попытку раскопок Куль-обы: Дюбрюкс высказывал предположение, что в кургане возможны другие погребения, не менее важные. Куль-обский склеп был опять расчищен от завалов. Но перед взорами археологов предстала мрачная картина: стены были наполовину разобраны и унесены местными жителями. Весь пол был вскрыт, плиты из камня разбиты и также унесены. В траншеях, заложенных А.Е.Люценко, также ничего не было найдено, кроме нескольких золотых бляшек. Интерес к Куль-обе пропал, и Золотой курган до сих пор не обследован до конца.

За неимением новых данных по Куль-обе, воспользовавшись буквами "ПА1" на золотом олене — вероятно, клеймо мастера, — исследователи решили приписать погребение Боспорскому царю Пайрисадесу, правившему с 349 по 311 г. до н. э., при котором государство достигло большого могущества. Но такая трактовка не нашла в ученой среде должного отклика: даже будучи негреком, царь Пайрисадес вел греческий образ жизни (хотя бы внешне), а захоронение носит все черты скифского, описанного Геродотом. При погребении царя скифы душили любимую из его наложниц и хоронили рядом с ним. Вместе с царем в могилу клали его любимых слуг, коня, посуду и пищу (мясо в медных котлах), а также вино.

Вероятно, погребенный в Куль-обе скифский царь мог находиться под влиянием греческой культуры, но скорее всего, греческие мотивы в найденных вещах отражают больше вкус мастеров, чем самого царя-скифа. Продолжение раскопок кургана может принести неожиданный ответ.

Впрочем, скифы трудно расстаются со своими загадками и гораздо легче — с золотом курганов, рассеянным по

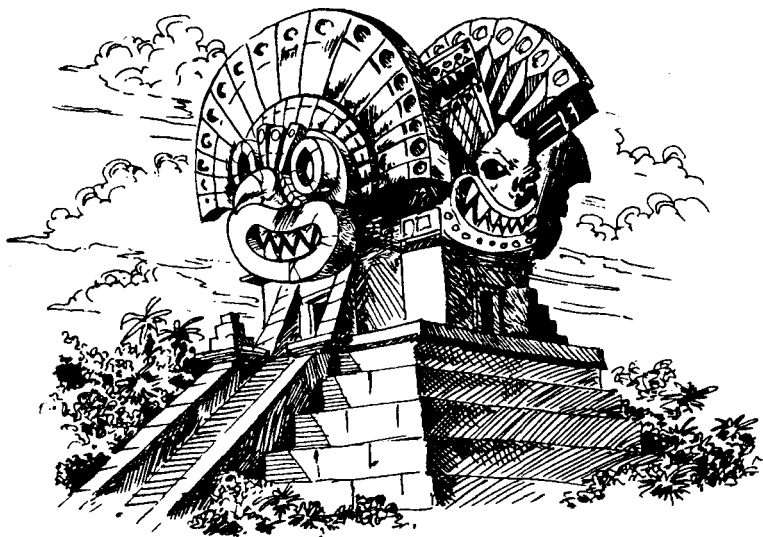
всему миру и переплавленным за 200 лет в слитки. Вернее, не за 200, а за 2000 лет, что грабят курганы.

Ответ может быть банальным. Если скиф — не Боспорский царь, то близость могилы к Пантикапею (курган в 6 верстах от Керчи) может объясняться только вынужденностью захоронения.

Подсказку сделал еще в 1830 г. Е.Шевелев, присутствовавший при находке (вспомните о больном зубе!). Все остальные зубы царя — вполне здоровы, если не считать еще двух удаленных. Мужчине 30-40 лет, а это не так много, следовательно, умирать от старости ему не было никакого "резона". Судя по рисункам на электровазе, скиф доверил выдрать третий зуб врачу-скифу, но тот не справился, и в результате пришлось ехать в Пантикапей — к греку или еврею. Но в Пантикапее скифский царь вылечиться не успел: умер от гангрены.

Зато курган царю-победителю насыпали отменный! Землю везли со всей Скифии. А с облицовки кургана только учтенного камня сняли в прошлом веке 800 кубических сажен (Воронежская пехота — для строительства матросских домов — 400, и 400 же — итальянец Рафаил Скасси для постройки ограды сада). Сколько еще растащили неучтенного!.. Беспечные, не ведавшие грамоты, не оставившие о себе письменных свидетельств кочевники-скифы породили столь же беспечное, родства не помнящее, к собственной истории равнодушное потомство. Поистине "да, скифы мы, да, азиаты..."

ГЛАВА XI. Кровавые идолы Майя

Один из знаменитых исследователей культуры майя археолог Сильванус Морли говорил: "Первые пять ступеней, через которые, по общему признанию, проходит человек на своем длинном и трудном пути от дикости к цивилизации, заключаются в следующем: овладение огнем, изобретение земледелия, приручение животных, создание металлических орудий и открытие колеса. Последовательность этих ступеней не всегда одинакова в разных частях света, хотя овладение огнем бесспорно является повсюду первым шагом, а изобретение земледелия во многих местах — вторым. Порядок прохождения остальных трех ступеней различен... Майя владели огнем, научившись добывать его с глубокой древности...

Несмотря на сравнительно неблагоприятные условия природной среды, они создали эффективную систему зем-

леделия, приручили дикого индюка, держали в специальных хижинах с тростниковыми крышами рои не имевших жал пчел. Но зато они не имели тягловых животных... На всей территории Америки в доколумбову эпоху можно встретить лишь два случая применения тягловых животных: древние перуанцы использовали ламу, а эскимосы заставили своих собак таскать сани. Вся громадная программа архитектурного строительства майя выполнена без помощи тягловых животных, исключительно руками человека. У майя не было орудий из металла. В Древнем царстве металл вообще неизвестен, а в Новом царстве (теперь этот период называют "мексиканским") золото, медь и их сплавы употреблялись только для производства украшений и предметов культа (кольца, бусы, подвески, серьги, пластинки, чаши, блюда, колокольчики).

Древние майя не знали и колеса. У них отсутствовали колесные повозки... а большинство специалистов в области древнеамериканской керамики считают, что гончарный круг здесь также неизвестен".

И что же? Народ, открывший лишь два из пяти указанных принципов (хотя подсечно-огневой способ земледелия трудно назвать "эффективной системой", как выразился Морли), находящийся, по самым завышенным историческим оценкам, в самом начале неолита, "в век шлифованных каменных орудий", создает архитектурные шедевры вроде

Храма Кукулькана, разрабатывает религию и философию, на основе которых создает самый точный и глубоко учитывающий астрономические тонкости календарь, — индейцы майя знали о звездной прецессии — са-

мых точных астрономических часах! И в то же время лепили вручную детскую игрушку — бизона на колесиках! Иного применения колесу они не нашли...

Огромная роль религии, мистики, астрологии в повседневной жизни государств майя (именно государств — к моменту Конкисты их было около десятка) ярко проявилась в час прихода испанских завоевателей — 1517 (Эрнандо де Кордоба), 1518-19 (Хуан де Грихальва), 1527 (Франсиско де Монтехо), 1531 (он же), 1540-41 (Франсиско де Монтехо-младший) и более поздние годы. Объяснений, почему страна майя оказалась легкой добычей не большого, очень ограниченного (во всех смыслах) контингента испанцев, несколько.

Во-первых, с 1441 г. на полуострове Юкатан бушевала открытая гражданская война, затихающая лишь для того, чтобы подросли до необходимого возраста юноши с той, другой, третьей и т. д. сторон. На классовые войны накладывались многочисленные междоусобицы малюсеньких государств, на которые давным-давно была разбита страна индейцев майя: она гибла и без испанского вмешательства!

Процесс был исторический. Города сжигались, разрушались и покидались их жителями, которые не успели удостоиться чести быть принесенными в жертву богам противной стороны. Десятки прекрасных городов стояли в руинах или целые, но брошенные.

Во-вторых, по свидетельству самих испанцев, они были поражены, когда пришли завоевывать страну, не завоеванную с первого раза в прошлом походе пятилетней давности: они не узнали даже местности — всю зелень поела саранча, а народ вымер...

В-третьих, добрый, интеллигентный майяский бог Кукулькан (Кецалькоатль), который когда-то, в "золотой век", научил диких индейцев уму-разуму, заставил заниматься земледелием, подарил огонь, показал звезды и способы строительства домов и храмов, уходя, обещал вернуться.

Лучше бы он этого не обещал! Тысячи лет прождали его люди! И что?.. Точно так же, как уходил (по морю), со стороны вод под ослепительно белыми парусами появились такие же белые бородатые боги: вернулся наш дорогой и любимый, и те же помощники с ним!.. Соппротивление испанцам было оказано самое минимальное и формальное.

Тысячи и тысячи индейцев, не боявшихся смерти в бою, конечно же, были ошеломлены грохотом ружей и пушек, но должны были очень скоро прийти в себя и заметить, что ружье, как и пушка, требует долгой перезарядки, и скрутить 250 человек проблемы не составляет. Потом-то они так и поступали! Но было поздно: их уже "выбили из колеи", вождей подкупили, а страну поделили.

В-четвертых, до прихода испанцев майяский оракул торжественно объявил, что тогда-то, тогда-то с востока, по воде — появится "сильный человек" и "захватит эту землю", и наступил конец благоденствию, потому что земля эта надолго-надолго станет чужой, а вы понесете крест несколько столетий — расплату вашу за грехи ваши... К приходу испанцев индейцы морально уже готовы были к худшему повороту событий. Они оказались внутренне многократно парализованными. Нельзя осуждать сдавшегося без боя царька Тутуль-Шиу. Он даже армию свою отдал горстке испанцев, надеясь хоть таким образом сохранить свое маленькое государство и его народ. Тутуль-Шиу верил оракулу... Поистине правы были римские цезари и позже инквизиция, безжалостно истребляя разного рода пророков.

"Начались различные поборы, начались поборы в пользу церкви, началась яростная погоня за деньгами, началась пушечная пальба, началось затаптывание людей в землю, начались насильственные грабежи, началось выбивание долгов на основе ложных показаний, начались всевозможные бедствия", — говорится в "Чилам Балам", индейской хронике, записанной по-майяски, но латинскими буквами (это была уже новая паства идущего по пятам за солдатами католического духовенства).

В 1549 г. францисканский монах Диего де Ланда прибыл из Испании в монастырь Исамаль (Юкатан). Прибыл исполнить свой долг.

И исполнил. В городе Мани, обнаружив богатейшую библиотеку доколумбовой поры, в которой были собраны все достижения цивилизации майя, он приказал сжечь библиотеку на городской площади! Публичное сожжение всей доисторической информации состоялось, "поскольку книги, —" безапелляционно заявил монах, — не содержали ничего, кроме суеверия и дьявольской лжи!.." Так было уничтожено бесценное археологическое сокровище.

Диего де Ланда очень скоро хватился и понял, что именно он совершил. И этот человек, дослужившийся до епископа, оставшуюся часть жизни посвятил восстановлению утраченного. Опять одержимый, теперь противоположной идеей, Диего де Ланда неустанно записывает устные предания из глубинки, объясняет чтение утраченных иероглифических письмен... И благодаря ему на сегодняшний день учеными прочитан точнейший майяский календарь, прочитана одна треть текстов. Правда, две трети иероглифов, которыми записано что-то важное в храме, гробнице, на стеле, пластинке, бусах и т.д., — остаются недоступными пониманию.

Тьма опустилась на землю аборигенов Америки. Что беды, войны, эпидемии и саранча! Король Испании Карл V любому проходимцу выдавал лицензию на право "исполнять на новых землях волю короля", — взамен малюсенькая европейская страна получила под свой флаг такие территории, такие богатства и столько подданных, сколько не снилось ни одному завоевателю, бредившему идеей мирового господства. Понятно, монарх закрывал и даже замуривал глаза на то, что творилось в далеких землях его имени. Царьки, ловкие главы родов и семейств, да и просто одиночки — проходимцев хватает везде — за мнимые посулы, мнимую власть и мнимые почести продавали свой народ, выступая от его имени. Появились испанские дворяне туземного происхождения.

Не всегда успевая обзавестись соответствующими бумагами, испанцы то получали "имения" в Новом Свете, то теряли их, будучи ограбленными более наглыми соотечественниками. Вели войну на территории друг друга: не друг с другом, а с индейцами, которых угоняли, если повезет, в рабство.

Трагедия народа воспринималась самим народом не одинаково; многие, как Тутуль-Шиу, воспринимали происходящее безропотно, другие — совершали самоубийства.

Будто предвидя то, что ждет индейцев в XVI веке, религия уже давно внесла суицид в разряд самых благородных подвигов. Третьи — их было мало — ушли в джунгли, чтобы, во-первых, бездарно не гибнуть от "стреляющих палок" бледнолицых захватчиков, а во-вторых, спасти то немногое, что оставалось от культуры, безжалостно уничтожаемой испанцами, хотя бы то немногое, что оставалось в душе. В районе озера Петен-Ица майя удалось отстоять даже маленькое независимое государство. В горах и джунглях оно сумело просуществовать до 1697 г.! В глубь этих лесов индейцы бежали и раньше, еще от гнева правителя Хунак-Кееля. Там, на одном из островов озера Петен, они и возвели крепость под названием Тайясаль... Другая группа забрела во времена Конкисты в такие дебри и так оторвалась от своей собственной цивилизации, что почти вернулась к эпохе 6-7 тысячелетий до н. э., в прежний неолит.

Восточнее Паленке (современное название) в джунглях бассейна реки Усумасинта живет обособленное племя лакандонов. Уникальность его в том, что оно когда-то сознательно "ушло из жизни" в джунгли и тем самым сохранило часть своих традиций и язык. Это язык майя! Однако традиции, состоящие в основном в религиозных обрядах, исполнялись лакандонами формально, часто не понимая, для чего они делают то-то и то-то. Читать они, конечно, изначально не умели: государственная система майя, строившаяся веками, предусматривала допуск к "истине" только избранных, особо посвященных, — остальным же было пред-

назначено слепо исполнять волю богов и астрологов. В середине XX века большое вымирающее племя лакандонов насчитывало лишь 160 человек. Однако они не отступали от своих правил: регулярно ходили в заброшенные города, поросшие густыми джунглями, и там, в развалинах своих бывших храмов, исполняли предначертанное.

Заходя в дома, они оживляли их тем, что оставляли в каждом из них свежую чашу с благовониями...

Слух о якобы существующем племени лакандонов носился в воздухе давно. Но индейцы так тщательно скрывались от людей, что этот слух вполне можно было принять за легенду. Однако Альфред Моудсли загорелся идеей обнаружить племя потомков майя. Тогда археология получила бы редкую возможность соотнести свои открытия с этнографией. Сравнительный анализ — необычайно заманчивая вещь для настоящего исследователя. И действительно, совершенно случайно ученый наткнулся на отдельных представителей племени. Но они ни о чем не желали говорить, а объяснить причину своего интереса к ним было для Моудсли сверх его сил. Зато он сделал два важнейших открытия: повсюду, особенно в Яшчилане, он нашел свежие глиняные фигурки и грубые сосуды, в которых индейцы сжигали копаловую смолу. И было это среди руин?! Вторым открытием ученого стало то, что лица встреченных им индейцев оказались поразительно похожи на лица скульптурных изображений в тех же заброшенных городах.

В отношениях с лакандонами Моудсли потерпел неудачу. Произошло это в конце XIX века. А в 1902 г. той же проблемой занялся Альфред Тозсер. Он приступил к детальному изучению индейцев Чиапаса.

Два года он прожил среди лакандонов, собрал сведения о быте, традициях. К великому сожалению, ученый обнаружил, что потомки майя напрочь забыли письменность, а высокий уровень астрономических и математических знаний предков, архитектуру и скульптуру утратили полностью.

Впрочем, относительно последних они сохранили информацию, что такие достижения у них когда-то были. Из памяти лакандонов стерлись имена богов, мифы и легенды. Осталось лишь необъяснимое благоговение перед ними.

Интересное открытие сделал Сильванус Морли: религиозные обряды лакандонов — пусть упрощенные — были копией тех древнейших обрядов майя, которые существовали до периода усложненных жреческих изысков. Они сознательно или вынужденно вернулись к более чистой религии, свободной от шелухи, наносов позднейших времен.

Одновременно лакандоны приблизились к природе: в их ритуалах возникли состязания с ветром, с духом горы, на которую, чтобы победить дух, следовало, например, просто взобраться. Убивая животное, лакандон обязательно просил у него за это прощения. Во время обрядов индейцы пили хмельной напиток "бальтче", состав которого (кора дерева бальтче, кукуруза и дикий мед) за века не изменился. Роль жрецов у лакандонов исполняли отцы семейств.

В 1946 г. американский путешественник и фотограф Джайлс Хили приехал в Чиापас, чтобы снять фильм о древних майя. Он долго жил среди лакандонов. Так долго, что успел заметить: время от времени мужчины племени куда-то исчезают на несколько дней. Однажды Хили потихоньку отправился за ними... Так был открыт древний город, который Хили назвал Бонампак ("Расписные стены").

Несмотря на незначительность Бонампака, а это маленький из множества таких же или чуть больше центров, существовавших прежде (от 400 до 900 г. он не вырабатывал своей политики, ибо и политика, и культура зависели от больших соседних городов — Паленке, Яшчилана, Пьедрас-Неграса), город украшен самыми выдающимися скульптурами и фресками. Вероятно, это был своеобразный город-салон. Особенно поразительны фрески Бонампака.

Стены штукатурки длиной в десятки метров расписаны подлинными мастерами, которым в мире нет равных, нет и

повторений. Хотя школа художников Бонампака принадлежит Яшчиланской, видно, что Бонампак как филиал не уронил чести головного "предприятия", а во многом его превзошел. Фрески затмевают все!..

Техеда и Калети вдвоем кропотливо зафиксировали фрески, во многих местах разрушенные или вовсе утраченные. Они даже попытались восстановить настенную живопись. Но это было трудно, в том числе и из-за того, что надо было прежде восстанавливать последовательность событий. Эрик Томпсон взялся решить эту задачу.

"Бонампак — своеобразная энциклопедия в картинках, рассказывающая о жизни города майя в VIII веке н. э. Лишь наивные люди могут применить термин "примитивизм" к искусству, которое прошло многовековой путь развития, прежде чем достигло своего апогея", — сказал французский дипломат и антрополог Жак Сустель.

Почти на сто лет раньше Хили американец Джон Ллойд Стефенс (юрист) и художник Фредерик Казервуд увлеклись — независимо друг от друга — археологией. Казервуд изучал архитектуру и скульптуру и хорошо знал древние памятники Греции и Египта, был на горе Синай и в Баальбеке. Точность в следовании за автором была коньком Казервуда: он приобрел эту привычку при изображении монументальных сооружений и скульптур древности. Стефенс тоже попутешествовал по Ближнему Востоку и уже писал книгу о своих приключениях на Востоке, когда вышел цикл книг лорда Кингсборо "Древности Мексики".

Стефенс познакомился и с папкой работ Жана Фредерика Вальдека — немецкого художника, изобразившего таинственные руины древних городов в Южной Мексике и на полуострове Юкатан. В "Трудах Американского антикварного общества" вышла статья, говорящая об открытии в Гондурасе развалин огромного города Копан...

Статья переполнила чашу терпения Стефенса, и он бросился в пучину поисков. Но прежде во всеуслышание объявил о том, что лично собирается убедиться в наличии или

отсутствии памятников древности в Центральной Америке. Археология была тогда наукой молодой, а Американский континент с точки зрения этой науки и вовсе не рассматривался, так что заявление Стефенса возымело общественный резонанс. Правда, антиквары и историки открыто выражали свой скептицизм.

Стало понятным, что необходим будет честный и скрупулезный фотограф, если поиск затерянного города окажется удачным: находку надо будет прежде всего задокументировать. И Стефенс нашел себе в спутники Казервуда. Накануне отъезда Стефенса, на его удачу, назначили посланником Соединенных Штатов в Центральной Америке.

Путешественники прибыли в Британский Гондурас — для того чтобы для начала убедиться в существовании мифического древнего Копана. Однако, столкнувшись с непроходимыми джунглями, они потеряли часть своей решительности: неужели в этих зарослях могла существовать какая-то цивилизация?.. К тому же повсюду они сталкивались с враждебностью местного населения.

Наконец они прибыли в Копан — небольшую индейскую деревушку, где их тоже встретили недружелюбно, особенно самозванный староста, метис дон Грегорио. Однако настырность Стефенса подсказала дону Грегорио, что пусть уж лучше эти европейцы найдут то, за чем сюда приехали, и поскорее уберутся отсюда. Он даже дал им проводника.

И путешественники убедились, что город в джунглях — не сказка! Они обнаружили застывшие в камне чудеса.

Древний Копан навел Стефенса на мысль, что сказка совсем другое — устоявшееся мнение о варварстве аборигенов: перед ним было явное доказательство обратного. Впрочем, значение этого открытия Стефенс и Казервуд осознали значительно позднее. А пока, наняв среди индейцев землекопов, они стали расчищать древний город. "Уже в десяти ярдах ничего не было видно, и мы никогда не знали, что ожидает нас впереди".

Наступил момент, и вырисовались контуры террасовидного "акрополя" площадью 12 акров, возвышавшегося метров на 40 над местностью. Исследователи открыли так называемую "иероглифическую лестницу" — в 33 фута ширины и длиной в 62 ступени, она спускалась с "акрополя" на северную площадь города. Иероглифы находились повсюду — не только на лестнице. Стефенс был убежден, что это — буквы. А скульптурные колонны или "идолы", расставленные там и сям, воздвигнуты в честь исторических событий или ради отметок определенных календарных циклов. Что ж, ни в том, ни в другом посланник США не ошибся.

В это время дон Грегорио негодовал! Оказывается, решил Стефенс, "мы, будучи иностранцами, дали рабочим слишком высокую плату", и тем самым они оскорбили старосту... В "высокую", да еще "слишком", плату верится с трудом, особенно после осмысления последующего события, тоже придуманного и воплощенного доном Грегорио: он испросил у иностранцев разрешение на производство раскопок! Как видно, староста был не только дотошно привередлив, но и опирался на закон.

Срочным порядком Стефенс выяснил, на чьей земле они копают. Оказалось, участок джунглей с бесполезными развалинами принадлежал некоему дону Хосе Мария — "человеку довольно терпимому". И вот (вспомните "высокую оплату"!)

Стефенс покупает у него целый город за 50 долларов!

Вскоре он оставил Казервуда руководить работами, а сам отправился в Гватемалу для осуществления служебного долга. Впрочем, ненадолго: теперь перед ним замаячил древний город Паленке.

В Паленке в 1840 г. Стефенс и Казервуд обнаружили прекрасный дворец! В отличие от Копана, здания Паленке были целы. Они нашли древний храм, поразивший их своим величием. Город оказался огромным: создавалось впечатление, что он бесконечен. Обнаруженный храм путешественники нарекли Храмом Надписей (так он называется и

сейчас). Найденные иероглифы здесь, а также в другом найденном храме повторяли иероглифы Копана. Однако археология в лице Стефенса еще не собиралась углубляться в сопоставления этнографического характера. Важен вывод, который впервые сделал именно Стефенс: эти города, вопреки бытующему представлению, создали не пришельцы из Старого Света или с Атлантиды, — они продукт местной цивилизации.

Исследователи осмотрели еще один древний город — Ушмаль. Он находился недалеко от Мериды. В том числе изучили Дворец Губернаторов, четырехугольник женского монастыря, великолепный храм Дом Карлика.

Составив и издав отчет об экспедиции, который назывался "Приключения во время путешествия в Центральную Америку, Чиapas и Юкатан", Стефенс и Казервуд через разрушенный город Лабна двинулись на юг. Последний обследованный ими вдвоем город — Чичен-Ица. После этого неутомимый исследователь окунулся в теоретические споры на самом высоком и высочайшем уровне.

"Дикие и бредовые идеи среди разного рода теоретиков... — говорил Стефенс в одном из докладов, — возникали при открытии курганов, холмов и укреплений, протянувшихся цепочкой от Великих озер по долинам рек Огайо и Миссисипи, благодаря находке мумий в пещере в Кентукки, надписи на скале в Дайтоне (говорили, что она принадлежит финикийцам). Измышления возродились и умножились после раскопок стен и города в Арканзасе. Казалось, что страну некогда населяли многочисленные развитые народы, которые непонятным образом исчезли, не оставив по себе исторических сведений".

Это обстоятельство порождало свободу всяческих измышлений, далеких от истины и самой науки. Сторонники Библии отождествляли индейцев с людьми, оставшимися после Великого потопа. Или с потерянными коленами израилевых; этой точки зрения, кстати, придерживался и вдохновлял Стефенса лорд Кингсборо. Дарвинисты, на-

оборот, заявляли, что, поскольку Америка изолированный континент, человек здесь развивался совершенно независимым путем, а его предками являются представители исключительно местных антропоидов. Это идея автохтонности американского человека. Представители "третьей" силы теоретиков вспомнили Платона и приписали заселение Америки легендарной Атлантиде. Это объясняло строительство изумительной красоты и точности пирамид, наличие точнейшего календаря майя и настолько развитой системы иероглифического письма, что расшифровать его без помощи "атлантов" не представлялось возможным. Назывался также континент Му, остатками которого после ухода под воду являются мелкие острова, простирающиеся от Ост-Индии до Гавайев.

Полемистов отрезвляли исследования Стефенса и Казервуда, но путешественники и сами были большими романтиками, поэтому отрезвление не было глобальным. А версия об "исчезнувшем континенте", в числе которых была еще Лемурия, стала препятствием для научного решения проблемы американского заселения. Были и сторонники заселения Америки через Исландию и Гренландию, но никто не высказал еще очевидного и наиболее вероятного способа проникновения в Аляску через Берингов пролив!

В итоге всех своих исследований Стефенс пришел к однозначному выводу: открытые им развалины — остатки великих туземных цивилизаций, возникших самостоятельно. Он писал: "Я не считаю их циклопами, а их сооружения не похожи на постройки греков или римлян: в Старом Свете нет подобных сооружений". В Европе твердо нет аналогов, а сооружения Индии имеют с американскими только внешнее сходство. Храмы, а также искусственные пещеры, высеченные в скалах, в Америке отсутствуют. О сходстве архитектуры Америки и Египта Стефенс тоже высказался: "Пирамидальная форма привлекает к себе внимание строителя любой страны как простейший и наиболее надежный вид высокой постройки на прочном фундаменте".

Аббат Брассер де Барбур в 1863 г. обнаружил затерянный в библиотеке Королевской Академии Испании тот самый труд жизни епископа Диего де Ланды, отражающий историю Юкатана. Косвенно Ланда подтверждал правоту Стефенса: американские аборигены шли в своем развитии независимым путем.

Ниточкой к распутыванию проблемы происхождения американских индейцев стал так называемый "желобчатый" наконечник, встречавшийся в различных местах на западе США как ископаемая визитная карточка древних местных охотников. Эти наконечники были и у копий майя времен Конкисты.

В 1936 г. один такой наконечник, найденный неподалеку от городка Фолсем в Нью-Мексико, был обнаружен среди костей древних животных. Ученые отправились на раскопки. Что касается костей животных, то это были кости бизона — той его разновидности, которая вымерла 10-15 тысяч лет назад. А один из наконечников копья торчал из ребра убитого животного.

Было ясно, что это кладбище костей со стоянки доисторических охотников. Открытие это значительно удревнило появление человека на Американском континенте.

В горах Сандиа в районе Альбукерка (Нью-Мексико) в 1937 г. обнаружена пещера, которую древний человек использовал в качестве жилища. Фрэнк Хиббон, специалист по первобытной истории, начал раскапывать эту пещеру и обнаружил под слоем, содержащим уже знакомые "желобчатые" наконечники, другие — овалы, принадлежавшие гораздо более раннему человеку. Они были хуже обработаны, отражая более примитивную технику. На основании геологической стратиграфии Хиббон датировал находку примитивных изделий — наконечников, скребков и ножей — десятью тысячами лет раньше фолсомского человека. Другие находки — Джипсем, Тьюл-Спрингс (Невада), Санта-Роса-Айленд (Калифорния) и Льюисвилл (Техас) — дали радиоуглеродные даты пребывания человека на земле Америки 30 тысяч лет назад.

Отличительная особенность всех первобытных охотников — отсутствие лука и стрел, которые появились у индейцев гораздо позже. Тогда же охотники стали использовать специальные копьёметалки.

Первобытные кочевники имели прирученных собак. В пещерах Юты, Орегона и Невады обнаружены циновки и обувь наподобие сандалий, облегчавшая ходьбу по каменистой местности.

По части скелетов человека американские антропологи не слишком удачливы: почти все из немногих находок вызывают сомнения в подлинности. Либо геологические отложения, в которых найдены останки, были потревожены, либо погребения относятся к более позднему периоду, то есть попали в древние слои случайно. Черепа из Небраски Алеш Грдличка — кстати, антрополог, яростно сопротивлявшийся утверждениям о древности американского человека, — признал сходными с черепами неандертальцев Европы. Но строение скелетов ничем не отличается от современного.

Ранние следы человека относятся к геологическому периоду под названием плейстоцен. В это время северная часть континентов скрывалась подо льдами. Однако стоянки фолсомского человека обнаружены на побережье Берингова пролива. И геологи сказали свое слово: в тот период Евразию и Северную Америку соединял перешеек. Уровень океана был значительно ниже, и человек мог свободно мигрировать из Сибири на Аляску и обратно.

К началу исторического периода в Америке было уже многочисленное население, занимающее оба континента от Крайнего Севера до Крайнего Юга. Оно состояло из 160 языковых групп, распавшихся на 1200 диалектов. Это означало, что Америка на тот период была разнообразнее, чем весь остальной мир, где такого количества языков и диалектов не было.

Майя, вырвавшись из общего течения, сделали гигантский культурный скачок, который в Европе и Африке может соответствовать Египту или Греции.

Образовавшись около 2000 г. до н. э., поселения древних индейцев, разросшись до городов, относительно благополучно существовали до начала-середины I тысячелетия новой эры. На это время приходится расцвет классической эпохи майя. Во многом благодаря Диэго де Ланда ученые хорошо освоили майяский календарь и начали датировать находки по надписям на них. Со II-III вв. н. э. на Юкатане уже существовало и процветало мощное государство майя. Однако, насчитав в своей цветущей эпохе 600-700 лет, оно вдруг захирело и пришло в упадок, причины которого до сих пор не прояснены. Мы знаем о междоусобных войнах доколумбовых десятилетий, предшествовавших Конквисте. Причины раздробленности некогда единых государств хорошо изучены, и майя не составляют исключения.

Историки не склонны объяснять упадок майя междоусобицами. Одних изматывающих войн недостаточно, чтобы бросить на произвол судьбы сотни городов, многие из которых даже не разрушены. Однако с X по XV век у майя продолжался упадок, носящий именно такой характер: многочисленное плотно жившее население без всяких видимых оснований оставило все города и словно растворилось в джунглях. Чума или другая эпидемия, которые описаны Диэго де Ланда, не объясняют массового ухода: люди не умерли, на новом месте они вновь закладывают города и строят их серьезно и основательно, на века... А потом покидают и эти новые города, стремясь опять куда-то. Нет следов массовой гибели от наводнений или землетрясений (хотя эти бедствия тоже были). А города оставлены, судя по производимому впечатлению, будто на пять минут. Города не завоевывались варварами! Хотя были и завоеванные пришельцами города... Но в этом случае должны были остаться хотя бы пришельцы!

Впрочем, все события из перечисленных, конечно, имели место. Вполне вероятно их суммарное воздействие на судьбу майя. Запрограммированное историей человечества нашествие варварских племен, когда гибнет почти целиком

развитая культура, необходимо для того, чтобы потом, на их плечах, та же культура не только возродилась, но и превзошла предыдущую. Быстрого качественного скачка завоеватели майя не сделали. История не дала им явиться через несколько столетий в новом блеске.

Даже прошлое говорит о том, что этот закон в Америке не всегда действовал: завоеватели ольмеков ацтеки не проявили себя ярче ольмеков. Лишь завоеватели майя на базе культуры ольмеков достигли высот.

Многие ученые объясняют упадок кризисом системы подсечно-огневого земледелия: майя постоянно требовалось бороться с новыми и новыми участками джунглей, которые приходилось сжигать и расчищать, чтобы устроить на этом месте новые поля. Очень скоро земля истощалась, и земледельцы, вооруженные только заостренными палками, при помощи которых сажали свои культуры — кукурузу, картофель, томаты, хлопок и другие чисто американские растения, — вынуждены были менять землю, то есть опять отвоевывать ее у джунглей. Наконец хорошей земли на Юкатане не стало... Однако последнее утверждение целиком противоречит де Ланде, который утверждает, что у майя поля дают прекрасный урожай.

К тому же, если перед индейцами вставала проблема ревизии системы земледелия, они бы по необходимости ее осуществили. Не помешало же земледелие развитию мощных государств на протяжении всего первого тысячелетия нашей эры. Или предшествующих тысячелетий... Процесс упадка зависел от чего-либо другого.

Многие увидели причину в оторванности религии от насущных проблем населения. В самом деле, на что, допустим, крестьянину высокоразвитая жреческая философия, которую и из жрецов-то понимают лишь самые избранные?

И на что жрецам внушать крестьянину высокие материи, если государственная система давно расставила всех по местам и каждый занят своим делом? Внушить священный трепет перед неведомым и таинственным мирозданием

правителю — это еще понятно. И уж практически никак не объяснимо высокое развитие астрономии, свойственное лишь мореходной нации: для того чтобы дважды в год засеять поля, достаточно знать север и юг, а также внешние природные признаки времени посева. Климат на Юкатане не менялся... Исследователи пришли к выводу, что сам народ взбунтовался против ненужных ему жрецов, стал разрушать храмы и уничтожать памятники. Признаки подобной деятельности в разрушенных и просто покинутых городах есть. Тем не менее это не объясняет, зачем же народ, и так добившийся своего превосходства над знатью, все ж покинул все города. Что за болезнь, обуявшая многочисленное население, заставила его это сделать?

Революции, происходящие преждевременно, в исторических масштабах мало влияют на ход развития цивилизации. Любой упадок объясняется, как правило, экономическими причинами, а ни в коем случае не политическими.

Загадка остается без ответа, и будущим исследователям предстоит ее в любом случае разгадать. Возможно, тайна раскроется с прочтением письменности. Возможно, ответ прост и даже лежит на поверхности. К примеру, лакандоны использовали в своих ритуалах магический напиток "бальтче": пристрастившись к нему, любая нация могла очень быстро достигнуть низов культуры. Тем более что, несмотря на большое сходство лиц лакандонов со скульптурными изображениями майя, все-таки на лицах представителей этого племени лежит печать явной деградации — не цивилизации, а отдельной личности! Буквально на нашей исторической памяти яркий пример спаивания индейцев и эскимосов "огненной водой" — первый признак европейского воздействия на туземцев. Спившемуся индейцу уже не нужен был ни город, ни храм: он уходил в джунгли, где бальтче можно гнать прямо на месте, а закуска — съедобные травы и корни — растет под ногами.

К 1200 г. н. э. значительная часть Юкатана была завоевана и освоена северным племенем — индейцами ица. Они

были более воинственны, чем майя, и более жестоки в традициях. Человеческие жертвоприношения, от которых не отказались и майя, хотя некоторое время воздерживались от них, у ицев не только были чрезвычайно популярны, но и отличались бессмысленной жестокостью. Правда, это с наших "просвещенных" позиций, ибо истинного смысла ритуалов мы, увы, не знаем.

Злой тонкогубый Чакмоол — демон смерти, изображенный полулежа на пьедестале, требовал жертв постоянно. Несмотря на свою крайне неудобную позу, Чакмоол держит в руках блюдо, на котором должно биться живое, вырванное у жертвы сердце. Четверо служителей культа распластывали человека на специальном ложе, а пятый, верховный жрец Чакмоола, специальным ножом взрезал у жертвы межреберье и вырывал из груди трепещущее сердце — сосуд жизни. Он бросал его на жертвенный поднос, и создавалось впечатление, что Чакмоол изгибается еще неудобнее, будто пытаясь охватить его всем телом. В других скульптурах Чакмоола он сделан с отверстием в животе или в плече: сердце закладывалось жрецами в эти отверстия... Агонизирующую жертву сбрасывали на камни площади с высоты храма, и внизу немедленно приступали к освежеванию еще живого тела. Первым делом с него сдирали кожу! Намазавшись специальным салом, жрец надевал ее на себя и метался по городу, оставляя за собой кровавые и жирные следы.

Смысл ритуала утерян и ждет восстановления. Сам процесс описан де Ланда. Его подтвердили другие исследователи.

Храм Кукулькан, храм того самого Кецалькоатля, гуманного и справедливого, запретившего на всем протяжении Америки с юга на север приносить человеческие жертвы, рекомендовавшего заменить их цветами, кореньями, в крайнем случае птицей, — храм этого гуманиста не только находится в столице кровавых ритуалов, но и используется для них!

Врагов, попавших в плен, в Чичен-Ице приносили в жертву тысячами. Из экипажей де Кордобы 1517 г. по крайней мере двоих испанцев принесли в жертву: индейцы захватили пленников, и больше их никто не видел. Зато приятели тех двоих слышали с кораблей, отошедших на безопасное расстояние от побережья, жалобные душераздирающие крики.

В Чичен-Ице существовал и такой закон, по которому сильного врага или собственного же отличившегося героя или спортсмена, с которого уже содрали кожу, делили на части и съедали жрецы. Кецалькоатль говорил: оставьте каннибализм, это нехорошо! Необязательно быть вегетарианцами, но зачем уж так-то!.. Все было забыто или изменено по неведомым нам причинам.

В трехстах метрах от Храма Кукулькан находится другое жертвенное место — сенот Чичен-Ицы. Сеноты — заполненные водой карстовые разломы-колодцы в известняке — характерны не только для Чичен-Ицы: Ушмаль, Кебах, Сайиль, Лабна сбрасывали в них сотни и тысячи людей, возможно, лучших из лучших, не считая врагов. Особенность богов майякцев состояла в том, что умиловить их можно было, только принеся в жертву самых достойных. Сфера, в которой определялись достоинства жертвы, лежала, конечно, вне достоинств самой достойной из каст — жреческой, иначе жертвенники были бы всего лишь однажды заполнены их телами...

Отличие Колодца жертв Чичен-Ицы от других сенотов в том, что здесь приносились в жертву только девственницы: Юмкашу, богу полей и лесов, живущему на дне колодца, всякий раз нужна была свежая жена, иначе не жди урожая.

Диего де Саржиенто де Фигуэроа, алькальд из Мадрида, посетивший Юкатан в XVI веке, оставил отчет, подтвердивший сообщение о Колодце де Ланды. Де Фигуэроа пишет: "Знать и сановники этой страны имели обычай после шестидесятидневного воздержания и поста приходить на рассвете к сеноту и бросать в него индейских женщин, ко-

торыми они владели. Они приказывали им вымалывать у богов счастливый и урожайный год для своего господина.

Женщин бросали несвязанными, и они падали в воду с большим шумом. До полудня слышались крики тех, кто был еще в состоянии кричать, и тогда они опускали веревки. После того как полумертвых женщин вытаскивали наверх, вокруг них разводили костры и окуривали их душистыми смолами. Когда они приходили в себя, то рассказывали, что внизу много их соплеменников — мужчин и женщин — и они их там принимали. Но когда женщины пытались приподнять голову, чтобы взглянуть на них, то получали тяжелые удары, когда же они опускали головы вниз, то как будто видели под водой глубины и пропасти, и люди из колодца отвечали на их вопросы о том, какой будет год у их господина — хороший или плохой..."

Судя по упоминаниям мужчин, возможно, речь идет о каком-то другом сеноте, а не о Чичен-Ице: туда сбрасывали только молоденьких девушек. А вот ожидание до полудня было и в Чичен-Ице: если вдруг жертва не тонула и все еще плавала на поверхности, это считалось знаком того, что девушка не угодна Юмкашу. Ее вылавливали, и в дальнейшем такую красавицу ждало только тихое презрение сородичей: жизнь ее все равно была уже кончена. Поэтому жертвы сами старались утонуть, тем более что это была почетная смерть, и семейство могло существовать в почете и довольстве, по крайней мере, до следующей жертвы.

Есть любопытнейшее свидетельство из истории Юкатана, как остроумно и решительно Колодец жертв был использован в политических целях.

Тройственный союз Чичен-Ицы, Ушмаля и Майяпана, продлившийся с 987 по 1194 г. н. э. способствовал установлению стабильности в стране. Однако амбиции того или иного царька не только могли, но и нарушали эту стабильность: каждый из "союзников" тянул одеяло на себя. Однако к концу XII века власть Чичен-Ицы, деспотичная и бездарная, надоела майя, наделенным более тонким "ментали-

тетом". Всеобщее же заблуждение о том, что ицы сильны и жестоко накажут ослушников, не позволяло поменять положение. А уже созрели все предпосылки для того, чтобы объединить страну не тройственной, а централизованной единоличной властью. И вот молодой вождь Хунак-Кеель, которому в момент принесения священной жертвы в сеноте пришла гениальная мысль, немедленно и решительно осуществил ее.

Вместе со всей процессией у Колодца жертв дождавшись полудня, когда бог "принял" очередную девственницу, Хунак-Кеель вдруг неожиданно для всех помчался по узкому коридору из людей, ведущему к платформе, с которой сталкивали жертву вниз, и в полном смысле сломя голову бросился в Священный колодец!..

Результат превзошел все его ожидания: ведь на площади Чичен-Ицы собралось все жречество, вся знать, а главное, чуть ли не большая часть крестьянства, на которое и мог опереться Хунак-Кеель. Вынырнув из воды буквально через минуту, остроумный вождь объявил собравшимся, что он только что говорил с богами, и они назначили его, Хунак Кееля, единоличным правителем майя. Не было ни войн, ни длительных осад, подкупов и предательств: молодого героя вытащили из колодца и объявили правителем майя. Династия Хунак-Кеель продержалась 250 лет...

Интерес к колодцу в Чичен-Ице постоянно подогревался тем, что индейцы, совершая обряд жертвоприношения, вместе с жертвой швыряли в него множество драгоценностей, в том числе золото. И хотя вещи бросались сломанными, чтобы они тоже "умерли", иначе вещь не соединится ни с жертвой, ни с богом, интерес золотоискателей подогревался золотом, а исследователей — самими вещами, частичками прошлого, независимо от того, из какого материала они сделаны. Хотя, конечно, из золота предпочтительнее.

Однако глубина колодца примерно 60 м, и водная поверхность тоже не под ногами: до нее метров 20-25. Смел-

чаки, задумавшие поживиться майяскими сокровищами, наталкивались на неразрешимые проблемы.

Эдварда Герберта Томпсона можно назвать отцом подводной археологии. Именно он впервые опустился на дно Колодца жертв. До этого молодой энтузиаст прошел подготовку у лучших водолазов своего времени, а также нанял двоих из них для необычных работ.

Для начала предприятия у Томпсона не было ничего — только энтузиазм и вера в легенду. Однако, развив бурную деятельность, он все же сумел достать землечерпалку и, заручившись поддержкой нескольких американских организаций, давших ему денег, нанял тридцать индейцев, помогавших ему во всем. Наблюдая энтузиазм молодого консула (по странному закону первооткрывателями в стране майя становятся почему-то американские консулы — вспомните Стефенса!), рабочие прониклись важностью возложенных на них задач и беспрекословно выполняли самые неожиданные поручения, называя при этом Томпсона дон-ом Эдуарде.

Много дней землечерпалка приносила со дна колодца лишь тину и многовековой мусор поздних послемайяских времен. Иногда Томпсону начинало казаться, что легенда, рассказанная Ландой и Фигуэроа, только легенда. Но Генрих Шлиман Американского континента все же надеялся. Тем более что, опять же подобно Стефенсу, он выкупил асьенду Сан-Исидоро, на землях которой находился сенот и все важнейшие строения Чичен-Ицы! Этот "знак" тоже должен был сыграть свою роль.

И вот ковш принес со дна два странных предмета, напоминавших яички. Томпсон очистил их и обнаружил, что это не что иное, как шарики копаловой смолы, использовавшейся майя во всех обрядах! С утроенным рвением он стал выбирать грязь со дна колодца. Через несколько дней ковш зачерпнул целую корзину копала. Затем была добыта первая хульче — деревянное оружие майя и тольтеков, к одному из племен которых принадлежали воинственные ицы.

Наконец наверх был поднят череп семнадцатилетней девушки. Потом второй. И третий...

Наступил черед самому искателю опуститься на дно. С большим нетерпением дождался он греков-водолазов и приступил к обследованию дна колодца "вручную". Темнота и взвешенный ил давали возможность работать только на ощупь: никакие фонари не пробивали эту гущу. Обрядившись в водолазное снаряжение, по самому последнему слову техники, Томпсон осуществил десятки погружений. Вместе с ним прощупывали дно два ловца губок — те самые греки-водолазы.

Со дна были подняты: статуэтки из нефрита, золотые кольца, золотые фигурки лягушек, скорпионов, других животных, золотая маска, более сотни золотых колокольчиков с вырванными язычками, золотая корона с двумя кольцами "Пернатого Змея", множество майяских рельефных золотых дисков, тоже переломанных, с изображениями богов, воинов, эпизодов морских сражений и человеческих жертвоприношений. Еще Томпсон обнаружил кремневый жертвенный нож!

Молодой археолог не задумался над темой находки, а мы вернемся к ней чуть позже. Перенеся ради удобства платформу с края колодца на его поверхность, однажды Томпсон забыл отключить воздушный клапан и, оттолкнувшись от дна, как ракета полетел к поверхности. Все же сообразив перекрыть воздушную подачу, он тем не менее крепко ударился головой о дно платформы и даже потерял сознание. Очнувшись, Томпсон обнаружил, что лишился слуха: не выдержав перепада давления, дополненного ударом, лопнули барабанные перепонки...

Мексиканец Давалос Уртадо "процедил" колодец еще раз с помощью землесоса, прекрасно зарекомендовавшего себя в Порт-Ройале. Вместе с аквалангистами Давалос прощупал все дно. Находки, обнаруженные им, по качеству и количеству не уступают коллекции Томпсона. Давалос Уртадо беспрерывно изымал их со дна священного водоема четыре месяца.

В 1968 г. он собрался добыть со дна остатки предметов совершенно неожиданным способом: осушив колодец и раскопав ил, как при обычных археологических работах, что дало бы возможность получить стратиграфию слоев... Но буквально накануне этой важной работы Уртадо скоропостижно скончался. Вероятно, он тоже получил свое наказание за то, что посмел окунуться в воды Священного сенота. Да еще и доставал на поверхность жертвенные предметы...

Давалосу Уртадо принадлежит вторая странная находка: в Колодце Девственниц он обнаружил и поднял на поверхность череп старика! (Напомним, что первая — ритуальный нож.)

А теперь попробуем соединить две находки, между которыми заключены целых семьдесят пять лет, — череп мужчины пожилого возраста и кремневый ритуальный нож. Известно, что таким ножом взрезалось тело жертвы, а любителем сердец был грозный демон смерти Чакмоол.

Поскольку право вырвать сердце принадлежало исключительно верховному жрецу, а ритуальный нож он всегда и везде носил при себе, выходит, безымянный старик, утонувший в Колодце жертв, и есть тот самый верховный жрец?.. Никогда и ни при каких обстоятельствах сам он ни за что бы не бросился вниз. Значит...

Значит, его увлекла за собой мудрая и тоже безымянная девочка, которой, в сущности, уже нечего было терять!

К сожалению, мы никогда не узнаем ее лица, потому что не сможем найти череп. А вот имя девочки, вполне возможно, когда-нибудь нам доведется услышать: как только расшифровка майяских иероглифов закончится полной победой.

Закон, по которому приносилась жертва в сеноте Чичен-Ицы, запрещал извлекать кого-либо из воды до полудня. Жрецы долго вглядывались в водную гладь, прежде чем объявить народу волю Юмкаша. Как бы и что бы ни кричал несчастный старик, облеченный непомерной властью, до полудня никто не стронулся с места.

Не этот ли случай использовал в своих действиях Хунак-Кеель? Ведь для того, чтобы сделаться правителем страны, ему нужно было как-то избавиться от всемогущего верховного жреца и набрать "свою команду"... Если это так, то датировку инцидента мы уже имеем.

А все-таки жаль, что Диего де Ланда поспешил сжечь библиотеку майя: там наверняка был в подробностях описан этот случай.

ГЛАВА XII. Города, не подвластные времени

Китеж-град

В самом сердце России, в Нижегородском крае, есть озеро Светлояр — жемчужина русской природы. Это озеро называют иногда маленькой русской Атлантидой: его история овеяна легендами. Уникальное место задает исследователям множество загадок...

Главная светлоярская легенда — о невидимом граде Китеже. Легенда гласит: в Ветлужских лесах есть озеро.

Расположено оно в лесной чаще. Голубые воды озера лежат неподвижно днем и ночью. Лишь изредка легкая зыбь пробегает по ним. Бывают дни, когда до тихих берегов доносится протяжное пение, и слышится далекий колокольный звон.

Давным-давно, еще до пришествия татар, великий князь Георгий Всеволодович построил на Волге город Малый Китеж (нынешний Городец), а потом, "переправившись че-

рез тихие и ржавые речки Узолу, Санду и Керженец", вышел к Люнде и Светлояру на "зело прекрасно" место, где поставил город Китеж Большой. Так на берегу озера появился славный Китеж-град. В центре города возвышались шесть глав церквей.

Придя на Русь и завоевав многие земли наши, Батый услышал про славный Китеж-град и устремился к нему со своими ордами...

Когда "злые татарове" подошли к Китежу Малому и в великой битве убили брата князя, сам он скрылся в новостроенном лесном городе. Пленник Батыея, Гришка Кутерьма, не стерпел пыточных мучений и выдал тайные тропы к Светлояру.

Татары грозовой тучей обложили город и хотели взять его силой, но когда они прорвались к его стенам, то изумились. Жители города не только не построили никаких ук-

реплений, но даже не собирались защищаться. До татар доносился лишь колокольный звон церквей. Жители молились о спасении, так как от татар не приходилось ждать чего-либо доброго.

И как только татары ринулись к городу, из-под земли вдруг забили многоводные источники, и татары в страхе отступили.

А вода все бежала и бежала...

Когда стих шум родников, на месте города были лишь волны. Вдали мерцала одинокая глава собора с блестящим посредине крестом. Она медленно погрузалась в воду.

Вскоре исчез и крест. Теперь к озеру есть путь, который называется Батыевой тропой. Она может привести к славному городу Китежу, но не каждого, а лишь чистых сердцем и душою. С тех пор город невидим, но цел, а особо праведные могут увидеть в глубине озера огоньки крестных ходов и слышать сладкий звон его колоколов.

Легенда о граде Китеже тесно связана с именем выдающегося русского писателя В.Г. Короленко. Переселившись на Волгу, Короленко побывал в Ветлужском крае, где на Святом озере, у невидимого Китеж-града, собираются правдоискатели из народа — раскольники разных толков — и ведут страстные дебаты о вере. Вот что писал он: "Тяжелые, не радостные впечатления уносил я от берегов Святого озера, от невидимого, но страстно взыскуемого народом града... Точно в душном склепе, при тусклом свете угасающей лампы провел я всю эту бессонную ночь, прислушиваясь, как где-то за стеной кто-то читает мерным голосом заупокойные молитвы над уснувшею навеки народною мыслью".

...Судя по тому, как легко Китеж-град "перекочевал" из легенд эпохи татаро-монгольского ига в старообрядческие сказания, поэзию Серебряного века и век нынешний, мы имеем дело скорее с общим для русской культуры и всегда современным мистическим символом. Но это не просто символ ухода и спасения от банальной "поверхности".

Хотим указать на одно интересное отличие между русским Китежем и тибетской Аггартой. Если последняя в темные времена ушла под землю, то Китеж, как известно, сокрылся именно в озере, под водой. Это не случайно — и потому в русском сознании (и подсознании) все названные выше темы часто просто не знают строгого "земного" разделения и структурирования, но существуют как водное отражение, в котором контуры всякой "поверхности" сливаются и растворяются...

Эльдорадо

Еще одна обитель мудрецов, владеющих несметными сокровищами, зовется Эльдорадо. Это имя произошло от испанского *El-dorado* — "золотая страна". Так называли мифическую местность, изобилующую золотом и драгоценными камнями, "где сокровища эти так же обычны, как у нас обыкновенный булыжник". Появление сказания об этой стране связано с открытием Америки. По-видимому, первых путешественников на мысль о ней натолкнули рассказы туземцев. Индейцы тупинамба называли Эльдорадо "страной без бедствий" и полагали, что она находится где-то у реки Мета в Колумбии. Орельяно, один из сподвижников Писарро, разукрасил сказку индейцев цветами собственной фантазии и распространил ее в Европе. Страна Эльдорадо, по его словам, должна находиться между реками Амазонской и Ориноко, в Гвиане.

Испанец Мартинец пошел дальше: он сообщил всей Европе о своем семимесячном пребывании в столице Эльдорадо — городе Маноа, где царствует король Моасо, причем подробно описал устройство королевского дворца, великолепие которого превосходит всякое вероятие. Сам король Моасо, по его свидетельству, каждое утро покрывает себя позолотой, а перед отходом ко сну смывает ее с себя.

Все эти рассказы так разожгли воображение и жадность искателей приключений в Европе, что в течение почти 250 лет не прекращались попытки найти Эльдорадо.

В конце 1535 г. на поиски легендарной земли, где, как верили испанцы, повсюду лежит золото, отправился отряд во главе с Себастьяном де Балалькасаром. По дороге он встретился еще с двумя экспедициями, разыскивающими Эльдорадо на протяжении пяти лет. Посоветовавшись между собой, конкистадоры решили, что золото в Южной Колумбии искать бесполезно.

Через пятьдесят лет после этих событий исследователи получили важное сообщение, будто Маноа — не что иное, как древний индейский город у берегов большого озера

Парима к юго-востоку от Ориноко. Вооружившись этими сведениями, английский авантюрист Уолтер Рэли отправился на кораблях к устью Ориноко. После нескольких лет странствий он вернулся в Англию и написал книгу "Открытие обширной, богатой и прекрасной империи Гвиана", ставшую первым классическим трудом об Эльдorado-Маноа.

Но, очевидно, Рэли несколько переусердствовал, рисуя причудливые обряды эротического толка и жизнь племен людей без головы, так как ему не поверили. Только в 1616 г. Рэли удалось убедить Якова I отправить еще одну экспедицию на поиски Эльдorado. Король дал авантюристу флот и благословил предприятие.

Когда Новый Свет был уже близко, мореплаватель неожиданно заболел тропической лихорадкой, позже потерял половину своей команды в битве с испанцами и, наконец, повернул назад. Такого бесславного возвращения ему не простили — он был обвинен в государственной измене и обезглавлен.

Город Эльдorado-Маноа значился на географических картах вплоть до XIX столетия, пока Александр Гумбольдт не исследовал весь бассейн реки Ориноко и не объявил, что в том районе нет озер, тем более больших. Однако о поисках Эльдorado в диких джунглях Мату-Гроссу и вдоль "пути инков", ведущего из Перу до "реки амазонок", можно услышать и сегодня. Как и о других чудесных землях, что и поныне манят к себе исследователей.

Последняя попытка отыскать это место была сделана в 1775-1780 гг. Никола Родригесом. Поиски легендарной страны дали очень ценные географические и этнографические результаты.

Блаженная Шамбала

Дата зарождения сказаний о таинственной обители богов и героев Шамбалы (в русской интерпретации зовется Белым Островом или Беловодьем) теряется в глубине ве-

ков. Древнейшие документы повествуют об этой стране как о священном островке посреди озера из нектара, которое со всех сторон окружено неприступными горными вершинами.

Местонахождение Шамбалы в древних трактатах указывается разное — от Гималаев до пустыни Гоби. Иные авторы и вовсе говорят, что путь на Белый Остров надо искать в своем сердце и тогда прилетит золотая птица и умчит счастливец на своих сверкающих крыльях. Единодушного мнения по поводу того, что же должен увидеть путешественник, пересекший границу священной земли, тоже не существует — то ли сияющий великолепием храм всех религий, то ли грубые пристанища монахов-отшельников. Но несмотря на всю эту расплывчатость, а может быть, и благодаря ей Шамбала всегда манила к себе людей, особенно тех, кто достиг высокого духовного развития и хотел понять свое предназначение и смысл существования на Земле.

Судя по всему, первым европейцем, который достиг заветного острова, был древнегреческий философ Пифагор, получивший там браминское имя Яванчария — "ионийский учитель". Вслед за ним в I веке н. э. из Римской империи за ответами на сакральные тайны бытия отправился Аполлоний Тианский — мыслитель, целитель, чудотворец.

Некоторые считают, что в свое время он затмевал Иисуса Христа, а иные утверждают, что деяния Аполлония были впоследствии приписаны Спасителю. Греческий автор III века Флавий Филострат писал, что, когда Аполлоний вместе со своими спутниками прокладывал путь по горным долинам Гималаев, тропа за ними исчезала, а окружающий ландшафт постоянно изменялся, как в волшебном сне.

Вскоре они увидели большую скалу, считающуюся в Индии "пупом мира", а на ней крепость, в которой, по словам встретившего их проводника, жили великие мудрецы.

Аполлоний прожил в священной обители четыре месяца и за это время обучился у мудрецов ясновидению, астрологии, врачеванию и многим другим тайным наукам. Вернув-

шись в Европу, он нашел свое призвание в служении человечеству, объехав весь культурный мир с проповедями о любви и гуманизме, наставляя людей в истинной вере, пророчествуя, исцеляя неизлечимо больных и воскрешая мертвых.

После широкого распространения христианства и объявления Аполлония Тианского лжеучителем паломничество на Восток прекратилось. Возобновилось оно только к V веку, когда на Соборе в Эфесе был осужден как еретик епископ Несторий. Спасаясь от церкви, сотни его последователей устремились в Китай, Монголию и Индию.

Продолжение этой истории можно найти в средневековых легендах, повествующих о том, что часть еретиков достигла некой сказочной страны, которой правил пресвитер Иоанн, хранящий в своем замке главный символ мистического христианства — чашу святого Грааля.

Рыцари, возвращавшиеся из крестовых походов, подтвердили существование на Востоке Белого Острова — Шамбалы — и побудили многих искателей приключений отправиться на поиски этой обители мудрости. В книгах утверждается, что Шамбалу посещали и рыцари короля Артура, и основатель ордена розенкрейцеров Христиан Розенкрейц, и величайший врачеватель всех времен Парацельс, и выдающийся алхимик, философ и государственный деятель граф Сен-Жермен. Но далеко не всем удавалось добраться туда. Даже Александр Македонский, когда он вторгся в Индию со своими войсками, не был допущен в крепость мудрецов, не говоря уже о простых смертных, приходивших в Шамбалу не за знанием, а за богатством и славой.

"Коли душа твоя готова достичь этого места через все погибельные опасности, — передает слова одного старовера Н. К. Рерих в книге "Сердце Азии", — тогда примут тебя жители Беловодья. А коли найдут они тебя годным, может быть, даже позволят тебе с ними остаться. Но это редко случается".

На Востоке знают, что существуют две Шамбалы: одна земная, а другая невидимая. Много предположений высказано о местонахождении земной Шамбалы. Некоторые считают, что она находится на Крайнем Севере, говоря, что северное сияние — есть не что иное, как лучи этой невидимой Шамбалы. Перенесение Шамбалы на север понятно. В Тибете Шамбала называется Чанг-Шамбала, то есть Северная Шамбала. Этот эпитет вполне объясним. Манифестация учения произошла в Индии, где все, что лежит по ту сторону Гималаев, очевидно, считается "северным". К северу от Бенареса находится деревня Шамбала, связанная с легендой о Майтрейе.

Некоторые указания, затемненные символами, говорят, что Шамбала находится в горах Памира, в Туркестане и Гоби. Вессел в своей книге "Иезуиты-путешественники по Центральной Азии" упоминает иезуита Каселла, умершего в 1650 г. в Шигатзе. Каселл, который пользовался необычайной дружбой со стороны тибетцев, получил от них предложение посетить страну Шамбалы.

Относительность указаний и многие недоразумения о географическом положении Шамбалы имеют свои причины. Во всех книгах о Шамбале, в устных преданиях местонахождение острова описывается в высоко символических выражениях, почти недоступных для непосвященных. Так, например, говорится, что в районе Шамбалы люди живут в юртах и занимаются разведением скота, почему некоторые думают, что это относится к обиталищу кочевников Туркмении. Но не будем забывать, что горные киргизы в окрестностях Куен-Луны также живут в юртах и занимаются скотоводством.

Описание Шамбалы содержится в "Калачакра-тантре", а также в других текстах системы калачакры. По этим источникам Шамбала находится севернее реки Сита (отождествляемой или с Таримом, или с Сырдарьей, или с Амударьей).

Шамбалу окружают семь снежных гор, напоминающих лепестки лотоса. В центре их — столица Шамбалы, где располагается дворец царя — Калапа.

Первым великим царем-жрецом Шамбалы считается Сучандра, в правление которого Шамбала становится главным центром учения калачакры. В парке у дворца Сучандра построил огромную мандалу калачакры.

После Сучандры в Шамбале правили еще шесть царей-жрецов. Им последовали и последуют еще двадцать пять правителей по имени Кальки, каждый из них будет править по сто лет.

В тибетской книге "Путь в Шамбалу", написанной знаменитым Таши-Ламой Третьим и переведенной профессором Грюнведем поражает нагромождение географических указаний, затемненных и смешанных так, что только большая осведомленность о местных терминах может помочь как-то разобраться в этом.

Один из Махатм был спрошен, отчего они так заботливо укрывают свои Ашрамы. Тот ответил: "Иначе бесконечные шествия и с запада, и с востока, и с севера, и с юга наводнят наши уединенные места, куда сейчас никто не дойдет и не потревожит наши занятия".

В Индии, да и вообще на Востоке, понятие "махатма" имеет два значения, которые необходимо строго различать.

Так называют одухотворенных людей, подвижников, посвятивших свою жизнь бескорыстному служению человечеству. К примеру — Махатма Ганди. Своими философско-нравственными принципами, энциклопедическими знаниями, собственным бытием и трудом они являют образец для подражания и почитаются как Учителя. Их знают поименно.

Кроме того, Махатмы — это великие мудрецы, держатели Мира, Учителя человечества в целом (не только в Индии), зорко следящие за развитием цивилизации и вообще жизни на Земле, оказывающие определенное влияние на различные судьбоносные решения в этих сферах.

Они считаются потомками атлантов или даже представителями других планет, в частности — Сириуса. Местом их пребывания является таинственная, полумифическая страна Шамбала (в другой транскрипции Шамбхала).

Впрочем, в некоторых историографических документах она фигурирует как вполне реальное государство, расположенное в Гималаях, в треугольнике между Индией, Непалом и Бутаном. В книге известного монгольского ученого XVIII века Сумба-Хамба "Пагсан-чжонсан", изданной в 1748 г., содержится масса веских свидетельств в пользу реальности Шамбалы.

Например, там говорится, что свою систему религиозно-философских воззрений — Калачакру — Будда впервые начал проповедовать в 878 г. до н. э. в столице Шамбхалы — городе Калапа, где в это время правил царь Чандрабхандра.

Приводятся имена и даты правления девяти из двадцати пяти императоров Шамбалы, начиная с 277 г. до н. э. по 1727 г. н. э.

Но самое непостижимое заключается в том, что продолжительность жизни императоров Шамбалы значительно превышала в ряде случаев сто лет. Так Самудравиджайя правил с 624 по 806 г. н. э., его "сменщик" Дурджайя — с 806 по 1027 г.! Уточняю: речь идет не о династиях, но о конкретных людях!

В исследуемом источнике сказано, что в 1027 г. "Калачакра-тантра" была переведена на тибетский язык и в том же году вступил на престол двенадцатый император Шамбалы — Сурья.

В географическом описании Индии и примыкающих к ней стран в книге названа и Шамбхала — "область рек тысячи источников".

Кстати, ни в одном из источников, используемых Сумба-Хамба, не говорится о каких-либо уникальных, феноменальных возможностях Шамбалы и ее обитателей, все упоминания — в ряду других исторических сведений.

Но до сих пор Шамбала неуловима, неосвязаема. Поэтому многих интересует и такой вопрос: неужели все сведения о Шамбале кем-то инспирированы и являются крупномасштабной фальсификацией? Тогда чьей и зачем?

Существуют ли на самом деле легендарная Шамбала и ее таинственные, загадочные жители — Махатмы?

Как показывают различные исследования, мифотворчество всех народов мира основано не на пустом месте. Напомним, что во многих источниках, заслуживающих доверия, Шамбала отмечалась как реальное государство, жизнь в котором не была сопряжена с какими-либо чудесами.

Что касается Индии и таких государств, как Непал, Бутан и т.д., — там в существование Шамбалы верят безоговорочно, знают "приметы времени Шамбалы", хотя говорить об этом могут только с близкими по духу людьми, которым полностью доверяют.

Может быть, наш дух еще не готов к восприятию того, что открылось другим?

Интересная деталь, о которой мало кто знает. Когда в 1922 г. части Красной Армии вели последние бои против белогвардейских группировок барона Унгерна, нам оказывали помощь воины Монгольской Народно-революционной армии под руководством Сухэ-Батора.

Они шли в бой, распевая сочиненную им самим маршевую песню о... Шамбале! Вот ее припев:

"Умрем в этой войне, чтобы родиться вновь воинами Владыки Шамбалы!"

В разное время тысячи людей — и серьезных ученых, и духовных подвижников, и откровенных авантюристов — искали пути в Шамбалу. В России было распространено мнение, что вход в нее расположен где-то на Алтае.

Между прочим, искал Шамбалу и Гитлер! Не лично, конечно. На поиски Шамбалы он направил в Индию секретную миссию из гестаповцев-ученых. А вот цель была далеко не научная — раздобыть секретное оружие массового уничтожения, оружие возмездия

Результата не было. Как и во всех остальных случаях, нет официального доказательства того, что кто-либо побывал в Шамбале...

А вот еще одно свидетельство о путешествиях в поисках Шамбалы, на этот раз костромича! Сведения взяты из кни-

ги Н. Рериха "Сердце Азии", в которой есть раздел "Шамбала".

"Совсем недавно (книга писалась в 1926-1927 гг. — Прим. автора) в Костроме умер старый монах, который, как оказывается, давно ходил в Индию, на Гималаи. Среди его имущества была найдена рукопись со многими указаниями об учении махатм. Это показывало, что монах был знаком с этими, обычно охраняемыми в тайне вопросами".

Однако не стоит понимать Шамбалу как просто некую легендарную таинственную местность. Само это понятие гораздо шире.

Не темноту предрассудков и суеверия несет с собою Шамбала. В духовном поиске сходятся восточные ученики Шамбалы и лучшие умы Запада, которые не страшатся заглянуть выше изжитых мерок. Как драгоценно установить, что во имя свободного познания сливаются Восток и Запад!

Было время, когда японец был вынужден писать в альбом западной леди: "Мы будем вспоминать вас при восходе солнца; вспоминайте нас при закате". Теперь же мы можем писать в альбом восточных друзей: "Несгораемый светоч сияет. Во имя красоты знания, во имя культуры стерлась стена между Западом и Востоком".

Если мы можем встречаться во имя ценности культуры, ведь это уже огромное счастье, еще так недавно невозможное. Пусть в своеобразных выражениях, пусть в смятении духа, но пусть бьется сердце человеческое во имя культуры, в которой сольются все творческие находения. Мыслить по правильному направлению — значит уже двигаться по пути к победе. Из глубин Азии доносится звенящая струна священного зова: "Калагия!" Это значит: "Приди в Шамбалу!"

ГЛАВА XIII. Города, разрушенные временем

Столица ариев — Аркаим

Более ста лет историки и языковеды ищут родину создателей яркого и самобытного пласта индоевропейской культуры. Индоиранцы были "живым мостом" между культурами Запада и Востока, их гений связывает многие современные народы Азии и Европы.

Когда-то немногочисленные индоиранские племена жили вместе на большой территории и называли себя "арья". Отсюда и пошел широко известный термин "арийские народы". Арии были создателями знаменитой религии огнепоклонников, они оставили после себя выдающиеся памятники письменности — "Ригведу" и "Авесту".

Однако 113 увлекательных гипотез Мери Бойз помещает родину древних индоиранцев к востоку от Волги — в срединной зоне степной Евразии. А география "Ригведы" и

"Авесты" совместима с исторической географией Южного Урала XVII — XVI вв. до н.э.

Именно там в 1987 г. был обнаружен уникальный по своей сохранности и наиболее изученный из "страны городов" культурный комплекс Аркаим.

Общая площадь памятника 20 000 м². Площадь археологических раскопов — более 8 000 м². На современной степной поверхности хорошо прослеживается обводной ров, за ним — два кольца земляных валов, центральная площадь. Археологические исследования показали, что валы — это остатки оборонительных стен, сложенных из грунта, сырцовых блоков и дерева. Внутри каждого кольца, словно спицы в колесе, расположены жилища, которые строились из бревенчатых каркасов и грунтовых блоков. В хозяйственных отсеках домов — очаги, колодцы, ямы для хранения продуктов, металлургические печи. Перед выходами — крытые дворики. На сегодняшний день исследовано 29 жилищ.

Геофизические методы позволили установить, что весь комплекс состоял из 60 построек (35 во внешнем круге и 25 во внутреннем). Круговые и радиальные улицы, система водосброса и канализации, основания надвратных башен, ниши и переходы внутри мощных оборонительных стен — все это представляет собой необычайно яркую картину. На поселении собрана большая коллекция керамики, изделий из кости и камня, металлических орудий труда и многочисленные предметы, связанные с металлургическим производством.

"Страна городов" — условное название степного района Южного Урала, где в XVIII — XVII вв. до н.э. сложилась яркая цивилизация бронзового века, которая была современницей египетских пирамид и крито-микенской культуры. Археологическая "Страна городов" стала известна с открытием и исследованием культурных комплексов Аркаим, Синташта, Устье, а также благодаря применению методов космической и аэрофотосъемки.

"Страна городов" протянулась вдоль восточных склонов Урала с севера на юг почти на 400 км. Сегодня известно более двух десятков укрепленных центров, связанных с ними некрополей и сотни мелких неукрепленных селищ. Аркаим сегодня — это природноландшафтный и историко-археологический музей-заповедник, работа которого планируется в двух основных направлениях: история изменения климата и природной среды Южного Урала на протяжении 12-10 тысяч лет; история изменения хозяйственной деятельности человека; взаимообусловленность культуры и окружающей среды.

Укрепленные поселения имеют различную планировку — овал, круг, квадрат. Расположение домов, хозяйственных построек, улиц определяется планировкой внешней оборонительной стены. Круги Аркаима и Синташты, квадраты Устья и Чекотая — это, безусловно, модели вселенной.

Вселенная, в представлении индоиранцев, повторяла магическую фигуру Мандалы — круг, вписанный в квадрат.

Вот что, к примеру, пишет об Аркаиме доктор географических наук И. В. Иванов: "Это город-крепость, город-мастерская литейщиков, где производилась бронза, это город-храм и обсерватория, где, вероятно, проводились сложные для того времени астрономические наблюдения. Последнее требует еще более веских доказательств и обоснований".

Хозяйство жителей городов базировалось на пастушеском скотоводстве с элементами земледелия. Археологические находки говорят о высоком уровне металлургии и металлообработки. На керамических изделиях встречаются пиктограммы — элементы зарождающейся письменности.

Аркаим — это одновременно и храм, и крепость, и ремесленный центр, и жилой поселок. Кроме того, весь комплекс можно рассматривать как астрономический прибор по наблюдению за небесными светилами. Аркаим может быть включен в круг древних обсерваторий мира, подобных Стоунхенджу.

Недалеко от крепостей располагались курганные и грунтовые могильники. На территории Синташтского могильника, самого богатого комплекса степной Евразии, было расположено грандиозное погребальное храмовое сооружение. Погребены здесь были жрецы, воины и рядовые общинники. В центральных ямах вместе с воинами захоронены боевые колесницы и кони. В погребениях археологи нашли и находят до сих пор богатые наборы орудий труда, предметов вооружения и быта, многочисленные украшения. Материалы могильника отражают социальную структуру общества, помогая понять религиозные и космологические представления древних людей Южного Урала.

Раскопки показали, что город был в одночасье уничтожен пожаром. Пожар, положивший конец "живой" истории Аркаима, относится к числу наиболее интригующих загадок этого памятника. В нем не было бы ничего особенного, если бы это было одно из тех стихийных бедствий, что не так уж редко даже в наши дни в одночасье уничтожают целые поселения, застигая, как всякая беда, жителей врасплох, погребая под дымящимися головешками накопленный десятилетиями скарб, домашних животных и даже самих хозяев, не сумевших вырваться из плена огня. Необычность аркаимского пожара в том, что он, судя по всему, не явился неожиданностью для жителей поселения; вполне вероятно, что сами же они его и сожгли. Ибо только этим можно объяснить тот факт, что в древнем пепелище отсутствуют какие-либо пригодные для обихода вещи: так — обломки, черепки. А уж о человеческих останках и речи нет — все ушли живыми, все ценное с собой унесли. Почему? Одна из правдоподобных версий высказывается профессором И. В. Ивановым в челябинском сборнике: дескать, 3500 лет назад произошел гигантский взрыв вулкана Санторин (на территории нынешней Греции), что вызвало экологическую катастрофу. На значительной части территории планеты установилась пог., подобная той, что прогнозируется при наступлении "ядерной зимы". По-видимому, это со-

проводилось какими-то природными аномалиями, которые были восприняты жителями Аркаима как знамение и принудили их уйти из города, предав его сожжению. Что ж, такая версия хороша — за неимением лучших. Однако, чтобы признать ее достаточно убедительной, нужно, во-первых, точно установить, что 3,5 тысячи лет назад Аркаим еще существовал, во-вторых, знать нечто более или менее достоверное относительно верований древних аркаимцев. Тем не менее остается непреложным факт: построенный враз, по единому замыслу, протогород Аркаим в одночасье же и перестал существовать, оставленный всеми жителями и, вероятно, ими же сожженный.

Сегодня на Аркаиме существует научный городок, строится здание музея "Природы и Человека", активно создается музей под открытым небом. Основное финансирование обеспечивается по линии местного бюджета, часть средств на строительство музея выделяет Министерство экономики. Немаловажное значение имеет поддержка благотворительного Фонда.

Содом и Гоморра

Эти два города древней Иудеи называются обычно вместе, поскольку, очевидно, погибли они одновременно в результате низвержения с неба огненной лавы. Однако, если верить преданиям, кроме них в то же самое время погибли и еще три других города, жители которых имели, возможно, гораздо более стойкий нравственный облик.

Расцвет этого "пятиградия", т.е. союза пяти городов, приходится как раз на то время, когда жил и активно действовал великий пророк Авраам — ветхозаветный патриарх и родоначальник еврейского народа. Он родился в городе Ур, в северной Месопотамии, примерно за 2040 лет до н. э. Об отце его и матери остались записи в древнеарабских и древнееврейских источниках. Живя в среде языческого мира, Авраам первым познал лживость служения идолам и постиг существование единого Бога, апостолом кото-

рого он и сделался. Преследуемый за это своими языческими соотечественниками, Авраам на 75-м г. жизни оставляет родину и переправляется чрез Евфрат в землю Ханаанскую, обетованную. С ним переселились его жена Сара и племянник Лот. Долго кочевали они на юге Ханаanei, побывали в Египте, а впоследствии и у филистимлян. Арабы утверждают, что Авраам был в Мекке и основал там вместе с Измаилом святилище Каабу (Коран II, 119 и далее) О посещении Авраамом сына своего Измаила в Аравии говорит и еврейское предание.

Вернувшись из Египта, Авраам, поссорившись с племянником, отделился от Лота и поселился в Хевроне, а Лот в прииорданской области, в городе Содоме. О Содоме нам известно, что это был один из пяти городов в цветущей долине Сиддим, при устье реки Иордана. Жители его — ханаanei — отличались крайней свободой нравов.

На этот же период приходится и расцвет Гоморры — города древней Палестины, близ Мертвого моря; который вместе с Содомом и тремя другими городами (имена их до нас не дошли) образовал цветущий союз пятиградия. Плодородие почвы и выгодное торговое положение на главном тракте древних караванов способствовали обогащению жителей, что, в свою очередь, привело к крайнему развитию порочности и разврата, нашедшего себе характерное выражение в термине "содомия" или "содомский грех".

Впрочем, то, что считалось грехом по понятиям древних иудеев, являлось едва ли не богоугодным делом для служителей культа Ваала, который исповедовали подавляющее число жителей древней Палестины. Ваал (или Баал, Бэл) — библейское название бога языческих семитов Палестины, Финикии и Сирии. В мифологии языческих семитов он является олицетворением мужской производительной силы и этому вполне соответствовал религиозный культ Ваала, который состоял в дико разнузданном сладострастии, искавшем искусственного возбуждения. Внешним символом его служил фаллос, в виде колонны с усеченной вершиной.

При храмах Ваала жили священные блудники и блудницы, которые зарабатывали для храма деньги сакральной проституцией. Естественно, что на народ такой культ имел самое развращающее влияние.

Память об этом развращении была для сознания евреев увековечена в сказании о городах Содоме и Гоморре, где культ Ваала принес особенно горькие плоды. Согласно преданию, посланцы Бога явились к Лоту, однако развратные жители Содома потребовали, чтобы тот выдал их для надругательства. Лот предложил похотливым согражданам двух своих молодых дочерей, однако те продолжали настаивать на своем.

Пророчество о гибели обоих городов было дано Аврааму и исполнилось в 2062 г. до Рождества Христова "И сказал Господь: вопль Содомский и Гоморрский велик, и грех их тяжек весьма" (Быт. 18: 20). "И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и произрастения земли" (Быт. 19: 24, 25).

Пророчество о Содоме и Гоморре исполнилось в точности. В результате предупрежденный ангелом, Лот с семьей бежал из города, на который (как и на остальные города пятиградия) с небес обрушилась сера, горящая со смолою). Не послушав запрета ангела, жена Лота обернулась посмотреть на гибель города и обратилась в соляной столп... (Быт. XIX, 24).

Таким образом, в живых не осталось ни одного очевидца этой катастрофы. Страбон записал предание, по которому Мертвое море образовалось вследствие какой-то необычайной вулканической катастрофы, погубившей стоявшие в долине города. Новейшие исследования в некоторой степени проясняют эту катастрофу. Близ предполагаемого места ее еще и теперь можно видеть целые груды серы; по берегам бьет масса серных источников; со дна моря большими массами всплывает смола, которая просачивается в щели скал, перемешивается с песком на самом плёсе берега и

даже встречается с примесью серы. Ввиду всего этого нет надобности даже предполагать действия подземных вулканических сил. Все указывает на воспламенение горючих веществ, которое могло произойти от молнии или от другой причины. Много делалось попыток открыть остатки этих городов под водами Мертвого моря, но изыскания пока остались безрезультатными.

Славный град Иерихон

После исхода из Египта и смерти Моисея израильтян возглавил Иисус Навин. Согласно воле Яхве, он повел их завоевывать Хачаан. Первым городом на его пути почему-то оказался Иерихон (вопрос не прояснен и до сих пор), хотя он не лежал ни на пути из Египта, ни на пути из пустыни. Крепость испокон веков считалась неприступной, поэтому Иисус выслал разведчиков. Очевидно, лазутчики подтвердили самые худшие опасения израильтян относительно мощи иерихонских стен, ибо предпринятая Иисусом-полководцем тактика осады не имеет аналогов в мировой истории.

Справив пасху, Иисус приказал всему мужскому населению Израиля подвергнуться обряду обрезания, который не применялся со времен Исхода. Вслед за этим израильтяне на протяжении шести дней ходили на безопасном для жизни расстоянии вокруг стен Иерихона.

Шествие возглавляли воины, за ними шли мужчины и обреченно дули в дудки и трубы, следом жрецы несли ковчег, а замыкали эту процессию старики, женщины и дети.

Общим числом 4 миллиона человек, все зловеще молчали, воздух оглашали только вой и свист дудок. Осажденные с большим удивлением наблюдали столь странный прием осады, подозревая магический смысл происходящего, но не сдавались на милость богоизбранного народа.

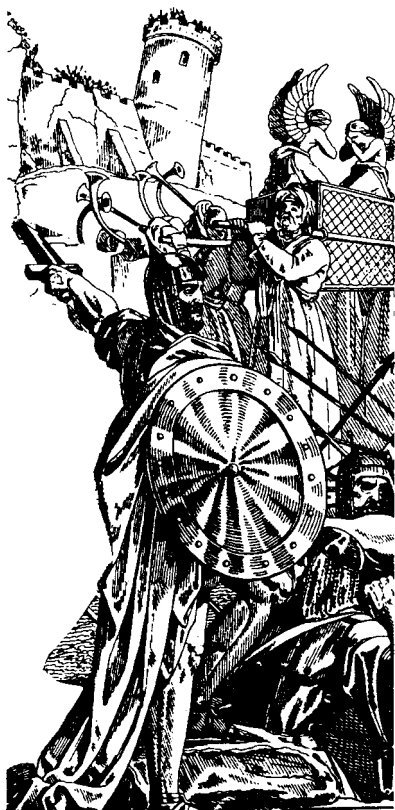
На седьмой день Иисус Навин решил на штурм.

Теперь он не ограничился однообразным круговым шествием. Израильтяне обошли стены шесть раз, сохраняя

гробовое молчание. А на седьмом круге они дружно и громко возопили. Стены не выдержали криков и воплей — и рухнули. Вероятно, вместе с ними попадали в обморок и ханаанейцы... Израильтяне ворвались в город и перебили всех жителей до единого, даже животных. Пощадили только проститутку Раав, которая давеча пустила переночевать израильских лазутчиков. Сам же город был выжжен дотла...

Много сил было потрачено на то, чтобы найти Иерихон Ханаанейский, много энергии было израсходовано исследователями в поисках Иерихона Израильского. Особенность поисков заключалась в необходимости науки согласовать Библию с историей: большинство ученых и археологов прошлого были христианами. Они искали подтверждения Ветхому Завету в Египте и Сирии, Вавилоне и Палестине. Из поисков фараона, при котором произошел Исход из Египта, возникла целая проблема, на столетия неразрешимая. Вот почему был важен Иерихон — уж он-то, если существовал, должен был стоять на прежнем месте, на западной стороне Иордана недалеко от Иерусалима... Правда, не представляли — какой же именно: Ханаанейский или Израильский Иерихон? Не был обнаружен ни тот, ни другой.

Иисус Навин проклял Ханаанейский Иерихон, но уже в середине XIX века Тоблер и Робинсон предполагали примерное место, где он должен был находиться, этот проклятый Иерихон! Выбрав холм среди равнины, неподалеку от Иордана, они начали раскопки, но ничего не нашли. В 1868 г. Уоррен тоже копал на холме, и тоже ничего не обнаружил. В 1894 г. на тот же холм обратил внимание ученых Блайз, полагая, что под ним все-таки скрывается Иерихон. А немец-археолог Зеллин в 1899-м изучил поверхность холма и обнаружил несколько черепков ханаанейской посуды. Он пришел к выводу, что его предшественники были все же правы: вероятнее всего, под наслоениями скрывается древний город. Тем более что здесь сохранилась деревня под названием Эриха...

В 1904 г. немцы Тирш и Гельшер побывали здесь и собрали новые данные, указывавшие на правильность выводов тех, кто пытался обнаружить Иерихон именно в окрестностях Эрихи. Но честь первооткрывателя все же принадлежит Зеллину. В 1907 г. раскопки Зеллина добыли материалы, подтвердившие все, о чем мечтала археология: он обнаружил дома и часть городской стены с башней (пять рядов каменной кладки и сырцовая кладка высотой 3 м). Наконец, в 1908 г. были организованы серьезные раскопки (Восточное общество Германии), руководителями работ которых были Зеллин, Ланген-Эггер и Ватцингер. В 1909-м к ним присоединились Нельдеке и Шульце.

Холм, в плане напоминающий эллипс, протянулся с северо-северо-востока на юго-юго-запад, и город занимал площадь 235000 м². Археологи раскопали полностью (на севере) ширину городской стены, равную 3 м, открыли вторую городскую стену шириной 1,5 м.

Был открыт еще кусок стены на том же северном склоне холма с каменным цоколем и сырцовой кладкой высотой 7 м. Исследовав площадь 1350 м² между городскими стенами и пробными северными раскопами, ученые обнаружили в верхних слоях позднее мусульманское кладбище, а в нижних — остатки городских построек.

Раскопки на западной стороне холма обнажили каменные лестницы, сооруженные после разрушения городских стен, под лестницами также находились остатки значительно более ранних домов. В северной части холма открыты стены хеттского здания (здание "Хилани"). Ближе к восточной стене, которая не сохранилась, раскопаны остатки домов. Неподалеку от внутренней городской стены открыты кварталы, занимаемые домами, а также улица под стеной. На площади 200 м² к западу обнаружена городская стена и остатки зданий, а под стеной найден византийский некрополь. Возле юго-западной стены раскопаны остатки дома иудейской эпохи.

Первоначально археологи насчитали восемь наслоений, последовательно сменявших один другой: мусульманский, самый поздний, представленный могилами; слой византийский; позднеиудейский, с обломками аттической посуды классической эпохи; древнеиудейский (дом над древней стеной), израильский, к которому относятся дом "Хилани", дома в центре (ближе к отсутствующей восточной стене) могилы, лестницы и внешняя городская стена, поздне-ханаанейский (находки между внешней и внутренней городскими стенами и керамика); древнеханаанейский — остатки города с домами и внешней и внутренней городскими стенами и наконец, первоначальный слой, тоже разделяющийся на несколько периодов, к которому относятся дома под внутренней городской стеной, некоторые массивы кирпичей на северо-западе...

Несмотря на значительные недостатки, с которыми были произведены раскопки, даже на то обстоятельство, что ученые непременно желали "подогнать под Библию" многие открытия, главный вклад Зеллина и его коллег в науку тот, что история Иерихона перестала быть исчисляемой с Иисуса Навина и ученый мир получил самый древний из известных на Земле город, уходящий своим началом (в понимании 20-х годов) в IV тысячелетие до н. э.

Город назывался Лунным из-за культа Луны. Начальный и ханаанейский периоды Иерихона, из которых по-

следний обозначается разрушением массивных кирпичных стен на северо-западе и возведением двух городских стен — наружной и внутренней, скрывавших город наподобие двух колец. Особенно неприступен он был с востока, откуда донимали кочевники. Население города и в начальный период, и в ханаанейский — было одно и то же. В древнейшем слое найдены кремневые орудия, орудия из других камней, так называемые "чашечные" камни.

После разрушения города начального периода Иерихон несколько сдвинулся к югу холма. Ханаанейские стены возведены уже в Ш-П тысячелетии до н. э. Факт разрушения Зеллин соотнес с нашествием "четырёх царей Востока", описанным в Книге Бытия.

Двойная крепостная стена Иерихона — исключение для Палестины. Зато у хеттов это обычный способ защиты городов.

Ханаанейский Иерихон красив. В нем ощущаются эгейские и вавилонские мотивы, хотя в основном он самостоятелен. В одном из домов найден каменный божок, аналогичный изделиям Гезера. Погребений Ханаанейского периода в городе не обнаружено. Город был разрушен с востока, где уничтожена вся городская стена, и подожжен (всюду следы пожара), после чего некоторое время оставался почти необитаемым. Впрочем, часть населения продолжала жить в Иерихоне, и это археология связывает с позднеханаанейским периодом. Период характеризуется так называемой наколотой керамикой. Зеллин посчитал, что на этот раз Иерихон был разрушен израильтянами. В израильскую эпоху в городе долго оставались ханаанейцы, пока целиком не ассимилировались с завоевателями. Однако раскопки начала века показали, что в позднеханаанейский период нет никаких следов присутствия другого народа. До нашествия израильтян в середине II тысячелетия до н. э. оставалось еще несколько столетий... Собственно израильский слой в Иерихоне сам Зеллин датировал XI-IX вв. до н.э. Израильский Иерихон характеризуется необычайным

оживлением всей жизни города. Сказывалось влияние связей с арамейскими областями. Построены лестницы поверх разрушенных стен, возведена новая импозантная стена...

Построен дворец "Хилани" в хеттском стиле. Город заполнила разноцветная разнообразная керамика, даже стилизованная под металл. Дворец и стену израильского Иерихона строил Хиил, вероятно, наместник царя Ахава. Иерихон сделался центром значительной области, а крепость защищала от моавитян.

В израильском Иерихоне раскопаны погребения. Они совершались во дворах домов. При костяках обнаружены глиняные сосуды. Дети погребались под полом домов.

В конце VIII века до н. э. царство израильское погибло. Были разрушены стены израильского Иерихона, но город не прекратил своего существования. Над ним два свои периода — ранний и поздний — прожил иудейский Иерихон. Город уже не был укрепленным, но в нем кипела жизнь. Ранний иудейский Иерихон был собран у восточного склона холма. Город торговал через финикийские гавани с Кипром и Египтом. Среди находок встречаются кипрские вазы, индийская керамика, аттические и эллинистические сосуды, амулеты, божки и демоны. Иудейский город подвергся разрушению при Содекии вавилонским царем Навуходоносором, напавшим внезапно: в домах осталось много утвари. Город был выжжен, и массы людей уведены в плен.

Новый Иерихон стал отстраиваться на севере (в пределах прежнего). При Артаксерксе III Охе уведены в плен все жители. Жизнь на холме прекратилась.

До середины II века до н. э. маккавейский город находился в 2-3 км на северо-запад от холма. С конца II века Иерихон опять оживает, правда, тоже не на холме, а у Вадикельт. Здесь он и был разрушен в 70 г. I века н. э. Веспасианом.

Но при Адриане город был опять восстановлен. Тогда еще "живы" были развалины "Хилани", которые почитались, как "дом Раав". И хотя этот дом более поздний, его

представляют собой дом предательницы города, которая помогла Израилю.

С городом Иерихоном Новый Завет связывает одно из замечательных деяний Иисуса Христа — исцеление "иерихонского слепца". Слепец воззвал к проходящему мимо Христу об исцелении, и тот совершил чудо — слепец прозрел.

Город существовал и в VII — IX веках. Существовал и позже. С XIII века в нем был мусульманский поселок, который в середине XIX века снес Ибрагим-Паша... Но жизнь на холме не прерывалась: осталась деревня Эриха...

Что же касается Иерихонских труб, то, вероятно, это не легенда, а остаток чудесного древнего знания, известного тогда, но забытого нами. Как ни странно, исследования Зеллина показали, что стены Иерихона действительно упали! Наружная — наружу, внутренняя — вовнутрь. На несколько десятилетий возник спор: когда?.. И пока единого мнения на этот счет среди ученых нет. Рискнем предположить, что все-таки на рубеже XIV — XIII веков до н. э., каковая версия не отвергается частью специалистов.

Дальнейшие события были сопряжены с новыми открытиями. Случайно разорвавшаяся на холме в 1918 г. граната помогла раскопать древнюю синагогу.

С 1929 г. раскопки в Иерихоне вел англичанин Джон Герстенг. В 1935-36 гг. он обнаружил нижние слои поселения каменного века! Люди, не знавшие керамики, уже вели оседлый образ жизни. Жили сначала в круглых полуземлянках, а потом в прямоугольных домах. В одном из подобных раскопанных домов обнаружен парадный зал с шестью деревянными столбами — остатки храма. Предметов домашнего обихода ученые здесь не нашли, зато обнаружили много фигурок животных из глины: лошадей, коров, коз, овец, свиней, а также пластические скульптуры символов плодородия. В одном из слоев доисторического Иерихона обнаружены групповые портреты (скульптуры) мужчин, женщин и детей в натуральную величину (глина на тростниковом каркасе).

Дальнейшие открытия в Иерихоне сделала Катли Кэньон в 1953 г. Именно тогда об Иерихоне заговорили как о древнейшем городе мира.

Крепость VIII тысячелетия была окружена толстой каменной стеной с мощными башнями, и ни один из более поздних городов на этом месте не воспроизвел таких мощных башен. Стена ограничивала собою площадь 2,5 га, на которой жили примерно 3 тысячи человек. Скорее всего, они занимались торговлей солью с Мертвого моря.

К тому же древний Иерихон, вероятно, является "родоначальником" традиции отнимать у покойников черепа (похороны без головы). Вероятно, это связывалось с культом Луны и несло в себе символ надежд на возрождение.

Во всяком случае, головы хранились (или хоронились) отдельно от тела. Этот обычай до самых последних лет существовал у самых разных народов земного шара.

Пальмира

Этот некогда цветущий город ныне являет собой бедную деревушку в Сирии, знаменитую развалинами величественных сооружений, памятниками последней поры древнеримской архитектуры. Название Пальмира (по-арамейски Тадмор) означает "город пальм". Ее географические координаты 34° 18' северной широты и 55° 40' восточной долготы (от острова Ферро), а расположена она в одном из оазисов пустыни, между Дамаском и Евфратом, в 240 км к северо-востоку от первого и в 140 км от второго. Согласно Библии и Иосифу Флавию, Пальмира была основана царем Соломоном как передовой оплот против нападений арамейских орд.

Навуходоносор, при нашествии на Иерусалим, разорил Пальмиру, но вскоре благодаря своему выгодному положению между Средиземным морем с одной стороны и долиной Евфрата с другой она снова отстроилась и сделалась пристанищем торговых караванов и своеобразным "отстойником" для склада товаров, шедших с Запада на Вос-

ток и обратно. Тут была столица государства, называвшегося Пальмирой и управлявшегося собственными государями, сенатом и народным собранием.

Римляне во время войны с парфянами (40-е гг. н. э.) старались завладеть Пальмирой, но безуспешно. При Траяне она была совершенно разрушена римскими войсками, но Адриан восстановил ее и переименовал в Адрианополь, причем ее правителям предоставил некоторую независимость, думая этим удержать их от союза с парфянами. При Каракалле (около 212 г. н.э.) Пальмира была объявлена римской колонией, с преимуществами римского права, и отдана в управление местному уроженцу, сенатору Септимию Оденату. Поднятое последним восстание против Рима привело к его убийству неким Руфином. Оденату наследовал его сын, Гайран, вскоре умерший, а потом другой сын, Оденат II, ставший на сторону римлян в их войне с персами и получивший за то титул консулярия. Не удовлетворившись этим титулом, он, после того как Валериан попал в плен к персам, провозгласил себя "царем царей" (в 260 г.). Однако вскоре после победоносного похода против персов (он дошел до Ктесифона на Тагре) Оденат был убит своим племянником, Меонием (в 267 г.), и на пальмирский престол вступила его жена, Зиновия, значительно расширившая пределы своего государства и даже мечтавшая подчинить себе сам Рим. При ней Пальмира достигла апогея своего благосостояния, которое, однако, продолжалось лишь короткое время.

Император Аврелиан, добиваясь единства Империи и зная о союзе Зиновии с персами, решил сломить непокорность гордой царицы Риму и в 273 г. совершил поход на Пальмиру. Зиновия была захвачена в плен, а в городе оставлен римский гарнизон. Когда Аврелиан уехал, жители Пальмиры восстали. Тогда император вернулся и разрушил город.

Диоклетиан и затем Юстиниан пытались восстановить Пальмиру, но так и не смогли вернуть городу прежний

блеск. Наконец, будучи еще раз разрушенным арабами, в 744 г. он превратился в жалкое селение, в течение многих веков не обращавшее на себя внимания образованного мира.

Только в 1678 г. английский негодант Галифакс нашел труднодоступные развалины Пальмиры. В 1761-63 гг. они были впервые исследованы и описаны Вудом и Девкинсом. Развалины тянутся с юго-востока на северо-запад непрерывным рядом на протяжении приблизительно трех километров, у подножия нескольких холмов, и состоят из остатков сооружений, относящихся к двум разным эпохам: древность одних, образующих собой бесформенную груду, восходит, по-видимому, к временам Навуходоносора; другие, сохранившиеся получше, скорее всего можно отнести к трем первым векам христианской эры, в которые, как известно, был в особом почете коринфский стиль, в основном и встречающийся в этих развалинах. В числе арамейских, греческих и латинских надписей, найденных в Пальмире, нет ни одной, которая была бы начертана ранее Рождества Христова или позже времен Диоклетиана.

На восточной оконечности пространства, занимаемого развалинами, высится храм солнца (Ваала-Гелиоса) — величественный периптер длиной в 55,5 м, шириной в 29 м, с 8 колоннами на каждом коротком фасаде и с 16 колоннами на длинном. Колонны, из которых многие еще стоят на своих местах, каннелированные и имели металлические листовые украшения капителей, теперь, конечно, исчезнувшие. Внутренность храма представляет обширное помещение, со сводом, разбитым на красивые кассетоны, с роскошной, вполне сохранившейся лепной орнаментацией фризов и стен, состоящей из листьев и плодов. Против северо-западного угла храма находились входные ворота, похожие на триумфальную арку Константина в Риме; от них через весь город, на протяжении 1135 м, тянулась дорога, обставленная четырьмя рядами колонн, на архитраве которых помещались другие, меньшие колонны. Эти четыре ко-

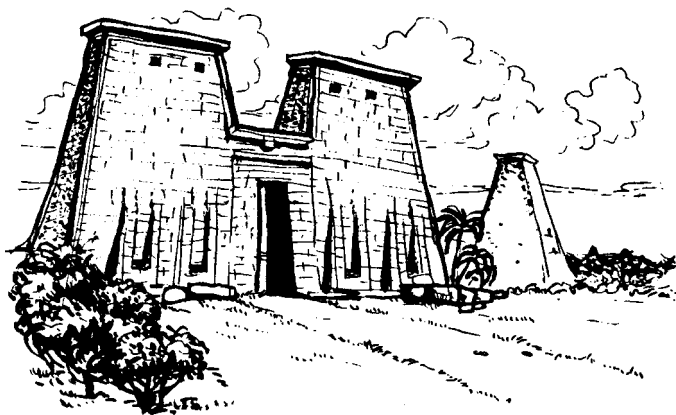
лоннады разделяли дорогу по длине на три части: средняя, более широкая, служила для езды экипажей и всадников; две боковые, поуже, — для пешеходов. Высота нижних колонн — 17 м. Всего их было 1400, то есть по 375 в каждом ряду. Хотя из этого множества колонн до настоящего времени устояло не больше 150, однако длинная перспектива образуемых ими аллей производит на зрителя грандиозное, неизгладимое впечатление. Вся почва бывшего города покрыта обломками капителей, антаблементов, скульптурных фриз и иных архитектурных фрагментов, среди которых, на запад от храма Солнца, видны остатки других храмов, дворцов, колоннад, алтарей, акведуков, а за развалившейся городской стеной, составлявшей сооружение времен Юстиниана, лежит в небольшой долине некрополь с многочисленными погребальными пещерами и шестидесятью фамильными усыпальницами, сложенными в виде башен из огромных тесаных камней. На вершине одного из соседних холмов высится замок поздней, арабской постройки.

Ниневия

Ниневия — столица ассирийского царства, вступившая в эту роль, кажется, с XIV в. до н. э., опередив город Ашшур. Первое упоминание о ней — в надписях Иудей; самая древняя надпись, найденная здесь, — царя Дунги, составленная по-семитски. Как важный торговый пункт на пересечении путей с юга на север и от Средиземного моря к Персидскому заливу, Ниневия скоро достигла вершин благосостояния, а как стратегический пункт, защищенный с запада Тигром, с востока Забом и горами и отдаленный от враждебного Вавилона, она еще в древние времена часто служила резиденцией ассирийских царей.

Ниневия располагалась на левом берегу Тигра, напротив Мосула, где теперь холмы Куюнджик и Небби-Юнус ("пророк Иона"). От древнего периода сохранилось сравнительно немного. Ашшурнасирапал (883-859 гг. до н. э.) пе-

ренес свою резиденцию в Калах и только со времен Синахериба (705-680 гг. до н. э.) начинается блестящий период Ниневии как столицы мира. Царь, унизивший Вавилон в 689 г. до н. э., старался, чтобы Ниневия заняла его место, и делал все возможное для украшения города.

Ему принадлежит так называемый Юго-западный куонджикский дворец, раскопанный Лэйярдом в сороковых гг. XIX века. Он перестроен Ашшурбанипалом (669 — ок. 633 до н. э.), который воздвиг для себя другой, северный дворец, над раскопками которого трудились Рассам, Лофтус и Плэс. И там, и тут нашли много глиняных дощечек так называемой "Ашшурбанипаловой библиотеки". Был дворец, воздвигнутый Ассархаддоном, и на холме Небби Юнус, но долгое время трудно было производить здесь раскопки: местные жители считают холм могилой пророка Ионы. В городе было много храмов; главной богиней-покровительницей считалась Иштар.

В цветущий период Ниневии население ее имело репутацию распущенного, а само имя ее было синонимом чего-то громадного.

У пророка Ионы Ниневия называется "имеющей три дня пути"; это и понятно, если вспомнить, что часто ее

предместья и соседние придворные города Калах и Хорсабад (Дур-Саргон) считались за одно целое. Существовало мнение, что они были ограждены общей стеной. Пророчество о гибели Ниневии было дано Ионе в 862 г. до н. э. Примечательная история, случившаяся с пророком, стала притчей во языцех.

Иона жил после пророка Елисея и рано почувствовал в себе пророческий дар. Однажды Господь (с которым он телепатически общался) повелел ему идти в столицу ассирийского царства и возвестить жителям Ниневии, что Господь погубит их, если они не покаются.

Тут Иона проявляет неожиданную для пророка строптивость — он отказывается идти в город. С одной стороны, это было, в общем-то, небезопасно, с другой же, Иона ненавидел Ассирию — страну, которая уничтожила десять колен Израильских. Он хочет, чтобы город был наказан, хотя Бог и предоставил Ниневии возможность раскаяться. Пророк сел на корабль, отправлявшийся в другую страну. Но вдруг на море поднялась сильная буря. Кораблю стала угрожать гибель. Все бывшие в нем испугались. Корабельщики решили бросить жребий, чтобы узнать, из-за кого постигло их такое бедствие.

Иона же потихоньку удалился в трюм и улегся там спать. Однако жребий упорно показывал именно на него. Моряки отыскали Иону и потребовали объяснений. Иона признался в своем грехе и сказал: "Да, я согрешил пред Господом! Бросьте меня в море, и буря утихнет".

И действительно, когда его бросили в море, буря утихла. В тот же самый миг

пророка, "по изволению Божию", проглотила огромная рыба, которая в Библии названа большим китом. Иона три дня и три ночи пробыл во чреве кита, молясь Богу о помиловании. "Здесь Господь явил особенную свою Славу, поскольку сохранил его невредимым во чреве кита и помиловал".

Через три дня кит выбросил пророка живым на берег. После этого Иона пошел в Ниневию для исполнения воли Божией. Целый день он ходил по городу и проповедовал всем, говоря: "Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена!" Тут происходит чудо, мало уступающее предыдущему: к словам Ионы прислушиваются. Сам царь "встал с престола своего, и снял с себя облачение свое, и покрылся вретисцем, и сел на пепел", повелев, чтобы "отвратился каждый от злого пути и от насилия рук своих". Происходит подлинное преобразование народа. Жители поверили его словам. Они вместе с царем наложили на себя пост, стали молиться и приносить покаяние в своих грехах. И когда "Бог увидел дела их, что они отвратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведет на них, и не навел".

Однако Иона возроптал на такое милосердие Божие. Возможно, он решил, что это подорвет его авторитет, как пророка — раз через сорок дней его пророчество не исполнилось, то теперь грош ему цена. "...И просил себе смерти у Бога".

Господь же и на этот раз вразумил Иону. Перед палаткой, которую Иона соорудил себе в пригороде, в одну ночь выросло большое растение, которое защищало его от солнечного зноя. Но на другой день червь подточил это растение и оно засохло. Иона очень горевал и сожалел о засохшем растении.

Тогда Господь сказал ему: "Ты сожалеешь о растении, над которым не трудился и которого не растил. Так Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?"

Жители Ниневии не обратились в иудейскую веру, но сила раскаяния, проявленная ассирийцами, настолько впечатлила еврейских мудрецов, что они выбрали эту короткую книгу для чтения в синагоге в день Йом-Кипур, день раскаяния.

Однако последующие поколения ниневийцев все же не взяли за ум и были за то крепко наказаны. В 713 г. до н. э. пророки Наум и Исайя, а в 630 г. Сафония, предсказывают Ниневии гибель. В пророческом видении они видят город, превращенный в пустыню. С 608 г. до н. э. Ниневию в течение двух лет осаждали мидииские и персидские войска в союзе с Набополассаром. В 606 г. мидяне штурмом завладели городом и превратили его в груды развалин.

С этих пор этот город был забыт. Когда Ксенофонт проходил мимо его развалин, он не знал, что это за город; имя Ниневии не упоминается и во времена римлян, основавших здесь военную колонию.

Сиракузы

Основанный в VII веке (ок. 735 г. до н. э.) город Сиракузы — один из самых замечательных городов в мире. Это родина великого Архимеда, основанная, по преданию, коринфянами. Именно здесь Платон пытался воплотить в жизнь свой идеальный план государственного устройства (к сожалению, местные царьки-тираны мало разделяли его взгляды). Именно здесь родился Феоокрит. Сиракузы воспевали Вергилий и Пиндар. Античные Сиракузы, самый большой город Великой Греции, имел население более 500 тысяч человек и состоял из пяти частей. Современный город занимает только одну из них.

Первоначально Сиракузы были расположены на небольшом острове Ортигии; позднее город распространился на северо-запад и занял полуостров, выступавший в море. Пригородом Сиракуз служила Полихна, расположенная на холме, к югу от реки Анапа: по мнению некоторых историков, это была древнейшая часть города. Остров Ортигия

(вероятно, в связи с эпитетом Артемиды Делосской или Ортигийской) или просто Остров, лежавший ниже уровня остальных частей города, представлял собой укрепленный пункт и служил акрополем. Здесь находился дававший до землетрясения 1170 г. пресную воду источник Аретуза, о котором существовало предание, будто здесь пелопоннесский Алфей, после подземного течения под Тонийским морем, выходит на поверхность земли.

При Дионисии I, тиране сиракузском (406-367 гг. до н. э.), кроме Острова, Сиракузы состояли из четырех кварталов, из которых каждый был обнесен отдельной стеной: Ахрадина, Тиха, Неаполь (первоначально Теменит), Эпиполы. Первой застроившеюся после острова частью города была Ахрадина; здесь помещались площадь с прекрасными портиками, здание совета, храм Олимпийского Зевса, театр; в южной части Ахрадины находились известные сиракузские каменоломни. Тиха получила свое название по храму богини судьбы (Тюхе). В Неаполе находились первый по величине в Сицилии театр, храмы Деметры и Персефоны. Эниполы представляли собою естественное и искусственное укрепление: холм, на котором была расположена эта часть города, был обнесен при Дионисии I крепкой стеной. Тут же был устроен грандиозный водопровод. Население города в цветущий период его существования достигало 500 000 человек.

Политическая жизнь города развивалась так же, как и в остальных частях греческого мира. В период его основания пора царской власти уже миновала. Потомки основателей города были привилегированными и правоспособными гражданами и собственниками; в их руках сосредоточивались как имущественные, так и политические права. Это была аристократия и вместе с тем олигархия. Остальная народная масса не имела ни политических прав, ни земельной собственности: она занималась торговлей и промышленностью. Возвышение Сиракуз совершалось постепенно; первоначально они уступали в могуществе Геде и Акраганту и,

только овладев юго-восточным побережьем Сицилии, завоевали себе значение первого греческого города на острове.

Между 663 и 598 гг. до н. э. сиракузцы основали в Сицилии поселения Акры, Касмены и Камарина, служившие как бы форпостами Сиракузской области. V век был периодом наибольшего могущества и процветания города. Однако тогда же начался период смуты и восстаний. Когда народ восставал против своих правителей, город ненадолго принимал демократическую форму правления, но затем опять попадал под власть тиранов.

В 461 г. до н. э. утвердилась демократическая форма правления, существовавшая более чем 50 лет, причем против попыток восстановить тиранию ввели так называемый легализм, соответствовавший афинскому остракизму. Сицилийская экспедиция Алкивиада и Ниния (415-413 гг. до н. э.), окончившаяся поражением афинян, имела своим результатом усиление могущества Сиракуз. К этому времени относятся реформы демагога Диокла, который преобразовал сиракузскую конституцию в духе радикальной демократии. После падения Леонтин и Гимеры влияние Диокла пошатнулось, хотя Гермократ, руководивший обороной Сиракуз во время афинской экспедиции, но изгнанный по подозрению в покушении на демократическое государственное устройство, не смел, по возвращении в Сицилию, восстановить прежнее политическое устройство и пал в 407 г. до н. э. во время народного мятежа. После неудачной борьбы с карфагенянами (406-405) снова выступила на сцену партия Гермократа и между прочим возвысился любимец сиракузской толпы Дионисий.

Сумев ловко обвинить своих товарищей по командованию в том, что они-де были подкуплены карфагенянами, он добился единоличного командования армией и вскоре затем захватил в свои руки правительственную власть. В его правление город достиг апогея своего могущества и славы первого греческого города на западе. Преемник Диони-

сия I, сын его Динисий II младший (367 — 357 и 354-343 гг. до н. э.), был неумелый правитель. При нем произошла революция, виновником которой был Дион, стремившийся ввести народное правление. Три года (357-354) Дион удерживал за собою власть, но погиб от руки убийц, после чего тирания опять досталась Дионисию. Раздираемые мятежами и борьбою партий, горожане обратились за помощью к своей метрополии, Коринфу, который послал Тимолеонта для умиротворения города. Освободив город от Дионисия и карфагян, Тимолеонт правил Сиракузами с 343 по 337 г. до н. э. и вновь возвратил сицилийской столице ее прежний блеск и могущество. Исполнив возложенную на него задачу, Тимолеонт сложил с себя власть и удалился в частную жизнь. По смерти его правление было вверено 600 лучшим гражданам (олигархам), но в 316 г. до н. э. Агафокл после победы над Карфагеном овладел властью и восстановил ужасы тирании. По смерти его (289 г. до н. э.) наступил новый период смут и деспотизма, и если бы не появление в 278 г. до н. э. в Сиракузах Пирра, вся Сицилия попала бы под власть карфагян. При Гиероне II (269-216 гг. до н. э.) Сиракузы пользовались сравнительным спокойствием и вели мирную жизнь богатого города. Гиерон был добрым и искусным правителем; его финансовое законодательство сохранилось в силе даже после завоевания Сиракуз римлянами.

В борьбе римлян с карфагенянами Гиерон II был верным союзником Рима. Его внук, Гиероним, предпочел союз с Карфагеном, но вскоре пал жертвой заговора, вызванного его надменностью и жестокостью.

Последовавшие смуты были подавлены карфагенянами, которые, под предлогом освобождения города от тиранов, заручились расположением народных масс.

В 214 г. до н. э. Марцелл с римским войском подступил к стенам города и осадил его с моря и суши. В 212 г. до н. э. он овладел Эпиподами и Тихой, а осенью того же г., когда моровая язва заставила карфагенский флот отплыть в Аф-

рику за новыми подкреплениями, сдались Ахрадина и Остров. Город был отдан на разграбление солдатам; большинство памятников искусства было перевезено в Рим. При взятии Сиракуз погиб известный математик Архимед. Рассказывают, что захватчики ворвались в его дом, когда Архимед сидел в саду и чертил на песке геометрические фигуры. Он замахал руками на солдат и закричал: "Не троньте мои чертежи!"

Римлянин взмахнул дротиком и... мир, возможно, лишился еще одной бессмертной теоремы.

Сделавшись после 212 г. до н. э. простым провинциальным римским городом, Сиракузы не утратили прежнего блеска и были резиденцией римского наместника в Сицилии. Во время второго триумvirата, когда Секст Помпеи овладел Сицилией, Сиракузы снова подверглись погрому; но император Август привел сюда новых переселенцев, которые заняли Ахрадину и Остров — кварталы, в которых сохранилось больше всего остатков римской архитектуры и следов римской жизни. При императорах Сиракузы продолжали спокойную жизнь культурного, славного своим прошлым греческого города; они сохраняли свой совет и имели своих магистратов.

Херсонес

Почти два тысячелетия просуществовал этот город на крымском побережье. Назывался он Херсонесом Таврическим (от греческого "херсонес" — полуостров).

Его в 422-421 гг. до н. э. основали гераклиоты — выходцы из южночерноморского (малоазийского) города Гераклеи — на берегу бухты, именуемой в наши дни Карантинной.

В одном античном землеописании сказано: "... следствие данного гераклийцам... прорицания заселить вместе с делосцами Херсонес". Дело в том, что жителей Делоса за враждебность и непокорность их старшие партнеры и союзники афиняне выселили с родной земли. В это же время

в Гераклею высадился отряд афинских войск, который опустошил окрестности города. В результате ожесточилась борьба между разрозненными крестьянами и торгово-земледельческой верхушкой. Потерпевшие поражение в этом конфликте демократические силы вынуждены были покинуть город и искать себе новое место для поселения. Совпадение по времени этих двух фактов и привело к возникновению Херсонеса. Делосцы, однако, очень скоро вернулись на свой родной остров и не оставили никакого следа в дальнейшем развитии херсонесской истории и культуры. Что же касается отношений с Гераклеей, то они были разностронними, прочными и продолжительными. Еще во II в. н.э., то есть спустя шесть столетий после основания города, херсонесцы помнили, что их далекие предки приехали из Гераклеи, и называли ее жителей "досточтимыми отцами". Созданием колонии одновременно достигались и другие цели: втягивались в торговый обмен новые рынки в Северном Причерноморье, Херсонес замыкает прямой путь через Черное море, освоенный как раз в это время (раньше корабли шли только вдоль берегов), по этому пути гераклеяцы рассчитывали получать хлеб из Скифии.

Столетие спустя после основания Херсонес превращается в один из крупнейших полисов — городов-государств Северного Причерноморья. По своему политическому устройству он был рабовладельческой республикой с демократической формой правления, а по общественно-экономической сути — центром торговли, ремесел, культуры. Его население достигало 20 тысяч человек.

Вначале будущий город представлял собой небольшой поселок, прилепившийся к берегу бухты, которая в настоящее время называется, как мы уже говорили, Карантинной. Колонисты, приплыв в Крым, привезли с собой домашнюю утварь, орудия труда, оружие, одежду, запасы продовольствия, может быть, скот.

В конце IV — начале III вв. до н. э. Херсонес вступает в полосу политического и экономического расцвета. Из не-

большого поселка он превращается в значительный по тому времени город, центр одного из крупных государств Северного Понта. Значительно возросло население, достигнув, возможно, 10 тысяч человек. Именно такой размер города считался в древности близким к идеалу, именно он обеспечивал, с одной стороны, безопасность жителей, позволял развивать все отрасли хозяйства, а с другой стороны, не препятствовал эффективности управления, коммуникаций, совместных мероприятий.

В это время херсонесцы осваивают Гераклеийский полуостров (юго-западный угол Крыма, к западу от линии, соединяющей вершины Северной и Балаклавской бухт), превращая его в базу сельскохозяйственного производства.

Херсонес был обнесен стенами, армия (ополчение) вооружена и обучена, тактика борьбы с таврами отработана и испытана в неизбежно возникавших мелких стычках. Теперь уже Херсонес получил возможность начать наступление на тавров. В результате весь Гераклеийский полуостров находился в руках херсонесцев, а местное население было частично истреблено, но по большей же части покорено.

Создание Херсонесского государства происходит как раз тогда, когда совершает свои походы Александр Македонский и возникают новые государства. Именно в эту эпоху в идеологии греков особенно широко укореняется старое "право копья", в соответствии с которым земля, например, захваченная военной силой, становится собственностью сильнейшего. "Во всем мире существует вечный закон, что, когда город взят войною, завоевателям принадлежит и личность, и имущество находящихся в нем", — утверждает греческий писатель Ксенофонт. Этим законом оправдываются любые завоевания, им обосновывают свое право на власть эллинистические монархи; херсонесцы, конечно, руководствовались в своей завоевательной деятельности и этим правом.

По давней традиции, все земли были разделены на равные наделы, а жители превращены в рабов того типа, кото-

рый характерен для Спарты и других дорийских государств. Часть тавров, обитавших вдоль границы Гераклейского полуострова, продолжала жить в своих поселках и являлась чем-то вроде лаконских периэков (свободные, но политически бесправные жители). Судя по свидетельствам Страбона и сообщениям путешественников, посетивших Крым вскоре после присоединения его к Риму, весь гераклейский полуостров был огражден стеной или валом со рвом по линии Инкерман — Балаклава. Такая стена не только препятствовала вторжению противников на полуостров, но и затрудняла возможные побег тавров, превращенных в рабов. Видимо, в связи с этим наблюдается повышенный интерес херсонесцев к военному делу.

Вполне понятно стремление Херсонеса овладеть плодородными равнинами Западного Крыма. И херсонесцы добиваются больших успехов в этом отношении. В их гражданской присяге (III в. до н. э) говорится: "Не предам ни Херсонеса, ни Керкинитиды, ни Калос-Лимена (Прекрасной Гавани), ни прочих укрепленных пунктов, ни из остальной территории, которой херсонесцы управляют или управляли, ничего никому, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа..." Слова торжественной клятвы свидетельствуют, что город Керкинитиды (современная Евпатория), Калос-Лимен (поселок Черноморское) и еще ряд пунктов на западном берегу полуострова, а вместе с ним и весь этот берег к моменту написания присяги уже принадлежали Херсонесу. Это подтверждается данными археологических исследований. Таким образом, в юго-западной части Крыма возникает значительное государство с центром в Херсонесе. В то время как Гераклейский полуостров специализируется преимущественно на виноградарстве, виноделии и садоводстве, со вновь приобретенных земель получают в первую очередь хлеб.

Херсонес вел обширную торговлю с городами Северного Причерноморья, с местными племенами, он был связан со многими отдаленными областями, такими, как Малая

Азия, Балканский полуостров. О широте торговых связей свидетельствуют многочисленные декреты о проксениях, предоставлявшие права гражданства и различные льготы при ввозе, вывозе и продаже товаров представителям других городов. Среди херсонесских проксенов преобладают жители Гераклеи, Синопы, Ольвии. По находкам херсонесских амфор можно судить об оживленной торговле вином со скифами и греческими полисами северо-западного и западного Причерноморья. В городах материковой Греции Херсонес продавал продукты скотоводства, рыбу, соль, мед, воск. Обломки амфорных ручек с херсонесскими клеймами находят при раскопках в Афинах и далекой египетской Александрии. В обмен на свой товар херсонесцы ввозят из Греции недостающие им продукты, оливковое масло, дорогие сорта вин, ремесленные изделия, в том числе расписную керамику, предметы искусства (терракоты, статуи).

Как мы уже говорили, Херсонесское государство представляло собой рабовладельческую республику с демократической формой правления. Высшим органом власти было собрание всех свободных граждан мужского пола, достигших совершеннолетия. Народное собрание принимало законы и решало важнейшие вопросы. Повседневной жизнью города руководили выборный совет и коллегии, осуществлявшие наблюдение за всей деятельностью жителей города. Видимо, члены совета выбирались на месяц, а его секретарь (грамматевс) — на год. Так называемый царь (басилевс) был эпонимом, то есть его именем назывался и датировался год.

Политическая история Херсонеса V-II вв. до н. э. нам почти неизвестна. Пожалуй, только один, но зато очень важный период освещен в источниках очень полно.

С III в. до н.э. грозной силой в Северном Причерноморье становятся скифы. Разрозненные племена скифов постепенно переходят к оседлому образу жизни, земледелию (наряду со скотоводством), образованию племенных союзов.

Политическое объединение скифов завершается созданием крупного государства с центром в Неаполе (Новый город, развалины его — на юго-восточной окраине современного Симферополя). Во главе скифов становится умный и энергичный вождь — царь Скилур. Скифская знать мечтает о богатствах греческих городов, стремится захватить в свои руки побережье с его заморской торговлей. Ольвия — древнегреческая колония на берегу Бугского лимана — фактически теряет свою независимость и подчиняется скифским царям. На очереди Херсонес. Один из сыновей Скилура, Палак, продолжает политику отца.

Скифы активно готовятся к войне. Во II в. до н. э. проводится грандиозная реконструкция обороны Неаполя, который, по выражению одного из исследователей, все больше "превращается в город-крепость", тогда же отстраивается ряд других крепостей, им отведена роль опорных пунктов в предстоящих военных действиях. Одновременно скифы пытаются привлечь на свою сторону тавров и, очевидно, добиваются в этом успеха.

Над Херсонесом нависает, как никогда, серьезная опасность. Жители города лихорадочно ищут выход: то пытаются подкупить скифов "дарами", то обращаются к понтийскому царю Фарнаку I и заключают с ним договор о дружбе и взаимопомощи (179 г. до н. э.). Один античный писатель рассказывает о том, что скифы "обижали" херсонесцев, которым пришлось поэтому заключить союз с предводительницей сарматов Амагой. Так, когда скифы не прислушались к ее требованию "прекратить свои набеги на Херсонес", Амага внезапно напала на них, убила царя и его приближенных, а наследнику царской власти строго-настрого наказала "править справедливо и, помня печальную кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров".

Как бы то ни было, во II в. до н.э. усиливающееся скифское царство все чаще тревожит Херсонес. Неотвратимо приближаются военные действия.

Не надеясь на одни дипломатические демарши, херсонесцы предпринимают и ряд энергичных практических мер для

укрепления обороноспособности своего города. Поспешно возводится новая оборонительная стена. Когда же силы херсонесцев были на исходе, им пришлось искать помощи на стороне. В соответствии с договорами 179 г. они обратились к царю Понтийского царства Митридату VI Евпатору с просьбой прислать войска. В Крым был направлен полководец Диофант с отрядом воинов. Действуя во главе объединенной армии, куда входили херсонесские и понтийские войска, Диофант в продолжение трех кампаний (около 110-107 гг. до н. э.) разгромил скифов. Это достижение, однако, дорого обошлось Херсонесу: освободившись от угрозы подчинения скифам, он вынужден был поступиться своей самостоятельностью в пользу понтийского царя.

После поражения и гибели Митридата Херсонес оказался в зависимости от давнего соперника — Боспорского царства, причем последнее предпринимало попытки прямого захвата власти в городе (сведения об одном таком эпизоде приводит византийский император Константин Багрянородный). Боспорский царевич женился на дочери Херсонесского правителя Гикий. Задумав погубить город, он тайно поселил в подвале дома жены отряд воинов, которые в ближайший праздник должны были захватить Херсонес. Случайно узнав об этом, Гикия поспешила сообщить гражданам свой план действий: ее дом был окружен вооруженными ополченцами и подожжен. Боспорцы вместе с их коварным предводителем сгорели, те же, кто пытался спастись, были перебиты.

Это легенда, но она основана на вполне реальных событиях I в. н.э. Во всяком случае, историческая обстановка обрисована в ней весьма правдиво.

Окончательное освобождение Херсонеса от боспорского протектората и превращение его в город со статусом "свободного" произошло во время правления Антонина Пия (138-161 гг.) после многочисленных ходатайств как самих херсонеситов, так и их метрополии — Гераклеи Понтийской. В честь этого важного события с середины II в.

н.э. в Херсонесе чеканится серия монет со словом "элеветрия", изображением богини Херсонас — покровительницы общины города и другими эмблемами. Таким образом, до середины II в. н.э. власть Рима в Херсонесе оставалась условной. Рим предоставлял Боспору обязанности по защите Херсонеса от тавро-скифов, следуя своему принципу "разделяй и властвуй". Пребывание в роли подневольного союзника Боспора тяготило Херсонес, и он последовательно стремился к прямой римской опеке.

"Свобода", полученная Херсонесом, была свободой в римском смысле, с определенным статусом, согласно которому город был лишен права вести внешнеполитические дела, но сохранял внутреннюю автономию, свои институты и магистраты, право управлять на основе своих законов, чеканить медную монету, сохранял право собственности на землю, на налоги и пошлины. "Свободный" Херсонес содержал римский гарнизон, состоящий из подразделений I Итальянского, V Македонского и XI Клавдиева легиона, а также вспомогательных войск.

В первые века новой эры в Херсонесе ведется широкое городское строительство: перестраиваются многие кварталы города, дома укрупняются; вся усадьба с хозяйственными пристройками (винодельнями, рыбозасолочными цистернами и др.) иногда занимает целый квартал. В город был проведен водопровод, с использованием керамических труб. К этому времени относится одна из перестроек театра, вероятно, связанная с новой, более разнообразной программой, включающей гладиаторские бои, травлю зверей и различные цирковые представления — любимые зрелища римлян. Была увеличена сценическая площадка и достроен ярус зрительских мест.

В целом политический строй Херсонеса первых веков нашей эры представлял олигархию, при которой представители одних и тех же фамилий, в том числе и херсонесцы, получившие права римского гражданства, занимали важнейшие должности в государстве.

С конца I века н. э. скифы проявляют большую активность, направленную, правда, в основном против Боспорского царства. Херсонесу удавалось отбиваться от них лишь благодаря наличию римского гарнизона. Но потом на некоторое время римляне покинули город, и здесь-то ему пришлось, вероятно, несладко. Во всяком случае, в первой половине II в. н. э. Херсонес ищет военного союза с тем самым Боспором, от обременительной опеки которого он сравнительно недавно и с большим трудом освободился. Скифы продолжают тревожить греков до начала III в.

Едва удается справиться со скифами, как в Северное Причерноморье начинают проникать новые опасные противники — готы. В 50-70-х гг. III в. они предпринимают ряд походов, направленных на захват приморских городов Черного, а впоследствии и Средиземного морей.

Нетрудно представить себе, как подобная обстановка должна была отразиться на Херсонесе. Жители его трепетали от страха за стенами города: в любой момент они могли стать объектом свирепого нападения могущественных "варваров". Правда, на этот раз обошлось все благополучно: Херсонес снова выручило присутствие в нем римских солдат.

В IV веке Крым подвергся опустошительному набегу гуннских орд. При этом, по мнению ряда исследователей, Херсонес был также затронут движением гуннов и очень пострадал. В V в. гунны еще раз вторглись в Крым и вновь подступили к стенам Херсонеса.

В IV веке н. э. начинается распад могущественной римской державы на две — Западную и Восточную (Византийскую) империи. Позже на территории Западной, разорванной на части варварами, образуется ряд мелких государственных объединений. Развал Римской империи ознаменовал и конец рабовладельческого строя, переход к новым, феодальным отношениям.

С V в. н.э. Херсонес — в составе Византийской империи. В 988 г. после девятимесячной осады город (русское назва-

ние Корсунь) был взят князем Владимиром. Здесь же Владимир принял христианство. В конце XII-XIV века Херсонес дважды пострадал от нападений татарских орд. К середине XV в. город перестал существовать. Уже в 1472 г. генуэзский консул в Кафе (Феодосии) назвал его "необитаемым местом".

Развалины города, гордо именовавшегося некогда Херсонесом Таврическим — остатки оборонительных стен, жилых построек, общественных зданий, подвалы, колодцы, цистерны, примыкающее к нему кладбище и многочисленные сельские усадьбы за пределами города, — лежат на территории современного Севастополя. Здесь вот уже около 200 лет ведутся раскопки, которые ежегодно приносят поразительные по красоте произведения скульптуры, живописи, архитектурные детали, надписи, монеты, орудия труда, бытовые предметы. История города уточняется и детализируется.

Африканский Вавилон

Сейчас на его месте располагается Херсонесский историко-археологический заповедник. Посетив музей, можно осмотреть руины античного театра — единственного в нашей стране, городские кварталы с прекрасно сохранившимися мозаичными полами базилик, участок оборонительных стен с башней Зенона и многие другие интересные архитектурные сооружения.

Человека, который нашел "затерянный город", звали Фарини. Однажды в Америке он познакомился с Гертом Лоу, бушменом по национальности, приехавшим выступить "уродцем" в балагане на Кони-Айленд. Бывший охотник рассказал Фарини легенды об алмазах в пустыне Калахари.

Для американского рэнчера этого оказалось достаточно, чтобы немедленно отправиться в Южную Африку.

30 января 1885 г. Фарини, его сын-фотограф и Герт Лоу сошли в Кейптауне с корабля "Рослин Касл", наняли трех слуг-африканцев, на реке Оранжевой купили волов и устремились в пустыню.

Год выдался на редкость влажным, и Калахари напоминала цветущий сад. Все дюны были покрыты дынями тсамма, антилоп можно было стрелять прямо с повозки. Не испытывая недостатка в пище, Фарини пошел напролом, не считаясь с дорогой.

В районе южнее Нгами Фарини не нашел посуленных бушменом алмазов, но это ничуть его не расстроило. Побывав в селении Миер (ныне Ритфондейл), экспедиция снова двинулась на восток. По высохшему руслу реки Носсоба они добрались до места ее слияния с тоже пересохшим притоком Ауб и дальше отправились на север. Через три дня Фарини достиг гор Ки-Ки, свернул в сторону от Носсоба и пошел на восток через пески. Спустя четыре дня он оказался у лесного массива Кгунг, где занялся охотой и ловлей бабочек: жизнь в цветущей пустыне пришлась ему по душе. Только когда закончились запасы риса и муки, экспедиция

двинулась на юг в Апингтон. На другой день впереди показалась высокая горная вершина, и проводник сказал, что это Ки-Ки. Но когда они подошли, оказалось, что никто из африканцев этой горы никогда не видел и ничего не слышал о ней.

Тут и произошло открытие африканского Китежа. "Мы раскинули лагерь у подножия каменистой гряды, по своему виду напоминавшей китайскую стену после землетрясения, — пишет Фарини. — Это оказались развалины огромного строения, местами заваленного песком. Мы тщательно осмотрели эти развалины протяженностью почти в милю. Они представляли собой груды огромных тесаных камней, и кое-где между ними были ясно видны следы цемента. Камни верхнего ряда сильно выветрились. В общем, стена имела вид полукруга, внутри которого на расстоянии приблизительно сорока футов друг от друга располагались груды каменной кладки в форме овала или тупого эллипса высотой полтора фута. Основание у них плоское, но по бокам шла выемка. Некоторые из этих сооружений были выбиты из цельного камня, другие состояли из нескольких камней, тщательно подогнанных друг к другу.

Поскольку все они были в какой-то мере занесены песком, я приказал всем моим людям раскопать одно из них. Раскопки отняли целый день, так как африканцы не могли взять в толк, зачем понадобилось откапывать старые камни, — пустая трата времени. Я объяснил, что это остатки города, или места поклонения, и ему, возможно, несколько тысяч лет. А может быть, это место кладбища великого народа.

Мы раскопали песок в средней части полукруга и обнаружили мостовую футов двадцать шириной, выложенную крупными камнями. Верхний слой был из продолговатых камней, поставленных под прямым углом к нижнему слою. Эту мостовую пересекала другая такая же мостовая, образуя мальтийский крест. Видимо, в центре его был когда-то алтарь, колонна или памятник, о чем свидетельствовало сохранившееся основание — полуразрушенная каменная кладка.

Мой сын попытался отыскать какие-нибудь иероглифы или надписи, но ничего не нашел. Тогда он сделал несколько фотоснимков и набросков. Пусть более сведущие люди, чем я, судят по ним о том, когда и кем был построен этот город".

Покинув развалины, Фарини через три дня снова оказался в районе Ки-Ки.

Это единственное описание "затерянного города". Через год Фарини сделал доклад в Королевском географическом обществе в Лондоне. Никто не заподозрил его в шарлатанстве. У Фарини не было оснований выдумывать "затерянный город", тем более что сын его представил фотографии. Кроме того, Фарини не ставил свое открытие в центр описания, как это сделал бы фантазер, — наоборот, он пишет о нем вскользь, не выделяя среди других эпизодов путешествия.

В своем сообщении Фарини заявил, что "затерянный город" расположен в районе 23,5 градуса южной широты и 21,5 градуса восточной долготы. Теперь доказано, что карта, которой он пользовался, страдала погрешностями. Подсчеты показали, что город может находиться на семьдесят миль севернее или южнее и на сорок миль западнее или восточнее...

В 1933 г. молодой фермер Н. Кютзее рассказал, что несколько лет назад, охотясь в районе к востоку от Носсоба, он видел каменное строение. Кютзее не был археологом и не стал задерживаться, чтобы получше осмотреть развалины, но и причин для выдумок у него не было. Место, правда, он запомнил весьма приблизительно. Тем не менее археолог Ф. Пейвер немедленно выехал из Иоганнесбурга в Апингтон, где еще застал в живых Яна, который был проводником у Фарини. Старый Ян помнил дорогу, но развалины его совершенно не интересовали, он с удовольствием вспоминал охоту, но не груды камней.

Экспедиция решила обследовать средний из трех притоков реки Носсоб. Пробираясь по высохшему руслу, машины с трудом одолевали за день тридцать миль, расходуя по пять

литров бензина на каждые семь миль, так как колеса утопали в песке. Скоро Пейвер потерял следы протока, а на следующий день проводник сознался, что никогда еще не заходил дальше этих мест. Тем не менее экспедиция шла вперед, пока не миновала единственный ориентир на площади в две тысячи квадратных миль. Поплутав по стране дюн, она вернулась другим путем. Пейвер вынужден был признать: "Когда вы увидите эту пустыню, вы поймете, что можно месяцами бродить среди песчаных дюн и даже близко не подойти к тем местам, где расположен "затерянный город"..."

В 1947 г. доктор Борчердс, проживавший в Апингтоне, сообщил исследователю Лоуренсу Грину, что два человека недавно побывали в "затерянном городе". Но он не смог назвать их имен, так как фермеры там незаконно охотились... Была снаряжена третья экспедиция, которая долго бродила по пустыне, но находила лишь ямы, вырытые животными в поисках соли. Наконец им попался высохший колодец: хоть какой-то след человека. Через три дня блужданий экспедиция наткнулась на тот же колодец, поверх своих следов они различили следы маленькой ступни, но никого не нашли вокруг.

Когда они вернулись в Апингтон, сержант полиции рассказал, что много лет назад во время объезда он наткнулся на древнюю каменоломню. Там он видел несколько обтесанных камней. Каменоломня была как раз в районе "затерянного города". Сержант откопал в песке остов лодки длиной метров в пять.

— Никто не сомневается, — с грустью сказал Борчердс, — что много веков назад в Калахари существовало поселение, которое описал Фарини. Известно, что из озера Нгами вытекали реки, они направлялись через пустыню на юг и впадали в Оранжевую. Значит, у жителей этого поселения была вода, а теперь мы узнали, что у них были и средства передвижения. Несомненно, в скором времени дюны раскроют свою тайну.

В последующие годы многочисленные попытки добраться до "затерянного города" на джипах и пешком тем

не менее кончались неудачей. Большие надежды возлагались на авиацию и аэрофотосъемку, способную обнаружить даже канаву, вырытую пять тысяч лет назад. Но в пустыне нет растительности, которая укажет канаву, а пески все время движутся, меняя очертания дюн.

По всей видимости, какая-то очень сильная буря занесла песком древние стены. И только еще более яростная буря сможет открыть тайну города. А назывался он Зимбабве...

Зимбабве — огромная территория, включающая в себя так называемый Бечуаналендский регион, куда входят Трансвааль, Южная и Северная Родезия, часть Центрального Конго и часть ЮАР.

А сами африканцы относят к понятию "Зимбабве" и еще некоторые территории. Смотря по какому принципу считать: если по землям, населенным бушменами, — это одно, а по заброшенным рудникам — другое. Внутренняя Африка, где в средние века процветала добыча и выплавка металлов, и был прекрасно налажен их сбыт через Побережье на весь мир, погибла не от войны с европейцами и не от междоусобиц: ее "задавили" экономически. Португальцы, осевшие на побережье и пожелавшие быть посредниками в торговле Зимбабве со всеми купцами и странами, расстроили торговлю и в Индии, и в Китае, и в Африке. Захирели прежде всего поселки возле рудников (их насчитывается до 70 тысяч!), а потом и большие города, в том числе и когда-то цветущий город Зимбабве. Африка "железного века" пала повсеместно, попав с развитием европейского мореплавания в полную блокаду.

Большой Зимбабве обнаружили почти тогда же, когда совершил свое путешествие в Африку любознательный Фарини. Некий старатель Поссельт начал обшаривать развалины Зимбабве в 1888 г. — на предмет золота, о котором и сейчас ходят легенды. На землях народа машона и матабеле не знали "бронзового века": золото в качестве простого металла использовалось даже для наконечников копий и стрел. Потому ученые и назвали Африку "железной", что цивилизация, и весьма высокая, развилась там повсеместно

с поздним открытием секрета железа и множества его месторождений.

Зимбабве возник на остатках прежних строений, ибо в Африке народы и государства непрерывно сменяли друг друга, ассимилировались, разделялись и уходили, но для новых поселений использовали "подготовленную почву". В результате возникший в VII веке и просуществовавший до XVIII — примерно 1100 лет, Зимбабве представляет собой "слоеный пирог". Фундамент под некоторыми строениями был заложен еще раньше, приблизительно в V-VI веке, — но и это не предел: начала никто не искал. Хотя раскопки 1958 г., осуществленные Саммерсом и Робинсоном, показали, что прежние строения существовали в этом городе с начала нашей эры и принадлежали народу, уже знавшему секрет добычи железа из руды.

Архитектура Зимбабве уникальна и принадлежит исключительно к африканскому типу. Самые крупные сооружения — замок на холме ("Акрополь") и эллиптическое здание длиной 90 и шириной 60 м. Охотник Рэндолс, побывавший здесь в 1868 г., и немецкий геолог Маух (1872 г.) считали, что вся здешняя культура — копия чужой, заимствованной на севере. И археологи думали, что эллиптическое здание, выложенное из гранитных камней без какого-либо раствора, — точная копия дворца царицы Савской, в котором она жила в Иерусалиме в X веке до н.э., а "Акрополь" — такая же точная копия храма Соломона на горе Мориа. Кстати, европейцы, живущие и теперь в Африке, до сих пор не верят или верят с громадным трудом, что все эти развалины имеют отношение только к местному населению. Это мнение укоренилось в результате 400 лет колониальных войн.

Однако лишь на первый взгляд эти развалины можно приписать кому-либо, кроме самих африканцев. Стены эллиптического здания из обработанного и подогнанного гранита достигают высоты 10 м и толщины 6 м. И поразительно напоминают стены другого ископаемого города-сказки — Гебель Ури (Западный Судан). И не только фор-

мы: метод сухой кладки, берущий начало в Эфиопии и Центральной Африке, достиг в Зимбабве истинного совершенства. Причем абсолютно ясно, что африканско-негритянские формы зданий — круглых и эллиптических, о которых, конечно же, не "с потолка" упоминает в отчете Географическому обществу Фарини, — возникли из "простой" африканской архитектуры — шалашей или более основательных хижин из смеси глины и тростника, традиционных в здешнем строительстве. Лишь торговые города на Побережье испытали влияние арабской и индийской культур. Китайцы там тоже были не редкими гостями. В результате обмена не только богатством, но стилями, воззрениями, технологиями и правилами возник неповторимый сплав, некое устойчивое равновесие в торговле, взаимоотношениях между народами. Дикость Африки — заблуждение! Побывавший здесь Васко да Гама в первую очередь обнаружил неотесанность и грубость... своих же сородичей португальцев! А еще нашел, что размеры и оснастка его собственных кораблей — менее совершенны, чем у купцов Индийского океана. Более высокого класса были и навигационные приборы азиато-африканцев!

Ярко выраженные африканско-негритянские черты отличают и чисто исламские города средних веков. Например, город Геди, открытый в 1953 г. Киркманом. То же с городом Тимбукту, Гао и Кумби-Сале, царствами хауса, городами-государствами Ифе и Бенин.

Смена и преемственность "железных обществ" обусловлена тем, что города Побережья интенсивно торговали с Внутренней Африкой, куда доступ чужим был закрыт.

Внутренние города не только получали возможность существовать, но и развиваться: Мапунгубве, Пиекерк, Пеналонг, Ками и другие.

В 1932 г. фермер-старатель Ван Граан, прослышав от аборигенов о "священном холме", решил найти его. По преданию, даже говорить или слышать о Мапунгубве было смертельно опасно, но все же Ван Граан нашел одного африканца, преодолевшего вековой страх и указавшего фер-

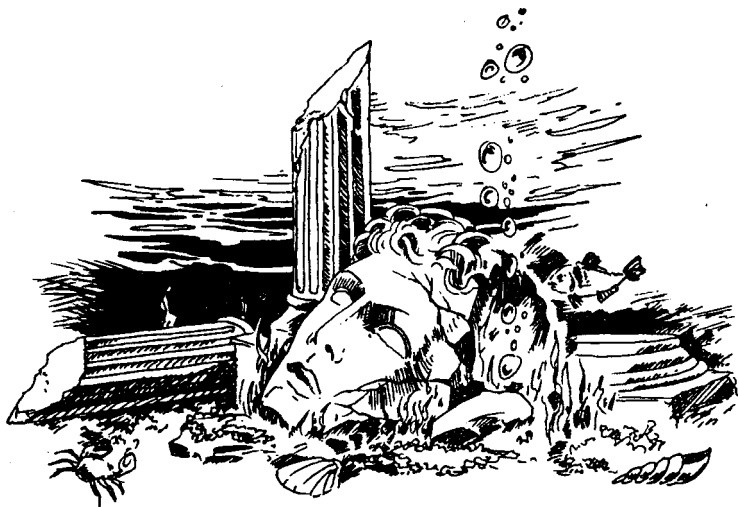
меру не только сам холм высотой около 30 м и окружностью основания около 300, но и путь к нему. Пробившись сквозь заросли колючек, Ван Граан и его спутники увидели в расщелине каменные ступени... Поднявшись, "святоотцы" столкнулись с неожиданной опасностью: Мапунгубве был обнесен бруствером из громадных валунов, подпертых малыми камнями. Но любые опасности нипочем истинному искателю приключений: ведь плоскость холма, вероятно, значительно смытая и выветрившаяся к тому времени, была усеяна обломками керамики, из песка выглядывали кусочки меди и железа. А в размытых ливнями местах — блстело золото!..

Собираясь обогатиться, приятели, раскопав грунт, добыли 75 унций золота — пластины, бусы, фигурки носорогов очень тонкой работы, золотую проволоку. Возвратившись, все пятеро (среди них был и сын Ван Граана) хотели было промолчать, но сын, учившийся в Претории у Фуше, все-таки отправил учителю часть находок и все ему рассказал. Фуше, в свою очередь, показал находки Пирсону, заместителю начальника монетного двора. Тот обнаружил, что найденное золото очень высокой пробы, а также то, что это — первая находка кованого золота на юге Африки. К тому же находка Ван Граана оказалась первой никем не тронутой в целом регионе, она была объявлена национальным достоянием, и раскопки Мапунгубве поручили вести Университету Претории.

А в 1934 г. Ван Тондер обнаружил первое "королевское" погребение доевропейского периода. Скелет был закован в золотую цепь (70 унций), на руках и ногах найдено около сотни тяжелых золотых браслетов.

...Пески и джунгли скрывают не менее полутора сотен исчезнувших городов Африки, дававших в свое время жизнь нескольким народам. Изолированные от внешнего мира государства кузнецов и ремесленников, с такой пышностью, как обнаружил Ван Тондер, хоронившие своих правителей, зададут ученым еще не одну загадку.

ГЛАВА XIV. Города, поглощенные морем

На протяжении всей истории человечества человек отвоевывал у стихии жизненное пространство. Он жил в пещерах и на скалах, на деревьях и в пустыне, высоко в горах и даже на воде (то есть над водой, как принято, например, у некоторых племен Африки по сей день). Но и стихия боролась с человеком, отвоевывая свои пространства обратно.

Происходило это и катастрофическим путем, как с мифической Атлантидой или Помпеями, и замедленным способом, так называемым "ползущим", как случилось со знаменитой этрусской Стеной — городом, о котором на многие века потом просто забыли.

Киммерик

Город, о котором пойдет речь, был когда-то городом-полисом (город-государство) древних греков.

Многие античные авторы, начиная с так называемого псевдо-Скимна (безымянного автора II века до н. э.), в том числе и самый признанный Страбон (I век до н.э. — I век н. э.), почти в один голос помещают этот загадочный город в одной и той же точке — на выходе из современного Керченского пролива в Азовское море (Меотиду). Однако несколько веков поисков следов античного города по имени Киммерик не дали результата.

Колонизация греками побережья Черного и Азовского морей началась в VI веке до н. э. Киммерик (Киммерида), по одним преданиям, образовался в IV веке до н. э., заложенный боспорскими тиранами, по другим — существовал уже в V веке.

Самый древний из городов-полисов — Пантикапей (современная Керчь). Там-то и зародилось будущее Боспорское царство. Правитель Пантикапея Сатир I в конце V века до н. э. захватил все города Керченского пролива, расположенные по обеим его сторонам — западной (Крым) и восточной (Тамань). Таким образом, получив стратегическое превосходство, Пантикапей стал расширять свои пределы.

Левкон I, сын Сатира I, завоевал Феодосию (Кафу) и покорила племена Азовского побережья к северу от пролива. Так было положено начало Боспорскому царству, просуществовавшему более тысячи лет.

Особенностью Керченского пролива является выдающаяся глубоко в море, почти параллельно Крымскому берегу, узкая песчаная коса (современное название Чушка, другое название — Северная), образующая глубокую гавань, на берегах которой были расположены древние Фанагория и Патрей. Эта коса в древности не могла иметь тот рисунок, те очертания, что приобрела сейчас: береговая линия меняется здесь ежегодно, поскольку берег образуется наносными слоями песка. Но дело не только в этом: прошлый уровень Черного моря был ниже современного на 4 — 4,5 м. Низменные участки давно залиты водами, подмывается и также меняет конфигурацию коренной берег.

Не везде Чушка состоит из песка: некоторые части косы коренного происхождения. Ближе к мысу низменная коса делается выше и вскоре переходит в мыс, берег которого тоже повышается до 6 м.

Проблема поиска Киммерика состоит в том, что никто из ученых не может с точностью определить, где же мог стоять город-порт, если по всей длине берега, а это 20 — 24 км, нет удобного места для швартовки судов.

Учесть форму затопленной суши не представляется возможным из-за того, что берег и тогда, по всей видимости, не был устойчивым.

Поэтому, начиная с Поля Дюбрюкса (начало XIX века), археологи, противореча друг другу, принимали за остатки Киммерика совершенно разные развалины. По указаниям древних авторов, Киммерик находился у самого выхода из пролива, при этом он защищал переправу рвом и валом. С западной стороны напротив этой переправы находился Порфмий — небольшая крепость, название которой в переводе собственно и означает "переправа". "Киммерийские переправы", как называет их Геродот, всегда играли важную стратегическую роль. Следовательно, Киммерик следовало бы искать все же в самом узком месте пролива (здесь его ширина теперь достигает 3-4 км). Важной подробностью является наличие в древности напротив Порфмия не только города, но и Ахиллеона — святилища Ахилла.

Первая находка, которая, скорее всего, касается именно Ахиллеона, была сделана в 1822 г. неким Бибиковым: он обнаружил барабаны мраморных колонн в море вдоль косы Чушки. Это было сделано уже после того, как в начале XIX века Порфмий и другие поселения по крымскому берегу уже были найдены. Но Таманский берег и по сей час бережет многие свои тайны.

Находка Бибикова многими принималась за самую Киммериду, которая, как известно, стояла в 3-4 км от Ахиллеона. Но от этой точки ни в одну, ни в другую сторону вдоль косы на указанном расстоянии не найдено ничего, похоже-

го на город или храм. Поэтому довольно долго в XIX веке считали, что Киммерида находилась восточнее косы, на мысе Каменный. Но учитывая, что мыс Каменный никак не может быть самой северной точкой пролива и уж тем более не определяет выход в Азовское море, теперь так не считают, хотя на мысе найдены остатки древних поселений.

Местные жители всегда использовали развалины и камни некрополей для нового строительства. Так было и в Тамани. Но тем не менее наиболее густо следы античности встречаются все же на косе. Следовательно, здесь и предстояло и предстоит найти Киммериду. Теми же местными жителями коса называется "батарежкой" — из-за того, что на ее протяжении она как бы усеяна мелкими укрепленными крепостями. Их происхождение гораздо более позднее, чем искомая Киммерида: форпосты, цепь укреплений были созданы в I веке н. э. и к Киммериде отношения не имеет.

Остатки поселения IV века до н. э. обнаружены Ю. Десятчиковым в районе поселка Кучугуры. Хотелось бы считать это поселение Киммериком, но оно расположено в 20 км восточнее пролива, уже на побережье Азовского моря.

Потеря Киммериды — одна из самых больших загадок Таманского полуострова. Нет сомнений, что город-полис оказался затопленным, а его координаты потеряны и не поддаются пока определению ни аэрофотосъемкой, ни методами подводной археологии. В 1996 г. между основанием косы Чушка и небольшим мысом восточнее, находящимся уже в Динском заливе, были проведены исследования береговой полосы. И найдены предметы III и IV вв. до н. э., а также остатки громадного некрополя, явно относящегося к большому городу. Но организация масштабных раскопок в этом месте пока не представляется возможной.

Акра

Этот город — другая загадка античности. Город или "деревенька" эта расположена на крымском берегу. Деревней Акру считали многие античные авторы, в том числе

Страбон. А вот Плиний Старший причислял ее к ряду городов... В чем дело?

В "Перипле Понта Эвксинского" по берегам Боспора Киммерийского (Керченского пролива) называется много городов: Пантикапей, Фанагория, Китей, Корокондама, Акра... Практически все перечисленные в "Перипле" города каким-то образом давно или недавно локализованы. А вот Акру искали со времен Екатерины II, а нашли...

Впрочем, детективная история поисков требует быть рассказанной по порядку.

В конце XVIII века академик П.С. Паллас "поместил" древнюю Акру в точке, где проходит незримая граница между водами Черного моря и Керченского пролива. Эта точка была крайним юго-восточным пунктом Крыма. Это был мыс Такиль.

А в начале XIX века небезызвестный нам Поль Дюбрюкс обнаружил античное городище возле этого мыса. И хотя городище лежало уже на берегу Черного моря, Дюбрюкс решил, что это и есть Акра. Миф оказался очень устойчивым, ибо влияние Дюбрюкса, знаменитого исследователя Крыма и Скифии, было слишком велико... Словом, миф продержался сто лет. А в 1918 г. на берегу, под этим самым городищем, рыбаки нашли плиту с надписью, из которой следовало, что развалины вовсе не принадлежат Акре. Зато таким способом был открыт Китей.

Тут же всем стало ясно, что иначе и быть не могло: ведь Страбон писал, что воды Акры "сковываются льдами Метиды", а в Китее море в самую суровую зиму не замерзает. Зато замерзает весь Керченский пролив, значит, там и надо искать потерянную Акру.

Да, на Такильском полуострове было поселение: многочисленны находки черепков чернолаковых и краснолаковых сосудов. К тому же греки пишут о том, что Акра располагалась как раз напротив Коркондамы, что на азиатском берегу. Из Китея в самую хорошую погоду Коркондамы не увидишь...

Но и Такильское поселение ученые не торопились окрестить долгожданной Акрой. Скорее всего, это был Зефирий. Ибо у Плиния сказано, что к востоку от Феодосии расположены города (перечислены по порядку, один следом за другим): Китей, Зефирий, Акра, Нимфей... Стало ясно, что искать Акру следует между Нимфеем и Зефирием.

Повезло, как всегда, дилетанту. В точке, вычисленной учеными, находится поселок Набережное. Стоит он на берегу моря и Янышского озера (лимана) размерами примерно 500 на 500 м, глубиной менее метра. Озеро от моря отделяет так называемая пересыпь — песчаная полоса, перемежаемая коренными камнями. Самая большая ширина этой пересыпи — 40 м. На этой-то пересыпи и обнаружил летом 1981 и весной 1982 г. школьник Алексей Куликов 150 античных монет. Это были в основном монеты Боспорского царства, чеканки с 375 по 321 г. Школьник с удовольствием поделился с учеными своим открытием: он нарисовал точную схему того места, где нашел монеты; точка расположилась возле груды камней, напоминающей развалины крепостной стены.

Летом же 1982 г. археологи заложили разведочный шурф на месте находки. Был обнаружен культурный слой мощностью около метра. Но никаких стен там не было. Тогда подводная археология вступила в свои права.

Было обследовано дно под пересыпью. Причем обследовалось как морское дно, так и дно Янышского озера. К осени подключились сотрудники Института археологии СССР, непосредственно связанные с методами аэрофотосъемки.

Оказалось, они уже давно заметили странную неровность морского дна именно под Янышской пересыпью, причем эта странность продолжалась и на дне озера. А именно: кроме неровности, похожей на развалины строений, видных на морском дне, и в море, и в озере дно еще "делилось" на квадраты, имеющие более темный цвет. Квадраты составляли примерно 60 х 60 м, а это вполне соответствует размерам средних кварталов, из которых состоят все древнегреческие города побережья Черного моря. То есть

вопрос о том, город Акра или "деревенька", решался в пользу города.

Дальнейшие исследования подводников привели к находке сначала массивной башни, а потом и двух крепостных стен, каких многое время не доставало для того, чтоб Акра "получила" статус города. А когда был установлена примерная площадь этого города, выяснилось и то, что город был довольно большим, так как занимал 3-4 гектара.

Затопление Акры шло медленно. Во-первых, на расстоянии примерно 600 м от пересыпи была обнаружена каменная гряда, защищавшая Акру от наступления моря.

Значит, не один десяток, а может, и несколько сотен лет жители боролись с водой. В конце концов море победило, и люди переселились сначала на более высокое место, а позже и вовсе покинули его.

Возникает лишь вопрос: а остатки поселения под селом Набережным — это "выселки" Акры или самостоятельное, тоже довольно большое, античное поселение? Оно, как видно из исследования дна Янышского озера, тоже бьется на "кварталы"...

Звезда Колхиды

Как известно, мы имеем по крайней мере две Одессы на берегу Понта Эвксинского. Одна из них когда-то погибла (теперь это болгарская Варна), другая жива и здорова до сих пор. Как может оказаться, существовало и две Акры — город, обнаруженный на дне моря в районе села Набережное, и "деревенька", о которой упоминает Страбон и, еще раньше, "Перипл Понта Эвксинского".

Да что говорить: ведь и Боспора — тоже два. Первый теперь называется Босфором, а второй — Боспор Киммерийский. Керченский пролив.

Оказывается, на сегодня мы знаем и два Севастополя.

Один — тот самый порт, где прописан Российский Черноморский флот, другой... Другой — Сухуми, бывший Севастополис, или Диоскурия.

Впрочем, Диоскуриада, звезда Колхиды, или Мингрелии, основанная, если верить мифу об аргонавтах, Кастором и Полидевком еще в эпоху, предшествующую Троянской войне, так и не найдена. Эта самая восточная греческая колония на побережье Понта Эвксинского, в общем-то, согласно историческим сведениям, могла быть заложена не ранее VII века до н. э., а значит, попытка связать Диоскурию с именами аргонавтов делается безосновательной. Ведь даже Гомер, создавший Илиаду, пишет о Троянской войне как об очень давнем времени.

Диоскурия погибла в результате какой-то катастрофы.

Скорее всего, учитывая большую сейсмичность района Сухуми, где предположительно существовала Диоскурия, это было землетрясение, с последующим изменением береговой линии и уровня морского дна. То есть вполне вероятно гибель города, подобная исчезновению большей части Порт-Ройяла в XVII веке или недавней катастрофе в Турции.

Глубокое дно возле Сухуми и частые шторма, которые в течение сотни лет не только обкатывают любой черепок и разрушают любую кладку, всего вероятнее, разрушили и осадили в виде ила на дно руины бывшего города.

Правда, не все ученые придерживаются именно этой версии. Археологами, в том числе подводниками, исследовано вдоль и поперек все дно и вся прибрежная часть предполагаемой бывшей Диоскурии. Найден лишь (и подтвержден самими находками) позднейший Себастополис, возникший якобы на месте Диоскурии. Внушительные стены и величественные башни Себастополиса видны в хорошую погоду даже с берега. А рыбаки, добывающие мидий именно с этих древних камней, прекрасно знали основные сооружения затонувшего Себастополиса (уровень моря постоянно повышался) еще до того, как ими заинтересовались первые ученые. А ведь предположить о том, что значительная часть города находится под водой, было не так уж сложно: восточная стена бывшего города еще находится на берегу. Затем части ее, продолжаясь, скрываются в водах бухты.

Тиауанако

На границе Перу и Боливии в Южной Америке находится озеро Титикака. Оно расположено в высокогорье и является самым многоводным высокогорным озером в мире. Но вот что странно: озеро, не сообщаемое с океаном, заполнено морской водой! Это на высоте 4000 м над уровнем океана! И в нем водятся морские животные. Такие же, как в Тихом океане.

А еще — оно находится в котловине, образованной хребтами Анд, высота которых 6000 м. Однако на значительно большей высоте, составляющей десятки метров от уровня уже самого озера (до 150), на склонах гор видны следы морского прибоя. Кроме того, берега не то чтобы усеяны, но довольно обильно содержат скелеты погибших морских животных.

Но это, как говорится, загадка природы, к которой мы обязательно вернемся. А пока нас интересует тот факт, что в нескольких километрах от озера находятся древние руины. Это город Тиауанако. Город инков.

С инками, как выяснилось уже давно, существует та же проблема, что и с ацтеками Монтесумы, которые не смогли продемонстрировать европейцам, каким образом они столь ловко строят стены из камней со многими гранями и без единой капли раствора: тогда сорвавшийся при транспортировке кусок скалы придавил более 3000 человек. Скорее всего, ацтеки не имели никакого отношения к строительству своих сооружений, которыми только пользовались. Поэтому вопрос о том, кому принадлежал Тиауанако, тоже остается открытым. И вот почему. Ни аборигены, ни европейцы, очень поздно открывшие развалины города, не смогли ответить на вопрос о назначении некоторых сооружений. И лишь потом, уже после открытия в горах следов давно не бушующего морского прибоя, совпавших по высоте с уровнем этих сооружений, выяснилось, что служили они одному: были портовыми строениями, а Тиауанако — принимал морские корабли!..

Озеро Титикака не очень большое — всего 180 на 60 (в самом широком месте) км. Максимальная его глубина — 304 м. Больших штормов там не бывает, поэтому достаточно тех лодок, на которых плавают местные жители.

Теперь немного о них. Тур Хейердал, затративший долгие годы на то, чтобы воспроизвести в точности древний египетский корабль ("Ра") из папируса и переплыть на нем океан, был несказанно удивлен тем, что, оказывается, технология плетения таких папирусных "корзинок" для плавания по воде досконально известна небольшому племени индейцев, живущему на острове посреди озера Титикака. Только их лодки размером значительно меньше, чем древние египетские корабли.

Лингвисты, знакомые с "машинным" языком, изучив язык этого племени, обомлели: законсервированный посреди высокогорного озера язык, оказывается, идеальный язык для общения с компьютером! То, что специалистам, прикладным математикам, пришлось "рожать в муках", оказывается, существует и, как показывает логика, много тысячелетий.

Вот такие загадки, на которые вроде бы пока нет ни одной достоверной отгадки.

Но это на первый взгляд. Европейцы услышали от аборигенов легенду о том, как случилось, что столь высоко развитая цивилизация вдруг погибла: ведь Тиауанако несомненно принимал суда из многих стран и, вполне возможно, из-за океана, пользовался высококласными географическими картами, точнейшим календарем (об этом чуть позже) да еще и компьютерным языком?.. Что произошло?

Какая катастрофа прервала жизнь этого во всех отношениях высокоразвитого народа и его города?

Боги разгневались на строителей города и наслали чуму, голод и землетрясение, и главный город исчез... в водах озера! Легенда красивая, но похожая на миф о конце света (или данной цивилизации), какие существуют у каждого народа.

В развалинах Тиуанако есть сооружение, напоминающее Триумфальную арку. Это Врата Солнца. На них изображены символические знаки точного лунного календаря. Кроме того, — фигурки очень условны, но не уловить невозможно — на этих же Вратах изображены некоторые животные, которые вымерли в Америке 12-13 тысяч лет назад!

А знаки на Вратах вдруг обрываются... Будто резчик или каменотес отложил работу до завтра, но больше никогда уже к ней не вернулся. Скорее всего, потому, что погиб. Как и остальные жители Тиуанако.

А что это за город, который поглотила морская (вернее, озерная) пучина? Красивая сказка?

Нет. Ученые склоняются к тому, что известные нам руины — это всего-навсего (если можно так выразиться) город храмов. А вот основной город находился прямо на берегу моря. Или залива. Вот он-то, по преданию, и затонул.

Аргентинские аквалангисты в 60-х гг. XX века обнаружили под водой на дне озера Титикака руины погибшего города. Город был, по древним понятиям, громадный: руины тянутся на километр и больше! Мощеная мостовая, остатки стен, поставленных геометрически правильно. Спутать с естественными образованиями на морском (озерном) дне невозможно.

Есть еще легенды, более близкие к нашему времени. В период Конкисты индейцы якобы утопили все свое золото в озере Титикака. И якобы в том числе золотой диск весом в несколько тонн...

Объяснение загадкам Тиуанако и озера Титикака может быть только одно: вероятно, так и было, как гласит легенда. "Зачерпнуть" морской воды озеро могло только тогда, когда было частью моря. А это значит, что в Тиуанако был морской порт. А потом, когда произошла катастрофическая подвижка и озеро в мгновение вознеслось на высоту 4000 м (а точнее — 3812 м), жители погибли, а порт-город (тот, основной) оказался на дне: геологические плиты вздымались неравномерно.

Это могло быть только в тот момент истории, о котором мы уже говорили: в момент Всемирного потопа. А это как раз 13000 лет назад.

Кстати, у майя есть легенды, а точнее, свидетельства: прежде, до потопа, в Америке не было гор. Кордильеры образовались если не в один миг, то в короткий срок, который даже "геологической секундой" не назовешь, ибо произошло это гораздо быстрее.

Один из самых древних городов планеты Тиауанако (название современное: по деревушке в 10 км от озера) ждет своих исследователей, покоясь на дне "странного озера".

ГЛАВА XV. Так погибают цивилизации

Редкий случай для ученых: в южноиндийской Хараппкой культуре есть возможность обнаружить процесс перехода от собирательства, охоты и рыболовства, связанных с кочевьем, к оседлому земледелию и образованию самобытных, ни у кого не заимствованных поселений и городов.

Если в цивилизации Иерихона и других древнейших городов народы сменяют друг друга, перенимая и обмениваясь достижениями, наследуя и ассимилируясь, то довольно замкнутая цивилизация Южной Индии "варилась", можно сказать, "в собственном соку", пока не "сварилась до готовности". Отдельно взятый цикл эволюции!

Культуру называют Хараппской условно — по имени города Хараппа в северном Белуджистане. Сюда же относят и другие города и поселения, в частности, Мохенджодаро.

Удивительная однородность культуры этих и других исследованных поселений позволяет говорить о том, что мы имеем дело с обширной территорией, на которой господствовала Хараппская культура: более 1100 км с севера на юг и более 1600 км с запада на восток.

В 50-х гг. XIX века английский генерал А. Каннингем, осматривая древнее городище в Хараппе (ныне Пакистан), обнаружил печать с совершенно неизвестными знаками. А он руководил археологическими работами во всей Индии! Тем не менее узнать о важности своего открытия ему не посчастливилось: планомерные раскопки Хараппской цивилизации начались только в 20-х гг. нашего века.

К настоящему времени известно уже более тысячи "печатей", подобных найденной Каннингом, с изображениями животных, выполненными в реалистической манере, и с надписями. Однако, учитывая краткость письма, отсутствие билингвистических находок (наподобие Розеттского камня в Египте), а также большое количество письменных знаков, которых более 400, до сих пор источники не прочитаны. Выяснено только, что знаки писались справа налево, и характер языка — дравидийский. Вероятно, население Хараппской культуры пользовалось разговорным языком, исторически относящимся к протодравидийскому.

Изучение затруднено еще и тем, что до конца не прояснено назначение квадратных "печатей". Некоторые ученые относят их к религиозно-культовым значкам, употреблявшимся вовсе не для того, чтобы запечатывать что-либо. В самом деле, не найдено ни одного достоверного доказательства, что квадратные печати использовались для нанесения оттиска, в то время как печати аналогичных форм из Месопотамии как раз применяли по назначению. Кстати, печати из Двуречья, в том числе и цилиндрические, найдены при исследовании Хараппской культуры. Это говорит о широких торговых связях цивилизации Хараппы и Мохенджодаро.

Исследование древних поселений показало, что на протяжении тысячелетий один и тот же народ постепенно пере-

ходил к оседлому земледелию, осваивая земли и приспособляясь к своеобразному климату бассейна Инда.

Поселения деревенского типа именно в этом районе датируются началом-серединой IV тысячелетия до н.э. С середины III тысячелетия появляются и расцветающие города, но они окружены общинными поселениями сельского типа и опираются, конечно, на них, занимаясь внутренней торговлей, что способствовало дальнейшему развитию материальной культуры, и внешней торговлей, осуществлявшейся как по морю, так и сушей. Зона торговли Хараппской культуры простиралась от Юго-Восточной Азии до берегов и континентальной Африки. Есть следы торговых связей Хараппы с восточным Средиземноморьем. Неким "перевалочным пунктом" между ближайшим морским соседом Месопотамией и Южным Ираном — и Хараппой был Бахрейн. Вероятнее всего, именно здесь чаще всего происходил торговый обмен между купцами, хотя это, конечно, не исключало того, что хараппские купцы вполне самостоятельно доходили до Аравии и восточного побережья Африки. О морской торговле, развитой в Хараппе и Мохенджодаро, свидетельствуют печати с изображением мачтовых морских судов, найденные в Лотхале, неподалеку от нынешнего Бомбея.

Чем же торговала Хараппа? Тем, что производила.

Население бассейна Инда, при широком использовании ирригации и благодаря климату собиравшее два урожая в год, культивировало выращивание нескольких сортов пшеницы, ячменя, бобовых, занималось садоводством. Жители Хараппы разводили крупный рогатый скот (горбатая корова, бык зебу и обычная корова), коз и овец. находка многих свиных костей говорит лишь о том, что местная порода кабана употреблялась в пищу, но был ли он приручен и содержался в домашних условиях или добывался охотой, достоверно не известно. В долинах Инда выращивалось немного риса. Вероятно, эта культура и технология ее выращивания были заимствованы из района Ганга. Значитель-

ную долю сельскохозяйственной продукции Хараппы составлял хлопок.

Из ремесел, развитых в основном в городах, были гончарное, представленное несколькими видами керамики, а также металлургия (медь, бронза, золото, свинец, серебро). В отличие от других южных культур меделитейщики кроме бронзы (медь с оловом) использовали сплав меди с мышьяком — технология, пришедшая, скорее всего, из Средней Азии. Хараппские мастера владели ювелирной техникой, изготавливая не только золотые украшения, но и предметы из драгоценного и полудрагоценного камня. Отличительной особенностью является полное отсутствие скрепляющих одежду булавок, что свидетельствует о том, что, видимо, женщины носили платья таких фасонов, для которых булавки были не нужны. С приходом варваров (индоарийцев) в ассортименте изделий местных мастеров появляется булавка. Металлурги изготавливали ножи, кинжалы, серпы, топоры. Позже появилась металлическая посуда, но она целиком повторяла керамические формы. Гончарное производство долгое время стояло на ручном изготовлении утвари — грубой и без каких бы то ни было украшений. Позже возник ручной гончарный круг и простой узор, наносившийся режущим инструментом или веревкой. Даже после того, как вошла в обиход облицованная и лощеная керамика, рисунок на посуде остался сдержанным.

Используя усовершенствованный гончарный круг, гончары стали производить тонкую и красивую посуду, часто покрытую легкой росписью, и только иногда — возможно, лишь для определенных целей — роспись была богатой. Они умели производить красную керамику, палевую и розовато-красную, а ради товарности — серую, применявшуюся в Уруке. Интересно производство грубоватых чаш с заостренным дном, встречающихся очень часто в тот период, когда уже производилась тонкая высококлассная посуда. Ученые считают, что этими грубоватыми чашами для питья пользовались только один раз, после чего их разбивали

(так принято у современных индийцев, но содержание ритуала не совсем ясно, возможно, русский обычай в торжественных случаях разбивать после выпитого рюмку восходит к этим древним дравидийским обрядам). В позднейшем слое Мохенджодаро появляется полихромная керамика: черные узоры на кремовом фоне заполнялись красной, зеленой или желтой краской, наносившейся после обжига.

Широко производились изделия из фаянса. Статуэтки и браслеты, бусы, маленькие сосуды (а скорее, фигур ки сосудов), повторяющие формы крупных. Часть их, даже ранних, покрыта глазурью.

По составу населения Хараппская цивилизация не однородна, хотя и отличается удивительной однородностью культуры. Значительную часть жителей "австралоиды" — дравиды. Другая большая категория — люди шумерского типа. Есть ярко выраженные монголоидные представители. Немало было и представителей европейского типа — не пришельцев, как стало после Хараппы, а местных жителей. На своеобразной смеси, сплаве этих основных четырех типов, и возросла древняя Хараппская доведийская цивилизация, явившаяся основой для нынешней культуры Индии.

Городская Хараппская культура возникла около 2500 г. до н. э. Города древней Индии представляли собой великолепно организованные геометрические построения. Центр, расположенный на холме и окруженный прочной кирпичной стеной (из обожженного кирпича), где, вероятно, жил правитель и жрецы, изобиловал храмами, а вокруг располагались четкие жилые кварталы с правильными широкими (до Юм) улицами, пересекающимися под прямым углом. На самых окраинах были мелкие хижины бедняков (возможно, рабов). Малое количество рабов (собственность правителя и, может быть, храмов) жило там же, в центре, за массивными стенами. Скорее всего, за эти стены простые индийцы не допускались: очень узкие лестницы и двери говорят о том, что эти входы только "для своих". Однако при опасности нападения или наводнениях, вполне

возможно, такой своеобразный "замок" использовался как крепость. Внутри или снаружи городской стены размещались здания складов и зернохранилищ. Несмотря на высокую технологичность жизни хараппцев, заметно, что стиль жизни продолжал прежние родоплеменные отношения, и вполне могло быть, что царь, вождь или правитель по-прежнему избирались народом. Впрочем, уже ярко выражена и отличается совсем иной роскошной жизнью знать: ее дома, в отличие от простых жителей, содержат 2-3 этажа и десятки комнат, в то время как дом среднего жителя состоит всего из двух комнат. У знати кроме домов обязательно был двор с постройками, отделенный от всего остального мира кирпичным забором или стеной. Город оборудован сетью канализационных стоков с уступами и выгребными ямами, которые, конечно же, регулярно должны были подвергаться очистке. Обнаружены общественные колодцы, которыми пользовались все жители города, а также индивидуальные колодцы "буржуазии", расположенные внутри богатых дворов. В Мохенджодаро раскопана общественная баня.

По характеру устройства индийских городов Хараппской цивилизации можно судить, насколько жесткой и разработанной должна была быть в них организация власти: кроме индивидуальных занятий ремесленников, жрецов и т. д. очевидна необходимость в разного рода общественных работах по поддержанию чистоты, порядка и пр. В этом и в других смыслах Хараппская культура приближается, а кое в чем и превосходит существующие в то время цивилизации Древнего Египта или Междуречья.

Правда, не выяснено до сих пор, управлялось ли это огромное государство монархом, верховным жрецом или абстрактным законом, которому предписывалось следовать. Во всяком случае, не известно ни одного конкретного имени вождя или царя. Предположительно, в "империи" было все же две столицы — Хараппа и Мохенджодаро ("Мохенджодаро" в переводе с языка синдхи означает "Холм мерт-

вых"), что похоже на существование двух частей государства — северной (Белуджистан) и южной (Пенджаб).

Исследования Хараппской цивилизации, начавшиеся в 20-х гг., проводили археологи Д. Р. Сахни, Р. Д. Банерджи, экспедиции под руководством Дж. Маршалла, Н. Маджумдара, Э. Маккея, М. Ватса, М. Уиллера и других: Цивилизация изучалась учеными Индии, Пакистана, Италии, Франции, США и СССР.

Конечно, в процессе раскопок и открытий порождались и отстаивались различные мнения, единства в которых нет до сих пор. Например, некоторые считали, что индийская цивилизация порождена Шумерской, а Э. Эрас, наоборот, доказывал, что Шумер порожден Хараппой... Нас же теперь интересует не рождение цивилизации, а ее закат.

Около 1800 — 1700 гг. до н. э. Хараппская цивилизация приходит в упадок. Города — все города! — пустеют, власть в них практически сведена на "нет", забывается и отсутствует порядок. На запрещенных к строительству местах возводятся (часто на развалинах прежних домов) новые хижины — значительно меньше и беднее прежних. Потом и эти поселения покидаются людьми. В Мохенджодаро, например, на развалинах общественного амбара появилось множество крошечных домишек. Посреди улицы возводятся гончарные печи, улицы застраиваются мелкими лавочками и прилавками. Сократилось ремесленное производство, закатилась внутренняя, а особенно внешняя торговля: резко уменьшилось количество привозных вещей.

Ученые связывали упадок с нашествием иноземных племен. Однако, если говорить об ариях, которые действительно захватили эту землю, событие произошло значительно позже! Раскопки, касающиеся времен упадка, говорят о том, что на прежнем месте в захиревших городах жили те же люди. Культура продолжалась та же. Та же культура, что знала период расцвета. Есть некоторые данные о постигших страну несчастьях иного плана. Например, Страбон (XV, 1.19) сообщает: "... (Аристокл) видел страну с бо-

лее чем тысячью городов вместе с селениями, покинутую жителями, потому что Инд, оставив свое прежнее русло и повернув в другое русло, гораздо более глубокое, стремительно течет, низвергаясь подобно катаракту".

Гидрологическая экспедиция Р. Л. Рейкса выяснила, что в связи с тектоническими толчками уровень воды в Инде повысился, и река затопила города. Эпицентр подземных толчков находился в 140 км от Мохенджодаро, и город погиб. Раскопки показали, что воды заливали Мохенджодаро пять раз! Население строило плотины...

Американский археолог В. А. Файрсервис считает, что истошилась земля и экономические ресурсы долины Инда и жители были вынуждены переселиться в Пенджаб, на юг, и на восток, в долину Ганга. Антропологи же обнаружили, что массовой причиной гибели людей в долине Инда была малярия...

Советский ученый Г. М. Бонгард-Левин приводил свои аргументы, напоминая, что в тот период, в начале II тысячелетия до н. э., в Иране и на юге Средней Азии также возник кризис, приведший к упадку многих городов, сокращению общих площадей поселений. Он связывает это не только с природными явлениями, но и прежде всего с эволюцией структуры оседло-земледельческих культур. Правда, признавая, что характер этого процесса еще не ясен.

М. Уиллер, исследуя постройки того времени, делает вывод о том, что население спешным порядком укрепляло города (например, Хараппу), возводило мощные стены, другие сооружения и было готово к отражению внешнего врага. Впрочем, никаких предположений о том, что это был за враг, ученый не делает.

Однако, как мы знаем теперь, никакого нападения не было, а страна, которая не была завоевана варварами, не могла и захиреть. Если уж на то пошло, варвары пришли, как уже сказано, значительно позднее. Тем более что войны не всегда приводят к упадку.

Примерно в то же время Древний Египет был завоеван загадочными гиксосами, и они правили несколько сотен

лет, после чего царство фараонов очень долго оправлялось, зато, поднявшись на ноги к XVIII династии, сделалось "мировой империей". Вероятно, гиксосы — тоже варвары, и с ними никак нельзя увязать упадок Хараппы. А вот не было ли причиной появление высокоразвитых завоевателей?

Чтобы конкретно определить временные рамки существования этих гипотетических завоевателей, желательно поначалу знать, когда закончилось их влияние на историю народов региона.

Египет изгоняет гиксосов в XV — XIV вв. до н. э., но в положении других народов ничего не изменилось.

Наибольшее оживление происходит в Передней Азии в 1400-1350 гг. до н. э. — в период правления нескольких фараонов — от Аменхотепа III до Тутанхамона. Оживление в Сирии, других провинциях (номах) привело к упадку цветущей Египетской империи... А теперь давайте уясним, отчего, так оживились покоренные народы — из-за отсутствия в Фивах надлежащей власти?.. Вряд ли.

Прав Г. М. Бонгард-Левин: "эволюция структуры оседло-земледельческих культур" получила новый толчок. Но толчок — экономический.

Регион Индийского океана через три тысячи лет еще раз подвергся экономической экспансии, когда в международную торговлю вмешалась Португалия, сделавшись лишним посредником и, вопреки всяким разумным пределам, взвинтив цены. Тогда наблюдался упадок государств северного берега Индийского океана и всего западного берега (восточного берега Африки). Скорее всего, в начале II тысячелетия до н. э. произошло то же самое.

Кто были эти экономические "посредники"? Логика подсказывает, что надо искать мореходную цивилизацию, по уровню не уступающую португальской XV-XVI веков. И она была! Вспомните крито-микенскую культуру. К началу II тысячелетия, будучи признанными лидерами средиземноморской торговли, крито-микенцы вышли в Индийский океан. И стали такими же беззастенчивыми грабите-

лями-посредниками не только на морских торговых путях, но и на побережьях. Внешняя торговля стала невыгодной для всего побережья Южной Азии. В результате — кризис Ирана, Месопотамии, Хараппской культуры. На одной внутренней торговле Хараппская цивилизация не могла существовать, и государство металлургов, гончаров и хлопкосеятелей пришло в запустение. Соответственно разрушилась и веками державшаяся власть.

ГЛАВА XVI. На руинах колыбели человечества

Уже упомянутый в главе о Всемирном потопе Леонард Вулли раскопал Смоляной холм — так арабы называли гору, где был закрыт от любопытных глаз великий Ур, город-государство, один из многих городов на земле Месопотамии глубоких веков. Настолько глубоких, что кажутся мифическими, невероятными.

Много блестящих открытий на счету археологии уходящего века, среди них и это. Долгие двенадцать зимних сезонов продолжались раскопки Вулли. Но ничего бы не состоялось, не будь у археолога ярких и удачливых предшественников. Междуречью Тигра и Евфрата повезло едва ли не больше, чем Египту: великие мечтатели, великие дилетанты прикасались к древностям этой много повидавшей земли, и у них все получалось.

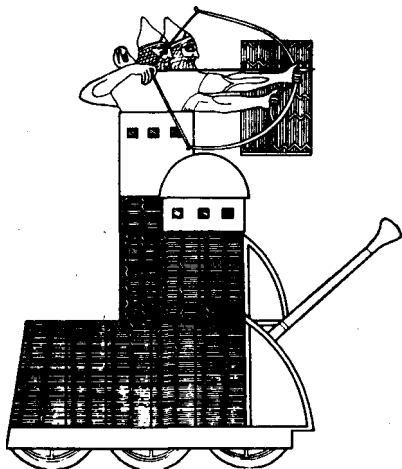
Итальянец Пьетро делла Балле буквально наткнулся на Персеполь — город, сгоревший от руки лично Александра Македонского.

А ведь обманутый в своих любовных чувствах странник собирался лишь посетить Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Господню. В шестидесяти километрах от Шираза итальянец нашел величественные руины, о которых абсолютно все забыли, но которые все еще охранялись гигантскими статуями львов. Там делла Балле обнаружил древнейшее письмо — клинопись. И было это в начале XVII века. Пьетро делает свой подсчет различных клинописных знаков, обнаруженных им в покинутом городе: при поверхностном взгляде таких знаков — более ста.

Наблюдательность "туриста" позволяет ему сделать один очень важный вывод: скорее всего, эта письменность должна читаться слева направо, поскольку острые концы "клинышков", выведенных острой палочкой по сырой глине, смотрят вправо.

Европа была потрясена находкой итальянца. Тут же разгорелся теоретический спор и по поводу клинописи, и по поводу развалин. Не утруждая себя путешествиями, в салонах и библиотеках кабинетные ученые сделали правильный вывод: делла Балле нашел столицу древней Персии, основанную именитым Киром, завоевателем Вавилона.

Но до того момента, как клинописные знаки заговорили оставалось целых два века. Правда,

сказали они тоже очень немного, но в исследовании Древней Азии уже наступил прогресс.

...Нельзя сказать, что Георг Фридрих Гротефенд был совсем дилетантом — все-таки учитель латыни и греческого. Да и сам город Геттинген, где в самом начале XIX века жил этот учитель, славился университетом и его профессорами... Зато Гротефенд был известен как мастер по разгадыванию ребусов: сейчас это часто именуют хобби. И надо же было случиться тому, что в руки учителя попал текст из Персеполя! И он, поклявшийся прочесть его, причем поклявшийся прилюдно, приступил к разгадыванию.

Учитель заметил — ибо взгляд его был свежим и не отягощенным двухвековым знанием вопроса, — что текст состоит из трех частей. Сделав гениальное предположение, что он написан на трех языках, Георг приступил... к изучению истории Персии. Узнав о том, что царь Кир в 539 г. победил Вавилон, Гротефенд делает вывод: главным текстом должен быть древнеперсидский, а два другие — языки двух самых многочисленных из завоеванных народов. А догадавшись, что один из знаков может символизировать царственность, учитель предположил: фраза, повторенная в тексте дважды, является длинным титулом царя. Писать древние должны были экономно, а фраза повторяется...

"Слова из песни не выкинешь" только в редком случае — повторении "неразъемного" титула. И учитель древних языков оказался прав! Путем некоторых других предположений Георг Гротефенд прочел:

"Царь Ксеркс, сын царя Дария, сына Гистаспа".

Убедившись, что вероятность такого прочтения весьма высока, учитель нашел девять знаков — алфавитных знаков древнеперсидского письма. Можно сказать, что свою задачу он выполнил, и клялся не зря.

А в 1836 г., то есть еще тридцать лет спустя, ученые Лассен, Бюрнуф и Раулинсон (немец, француз и англичанин) прочитали весь алфавит языка, на котором был написан текст.

Сделавший головокружительную карьеру в Ост-Индии Генри Раулинсон, один из самых крупных и удачливых резидентов "Интеллидженс сервис", занялся археологией по долгу службы — в качестве официального занятия на Востоке, исключавшего подозрения. И, как уже бывало это с другими агентами, Раулинсон по-настоящему увлекся предметом! Согласитесь, трудно иначе расценить научный подвиг этого человека, который, рискуя жизнью, в течение пяти месяцев при помощи крюков и канатов забирался на отвесную скалу, кое-как привязывал себя к ней на высоте около сотни метров над землей — и тщательно перерисовывал древнюю надпись, так называемую Бехистунскую таблицу, древнее изображение, будто чудом появившееся на неслышанной высоте над торговым трактом Керманшах — Багдад. Этот торговый путь вел когда-то в Вавилон, и Бехистунская скала содержала очень важное послание путешественникам. Четыреста двадцатиметровых строк текста и рисунков, выбитых камнерезами в плоских плитах и поднятых над дорогой на вечные времена.

С нижними фрагментами надписи Раулинсон справился сам: как-никак бывший юнга британского флота! Потом, не успев продумать возможность скопировать верхние строчки, британский посланник был надолго отозван в Афганистан и только через десять лет возвратился в Бехистун.

Годы уже довели над бравым моряком и разведчиком, и он нанял мальчишку курда, который не побоялся спуститься на канате с самой вершины скалы (а это ни много ни мало тысяча метров!) и вбить крючья над барельефом по всей его длине. Затем, навесив на крюк веревочную лестницу, юный курд забирался по ней снизу и перекопировал для Раулинсона очередной фрагмент. Следующий участок мальчик перерисовывал, перевесив лестницу на соседние крюки. Таким образом, еще через несколько месяцев Генри Раулинсон стал обладателем уникальнейшего текста на трех языках, который можно было теперь попытаться прочесть. Задачу облегчило то, что один из текстов был напи-

сан на языке иранского народа эламцев. При помощи датчанина Нильса Вестергаарда Раулинсон и Норрис, на основании эламского языка, прочли двести знаков древнего текста. Соответственно были расшифрованы эламский столбец и столбец, написанный на древнеперсидском. Третий столбец был на ассиро-вавилонском наречии, представлявшем собой сложнейшую смесь пиктографических, алфавитных и слоговых знаков. Сделав эти открытия, Раулинсон опубликовал свои труды, после чего ученый мир сделал вывод, что, вероятно, ассиро-вавилонский язык никогда не поддастся дешифровке...

Но, как это часто бывает в научном мире, помогло почти чудо: француз Ботта в руинах Ниневии откопал около сотни табличек, предназначавшихся... для школьного обучения родному языку! Фактически это был букварь с изображениями тех предметов, точное воспроизведение которых в письме давалось рядом. Мало того: клинопись расшифровывала еще и фонетическое звучание вавилонских слов!

Через несколько лет в Европе появились даже грамматики ассиро-вавилонского языка. А в 1888 г. русский ученый Владимир Голенищев опубликовал словарь ассирийского языка, содержащий более тысячи прокомментированных знаков письма.

В 1836 г. Раулинсон, еще до обнаружения Бехистунского барельефа, расшифровал тот же текст про царя Ксеркса, который поддался в начале века Гротефенду. В науке до сих пор считается, что сделал он это, не имея ни малейшего представления о переводе Гротефенда. Но, во-первых, британская разведка не могла не снабдить своего сотрудника всеми возможными знаниями по той области, которой он должен был заниматься по "легенде". А во-вторых, и сам блестящий исследователь, Раулинсон позднее был уличен в плагиате и подделке почтового штемпеля, когда присваивал открытие ассириолога Г. Хинкса по древнеперсидскому языку. Но это, как говорится, к слову. Как бы то ни бы-

ло, исследования Древнего Востока становились на жесткую научную основу, хотя, конечно, дилетантизм приносил и приносит еще свои неприятные результаты. Достаточно вспомнить, в каком немыслимом состоянии поступили в Британский музей шумерские таблички с поэмой о Гильгамеше, расшифрованные Джорджем Смитом: их лопатой сгребли в ящик и (на всякий случай!) отправили в Лондон.

Впрочем, самому Смигу это позволило через несколько лет отправиться на место находки и бережно откопать недостающие фрагменты на том же месте, где их "не заметил" Лэйярд!

Бехистунский текст оказался посланием персидского царя Дария, обращенным ко всем, кто проезжал и проходил мимо скалы по торговому пути. После неожиданной смерти в 521 г. до н. э. царя Камбиза волнения, охватившие древнюю Персию еще при нем, достигли невиданных масштабов: появились не только претенденты на престол из царствующего дома, но и вовсе никому не ведомые самозванцы вроде зороастрийского жреца Гауматы, который, выдавая себя за убитого брата царя Бардию, якобы спасшегося из заточения, собрал вокруг себя огромную армию.

Гистасп, наследный принц крови из династии Ахеменидов, официально имевший право на престол, уступил его своему сыну Дарию I, и тот, оказавшийся храбрым и предприимчивым, быстро расправился со всеми бунтовщиками во многих уголках страны. Именно эту историю, прославлявшую его самого и в назидание потомкам, царь Дарий приказал выбить на Бехистунской скале на вечные времена.

Дарий I не ошибся: надпись никто не смог уничтожить в течение двух с половиной тысяч лет — даже само время.

Вот фрагмент из нее: "... Отошли от меня страны: Персия, Сузиана, Мидия, Ассирия, Египет, Парфия, Маргита, Саттагидия, Скифия. И вот что я совершил по милости Агурамазды. В год, когда началось мое царствование, девятнадцать битв провел я. Провел я их по милости Агурамазды и девять царей захватил в неволю. Был среди них

один, что назывался Гуамата. Лгал он. Ибо так говорил: "Я — Бардия, сын Кира". Бунт он поднял в Персии. Был также другой. Нидинту звался, а был он вавилонянином. Лгал он. Ибо так говорил: "Я — Навуходоносор, сын Набонида". Это он бунт в Вавилонии поднял..."

Ценность надписи на Бехистунской скале не в том, что мир узнал о событиях, происходивших в древней империи, а в том, что она донесла до нас три умерших или переродившихся языка в том виде, какими они были в I тысячелетии до нашей эры.

Она дала возможность прочесть более древние находки и заглянуть в еще более глубокую древность, о которой молчали Геродот и его современники.

Достоверность прочтения надписи была подтверждена одним любопытным фактом. Однажды, это было в 1857 г., когда следовало убедиться, что клинопись действительно расшифрована, Азиатское королевское общество в Лондоне направило в запечатанных конвертах четырем ученым — Раулинсону, Тальботу, Хинксу и Опперту — одну и ту же ассирийскую надпись из только что обнаруженных и попросило прочесть ее. Все четыре перевода оказались идентичными!.. Результат был опубликован под названием "Надпись Тиглатпаласара, царя Ассирии, переведенная Раулинсоном, Тальботом, д-ром Хинксом и Оппертом".

Еще один дилетант, двадцатидвухлетний лондонский адвокат Остин Генри Лэйярд, увлеченный Востоком, отправился на поиски... древних городов, упомянутых в Библии! Ему очень захотелось раскопать холм, под которым покоились останки Нимрода, потомка Ноя. Интересуясь у местных арабов, а прежде заручившись поддержкой британского посла в Константинополе сэра Стратфорда Каннинга, Лэйярд обнаружил холм, в котором, по местным преданиям, и был захоронен Нимрод. Обследовав его, Лэйярд обнаружил несколько черепков и обломков барельефов и убедился в том что, вероятно, он на правильном пути. Но копать было не на что: те гроши, на которые молодой аван-

тюррист прибыл на Восток, были на исходе. Каннинг недвусмысленно намекнул молодому человеку, что Британия готова помочь ему в его исследованиях... в обмен на услуги разведке. Ничуть не раздумывая, Лэйярд принял предложение и получил деньги.

Англичане, чье влияние в Азии усиливалось, подталкиваемые богатствами тамошних недр и конкуренцией, которую составляли на Ближнем Востоке другие страны — Германия и Франция, — уже давно были готовы вкладывать в эту землю большие средства. Тем более что, например, французский археолог Поль Эмиль Ботта, заявлявший, что раскапывает Ниневию, получал свои средства на археологические занятия не всегда от обществ по изучению древностей, но и из другого известного британской разведке источника.

В 1842 г. Ботта начал раскопки на холме Куюнджик, но за целый год не достиг желаемого. Француз был близок к истине, но удача отвернулась от него: а ведь именно под холмом Куюнджик и скрывалась легендарная Ниневия!

Переместившись на другой холм, в Хорсабад, Ботта почти тут же откопал древние стены и охранявших эти стены чудовищ в виде крылатого быка с человеческой головой. А в течение последующих четырех лет, пользуясь еще и средствами от пожертвований, на которые не поспешила Франция, Ботта откопал в Хорсабаде ансамбль построек — дворцовых зданий с залами и коридорами, а также внутренними покоем, и остатки пирамиды. Дворец принадлежал ассирийскому царю Саргону II и был построен в самом конце VIII века до н. э., но этот город никак не был Ниневией. Тем не менее окрыленный француз издал фундаментальный труд "Монументы Ниневии, открытые и описанные Ботта, измеренные и зарисованные Фланденом".

Но вернемся к Лэйярду. Итак, всего через несколько часов после начала раскопок на холме Нимрода взволнованный Лэйярд обнаружил остатки мощных стен. По фризам и барельефам даже дилетант мог бы сказать: перед археоло-

гами царский дворец! Однако в самый разгар работ приехал турецкий офицер и вручил британцу запрет на ведение раскопок. Заброшенный в течение тысячелетий холм тут же понадобился вездесущему паше, излюбленным методом осуществления власти которого была провокация. Незадолго до начала раскопок паша-губернатор Керити-Оглы объявил принародно о своей смерти, а затем арестовал и предал казни всех тех, кто наивно радовался уходу деспота.

Удрученный запретом, Лэйярд поскакал в Мосул, но паша, лично говоривший с археологом, покачал головой:

— Никак нельзя: мусульмане возмущены надругательством над могилами правоверных.

Заявления Лэйярда о том, что никаких могил на холме нет, не подействовали, и археолог-юрист помчался обратно.

Каково же было его изумление, когда на холме он и вправду обнаружил множество надгробных камней!

Через несколько дней придворный офицер под строгим секретом разъяснил Лэйярду, что паша желает сам найти золото, которое ищет англичанин, а потому и разыгранна вся эта комедия, ради которой ему, турецкому офицеру, действительно пришлось осквернить множество могил, чтобы доставить на холм надгробные камни.

Недолго пребывал адвокат из Лондона в шоке: вскоре за все злодеяния и злоупотребления паша был арестован турецким правительством, и Лэйярд продолжил раскопки.

Через некоторое время была откопана огромных размеров человеческая голова — часть алебастровой скульптуры.

Голова принадлежала туловищу крылатого льва. Местные рабочие, трудившиеся на раскопках, были твердо уверены, что откопали останки Нимрода!

Тогда новый губернатор Исмаил-паша вызвал к себе Лэйярда и посоветовал прекратить на время раскопки — не из-за того, что эти действия находятся под запретом, а чтобы успокоить местных арабов, считавших, что доставать из

земли захороненные останки запрещено Кораном. Лэйярд свернул раскопки, оставив самый минимум рабочих.

Через определенное время он заново нанял команду землекопов и сделал несколько раскопов в разных частях холма. Очень скоро количество откопанных чудищ с человеческими головами превысило шестьдесят.

"Египет может гордиться столь же древними и не менее величественными монументами, — писал впоследствии археолог. — Но египетские памятники всегда были открыты взорам людей, возглашая славу и могущество своей родины. Стоящие же перед нами статуи только теперь появились из мрака забвения".

Две из откопанных фигур — самые сохранившиеся — археолог отправил в Лондон. Кроме того, он отправил бесконечное множество найденных мелких вещей: за два года раскопок Лэйярд одних только дворцовых сооружений расчистил пять. Ассирийские цари строили их с IX по VII в. до н. э. Но открыл он не Ниневию, к которой стремился, а другой город — Калах.

Ниневию Лэйярду еще предстояло раскопать. Он сделал это в 1849 г. И где же? На том самом холме Куянджик! Лэйярд верил, что этот холм тоже не простой. Более того: по всем предположениям, именно здесь и должны были покоиться развалины разрушенной библейской Ниневии, захваченной халдеями. Англичанин решил попытаться счастья на холме, не давшем результата Ботта после целого года раскопок. И ему повезло в самые первые дни! Землекопы наткнулись на остатки величественных стен, а чуть позже — на таких же чудовищ, что и на холме Нимрода. Раскопанные комнаты, залы и коридоры были выложены по стенам разноцветными изразцами и алебастровыми плитами с барельефами. Однако все это было закопченным или разбитым: руины носили явный характер разрушения после захвата и пожара. И другое было несомненно: перед исследователями богатый царский дворец. Его великолепие и совпадение стиля со стилем дворцов в Калахе говорило о

том, что он принадлежал ассирийским царям. Дворец был захвачен, в этом не было сомнений, жители города поголовно истреблены, а сам город разрушен. Среди скульптур, статуэток и барельефов Лэйярд обнаружил шедевр древнего искусства — барельеф с изображением раненой львицы, пораженной тремя стрелами и находящейся в предгибельном состоянии. Поражала реалистичность изображения, но создавший шедевр художник остался неизвестным.

Лэйярд сделал и еще открытие, по силе равное всей его жизни, всей его деятельности как археолога, а заодно и как агента британской разведки: им была обнаружена великолепная библиотека царя Ашшурбанипала, находившаяся хоть и в разбитом состоянии (тысячи глиняных табличек в виде осколков устлали пол двух огромных комнат в глубине холма), но на том же месте, где ее уничтожали варвары. Слой черепков от глиняных табличек с клинописью составлял около полуметра. Лэйярд распорядился погрузить осколки табличек в ящики и отправить в Лондон.

Больше он к этому вопросу не возвращался. Рабочие небрежно загрузили таблички в ящики и увезли, а потом в Лондоне не досчитаются одной из самых ярких находок — "Песни о Гильгамеше".

Дворец, который раскопал Лэйярд, построил царь Синахериб, царствовавший с 704 по 681 г. до н.э.

При Ашшурбанипале государство Ассирия достигло вершины своего могущества, а разлагаться стало после смерти просвещенного царя. Ашшурбанипал и впрямь был просвещенным монархом: по его приказу в библиотеку доставлялись письменные памятники Шумера, Вавилона и Ассирии. При дворце находилась огромная служба, задачей которой было отыскание, копирование и хранение табличек. В них была собрана своеобразная история региона, отражающая все стороны жизни, энциклопедия веков, будто специально для исследователей, которым вздумается через две с половиной тысячи лет раскопать древнюю Ниневию.

Ассирийское государство прекратило существование в 605 г. до н. э. после битвы с халдеями на реке Евфрат у города Кархемиш. А еще раньше, в 612-м году, погибла Ниневия.

Несмотря на заслуги Лэйярда, нельзя не признать, что многое из того, что могло и должно было сохраниться, при его раскопках безвозвратно исчезло. Откапывая только крупногабаритные предметы, мелкие он собирал, лишь если по случайности они не были разбиты его же кирками и не засыпаны его же лопатами. Не фиксировались место и глубина находок.

Однако выставка находок в Ниневии, открытая Лэйярдом в 1854 г. в Хрустальном дворце в Лондоне, поразила ее посетителей величиим и своеобразием. Таким образом, археолог как бы передавал зрителю свою собственную мечту о Востоке.

Всеобщий интерес к Востоку в Англии не иссяк: наоборот, он возрос с приближением XX века и перевалил за его рубеж. В следующие после Лэйярда полвека многое произошло. История Месопотамии продлилась в глубь веков на несколько тысячелетий. Было выяснено, что земля, прежде очень плодородная из-за богатства влаги, эту влагу теряла, и в конце концов превратилась почти в пустыню. Однако никогда эта земля не теряла населения полностью.

Бесконечная смена государств на земле Месопотамии еще не означала смену культур: захватчики не только не навязывали побежденным свою культуру, но перенимали культуру аборигенов. Правильнее сказать — тех народов, что населяли землю до ее завоевания.

В середине XIX века ученые уже догадывались, что некоторые несообразности и сложности, встречавшиеся в письменности Вавилона и Ассирии, не их собственные сложности, а отголоски более древней культуры. В последней трети века, а именно в 1877 г., стало уже совершенно ясно: да, такая культура была! Причем не менее богатая, чем впоследствии ассиро-вавилонская. В 1877 г. французский

консульский агент Эрнест де Сарзек обнаружил в местности Телло статуэтку неизвестного стиля. И Сарзек начал свои дилетантские раскопки. В той же местности он выкопал новые статуэтки, черепки и клинописные таблички. Все, что он находил, француз тщательно запаковывал в ящики и отправлял в Лувр. И всем стало ясно: находки Сарзека относятся по крайней мере к рубежу III и IV тысячелетий до н. э., то есть ко времени, когда ассиро-вавилонской культуры еще не существовало. Позже выяснилось, что Сарзек откопал в Телло остатки города Лагаш. Когда-то он был культурным центром Шумера.

Многие ассириологи не хотели верить в Шумер и пытались доказать, что даже материальные находки в виде табличек с клинописью — не что иное, как подделка, или, например, образец культового письма, применявшегося только для совершения обрядов жрецами. Наподобие мертвой ныне латыни, используемой только в католичестве.

Идея с искусственным языком не выдерживала критики: ведь и латинский язык был когда-то живым, на котором разговаривал целый народ. Тогда французский семитолог Галеви решил, что шумерский письменный язык — это образец секретного письма, каковым общались между собой вавилонские жрецы или чиновники. Шумерские таблички, оказавшиеся в Москве и содержавшие странные знаки и рисунки, были сфотографированы и опубликованы в литературе. На это французский ученый Менант и некоторые другие европейские ассириологи заявили, что таблички — подделка! Они считали, что "такой нелепой письменности не было и быть не могло в истории человечества".

Однако выдающийся русский ассириолог Михаил Никольский подтвердил подлинность табличек и даже нашел, что они содержат линейно-иероглифическое письмо. А некоторые знаки этого письма ученый даже прочел.

Тем временем археология не стояла на месте. Американцы Петере, Фишер и Хайнес открыли развалины города Ниппура. Это оказался религиозный центр шумерской

культуры. Параллельно с раскопками и полемикой в ученом мире Джордж Смит занимался расшифровкой шумерских табличек с эпосом о Гильгамеше и, вынужденный заняться собственными раскопками, находил недостающие главы... К 1914 г. никто уже не сомневался в реальном существовании государства Шумер. А сенсационные находки Леонарда Вулли, раскопавшего в 1922 г. древнейший город Ур, перевернули представления о Месопотамии, оказавшейся на несколько тысячелетий старше прежнего. Археология добралась до поселений эпохи неолита, основанных неизвестными народами еще прежде шумеров.

Цивилизацию условно назвали убаидской (по поселению Эль-Обейда). Об этом народе мы говорили в главе о Всемирном потопе.

Шумеры сами себя называли народом, вышедшим "из моря". Следы шумерской цивилизации действительно частично встречаются в долине Инда и в Белуджистане.

Однако ведь до земель Южной Индии от Шумера две с половиной тысячи километров!.. Некоторый ответ, если не всю разгадку дает позднейшая находка Вулли в Уре — пустая царская гробница, в склепе которой остались две серебряные модели шумерских лодок. Возможно, основатели шумерских поселений приплыли на таких или подобных лодках из-за моря. Интересно то, что до сих пор в этой местности форма лодки точно такая же, как у этих моделей и на барельефах пятитысячелетней давности. Но есть и другая версия: по ней шумеры — высокогорный народ, пришедший в Месопотамию, где нет гор, из южного Ирана.

В поддержку этой версии говорит тот факт, что для своих храмов шумеры строили специальные пирамиды из необожженной глины (так называемые зиккураты), на срезанной вершине которой возводили храм божеству. В каждом раскопанном шумерском городе имеется хотя бы один подобный зиккурат. Устраивать святилище на вершине горы — в правилах горных народов. Если в Месопотамии не было естественных гор, пришельцы строили искусствен-

ные. Впрочем, этот взгляд относится к упрощенному пониманию пирамиды как строительного сооружения, необходимого лишь с архитектурной точки зрения. Исследования последних десятилетий, вскрывшие свойство пирамиды сохранять и усиливать положительную энергию (даже задерживать процессы старения, гниения и т. д.!), таят в себе иной ответ на происхождение шумеров, возможно, не имевших к иранским горам никакого отношения.

Как бы то ни было, связанные между собой общностью способа существования религии, культуры, языка, шумеры на протяжении всей истории не построили в Месопотамии своего государства. Разрозненные и очень сильные города регулярно наносили друг другу ощутимые уколы — вероятно, основанием для борьбы были земля, вода и торговля. Объединительных сил между городами было недостаточно, чтобы эта населенная территория сплотилась в единое государство с единым царем (или правительством). А вот северные города аккадцев — семитских племен — объединились и легко завоевали себе все города шумеров. Над единым государством установилась власть семитского царя Саргона Древнего. Но власть аккадцев над более культурным шумерским населением длилась недолго. Восприняв культуру Шумера (впервые чужими руками шумеры построили свое собственное государство), аккадцы просто растворились в ней, и государство почти с самого начала существования стало носить имя побежденного народа.

Ученые, в том числе и Леонард Вулли, считали царя Саргона легендарным и собирательным образом, а не конкретным историческим лицом. Однако в один из сезонов, заинтересовавшись городской свалкой Ура и начав там раскопки, Вулли сделал множество серьезных находок. Он всегда был убежден, что груды мусора, сбрасываемого на протяжении столетий, может быть, самая ценная часть поселения. Так вот под грудой шумерского мусора он неожиданно обнаружил... городское кладбище! Всего археолог раскопал тысячу четыреста могил горожан. А под ними на-

шел богатое захоронение не простых людей, как прежде, а — приближенных царя. Мало того: найденные в могилах две цилиндрические печати с именами и профессиями владельцев позволили узнать, что это были парикмахер (первая печать) — и переписчик и мажордом дочери... царя Саргона!

Ниже могил эпохи Саргона Вулли нашел еще царские могилы. Кто в них был захоронен, археолог установить не мог: известные два династических списка содержали слишком большие сроки правления первых царей, исчисляемые десятками и сотнями тысяч лет, а потому были отброшены историками как недостоверные. Первый из списков составил шумерский летописец, а второй — вавилонский жрец Берроэс в III веке до н.э. По крайней мере, допотопные династии никак нельзя было принимать во внимание из-за мифических способностей царей и их "бессмертного" возраста...

И все же ничего не оставалось делать, как закрыть на это глаза и попытаться поименовать безымянные могилы.

Вулли повезло в Эль-Обейде. Там он откопал храм матери богов Нин-хурсаг. И нашел при нем табличку, в которой значилось: "А-анни-пада, царь города Ура, сын Мес-анни-падды, царя города Ура, построил храм для богини Нин-хурсаг".

Известными археологам методами, соотнесенными с характерными для эпохи орнаментами и другими стилевыми признаками, Вулли датировал время строительства храма 2700 годом до н. э. Он занялся этим лишь потому, что требовалось узнать истинное время царствования отмеченного в династических списках царя Мес-анни-пада. А еще потому, что, оказывалось, списки были подлинными.

По найденной же в гробнице Ура надписи Вулли прочел, что покоившийся в ней царь носил имя А-бар-ги. Его в династических списках не было — ни в том, ни в другом. К тому же А-бар-ги был старше по времени царствования, чем упомянутый Мес-анни-пада. Этот А-бар-ги уж точно не

являлся мифическим царем: его гробница ломилась от со-
кровищ!

Объяснение нашлось тогда, когда были прочитаны гли-
няные таблички: около 2700 г. до н. э. Ур приобрел статус
главного города Шумера, и потому династии главных ца-
рей вошли в список. А те, кто правил Уром до указанного
события, в династические списки не попали.

Здесь мы наталкиваемся на еще одно противоречие: вы-
ходит, что с 20-х годов нашего столетия известно, что у
Шумера, за четыре века до завоевания его Аккадом (Сар-
гон), была своя столица?.. А почему тогда историки счита-
ют, что у древних шумеров не было единого государства?..
Ответ может быть один: вероятно, это была некая регио-
нальная власть Ура всего над несколькими городами, как в
свое время А-бар-ги был вассалом Лабаша.

В любом случае, если Мес-анни-пада стал играть более *
заметную роль в Уре, чем прежние его цари, находится объ-
яснение и тому, почему в годы его правления кладбище ца-
рей было превращено в городскую свалку, — из-за незначи-
тельности прежних династий.

Интересны подробности обнаружения царских гробниц.
Разгребая насыпь, рабочие обнаружили уложенные в ряд
пять скелетов. Впервые в Уре Вулли наткнулся на коллек-
тивное захоронение. Оно было тем более необычным, что в
других могилах покойники лежали на боку, с подтянутыми
к животу коленями, а руки подносили к лицу кубок. Здесь
кубки были, но скелеты лежали без другой ритуальной а-
трибутики: мертвым давалась в дорогу пища, какие-то пред-
меты обихода... Если не считать положенных рядом стиле-
тов: только по этой детали можно было предположить, что
все пятеро — воины. Вероятно, они не погибли в бою и не
умерли одновременно от болезни. За таким захоронением
скрывался какой-то смысл. И все пятеро было похоронены
без гроба.

Стали копать дальше. Дело в том, что все пятеро лежали
на подостланном мате из лозы, и мат располагался не гори-

зонтально, а с заметным уклоном. Более того, часть мата была засыпана вне могилы. Раскапывая в этом направлении, обнаружили наклонный ход. Стала ясна задача, исполняемая воинами: охранять этот ход.

Дальше вдоль галереи лежали останки десяти женщин. Все они были богато украшены. Ожерелья, золотые перевязи с инкрустацией камнями из ляпис-лазури и сердолика. И опять возле них не было обычных погребальных предметов. Рядом с женщинами были найдены остатки богатой арфы с резонатором, покрытым листовым золотом, а края его украшала мозаика из сердолика и ляпис-лазури. На арфе лежали останки арфистки. В глубине хода были найдены останки ослов, при них — истлевшая колесница с полозьями вместо колес. Рядом лежали скелеты двух мужчин-возниц. Колесницу украшала мозаика и золотые барельефы львов. Вокруг валялись мелкие предметы, в том числе шахматные или близкие к этой игре мозаичные доски, вазы из золота, серебра, алебаstra, инструменты, туалетные принадлежности и изделия из вулканического стекла. Две львиные головы из листового серебра, представлявшие собой остатки трона, дерево которого истлело полностью. Полусгнивший ящик с остатками орнамента из раковин и ляпис-лазури.

Когда пришел черед обрабатывать для консервации ящик, он был сдвинут с места, и оказалось, что своим дном ящик прикрывал каменистую кладку, в которой существовал пролом вниз. Кладка была частью купола гробницы, ограбленной в незапамятные времена. Там-то, в склепе, и были обнаружены две серебряные модели лодок, о которых уже шла речь. Самой ценной находкой была цилиндрическая печать царя А-бар-ги. В склепе он был похоронен также не один, а в обществе других мертвецов. Это были или любимые слуги, или даже родственники. Однако ход, вдоль которого Вулли обнаружил описанные скелеты, вел не в могилу А-бар-ги. Оставив пока эту гробницу, находившуюся в стороне, в покое, археолог решил все-таки поискать

ход к гробнице А-бар-ги хотя бы для того, чтобы поставить точку. И нашел его двумя метрами ниже раскопанного.

Перед входом так же лежали воины — шестеро, в два ряда. У них были копья и бронзовые шлемы. Две четырехколесные повозки (обе совершенно истлели) были запряжены волами. Поверх скелетов волов, чья упряжь была очень богатой, лежали костяки двоих мужчин-возниц. У стены гробницы царя найдены останки девяти сидящих женщин. Золотые украшенные ляпис-лазурью и сердоликом диадемы украшали их головы, у ног археологи нашли богатые золотые серьги, гребни, многоцветный бисер. Опираясь спинами о стену гробницы, женщины вытянули ноги поперек раскопа. По обе стороны от входа в гробницу стояли полностью вооруженные воины. Поодаль лежали две арфистки. Арфы украшали головы быков из листового серебра с глазами и бородой из перламутра и ляпис-лазури. На пластинах из перламутра были вырезаны юмористические сцены из жизни животных.

Вулли открыл, кто ограбил гробницу А-бар-ги: те, кто копал гробницу, находившуюся выше. Вероятно, случайно задев кладку и проломив ее, землекопы вошли через образовавшийся лаз в склеп царя и похитили из него все драгоценности. Трупы царя и приближенных были унесены для удобства грабежа: в темном склепе и второпях невозможно собрать все золото. А вот выводы, сделанные археологом о двух серебряных моделях лодок, вряд ли соответствуют истине: рабители не могли не заметить их. Лодка (ладья) — похоронный ритуальный предмет. Взяв из могилы модель лодки, воры обрекали себя на смерть. У многих народов с древних времен существовал обычай хоронить покойников в лодке. Особенно это относится к народу-мореплователю, каким, видимо и был шумерский народ до того, как поселился в Месопотамии. Того же правила придерживались варяги. Даже греки, чей Харон перевозил души умерших в лодке, с пониманием отнеслись бы к серебряным лодочкам в могиле шумерского царя.

Вулли вернулся к гробнице, расположенной выше, и вскрыл ее. В центре склепа на истлевших носилках лежали останки женщины, украшенной очень богато — серебро, золото, кварц, агат, халцедон... Возле уст покоился тяжелый золотой кубок. Возле руки — шпильки и амулеты, изображающие рыб и газелей. Очень сложный головной убор умершей представлял собой диадему, с которой свисали брелоки в виде золотых листьев и цветов из стекла. Огромный парик украшали золотые витые ленты. Под черепом найден гребень с золотыми розетками. Шнуры, унизанные четырехугольными бисеринками, когда-то имели завершением вырезанные из ляпис-лазури фигурки быка и теленка. К моменту раскопок бисер, естественно, распался.

У носилок сидели две служанки: одна в изголовье, другая в ногах. По полу склепа будто разбросаны были драгоценности — диадемы, чаши, вазы, масляные лампы, два серебряных жертвенных стола, золотые шкатулки, в которых еще сохранилась помада.

И — цилиндрическая печать с надписью. Так археолог узнал, что в гробнице похоронена царица Шуб-ад. Вулли решил, что она была женой А-бар-ги и что перед смертью выразила желание быть похороненной рядом с мужем.

Всего вместе с царем были захоронены шестьдесят пять человек. С царицей — двадцать пять.

Археологи долго ломали головы над тем, как хоронили приближенных и слуг. Судя по спокойным позам, они были мертвы, перед тем как гробницу засыпали. Возникает естественный вопрос: неужели у всех шестидесяти пяти людей настолько была сильна вера в царя и жрецов, что они позволили убить себя совершенно добровольно?

Вулли нашел ответ: кубки, которые жертвы держат возле рта, видимо, были наполнены каким-то дурманом, и человек накрепко засыпал, выпив его. Трудно предположить также, что это был не наркотик, а яд, — тогда его выпил бы не каждый, и в могиле остались бы следы борьбы. Скорее всего, крепко заснувших людей потом закалывали острым

стиллетом так, что с трупа не падало ни одной бисеринки. Если бы людей переносили в могилу уже мертвыми, тоже наблюдался бы некоторый беспорядок. Но все позы были спокойны, похожи на сон.

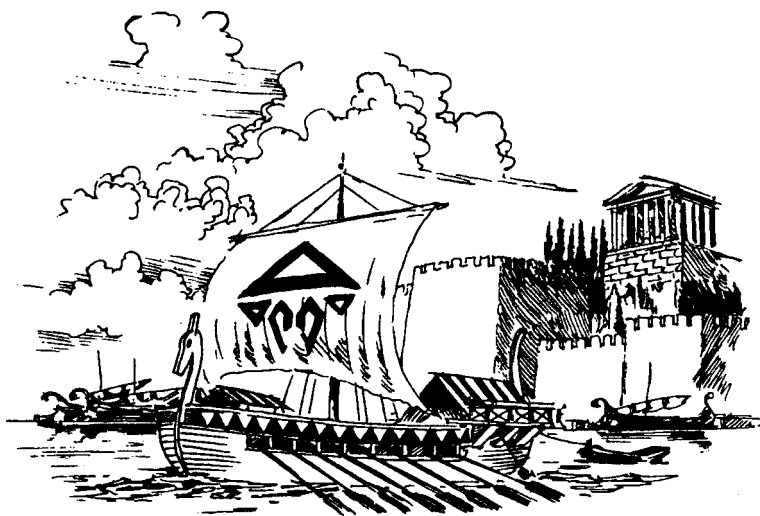
В центре общей могилы остался чан, в котором, наверно, и было то самое зелье, которого отведал каждый.

Любопытна дальнейшая история, связанная с царицей Шуб-ад. В 20-е годы стало модным делать реконструкцию лица по извлеченному черепу. Не последнюю роль в этой моде сыграл М. М. Герасимов, чьи великолепные работы, основанные на его собственном методе, были известны всему миру. Британскому музею захотелось иметь реконструкцию головы царицы Шуб-ад, увенчанной погребальным венцом. Работу поручили... тому же Вулли.

Археолог поначалу взялся было за ответственную и интересную эту задачу... И обнаружил, что по реконструкции царица Шуб-ад получается отъявленной уродиной! Выставить такую голову в музее просто не представлялось возможным. А весть о работе археолога уже разнеслась. К тому же пресса очень постаралась...

...Когда в Британском музее была выставлена голова царицы Шуб-ад, зрители пришли в восхищение. Красота и совершенные черты европейского лица завораживали. Громгласно было объявлено, что древние шумеры были... европейцами! Но гораздо позже выяснилось, что экспонат, который числится в музее как реконструкция головы царицы Шуб-ад, выполнен с очаровательной современницы Леоноарда Вулли — с его собственной супруги!

ГЛАВА XVII. Города Финикии

Три славных и равно древних города-соперника подарила миру древняя Финикия — Карфаген, Тир и Сидон. Города эти славились своими опытными мореходами, ловкими купцами, умелыми ремесленниками.

Тир (от семитского "цорь" — "скалистый остров") — знаменитый финикийский город, один из крупных торговых центров в истории, возник в IV тысячелетии до н.э. на двух островках, расположенных вблизи от восточного берега Средиземного моря и разделенных узким проливом. Напротив островного Тира на материке находился его материковый квартал — Палетир.

Основание города восходит к деятельности богов. По легенде, бог Усоос приплыл на бревне к острову, водрузил два камня и оросил их кровью жертвенных животных. По

другому преданию, остров плавал по волнам: на нем были две скалы и между ними росла маслина, на которой сидел орел. Остров должен был остановиться, когда кто-либо приплывет к нему и принесет в жертву орла. Это сделал первый мореплаватель Усоос, и так остров был прикреплен ко дну.

Местные жрецы рассказывали Геродоту, что город их основан XXIII веков тому назад, то есть в середине XXVIII столетия. Так или иначе, а город был морской, рыбачий и торговый. С него началось проникновение финикийцев в бассейн Средиземного моря, тирские переселенцы основали Карфаген.

Древнейшее упоминание о Тире — в тель-эль-аморнской переписке. Князь Тира Адимильку в униженных выражениях просит у своего сюзерена помощи против Сидона и амореев; его заперли на острове, у него нет ни воды, ни дров. В папирусе Anastasi (XIV в. до н. э.) Тир упоминается как большой "город в море, к которому подвозят воду на кораблях и который богат рыбой более, чем песком". Древнейшее поселение находилось действительно на острове; на материке были только предместья и кладбища. Воды на острове не было; она была проведена из Рас-эль-Аин к берегу, откуда ее доставляли на кораблях в город (остатки водопровода между Тель-Машуком и Рас-эль-Аином сохранились до сих пор), во время осад приходилось собирать дождевую воду в цистерны. Остров имел две гавани — Сидонскую на севере и Египетскую на юго-востоке; последняя теперь засыпана песком, а часть острова размыта морем.

На первое место среди финикийских городов Тир выдвинулся в XII веке до н. э. после разрушения Сидона филистимлянами; в торговле он стал играть главную роль. Почти все колонии финикийцев в западной половине Средиземного моря (Библ, Гадес, Утика, Карфаген и др.) восходят к Тиру; они признавали его гегемонию, считали его бога Мелькарта своим и посылали ежегодную дань в его храм.

Мелькарт, бог моряков и рыбаков, покровитель Тира, был неунывающим богом-гулякой в львиной шкуре (за что часто отождествлялся с Гераклом) в сопровождении друга-слуги Иолая. В Ливии он неудачно подрался с чудовищем-Тиффоном и погиб. Но ежегодно в Тире праздновали его воскрешение. В самой судьбе этого города было нечто от судьбы его божественного покровителя. На протяжении всей его истории на него нападали исчадия древнего мира — Ашшурнасерпал, Навуходоносор, Александр Македонский, — каждому хотелось вкусить соленькой рыбки, а еще больше финикийского золота.

При Ассаргадоне Тир сначала подчинился Ассирии, потом примкнул к Египту, был осажден, но, по-видимому, не покорен, хотя на сенджирлийском барельефе Ассаргадон и изобразил царя Тира Ваала вместе с Тахаркой на веревке у ног своих (Берлинский музей). Постоянные осады и войны ослабили город. Этим воспользовались рабы и организовали бунт, жертвой которого пала знать; царем был выбран Абдастарт (по-гречески — Стратон).

Библейские пророки терпеть не могли Тир и частенько предсказывали ему скорую гибель. Пророк Исайя видит Тир разрушенным за 140 лет вперед (Ис. 23: 13). Иезекииль также предсказывает разрушение Тира (Иез. 26: 312). Пророк Захария говорит, что город будет истреблен огнем (Зах. 9:4).

В 585 г. до н. э. город осадил Навуходоносор с войсками, требуя его сдачи. Но Тир не подчинился. После тринадцати лет осады войска Навуходоносора все-таки вошли в город и подвергли его разрушению. При Навуходоносоре Тир был на стороне Египта и Иудеи.

Вскоре, однако, тирийцы предпочли сменить вавилонское владычество персидским. Этот протекторат Тир сносил спокойно и поставлял царям большой флот. Через 70 лет, в царствование Кира, Тир полностью восстанавливается.

В 335 г. до н. э. к стенам Тира с армией явился Александр Македонский и попросил пустить его в город якобы

для принесения жертвы Мелькарту. Отказ тирийцев повлек за собой семимесячную осаду, с насыпкой перешейка от берега к острову. Горожане защищались отчаянно и не без успеха; плотина едва ли помогла бы Александру, если бы ему не удалось составить большой флот из враждебных Тиру финикийских городов.

В итоге 8000 граждан погибло; царь Азимильк и вельможи, спасшиеся в храме, были пощажены, 30000 горожан продано в рабство, но город не был разрушен и еще 17 лет спустя держался в течение пятнадцати месяцев против Антигона, будучи под властью Птолемея. В период эллинизма Тир был одним из центров образованности (из него вышли историки Менандр, Дий, Порфирий). В Иудейскую войну город выступил против евреев.

Христианство в Тире появилось рано; здесь жил неделю Апостол Павел (Деян. XXI, 3); город скоро сделался епископией (св. Дорофей и др.). В период гонений некоторые из тирских христиан потерпели мученическую кончину; при одном Диоклетиане здесь пострадало 156 мучеников. В Тире умер великий раннехристианский философ Ориген (правда, официальной церковью его учение было признано ересью); гробницу его показывали еще в VI веке. В Абиссинию проповедь христианства занесена была именно тирийцами. В ветхозаветные времена тирийцы помогали евреям построить храм Соломонов. В новозаветные времена первый замечательный храм при Константине Великом был построен тирским епископом Павлином и торжественно освящен в 314 г. Евсевий Кесарийский подробно описывает другой тирский храм, на юго-востоке города, освященный им в 335 г., причем в Тире состоялся собор по делу Афанасия Александрийского.

В средние века Тир был одним из главных городов Востока и играл большую роль, считаясь неприступным.

Только благодаря раздорам среди магометан королю Балдуину II удалось покорить его. При содействии венецианского флота (1124 г.) в городе была основана франкская

епархия (Вильгельм, епископ тирский, историк). Безуспешно осаждал его Саладин. В 1190 г. здесь был погребен Фридрих Барбаросса.

Разрушен окончательно Тир был мусульманами в 1291 г. С этих пор город пришел в упадок, несмотря на усилия Фахреддина поднять его.

В настоящее время стоящий на месте Тира Сур (Ливан) — небольшой городок, не имеющий значения, так как торговля перешла к Бейруту.

Другой древний финикийский город к югу от устья Нарэльавали, в узкой приморской равнине берет название от финикийского sidon — "рыбная ловля". Время его основания неизвестно. Весьма возможно, что оно восходит к III тысячелетию до н.э. Вместе с остальной Сирией Сидон, вероятно, большую часть своей истории находился под политическим и, несомненно, под культурным влиянием Вавилонии. Во время завоеваний фараонов XVIII династии он подпал под египетское господство, но управлялся своими царями. От одного из них — Зимриды — дошли до нас два письма к фараону (Аменхотепу III или IV). В этой переписке он жалуется на бедуинов, захватывавших его область.

Фараон поручил ему разведывать аморейские дела, но царь тирский назвал его в донесениях к фараону изменником, заключившим союз с амореями. Таким образом, уже в это время существовало соперничество Тира и Сидона. Больше того, на протяжении всей своей многовековой истории эти два финикийских города, населенных одним народом и говорящие на одном языке, верующие в одних и тех же богов (в отличие от Тира, покровительницей Сидона была богиня Луны — Астарта), соперничали и враждовали друг с другом. Зимрида, враждуя с Тиром, старался не допускать его царя ко двору. В этот период Сидон был первым городом Финикии: книга Бытия (X, 15) называет его "первенцем Ханаана", а впоследствии в Библии финикияне часто называются сидонянами; равным образом Гомеровский эпос знает только Сидон.

Между тем при Селевкидах Тир указывал себя на своих монетах "матерью сидонян". Удар величию Сидона был нанесен разгромом со стороны "аскалонян", то есть филистимлян во время их опустошительного движения на Египет в XII веке, при Рамсесе III. Главой Финикии делается Тир.

Долгое время Сидон даже не имеет царей (в числе городов, подвластных Вавилону, упоминаются "великий Сидон" и "малый Сидон"). Сидонское царство восстановил Синаххериб, чтобы создать противовес Тиру. Он посадил в Сидоне Итобала (701 г. до н.э.) и подчинил ему города, лежащие южнее (Вифсаиду, Сарейту, Махалибу, Эклиппу, Акко). Однако следующий царь Абдмилкот восстал против Ассирии, результатом чего было разрушение города Ассаргаддоном ассирийским войском (678 г. до н.э.). Жители Сидона попали в плен, а на его месте возникла колония "Ирассурахидцин" ("Град Ассаргаддона").

В персидское время в Сидоне опять была царская династия, от которой сохранилась надпись на острове Делосе.

Новому разгрому подвергся город при Артаксерксе в 342 г. до н. э., принявший участие во всеобщем восстании азиатских и кипрских городов против персов. Царь Тенн, правитель Сидона, сначала действовавший успешно, в решительную минуту изменил и перешел на сторону врага. Город был сожжен, до 40 тысяч граждан погибло в пламени. Ненависть к персам вследствие этой жестокости заставила Сидон пойти на союз с Александром Великим и даже помогать ему в борьбе с Тиром. Сидон был восстановлен в своих правах и владениях; царем назначен Абдалоним. Вероятно, к числу его преемников принадлежали Табниты и Эшмуназары, при которых государство опять достигло прежнего благосостояния и получило от одного из Птолемеев Дору, Иоппию и Саронские поля. Под владычеством Селевкидов эллинизм в Сидоне достиг больших успехов, так что Страбон мог даже указать на ученых сидонян — философов Боэфа и Диодота.

В римское время город пользовался самоуправлением, имел сенат и народное собрание, назывался навархией, ме-

трополией и Colonia Aurelia. С III в. до н.э. начинается автономная эра Сидона; появляется много серебряных и бронзовых тетрадрахм и дидрахм с финикийскими и греческими эмблемами, а при императорах — с латинскими, и с изображением, между прочим, покровительницы города Астарты.

Христианство проникло в Сидон еще в апостольские времена (Деян. XXVII, 3); епископ Сидонский присутствовал на I Никейском соборе.

Ужасное землетрясение 501 г. н.э. нанесло тяжелейший урон благосостоянию города, и в 637 г. Сидон сдался арабам без сопротивления. Во время крестовых походов город часто переходил из рук в руки, был неоднократно укрепляем и разоряем. В начале XVII века при эмире друзов Фахреддине Сидон был гаванью Дамаска; его торговля (особенно шелком) процветала, город украшался и богател; покровительствовало ему и египетское правительство.

В настоящее время возвышение Бейрута и засорение когда-то знаменитой гавани (вследствие того, что запиравшие ее с моря стены растасканы) привели к полному упадку древнего города. Теперь Сидон гордится садами, которые далеко тянутся по округе; разводятся и вывозятся апельсины, лимоны, абрикосы, бананы, миндаль. В этих садах открыты царские усыпальницы IV в. до н.э. Гробницы, вырытые в господствующих над городом известковых горах, сильно повреждены ворами.

Финикийцы — народ торговцев, моряков и пиратов (морской науке они научились у критян и микенцев, рано стали строить корабли с килем и шпангоутами и боевые корабли с носовым тараном. Плавая в открытом море, они углубили свои познания в навигации и стали предлагать транспортные морские услуги египтянам, ассирийцам, персам и израильтянам. По заказу фараона Нехо около 600 г. до н. э. они совершили рискованную по тем временам экспедицию вокруг Африки, выйдя в путь через Красное море и вернувшись почти через три года в Египет через Гибралтар.

Мы не знаем, кто командовал этим грандиозным походом, потому что финикийцы, подобно карфагенянам, сознательно не оставляли никаких документов. Все данные были строжайше засекречены как коммерческая тайна. Вот почему мы не можем безоговорочно доверять сообщениям, что они якобы доходили до берегов Америки. Зато нет никаких сомнений в том, что финикийские суда побывали в Англии, на Канарах, в Персидском заливе и в Индии. В Средиземном море финикийцы были главными торговцами, на его берегах они основали торговые и портовые центры. Главным из этих центров стал Карфаген. Доподлинно известна дата его основания. С 820 по 774 г. до н.э. (по царским анналам, переданным Менандром) царем Тира был Пигмалион. На седьмом году царствования Пигмалиона (по Тимею и др.) сестра его, Дидона-Элисса, приступила к строительству первых сооружений. Было это в 814 г. до н. э.

Вскоре эта колония стала полностью независимой и уже сама основала свои колонии в Западном Средиземноморье.

Карфагеняне всегда заявляли, что они были первооткрывателями Канарских островов, острова Мадейра. Можно допустить, что северо-восточные ветры помогали им достигать и Америки. На рубеже VI и V вв. до н. э., около 500 г., карфагеняне организовали большую торговую и колонизаторскую экспедицию к берегам Западной Африки.

Под командованием навигатора Ганнона в путь отправились шестьдесят больших судов, каждое из которых имело по 50 весел. Тридцать тысяч мужчин и женщин были доставлены на берег Камеруна.

В III в. до н.э. римляне начали морскую войну с Карфагеном за овладение Сицилией, производившей очень много зерна. Не имея еще никакого флота, римляне отправляли свои первые десанты на плотках. Посередине плота монтировали кабестан, приводящийся в движение тремя быками. От кабестана начинали вращаться колеса с лопастями. Рулей эти плоты не имели и двигались буквально по воле волн.

Но счастливый случай оказался на римской стороне. В 261 г. до н.э. карфагенская пентера потерпела крушение у берегов северо-восточной Сицилии. Римляне скопировали ее конструкцию, причем за несколько месяцев они построили сто шестьдесят судов.

Трудно управляемые, эти пентеры в первом же морском сражении стали жертвами мощных ударов карфагенских острых таранов. Но уже в 260 г. до н.э. во втором сражении у Милаццо, на северо-западе Мессинского пролива, римляне сумели победить карфагенский флот, применив новую тактику: абордаж с помощью падающих на чужое судно мостиков-"воронов", смонтированных на палубах. Карфагеняне потерпели поражение. И в дальнейших морских сражениях эта римская тактика неизменно приносила победы.

Так началась эпоха Пунических войн, которые в итоге привели Карфаген к поражению. В 218 г. до н. э. армия карфагенского полководца Ганнибала вторглась на территорию Римской республики. В декабре 218 г. до н.э. Ганнибал разбил римлян при Тицине и Требии, затем при Тразименском озере (217 г.) и самое тяжелое поражение нанес при Каннах (216 г.). В 211 г. армия Ганнибала вторглась на территорию Италии. "Ганнибал у ворот!" — бросили панический клич римляне. Все это время было отмечено странными и пугающими небесными знаменами: кометами и метеоритами.

Один из наиболее интенсивных в то время метеоритных потоков, напугал римских сенаторов. Они обратились к жрецам, которые, проконсультировавшись с Сивиллиными книгами, предсказали возможность защиты от Ганнибала странным для нашего времени способом. Все, что требовалось для этого, — привезти в Рим священный камень, олицетворявший "мать богов". Это был большой метеорит конусообразной формы, который хранился в замке Пессинус

*

Парусно-гребное судно с пятью рядами весел.

на территории Малой Азии (современной центральной Турции). К царю Атталу была послана пышная римская делегация с просьбой отдать священный камень. Царь дал согласие только после землетрясения, которое посчитали знамением. Вскоре камень был доставлен на корабле в Рим и помещен в храм Победы*. Возможно, "мать богов" оказывала моральную поддержку римлянам, вскоре изгнавшим Ганнибала из Италии. Скорее всего, сработал ловкий политический прием. Дело в том, что в минуту крайней опасности, не пытаясь уже сокрушить грозного соперника, римляне отправили военную экспедицию в... Африку. Обнаружив, что у ворот стоят римские легионы, карфагенские купцы в панике потребовали, чтобы Ганнибал немедленно возвращался. Талантливый полководец был исполнительным служакой и, немедленно свернув все военные операции, отправился спасать родной город. Но война на этом не кончилась.

"Карфаген должен быть разрушен", — заявлял в конце каждой своей речи сенатор Катон. И Карфаген разрушили.

Как это часто случается в истории, причиной гибели уникальной и самобытной карфагенской цивилизации стали не воинское искусство и не перевес в живой силе со стороны противника, а элементарная человеческая подлость и мелочность нескольких власть имущих подонков.

В итоге случилось так, что карфагенское продажное купеческое правительство не выплатило жалованье наемным войскам. Те подняли восстание, его жесточайшим образом подавили...

Победы Ганнибала в результате интриг его соперников были представлены поражениями, и он был вынужден удалиться в изгнание. Римляне устроили за ним погоню буквально

В благодарность римляне построили специальный храм на Дворцовом холме, где метеориту поклонялись в течение последующих 500 лет. Затем о нем забыли. В 1730 г. н. э. его, повидимому, вынули из часовни и метеорит затерялся.

но по всему свету. В результате преданный всеми бывшими друзьями, великий полководец вынужден был покончить с собой, чтобы избежать позорного плена*.

В итоге, когда римские легионы подошли к стенам города, его оказалось некому защищать. Захватив город, педантичные римляне разломали окружавшие его стены, дворцы и храмы буквально по камешку, камни разбросали, а землю старательно обесплодили солью, так, чтобы там даже трава не росла...

*

В знак признания воинского таланта Ганнибала спустя 400 лет после его смерти императоры Каракала и Септимий Север на месте его гибели воздвигли гробницу и статую.

Так что сейчас посетителям побережья Туниса представит не так уж много. Туристам показывают бани Антоннина, амфитеатр, холм, где на глубине шести метров захоронены маленькие урны с прахом первенцев городской знати, вершину горы Бирса и Национальный музей, где в ночи полнолуния кажется, что богиня Танит в серебряном платье по-прежнему царит над своими поверженными владениями. Летом же в Карфагене проходит международный фестиваль, который организывают в древнеримском амфитеатре под открытым небом.

ГЛАВА XVIII. Сокровище Приама

Генрих Шлиман раскопал Трою. Это всем известно со школьной скамьи. Однако мало кто знает о том, что в ученом мире до сих пор, по выражению немецкого ученого Эриха Цорена, идет "Троянская война".

Начало этой "войны", да и нынешние "бомбардировки" частенько уходят корнями в элементарные чувства зависти, неприязни к преуспевавшему дилетанту, — ведь археология — сложнейшая из наук, несмотря на кажущуюся простоту и доступность ее едва ли не каждому, взявшему в руки кайло. Все это и так, и не так. Вот уже сто двадцать пять лет не утихают и настоящие научные дискуссии на тему — которая же Троя — та, Гомеровская?..

"Дилетант" Шлиман, обаянный навязчивой идеей откопать Гомеровскую Трою (а ведь нашел-то он ее с текстом

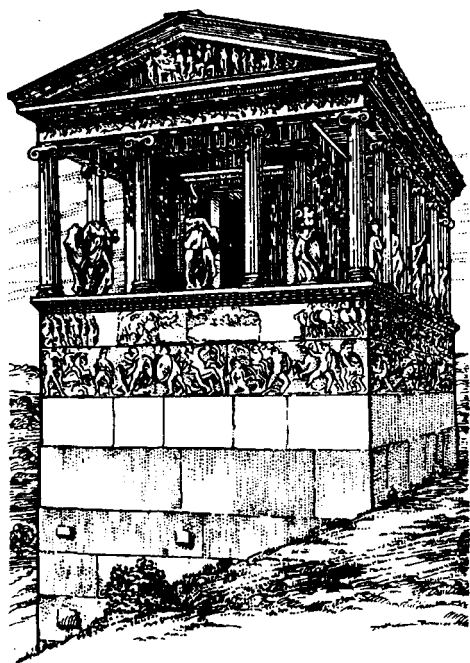
"Илиады" в руках!), сам того не подозревая, на столетие раньше совершил и еще одно открытие: пренебрегая верхними (поздними) культурными слоями, он докопался до скалы — материка, как принято говорить в археологии. Теперь ученые так поступают сознательно, хотя и по другим, чем это сделано Генрихом Шлиманом, причинам...

Да, купец, забросивший свое дело и взявшийся за археологию, мягко говоря, порезвился (хотя и за свой счет).

Однако никто не станет спорить — ему, дилетанту, очень везло. Он ведь раскопал не только Трою, но и царские гробницы в Микенах. Правда, так и не осознав, чьи же захоронения он там откопал. Он написал семь книг. Он знал многие и многие языки — английский, французский... (впрочем, смотри карту Европы).

За шесть недель в 1866 г. (ему было 42 г.) освоил древнегреческий, — чтобы читать греческих авторов в подлиннике!

Это ему было крайне необходимо: ведь Генрих Шлиман поставил перед собой задачу последовать за "поэтом поэтов" Гомером буквально построчно и найти легендарную Трою. Вероятно, ему казалось, что Троянский конь все еще стоит на древних улицах, и петли на

его деревянной дверце совсем не проржавели. Ах, да! Ведь Троя была сожжена! Как жаль: значит, конь, скорее всего, сгорел.

Генрих Шлиман упорно копал глубже. Обнаружив Троянский холм еще в 1868 г., он постоял на нем и... молча удалился: писать свою восторженную книгу "Итака, Пелопоннес и Троя". В ней он сам себе поставил задачу, решение которой уже знал. Другое дело — не предполагал вариантов.

Археологи были злы на него. Особенно педантичные немцы: как это так — проскочить все культурные слои?..

Шлиман по-своему определил Гомеровский слой: самый нижний представлял Троию какой-то убогой и примитивной... Нет, не мог великий поэт вдохновиться маленьким поселочком!.. Величественной и с признаками пожара оказалась Троя II, окруженная городской стеной. Стена была массивной, с остатками широких ворот (их было двое) и такой же формы калиточкой... Не имея никакого понятия о стратиграфии, Шлиман решал умозрительно, который слой больше всего подходит для того, чтобы именоваться Троей...

Немцы, вместо того чтобы восхищаться, смеялись Шлиману в лицо. А уж когда вышла его книга "Троянские древности"... Не только археологи, профессора и академики, но и простые никому не известные журналисты в открытую писали о Генрихе Шлимане как о нелепом дилетанте. А ученые, которым в жизни повезло, наверное, меньше, чем ему, вдруг и сами повели себя как торговцы с Троянской площади. Один уважаемый профессор — видимо, пытаясь подделаться под "ненаучное" происхождение Шлимана — сказал, что Шлиман свое состояние нажил в России (это-то так и есть), занимаясь контрабандной торговлей селитрой!.. Такой ненаучный подход "авторитета" археологии многим вдруг показался вполне приемлемым, и другие всерьез объявили о том, что, видимо, свое "сокровище Приама" Шлиман "заранее закопал на месте находки". О чем идет речь?

Дело было так (со слов Шлимана). Удовлетворившись своей трехлетней работой и откопав желанную Трою, он постановил завершить работу 15 июня 1873 г. и уехать домой, чтобы засесть за описание результатов и составление полного отчета. И вот за сутки до этого часа, 14 июня, в отверстии стены недалеко от западных ворот что-то блеснуло! Шлиман моментально принял решение и отослал под приемлемым предлогом всех рабочих. Оставшись вдвоем с женой Софией, он полез в отверстие в стене и... извлек из него массу вещей — килограммы великолепных золотых изделий (флакон весом 403 г, 200-граммовый кубок, 601-граммовый ладьеобразный кубок, золотые диадемы, цепочки, браслеты, перстни, пуговицы, бесконечное множество мелких золотых вещей, — всего 8700 изделий из чистого золота), посуду из серебра, электра, меди, разные поделки из слоновой кости, полудрагоценных камней...

Да, несомненно, раз сокровище найдено неподалеку от дворца, (а он, конечно же, принадлежал Приаму!), значит, царь Приам, видя, что Троя обречена и делать нечего, решает замуровать свои драгоценности в городской стене у западных ворот (тайник там был заготовлен заранее). И царь Трои сделал это!

С великими усилиями (история почти детективная, — потом такой способ нелегального провоза переймут большевики) Шлиман в корзине с овощами вывозит "сокровища Приама" за пределы Турции.

А затем... поступает, извините, как самый заурядный купец: он начинает торговаться с правительствами Франции и Англии, а потом России, — с тем чтобы повыгоднее продать золотой клад Трои.

Надо отдать должное сильным мира сего, ни Англия, ни Франция (Шлиман жил в Париже), ни государь Александр II не желают приобретать бесценный "клад Приама". А турецкое правительство тем временем, изучив прессу и тоже, вероятно, обсудив "дилетантизм" первооткрывателя Трои, затеяло судебный процесс по обвинению Шли-

мана в незаконном присвоении золота, добытого в чужой земле, и в контрабандном вывозе его за пределы страны...

Впрочем, у Генриха Шлимана в Германии были не только противники, но и мудрые сторонники: знаменитый Рудольф Вирхов, врач, антрополог и исследователь античности; Эмиль Луи Бюрнуф, блестящий филолог, директор Французской школы в Афинах. Именно с ними-то Шлиман и возвращается в Трою в 1879 г. продолжать раскопки. И выпускает свою пятую книгу — "Илион", за что Ростокский университет присваивает ему звание почетного доктора!

Долго колебался "дилетант", но все же решился и подарил "сокровища Приама" городу Берлину. Случилось это в 1881 г., и тогда же благодарный Берлин, с соизволения кайзера Вильгельма I, объявляет Шлимана почетным гражданином города. Клад поступает в Берлинский музей первобытной и древней истории, и о нем... напрочь забывают и ученый мир, и мировая общественность! Будто никаких "сокровищ Приама" не было в помине!

Седьмую свою книгу Шлиман назвал "Троя". Это было слово (и дело), на которые он истратил все свое состояние.

Однако ученый мир (даже германский) уже повернулся лицом к первооткрывателю древней легенды: в 1889 г. в Трое состоялась первая международная конференция. В 1890-м — вторая.

Знаменитый "дилетант", конечно, не он первый решил следовать за Гомером. Еще в XVIII веке француз ле Шевалье копал в Троаде. В 1864 г. австриец фон Хан заложил разведочный раскоп (за 6 лет до Шлимана) именно на том месте, где потом копал Шлиман, — на холме Гиссарлык. Но в историю вошел все же Шлиман!

Даже после смерти обласканного судьбой дилетанта в 1890 г. немецкие ученые не хотели, чтобы Шлимана считали первооткрывателем Трои. Когда его молодой коллега откопал Трою VI (один из слоев, которые Шлиман проскочил, не удостоив вниманием), они обрадовались: пусть не маститый, пусть молодой, но археолог с хорошей школой!

Если рассуждать и дальше именно с этих позиций, то до послевоенного времени Троя Гомера вовсе не была найдена: Трою VII откопал американец К. Бледжен... Как только в Германии узнали об этом, Гомеровской Троей немедленно объявили... Трою Генриха Шлимана!

Современная наука насчитывает XII культурных слоев Трои. Троя II Шлимана относится примерно к 2600 — 2300 гг. до н.э. Троя I — к 2900 — 2600 гг. — эпохе ранней бронзы. Последняя (самая поздняя) Троя прекратила свое существование, тихо угаснув в 500-х гг. н. э. Звалась она уже не Троей и не Новым Илионом, в котором приносил жертвы и устраивал игры перед походом на Дария Александр Македонский, а звалась она — Илиум, будучи уже чисто римским городом. А в начале римского века (Страбон, География, Кн. XIII, гл. 1:39) Гай Юлий Цезарь "отдал жителям земли, освободил их от государственных повинностей". К Илиуму и у римлян, и у греков отношение было трепетное...

Фигура Генриха Шлимана — не рядовое, но и не слишком уж выбивающееся из ряда своего века явление. Конечно, кроме огромной любви к истории богатый купец жаждал славы. Немного странно для его приличного возраста, но, с другой стороны, кто из нас и каких игрушек недополучил в детстве?.. Великий Пушкин, гений которого, конечно же, осознавал свое место, тем не менее пыжился доказать, что он древнего рода (ну, допустим, это святое... но ведь и чин стремился при дворе повисить!..).

Теперь уже известно, что никакого "клада Приама" не было. А золото? — спросите вы.

Да, золото есть. Многие уверены, что оно, вероятно, набрано из разных слоев. Мол, не было в Трое II такого слоя. "Сокровище", дескать, скомплектовано (а может быть, и куплено?) Шлиманом ради доказательства Гомера, ради самоутверждения.

Разнородность собрания очевидна. К тому же сопоставление дневников Генриха Шлимана, его книг и материалов

прессы говорит о том, что его самого и его жены в Гиссарлыке в момент находки вовсе не было! Многие "факты" биографии Шлимана подтасованы им самим: не было приема у американского президента, не выступал он в Конгрессе. Встречаются подделки фактов при раскопке Микен.

С другой стороны, уже говорилось, что Шлиман — дитя своего времени. Археологи (и известные!) XIX века принимались за раскопки часто лишь тогда, когда была надежда на обогащение. Например, Служба древностей Египта заключала от имени правительства контракт, по которому разрешала тому или иному ученому производить там-то и там-то раскопки, оговаривая при этом процент, который ученый забирает себе! Даже английский лорд Карнарвон судился и рядился с египетским правительством за этот процент, когда неожиданно наткнулся на золото Тутанхамона. Только очень богатый американец Теодор Дэвис позволил себе милостиво отказаться от положенного процента. Но никто и никогда не интересовался (и не узнает), как и чем на него воздействовали... Нет ничего предосудительного в том, что в 1873 г. (это еще до находок в Эль-Амарне!) Генрих Шлиман хотел сбыть "сокровище Приама" какому-нибудь правительству. Так поступил бы каждый или почти каждый нашедший это золото. Как раз к нему-то Турция имела самое малое отношение: земля Трои не была ее исторической родиной. Правда, в таких случаях, когда возраст находки весьма почтенен, а миграция населения высока и трудно говорить о поиске "подлинного хозяина", конечно, следовало бы считать клад как бы природным месторождением и соответственно его рассматривать.

Но какова же судьба "сокровища Приама"? Не сказка ли оно? Нет, не сказка. Не столь уж трудно объяснить причины, по которым "клад" замалчивался и был недоступен зрителю в течение первых 50-60 лет. Затем в 1934 г. он все-таки был классифицирован по своей ценности (Гитлер, пришедший в 1933 г. к власти, подсчитывал все государственные ресурсы, и в Берлинском музее первобытной и древ-

ней истории провели элементарную инвентаризацию). С началом второй мировой войны экспонаты были запакованы и заперты в банковские сейфы (Турция ведь была союзником Германии и могла неожиданно предъявить претензии в отношении сокровищ). Вскоре, учитывая бомбежки Германии и невеселую судьбу Дрезденских дворцов, "сокровища Приама" были заперты в бомбоубежище на территории Берлинского зоопарка. 1 мая 1945 г. директор музея В.Унферцагт передал ящики советской экспертной комиссии. И они... исчезли еще на 50 лет!.. Кажется, если у "сокровища" есть это отличительное свойство — исчезать на 50-60 лет, лучше не осуществлять больше акций передачи или дара, а все-таки выставить на всеобщее обозрение.

Турецкий эксперт, ученая дама, профессор Стамбульского университета Юфук Есин, приглашенная Германией в составе экспертной группы в октябре 1994 г., осмотрев коллекцию Шлимана (надо понимать, с разрешения России, подписанного Б.Н.Ельциным?), заявила, что "в III тысячелетии до н.э. многие золотые, серебряные, костяные вещи изготавливались с помощью лупы и пинцета".

Еще одна загадка?.. Может быть, даже отгадка: ведь купил же Парижский музей древнюю вещь из чистого золота за 200 тысяч франков, и это был "подлинный античный шлем", а оказался в конце концов бессовестной подделкой, выполненной (правда, не ведая, для чего) одесским мастером. Не это ли имела в виду госпожа Юфук Есин, говоря о "сокровище Приама"?

Загадка в другом. Генрих Шлиман увлеченно рассказывает, как София перевозила находку в корзине с капустой, а Берлинский музей передал советским представителям три запечатанных ящика! Какой же физической силой обладала стройная молодая женщина?

Открывший легендарную Трою Генрих Шлиман — и сам личность легендарная. Сын бедного пастора из немецкой деревушки, самостоятельно нажив себе миллионное состояние, он в один прекрасный момент бросил "дело" (хо-

тя был уже, кроме всего прочего, директором Императорского банка в Санкт-Петербурге!), собрал "вещички" — и отправился путешествовать по миру, а среди походов и круизов написал семь книг, раскопал Трою, Микены, Тиринф... Оставив любимую, но не любящую русскую жену и детей, богатый дом и положение, женился на молодой и красивой гречанке Софье Энгастроменос и лишь с ней познал истинное личное счастье — в разъездах и раскопках под палящими лучами солнца.

Дилетанту Шлиману везло невероятно! Ведь холм Гиссарлык, где по Гомеру он вычислил местонахождение Трои, до него раскапывал австрийский археолог фон Хан (повторим, 864 г. — за шесть лет до Шлимана) — и ничегошеньки там не нашел!

Воистину родившийся 6 января 1822 г. будущий археолог с мировым именем всю свою жизнь был осенен своим "земным" астрологическим знаком Козерога: земля открывала ему свои спрятанные сокровища!

Неудачи и нужда недолго преследовали Генриха. Да, будучи учеником лавочника, он недоедал и недосыпал. Да, образование у него было "никакое" — прямо скажем, не для занятий профессиональной археологией. Да, был момент, он просил милостыню на улицах Амстердама. И падал в голодные обмороки... Но все это было, вероятно, испытанием, которое закалило юношу, возбудило в нем механизм, освободивший неумную энергию, которую Шлиман потом всю жизнь направлял на достижение лично поставленных целей (и достигал их!). И уже не страшно было, когда профессиональные археологи (особенно обидно это испытать от соотечественников) тыкали в него пальцем и чуть ли не кричали "ату его!". Не страшно было, совершив мировое открытие, до конца жизни оставаться полупризнанным в мире и совсем не признанным на родине. Редкие коллеги признали работу Шлимана, но те, кто признал, пошли за ним. Не страшно было вложить все свое состояние в многолетние раскопки — оказалось, это того стоило!..

В Голландии Шлиман оказался не по своей воле. Нанявшись юнгой на одно судно, в надежде на постоянный (хотя бы в течение нескольких месяцев) заработок, он отплыл из Германии в Венесуэлу. И в Северном море корабль, на котором юнга совершал свое первое плавание, не перенес декабрьского шторма! Немногие спаслись из команды, но Генрих Шлиман был в их числе: судьба сохранила его для археологии и мировой истории. Спасенных доставили на голландскую землю — так молодой человек, оставшийся без работы, прибыл в Голландию и стал в скором времени... голландским купцом! Торговая фирма, приютившая в конце концов страдальца, не пожалела, что так поступила: Шлиман приносил ей баснословные прибыли. Вскоре, сделавшись одним из совладельцев фирмы, Шлиман отправился в Санкт-Петербург — для организации полномочного представительства фирмы в России.

Может возникнуть резонный вопрос: а не трудно ли ему было путешествовать по странам и континентам — немцу, когда в мире столько языков и наречий?.. Нет, не трудно. Генрих Шлиман, к прочим своим талантам, оказался полиглотом. Любой язык он осваивал за шесть недель, пользуясь собственным, ни у кого не заимствованным методом. Так еще в Амстердаме он изучил русский (хотя разговаривать на нем ему было там абсолютно не с кем), а в 1866 г., твердо решив посвятить себя археологии (ему шел уже пятый десяток!), освоил древнегреческий, чтобы прочесть Гомера в подлиннике и твердо знать, где ему искать легендарную Трою. Кстати, целеустремленность Шлимана граничила с безумием: откопать Трою он поклялся еще в восьмилетнем возрасте, едва прочел немецкий перевод "Илиады".

Так, с гомеровским текстом "Илиады" в руках, он и появился в 1868 г. на холме Гиссарлык. Все совпадало — местоположение, холодный и горячий источники... Правда, горячий уже "остыл", но легенды сохранили его "температуру".

Тщательно взвесив все "за" и "против", ибо безумство и безрассудство в нем не уживались, Шлиман покинул Тур-

цию и занялся размышлениями на страницах книги, то или не то место нашел он для будущих раскопок. Только поставив все точки над "i", в основном убеждая и убедив самого себя, Шлиман вернулся и заложил на том самом холме первый раскоп. Он же и стал победным!

Богатая интуиция не подвела его. Сейчас многие ставят Шлиману в вину то, что Троя, которую он назвал Троей Гомера, таковой на самом деле не является. Но ведь до самого 1946 г. ученые путались с троянскими слоями, пока американец Бледжен не откопал так называемую Трою VI (всего ученые насчитывают по стратиграфии поселения двенадцать культурных слоев, самый нижний из которых относится к 2900 г. до н. э.). Мог ли не ошибиться Шлиман за семь десятков лет до этого? А ведь логика в его суждении присутствовала: он нашел город с крепостной стеной, причем выгоревший от пожара, как и Гомеровская Троя!..

При раскопках Трои Шлиману опять повезло: он нашел более 8000 изделий из золота, электра, серебра, слоновой кости, драгоценных и полудрагоценных камней. Завершив раскопки в 1873 г., он уехал писать подробный отчет о проделанном, но в Трою возвратился еще раз в 1879 г., и снова копал.

Кроме того, голландско-русскому купцу повезло и в Микенах, где он открыл богатые царские гробницы. Тиринф, дворец, где жили герои обожаемого им Гомера, тоже раскопал Шлиман.

Почти ни на миг не прерывал он своих путешествий. Рудольф Вирхов и Вильгельм Дёрпфельд, один — известный исследователь античного мира, а другой — молодой археолог — становятся соратниками Шлимана. Ростокский университет Германии присваивает Генриху звание почетного доктора, так же поступает и Оксфорд, а США дают Шлиману свое гражданство.

А вот Турция, прослышав о "кладе", привезенном Шлиманом в Европу, затевает судебную тяжбу на предмет наказания ученого "за незаконный вывоз с территории Турции

принадлежащих ей ценностей". Пришлось раскошелиться: Шлиман заплатил правительству Турции 50 тысяч франков, только после этого судебное преследование было прекращено.

С Дёрпфелем Шлиман приезжает в Трою еще раз — в 1882 г. Не отпускала его легендарная земля, где он добыл мировую славу и совершил ряд дилетантских ошибок, вполне простительных великому исследователю. Об увлеченности Шлимана древностями говорит хотя бы тот факт, что своих "греческих" детей он назвал Агамемноном и Андромахой.

Спеша к жене в Афины из очередного вояжа, Шлиман скончался в неаполитанском отеле. Он бы обязательно доехал, если бы не воспаление мозга, из-за чего археолог потерял сознание и через несколько часов умер.

Шлиман похоронен в Афинах — на той земле, которую считал священной, потому что на ней жил и творил легендарный (как и он сам) Гомер. Ученые спорят, существовал или нет слепой певец Илиона и Итаки, не собирательный ли он "образ" древнего поэта? Хотя вопрос этот для псевдоученых. Для любого настоящего ученого нет сомнения в том, что создателем двух величайших поэм в истории человечества был по меньшей мере гений.

Может быть, когда-нибудь так же будут обсуждать проблему — жил ли на свете Генрих Шлиман, не легенда ли он?.. А Троя — останется.

Состоянию миллионера Шлимана повезло меньше, чем его обладателю: перед самой смертью ученого-дилетанта миллионы Шлимана закончились, и он умер почти нищим — точно таким же бедным, каким и родился. Не легендой ли были его миллионы?

ГЛАВА XIX. Танаис — история поисков и раскопок

Древний Танаис, как теперь известно, дважды был разрушен и дважды возродился. Это было не так уж давно — от I века до н. э. до III века новой. Однако, несмотря на то, что время это значительно приближено к нам по сравнению, допустим, с Троей или Вавилоном, ученые не могут твердо ответить на вопрос о причинах первой и второй гибели этого города.

Но в истории загадок Танаиса эта не самая главная.

Пропавший Танаис искали несколько веков. И вот как это было. Знаменитый Страбон пишет о Танаисе как о разрушенном городе. Почему-то великий историк и географ античности не считает нужным хотя бы упомянуть — за что, по какой причине был разрушен Танаис, в то время как сам он был современником первого разрушения.

Именно потому археологи уже в XX веке и подумали, что, возможно, греческий глагол *ἔσολορτῆτ* у Страбона надо читать не как "разрушить", а как "разорить", "разграбить", ибо такое значение у него тоже имеется.

Но вопросы возникли уже тогда, когда городище Танаиса наконец нашли. А в начале поисков об этом значительнейшем центре торговли греков с северопричерноморскими народами, втором по величине городе Боспорского царства — после, естественно, Пантикапея — ничего не было известно. Вернее, не было известно, где его искать.

Следы этого города впервые обнаружил, но не успел раскопать Иван Алексеевич Стемпковский, соратник и первый "специалист-руководитель" дилетанта, но бережного ценителя древностей Поля Дюбрюкса. Вдвоем они раскопали знаменитый курган Куль-оба (по-крымско-татарски — "холм пепла"), который из-за богатства находок называют еще Золотым курганом (об этом вы читали в главе "Загадка Золотого Скифа").

И. А. Стемпковский, член-корреспондент Парижской академии, по программе которого, представленной Новороссийскому генерал-губернатору графу М.С. Воронцову, были созданы музеи древностей в Одессе и Керчи, а затем и

Одесское общество истории и древностей, полковник и высокообразованный человек, для которого были важны не столько военные учения или парады, сколько уникальная возможность при кочевом образе жизни военного посвятить себя изучению истории и культуры, воспользовавшись командировкой 1823 г. на Волгу, решил про-

ехать берегом Азовского моря от Таганрога до Ростова. Этот путь он пожелал проделать очень медленно — для того чтобы попытаться найти какие-либо следы Танаиса.

Ведь по Страбону, которого Стемпковский прочел в Париже во французском переводе, было ясно, где искать этот затерянный город: он располагался в устье реки Танаис (Дона), при впадении ее в Меотийское озеро (Меотиду, Азовское море). Куда как проще!

Простота оказалась мнимой. На самом деле, своими глазами видя, как изменилась за два тысячелетия береговая линия Черноморского побережья, где древние прибрежные памятники оказались либо затоплены, либо размыты и разрушены прибоем, полковник не мог быть уверен в очертаниях дельты Дона XIX столетия от Рождества Христова. К тому же он сам убедился в том, что берега Мертвого Донца, правого рукава Дона, не содержат и намека на существование в прошлом какого-либо поселения. Правда, была вероятность, что Танаис находился на левом краю дельты, в районе Азова... Но и оттуда никаких находок тоже вроде бы тоже не поступало.

Задержавшись в Таганроге, Иван Алексеевич выяснил, что ни о каких развалинах там не слышали, хотя по почтовому тракту Таганрог — Ростов многие ездили. Стемпковский зацепился лишь за упоминание неких заросших "траншей или окопов", которые можно наблюдать в районе села Недвиговки, что на правом, высоком берегу. Вот, пожалуй, и все. Нет никаких древностей. Есть только курганы.

Учитывая дотошность полковника Стемпковского, можно предположить, что он наверняка знал и еще об одной особенности края, через который ехал: зыбучие пески.

За почти два тысячелетия Танаис мог поглотить (безвозвратно) именно зыбучий песок. Это означало бы, что поиски бессмысленны. Но скорее всего он понял, что, вероятно, древние греки тоже кое-что знали о зыбучих песках, а значит, должны были поставить свой город-колонию на "недвижимом" месте. Может быть, его натолкнуло на это на-

звание сельца Недвиговка?.. Как бы то ни было, подъезжая к нему, Иван Алексеевич догадывался, что городище надо искать там.

Он нашел "окопы" в нескольких верстах от моря. И не "окопы" даже, а древние укрепления! Ошибки быть не могло: ведь он уже видел Ольвию около Очакова. А здесь вокруг "укреплений" был древний ров. Надо рвом угадывались распolzшиеся остатки вала... Похоже на то, что и впрямь это исчезнувший Танаис.

Главное, Стемповский нашел черепки битой посуды. Это была не турецкая посуда, как заверили его в Таганроге, а самая настоящая греческая посуда — осколки амфор. А еще Иван Алексеевич поинтересовался и разглядел монеты, которые в небольшом количестве были найдены в Недвиговке. Это были монеты Боспорского царства.

И самое главное: ему, военному, стало ясно стратегическое значение этого во всех отношениях удобного возвышенного места. Именно здесь мог стоять древний город.

Покинув Недвиговку и прибыв в Ростов, Стемповский встретился с обладателями схожих находок — и с того же места! Правда, некоторые находки были сделаны не в Недвиговке, но эти немногие исключения не показались искателю важными. Тем более что места эти тоже располагались в основном по течению Мертвого Донца. Иван Алексеевич увидел монеты боспорского царя Савромата I (93-123 гг. н. э.), Котия II (123 — 132 гг.), монеты других царей I-III веков новой эры.

Возвращаясь через несколько месяцев с Волги, Стемповский проехал тем же трактом. Он все же не поленился и обследовал все указанные ему любителями древностей места. И убедился, что там тоже когда-то жили люди. Но наличие этих поселков (ни в одном из них он не обнаружил следов укреплений и городских стен) при большом городе как раз и говорило в пользу Недвиговки: именно там должен был когда-то кипеть жизнью Танаис.

Так он и написал в письме Ивану Павловичу Бларамбергу, одесскому археологу и нумизмату. Таким образом, за-

документированное сообщение И. А. Стемпковского является первым упоминанием об открытии Танаиса, хотя и почти умозрительном. Что ж, и великий Шлиман через пятьдесят лет сначала напишет о том, как и где он раскопает свою Трои (напишет пухлую книгу!), а уж потом поедет и действительно раскопает древний город. Правда, книге Генриха Шлимана также сначала предшествовало путешествие его, дилетанта, на холм Гиссарлык, где он постоял, осмотрелся, поднял с земли некий черепок — и, даже не копнув лопатой, отправился в Париж.

Прошло тридцать лет. И.А. Стемпковский через пять лет после того своего путешествия скончался молодым. Возникли новые обстоятельства, так как наступило новое время.

Ради определенных, в том числе стратегических, целей правительство Николая I стало дополнительно раздавать земли казачеству: близилась очередная война с Турцией, коими изобилуют и XVIII, и XIX век.

Лев Алексеевич Перовский, министр уделов, много полезного сделавший для развития археологии и сохранения древностей в России, подает докладную записку, прошение императору Николаю, где сетует на то, что на розданных землях казаки, во-первых, распашут городище в окрестностях Недвиговки, а во-вторых, все, что выворотит из земли плуг, употребят по своему усмотрению: драгоценности присвоят, а каменную кладку, если таковая имеется, растащат на строения. Пора раскопать городище, могущее оказаться Танаисом. Умный Лев Алексеевич намекнул и на то, что казаки кроме древних руин распашут и имеющиеся там во множестве курганы.

Великая жадность Николая I к древним сокровищам, которые он давным-давно особым указом повелел считать своею собственностью, дабы они "пополняли и обогащали музей Эрмитаж" хорошо известна. Царь выделил три тысячи целковых на раскопки. И назначили руководителем этих раскопок Павла Михайловича Леонтьева, 30-летнего

профессора Московского университета по кафедре римской словесности и древности. По счастливому совпадению, Павел Михайлович оказался не только знаком с мнением И.А. Стемпковского, но и разделял его. И не только по вопросу о раскопках Танаиса.

Впрочем, в добавление к высочайшему разрешению начать работы под Недвиговкой, государь повелел, "что по сему главная цель всех предпринятых разысканий состоит в открытии художественных произведений древнего искусства" и прямым текстом передал через Перовского: копай курганы.

Законопослушный П.М. Леонтьев приступил к раскопке курганов. И ему страшно не повезло! В отличие от крымских и курганов черноморского побережья Кавказа, в отличие от царских курганов скифов курганы меотов и сарматов оказались разграбленными целиком. Пустые Ростовско-Таганрогские курганы только отняли время.

У Леонтьева чесались руки на городище, а его заставляли копать и копать курганы... И в один прекрасный момент Павел Михайлович понял вдруг, что самодержец не удовлетворится его отчетом о том, как группа археологов натывается на пустоту в одном кургане, другом, третьем...

Гнев государя ему обеспечен в любом случае. Эх, семь бед — один ответ. И Леонтьев, сняв часть рабочих с курганов, бросает их на раскопки городища Недвиговки. Таким образом, Нижнее Подонье обрело наконец заботливого археолога и честного историка. Потом Леонтьев станет знаменитым первооткрывателем Танаиса, а пока он самовольно закладывает первые раскопы на городище, которое предположительно может быть Танаисом.

Получая отрицательные результаты с курганов, которые все еще продолжали копать, Павел Михайлович бросает на городище все новые и новые силы. Наконец, получилось так, что все основные группы рабочих трудились на городище.

Силы нужны были колоссальные. Ведь городище 225x240 м², что составляло более десяти тысяч квадратных

сажен, требовало не только затрат физического труда, но и умных рук, "вдумчивой лопаты". Тем более что, едва появились первые результаты раскопок, они оказались тоже не подарком. Вместо богатого древнего греческого города, ожидаемого на сем вычисленном месте, Леонтьев раскопал примитивную керамику, изготовленную без гончарного круга, грубую и невыразительную; раскопал кривые стены из необработанного, необтесанного камня, сложенные без всякого учета хоть каких-нибудь греческих традиций или законов строительства. Вместо мощных городских стен толщиной хотя бы метра в три — какой-то столь же примитивный вал из мелких камней, на крепостную стену совсем не похожий...

Может быть, конечно, Павел Михайлович и догадывался, что попал на позднейшее строительство, которое может и не иметь отношения к грекам, поскольку осуществлялось в те времена, когда в городе (или на остатках погибшего города) могли жить какие-нибудь кочевники, предпочитавшие жить в кибитках, а есть и спать у костра. Но подобная неудача заставила его содрогнуться: все обстоятельства, словно сговорившись, были против полномасштабных и планомерных работ. Не везет так не везет — вот и весь сказ.

Найдены некоторые предметы и монеты. Но, во-первых, среди них нет ни одного и ни одной старше I века н. э. А во-вторых, где чернолаковая и краснолаковая керамика? Где античный размах? Понятно, что не Афины, понятно, что отдаленная северная провинция, но убожество ведь тоже имеет свои пределы. А он-то ожидал откопать — ну пусть не шедевры античного искусства, но хоть одну мраморную колонну, один карниз-

Разочарованный П.М. Леонтьев делает категорический вывод: это не Танаис. Но тут ему доносят: нашли осколки мраморной плиты с надписью. Потом — другую надпись.

Сомнения исчезли. Да, оказалось, Танаис был такой, и только такой. Плита была вделана в стену башни и найдена под землей, среди обломков этой самой башни, в разва-

линах. И надпись на плите гласит: восстановлена башня и часть стены во времена царя Котия III, восстановлена в таком-то г. стараниями такого-то.

Радость открытия — радостью, но разочарование осталось. И Павел Михайлович, размышляя о том, почему ожидания и действительность так сильно расходятся, хватается за спасительную мысль: ведь Страбон написал, что тот, прежний Танаис был разрушен боспорским царем Полемоном в самом конце I века до н. э. Значит, этот Танаис, город, рожденный лишь в I веке н. э., взял от прежнего только имя. "Уже одна кладка стен из необтесанных камней и чрезвычайно небрежная вполне убеждает, что тот Танаис, развалины которого мы имеем в Недвиговском городище, не только не есть греческий город хорошего времени, но и вообще не есть чисто греческий город. Греки никогда, даже в византийское время, не строили так дурно..." — написал потом Павел Михайлович. Это не тот Танаис, не полемоновский. О послеполемоновском Танаисе не говорит ни один древний автор. И хотя раскопки доказали, что он все же существовал, следует думать, что тот Танаис, который был разрушен Полемоном, был где-то в другом месте.

И Леонтьев засел опять за чтение древних авторов — Страбона и Птолемея. Павел Михайлович принялся систематизировать все свои знания о древностях Нижнего Подонья. Затем он переправился через Мертвый Донец и внимательно осмотрел все то, что осталось не изученным Степковским в его поездке в 1823 г. А это — курганы "Пять братьев" в окрестностях станицы Елисаветовской и прилегающие к ним территории.

Археолога ждал успех на этом поприще: он нашел неизвестное городище! По площади оно превышало Недвиговское и было обнесено двойным валом. Он сделал пробные раскопы. Они, конечно, не доказали, что вновь обнаруженное городище и есть дополемоновский Танаис, но там Павел Михайлович обнаружил черепки амфор, другие греческие вещи, а также мелкие золотые и серебряные украшения.

Отчитываясь о проделанной работе, Леонтьев не утверждает категорично, что нашел первый Танаис, но оставляет для этого заключения вполне реальную возможность.

И ровно на сто лет порождает заблуждение о двух Танаисах! Танаис, открытый в Недвиговке Стемпковским и раскопанный Леонтьевым, ученые окрестили Танаисом Младшим.

В 1867 г., через 12-13 лет после раскопок Леонтьева, Императорская археологическая комиссия решила возобновить изучение Недвиговского городища. Раскопки возглавил представитель комиссии барон фон Тизенгаузен.

Впрочем, копать он должен был не столько в Недвиговке, сколько... все в тех же курганах, чтобы добыть новые драгоценности и "высокохудожественные изделия древних мастеров" для Императорского Эрмитажа.

Владимир Густавович Тизенгаузен позже прославился именно находками в курганах. А еще он был одним из ведущих специалистов по восточным монетам, написавшим по этой проблеме несколько книг. Он раскопал богатые курганные погребения "Семь братьев" недалеко от Анапы.

В Недвиговке же Тизенгаузену вместо золотых украшений попадались то каменные грузила рыбаков, то примитивные зернотерки, то столь же примитивные горшки из черной глины... Прежде всего сам считая свою работу полной неудачей, Владимир Густавович лишил науку подробного отчета об этих раскопках, потому что в сводном отчете Археологической комиссии, скрупулезно переписав чужие отчеты, своему уделил всего несколько строк.

Не обошлось и без курьезов. В конце 1860-х гг. при строительстве участка железной дороги Ростов — Таганрог рабочие, занимавшиеся ломкой камня в районе Недвиговки, но ничего не знавшие об археологических раскопках Танаиса, открыли его заново. Сообщение об этом появилось в 1869 г. в "Донских новостях", а затем и в петербургских газетах. Там говорилось о гигантском подземном ходе, который вел то ли на ту сторону Дона, то ли в Азов. Говорилось

также о кладе, состоявшем из нескольких фунтов золотых монет и золотого венка.

Председатель Археологической комиссии граф С.Г. Строганов имел по этому поводу переписку с наказным атаманом Войска Донского М.И. Чертковым. Чертков, в свою очередь, направил в Недвиговку с проверкой директора новочеркасской гимназии Робуша и художника Ознобишина.

Те и впрямь доставили в Новочеркасск обнаруженные при камнеломных работах танаисские надписи, а на месте обследовали "подземный ход", оказавшийся водостоком из города в реку. Слухи о золоте тоже оказались преувеличенными настолько, что их можно было считать чистым враньем.

Тем не менее, зная, что слухи не возникают на пустом месте, Археологическая комиссия опять шлет своего представителя, которым стал Петр Иванович Хицунов, проживавший тогда в Таганроге и уже проводивший раскопки в Крыму и в Тамани, с поручением исследовать Недвиговское городище и "другие древности Дона". Комиссии, шедшей на поводу у алчных правителей, опять захотелось золота для Эрмитажа.

С подземного хода Хицунов и начал. Сделал тот же вывод, что и Робуш: это был канал для сточных вод, спускаемых из города.

Если говорить о конкретных результатах раскопок, проведенных Хицуновым, то он обнаружил множество новых надписей, которые и были отправлены (общий вес 44 пуда 10 фунтов) в пяти больших ящиках в Петербург. Кстати, по только что открытой железной дороге.

Петр Иванович "отличился" перед прежними раскопщиками тем, что раскопал каменную печь для обжига керамической посуды. Но не зарисовал и не начертил ее.

Раскопки в Недвиговке приостановились на неопределенное число лет. С 1870 г. до самого послереволюционного времени, когда все памятники древности были объявляе-

ны народным достоянием, находящимся под охраной советского закона, в течение 50 лет местные жители растаскивали городище на собственные нужды и кто во что горазд. В Недвиговке, как грибы, росли свежестроенные сараи, кухни и даже жилые дома. Многие камни пошли просто на фундамент под новое строительство.

Потом, до революции, всплеск интереса Археологической комиссии к Танаису возник всего один раз. Это произошло после того, как жители раскопали некрополь и обнаружили богатую могилу. В ней нашли серебряный сосуд, золотую гривну (шейное украшение) и золотой венок. Это было в 1908 г. Археологическая комиссия тут же поручила известному археологу Николаю Ивановичу Веселовскому немедленно начать раскапывать некрополь Танаиса.

Веселовский копал в 1908 и в 1909 гг.. Ничего интересного для комиссии и императора Николай Иванович не откопал. Впрочем, с научной точки зрения, Н.И. Веселовский добыл интересные результаты.

После 1909 г. раскопки прервались почти на 50 лет. В 1950-е гг. советские археологи под руководством Д.Б. Шелова добыли новые данные, позволившие написать экономическую, политическую и культурную историю Танаиса.

История города разбивается на три четко прослеживаемых по археологическому материалу этапа. Первый этап — III-I вв. до н. э.; второй этап — I-III вв. н. э.; третий этап — последняя треть IV в. — начало V в. На рубеже первого и второго этапов город был не разорен, а все же разрушен боспорским царем Полемоном. Так и не выяснено, за что же все-таки Полемон разрушил Танаис. Город исправно расплачивался с боспорскими царями, и проблем с Пантикапеем у него не было. И вдруг — с Танаисом случается то, что вообще очень редко происходит, ибо произошло от "своего" царя. В истории мы найдем немного примеров подобного отношения правителя к "своему" городу.

Ну, допустим, в русской истории есть такая страница с сожжением Новгорода Иоанном Грозным в 1570 г. Однако,

как выясняется, Новгород, практически два с половиной века бывший почти независимой республикой внутри феодального государства, действительно "добился" от царя такой участи (не станем сейчас оценивать, кто из них был прав). Наказав Новгород и ликвидировав его права, мешавшие централизованной московской власти, Иоанн Грозный установил на Руси единый и неделимый порядок. Здесь все трагично, но ясно. А за что же сжег и разрушил Танаис Полемон?

Есть предположения, не имеющие четкого доказательства до сих пор. У Страбона сказано очень сжато: "Недавно его разгромил царь Полемон за неповиновение". Можно сколь угодно долго гадать над этой короткой строчкой. А можно принять так, как написано, и тогда все может проясниться. Ведь "неповиновение" — это совсем не то, что "неуплата" или "отказ платить".

Правда, мы так и не знаем, в чем все-таки выразилось это "неповиновение". Но можно предположить с большой долей вероятности, что же было на самом деле. Царь Полемон, посаженный на трон римлянами, правил Боспором с 14 по 8 г. до н. э. В эти-то шесть лет он и разрушил Танаис.

Танаис не единственный город, занявший отрицательную позицию по отношению к новому царю. Вся недолгая история правления Полемона — это история борьбы царя с мощной оппозицией, то есть с собственными подданными.

В конце концов борьба закончилась гибелью Полемона. То, что произошло с Танаисом, нельзя сравнивать с судьбой Карфагена или другого города, который завоеватели разрушили до основания и стерли с лица земли. Здесь речь шла только о наказании. Видимо, проблема ослабления Боспора в Меотиде и прилегающих землях была менее важной, чем задача наказать.

Однако, как подтвердили археологические изыскания, Полемон разрушил не весь город: сгорела западная его часть. А история Танаиса пошла вперед практически без всякой остановки. Вероятно, "наказание" мало сказалось

на торговых делах в регионе, и Танаис продолжал жить собственной полнокровной жизнью, быстро оправившись от трагедии. Только та, сожженная и разрушенная, часть города больше так и не отстраивалась. Возможно, в память о постигшем Танаис несчастье.

О вторичном разрушении Танаиса мы поговорим позднее, а пока посмотрим, что же представлял собою этот торговый и богатый по тем временам город.

Ранний город состоял из трех частей. Первая часть — основная территория. Вторая — примыкающий к ней западный район. Третьей частью являлся приречный район, который никак невозможно исследовать из-за существующей ныне застройки. Скорее всего, основная часть материалов просто безвозвратно потеряна: человек вел хозяйственную деятельность, и он использовал или выбрасывал те находки, что попадались ему в земле в результате этой хозяйственной деятельности. Может оказаться, что, например, некоторые дома возведены с частичным использованием под фундамент каких-либо древних построек, что не только бывает, но и наблюдается в истории повсеместно.

Оборонительные стены в Танаисе возведены в самом конце III или в самом начале II века до н. э. Раскопками открыты западная и южная оборонительные стены.

Камень, из которого они сложены, подтесан лишь слегка и укреплен на глине. Наружный панцирь стены состоит из более мощных камней, чем внутренняя часть. На южном конце западной стены возведена прямоугольная оборонительная башня, сложенная из тесаных блоков. Одновременно с западной стеной были построены стены примыкающих к ней зданий. Известный с древности способ экономного строительства городов. Кстати, здесь и лучше сохранились ранние постройки. В I веке н. э. дома появляются вне стен города. Отчасти это произошло потому, что Полемон разрушил внешнюю стену, и город оказался незащищенным. Восстановление разрушенной внешней стены началось не сразу.

В начале II века город опять превращается в крепость со сторонами 225 и 240 м. Вокруг Танаиса сооружается ров шириной 10-13 м. Частично он выкапывается, частично же выдалбливается в материковой скале. Глубина его — 7-8 м. К западной стене снаружи пристраивается дополнительный панцирь, и толщина стены делается вместо трех метров — 4,8 м. Новые четырехугольные башни выступают далеко за линию стены. Открыты четыре промежуточные башни с помещениями. Вдоль западной стены проходила узкая улица. От нее к городским постройкам спускалась каменная лестница. Еще одна улица выявлена раскопками, она пересекала город с запада на восток. На северо-восточном участке городские помещения отстояли от стены на полтора — два метра. Это пространство было занято специальной засыпью камня и суглинка, откосом дополнительно укреплявшей стену.

Открыта небольшая площадь в центре города, а также одно из зданий, которое могло играть роль общественного.

Открыты культовые здания.

Есть чисто культовые находки — алтарь, семь глиняных штампов для оттисков на ритуальных хлебцах. А также пять маленьких лепных сосудиков для воскурений (с дырочками в стенках).

Обнаружены торговые подвалы зажиточных купцов и торговцев состоянием пониже.

Встречены предметы, принадлежащие к разного рода ремеслам, хозяйственный инвентарь.

Открыты печи для выпечки хлеба.

Обнаружено, что жители занимались животноводством и особенно рыболовством.

На втором этапе жизни города произошло важное событие: в Танаисе, единственном из открытых в этом регионе городов, появилось стеклодельное ремесло. Производились изделия, подобные тем, которые изготавливались мастерами с Рейна и привозились издалека.

Обнаружен склад крупного посредника-торговца. В его подвале найдено примерно 390 амфор, в некоторых частично

оставалось содержимое. Около сотни амфор были готовы для того, чтобы их заполнили нефтью. Лабораторный анализ подтвердил, что в этих сосудах уже хранилась именно нефть.

Танаис подчинялся боспорским царям, а те управляли городом через своих посланников — пресбевтов. Во главе магистратуры стоял эллинарх, а с ним несколько архонтов танаитов. Были и другие должности — диадох, стратег, граждан, лохаг танаитов, просодик, простаты.

Интересно, что, обнаружив предметы и помещения культово-ритуального характера, ученые не смогли найти имен богов, каким поклонялись в Танаисе. Есть лишь достоверное знание о том, что существовал некий верховный бог.

Ранний некрополь носит черты некрополей чисто греческих городов. Некрополь второго этапа больше похож на смешанный греко-скифского типа. Есть немногочисленные погребения сарматского типа. Как правило же, в одной могиле встречаются черты как греческих, так и сарматских захоронений. В I веке появляются могилы с каменными оградками, аналогично скифским памятникам. В то же время появляется обычай хоронить детей (младенцев) в амфорах.

Взрослых покойников хоронили либо в простых могильных ямах, либо в гробах. До I века существовал способ установки надгробных камней антропообразного типа — плоский прямоугольник (призма), увенчанный дискообразной частью, а также встречаются плиты стреловидной формы. Ориентировка покойников в основном головой на восток. Есть единичные захоронения с южной и юго-восточной ориентировкой.

Танаиты в значительной степени занимались рыбной ловлей: каменные и изредка металлические грузила предназначены для использования их в сетях. Обнаружены несколько помещений для хранения и переработки рыбы. Рыба поступала в продажу на вывоз как свежая, так и соленая.

Вероятно, была также вяленая. Скорее всего, донские осетры доставлялись в Рим в живом виде, хотя это и стоило очень дорого — патриции могли себе это позволить. Ос-

новые виды промысловых рыб: осетр, севрюга, стерлядь, сазан, сом и другие.

Кроме торговли жители города занимались различными ремеслами. В том числе, как говорилось, производством стекла, ювелирным искусством, гончарным (примитивно), строительством (камнерезание несомненно), хлебопечением, кузнечным делом.

Существовали религиозные союзы, объединявшие представителей верхних слоев населения — высших чиновников, аристократов, купцов. Списки членов этих союзов (фиасов) сохранились на мраморных плитах.

Образ жизни горожан, скорее всего, не подразделялся на греческий, сарматский, меотийский. В короткое время после возникновения фактического общежития образ жизни сделался ближе к усредненному. Разделение народов происходило скорее по словесному признаку. Но и здесь в чертах "Бога высочайшего", вероятнее всего, слились черты Зевса греческого, Сабазия фракийского, бога Яхве и христианского Бога Отца.

Любопытно, что танаиты ежегодно праздновали некий "день Танаиса". Скорее всего это был праздник восстановления города после "наказания" его Полемоном.

К III веку н. э. завершено создание оборонных сооружений города. Они значительно усилены в сравнении с теми, чем были прежде. Вероятнее всего, жителей уже стали доминировать неизвестные пришельцы. Если скифы, сарматы, меоты и другие здешние народы, даже находясь в состоянии войны, прекрасно знали, что у врага можно разрушить, а что следует сохранить (как это в более ярком виде проявилось в завоеваниях Вавилона), то теперь пришел, вероятно, совсем чужой завоеватель, для которого не было ничего святого. А Танаис лежал на стыке торговых путей и кочевых перемещений, поэтому он первый и должен был подвергнуться неприятной процедуре разграбления.

Судя по тому, что танаиты всерьез занимались укреплением города, видимо, опасность уже была близка. Враг приходил как с востока, так и с севера.

Именно в III веке в Северное Причерноморье вторглись завоеватели. Эти племена и разрушили Танаис.

Еще Леонтьев писал: "Развалины города показывают, что это разрушение было самое страшное, какое только можно себе представить: в городе почти не осталось камня на камне; от весьма многих стен сохранились нижние ряды каменной кладки; башни разрушены почти до основания, и самые погреба засыпаны развалинами обрушившихся строений... В разорении участвовал огонь, которого следы видны почти везде во внутренней части города и на внутренней стороне городских стен и башней*"; одна из открытых башней обгорела даже со всех сторон".

Леонтьев считал, что гибель Танаиса наступила от рук гуннов. Но гунны вторглись в Причерноморье в конце IV века, а Танаис разрушен около середины III века. Скорее, это были племена готского союза.

После разграбления и уничтожения города оставшихся в живых жителей Танаиса готы, очевидно, увели с собой. И Танаис опустел на более чем 100 лет. До сих пор ученые не знают, как это на самом деле произошло.

Через долгое время в развалинах города поселился совсем новый народ. Это он насыпал вал, так не понравившийся своей примитивностью Павлу Михайловичу Леонтьеву. Скорее всего, именно он изготавливал керамику, которую в IV-V веках трудно было назвать керамикой. Они не позаботились не только о правильности сооруженных кое-как домов, об их красоте; они не думали даже о прочности. Каменные завалы внутри города они разобрали лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы ходить не спотыкаясь. А может быть, эти люди были столь малочисленны, что это было им не под силу?..

Число археологических находок, относящихся к третьему периоду, очень невелико. Осколки керамики только бос-

*

Так у П. М. Леонтьева.

порского производства, несколько бронзовых монет второй половины IV века. Все эти монеты римские, потому что боспорские цари перестали чеканить монету.

Впрочем, есть одна интересная находка этого периода — костяные обкладки сложного лука, относящегося по конструкции к гуннским лукам.

Поселение было варварское, ничего общего не имевшее с первыми двумя цветущими периодами. Наконец, в конце IV или начале V века город окончательно перестал существовать.

ГЛАВА XX. Македонские львы

История славы Александра Великого начинается задолго до того, как этот выдающийся царь и полководец родился. Греко-персидские войны, ослабившие Элладу, были результатом геополитической обстановки на Балканах и вокруг них. Изжили себя города-полисы (города-то никуда не делись, но пришла в упадок сама идея), и возникла настоятельная необходимость объединения страны под единой центральной властью. Ни Фивы, ни Афины не смогли дать грекам лидера, который смог бы это сделать. Некоторые другие города, попытавшиеся взять на себя такую функцию, не только потерпели фиаско, но иногда и лишались самого лидера.

Только царь Македонии Филипп II решился и сумел осуществить до конца (или почти до конца) пусть не полную монархию, но хотя бы единый коалиционный союз.

В него полисы с прилежавшими к ним местностями вошли как автономные образования, а сам Филипп (не Македония!) сделался "господином царей", подобно персидско-

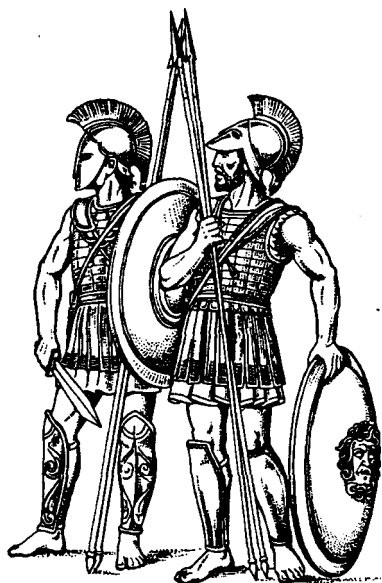
му царю, под которым было множество областей, управляемых сатрапами.

В конце июля 356 г. и родился у царя Филиппа сын Александр. Его родила ему жена Олимпиада.

Прежде чем перейти к самому Александру, хотелось бы добавить несколько фраз про то, какое значение и почему придавал Филипп рождению наследника. Вопрос опять упирается в политику.

Идеологом объединения греков был знаменитый афинский писатель и оратор Исократ. В одной из своих речей он обращается к Филиппу с такими словами:

"Вот я и говорю, что тебе нужно и из своего ничем не пренебречь, и попытаться примирить города аргивян и лакедемонян, и фиванцев, и наш (Афины). Если ты сможешь это устроить, тебе нетрудно будет и других привести к единому... Если бы ты четыре только города убедил быть благомысленными, ты и другие города избавил бы от бедствий".

Исократ, как и любой другой эллин (а македонцы считали себя эллинами), считал не только делом чести отомстить персам за нанесенный урон и разрушенные храмы, но и подчеркивал необходимость завоевания персидских царств вместе с самой Персией.

"Хорошо бы совершить этот поход, — говорил он раньше цитирувавшемуся обращению, — еще при нынешнем поколении, чтобы

те, кто вместе переживал беды, насладились бы и благами и не прожили бы жизнь в несчастьях".

Идея завоевания Персии и решения таким образом многих экономических проблем возникла не только у Исократа: она, как сейчас говорится, витала в воздухе. Ею увлекся Филипп, который и сына своего Александра воспитывал в том же духе. Можно сказать более того: вполне вероятно, что идею мирового господства будущему завоевателю именно отец и подсказал. Во всяком случае, зерно было посеяно.

Воспитанием сына Филипп занимался серьезно и тщательно. У мальчика-царевича было несколько высокого качества учителей. Самым первым, с пеленок приучавшим Александра к стойкому перенесению лишений, был родственник матери Леонид. Он даже постель племянника не упускал из внимания — не только на предмет того, чтобы кто-нибудь не припрятал для малыша чего-нибудь "вкусенького", но и чтоб не была она излишне мягкой.

Кроме того, позднее были Лисимах из Акарнании, Алкипп, Филиск, Зевксид, Менехм, Полиник. У них научился Александр письму и музыке, математике и поэзии и т. д. С 13 лет будущего царя "воспитывал", как известно, Аристотель.

Дело не в том, что Аристотель и впрямь воспитывал Александра: царевич отправился слушать лекции великого мыслителя в Миесе и три г. провел вместе со своими сверстниками более низкого происхождения, но хорошими приятелями — Леоннатом, Марсием, Гефестионом и Никанором. На всю жизнь Александр сохранил теплое и почтительное отношение к Аристотелю, а любовь к поэзии (в особенности к Гомеру) составляла отдельную и, может быть, лучшую статью его души. Увлекался он игрой на лире (!), театром, читал наизусть стихи многих поэтов! Не пример ли это для подражания нынешним президентам и так называемым "главам администрации"?..

В 340 г. (будущему владыке всего 16 лет) Филипп отправился в очередной военный поход, а Пеллу оставил на

Александра. Юный наследник замечательно справился с управлением государством. Когда взбунтовались мэды, юный воитель захватил их город, выгнал из него жителей, заселил его людьми из других местностей и назвал... Александрополь! В этом случае он поступил даже не как наместник или "заместитель", но как истинный царь. Кстати, право основания городов было исключительным правом только царя, так что талантливый сынок Филиппа превысил полномочия.

Любой отец только порадовался бы этому обстоятельству. Но то ли время тогда было не совсем похожее на наше, то ли Александр и в других делах проявлял излишнюю инициативу, только основание нового города пришлось отцу, видимо, не очень по душе. Впрочем, до размолвки не дошло, и история покатила дальше.

Филипп усердно продолжал трудиться над объединением Греции. Дело шло — где туго, где легко. Но самые "крепкие орешки" оставались впереди. Наконец (не будем утомлять читателя греческой терминологией), попутно усовершенствовав кое-что из воинского арсенала (копья всадников, морские суда и т. д.), Филипп дошел до объединения Северной Греции и до войны с Фивами. Александру было 18 лет. Именно он со своими дружинниками истребил значительное число фиванцев в сражении в долине реки Кефис 2 августа 338 г. Истребил не больше и не меньше, как Священную дружину во главе с Феогеном! А фиванцы считались самыми сильными воинами... Только благодаря этому отступавший было Филипп сумел перейти в контрнаступление и создать угрозу окружения союзнических войск (фиванцев, афинян и других, не согласных с властью македонянина).

Мудрый политик, Филипп не стал унижать греков, а путем выгодных реальных (и мнимых тоже) предложений и льгот склонил их вступить в союз. В 337 г. до н. э. в Коринфе состоялся общегреческий конгресс (синедрион), провозгласивший всеобщий мир и установивший принципы буду-

щей федерации. На самом деле это был, конечно, вынужденный шаг, после чего большинство греческих полисов попали под власть провинции, да еще не греческой! Но сам процесс был подан с такой помпой и с такими подоплеками, что афиняне через народное собрание предоставили Филиппу и Александру афинское гражданство. Еще бы! Во главе посольства царь отправил Александра!

Уже старый и больной, Исократ все-таки успел напомнить Филиппу о дальнейшей его задаче — идти походом на варваров, дабы общеэллинское единство принесло реальный результат. А Филипп и не отказывался: вскоре панэллинский союз объявил Персии войну. На греческом побережье Азии, которое давно уже подпало под пяту персидского монарха, высадились греческие войска под командованием Пармениона, Аттала и Аминты. Создавался плацдарм для будущего наступления в глубь Азии. Войска овладели Эфесом и Магнесией.

Перед походом Филипп обратился к Дельфийской пифии, и она выдала ему предсказание (как всегда двусмысленное): "Увенчан лаврами бык, свершается жертвоприношение, есть и тот, кто принесет жертву".

Сам Филипп истолковал предсказание, как весьма положительное. Но историки через самое короткое время стали толковать его в противоположном направлении: пифия предсказала царю скорую смерть. И не просто смерть, а смерть-жертвоприношение! Кому же и чему принесет свою жизнь в жертву Филипп II?..

Тем временем Филипп вдруг объявил о разводе с Олимпиадой, матерью Александра. Уж прав он был или нет, но обвинил царицу в измене. А сам женился на молодой Клеопатре (не путать с жившей триста лет спустя царицей Египта!).

И без того неуютно чувствовавший себя Александр понял, что неуютности значительно прибавилось: во время свадьбы изрядно подпивший дядя Клеопатры Аттал (тот самый, полководец) стал призывать македонцев, чтобы они просили богов дать Македонии законного наследника!

Александр, не сдержавшись (да и трудно сдержаться против такого выпада), закричал:

— А нас ты, гнусная рожа, считаешь незаконнорожденными?!. — и швырнул чашу в Аттала.

Столь же разгоряченный — то ли вином, то ли молодой женой, — Филипп выхватил меч и бросился с мечом на сына. Но царь... споткнулся! И упал.

Александр, когда дело касалось оружия, прекрасно владел собой. Смертельно опасный эпизод привел его в себя. Он взглянул на отца и презрительно сказал:

— И он еще собирается перейти из Европы в Азию, когда свалился, переходя от ложа к ложу!..

Отправив мать, бывшую царицу, в Эпир, на ее законную родину, сам Александр поспешил скрыться в Иллирии: на сей раз опасность для жизни приняла реальные формы.

Если бы он был единственным ребенком! Нет. Юный Александр Македонский недаром произнес: "нас". У Филиппа было несколько детей от разных женщин: сын Филипп Арридей (мать — Филинна), дочь Тетталоника (мать — Ферэя), дочь Киннанна (мать — Авдата), да и Клеопатра вскоре родила ему дочь — Европу! Был еще и Каран — незаконнорожденный сын... Олимпиада родила ему и дочь Клеопатру, родную сестру Александра...

А забегая вперед, скажем, что со смертью Филиппа активизировались и другие претенденты на трон. В особенности Аминта, при котором, в его малолетстве, Филипп был регентом. Аминта приходился Александру двоюродным братом, и его поддерживала значительная часть македонян: ведь он должен был стать царем по закону... История с приходом к единоличной власти Филиппа, кстати, сама полна темнот и неясностей...

Засуетились также сыновья линкестийского царя Аэропа Аррабай, Геромен и Александр, тезка полководца. А тем временем Александр, будущий царь, отсиживался в Иллирии.

И Филипп задумался! Он не был заинтересован в ослаблении своих позиций, а отъезд Олимпиады и сына ослаблял

эти позиции. Мало того, Эпир не прочь был отомстить за поруганную Олимпиаду. А иллирийцы спали и видели, чем бы подгадать македонскому царю.

Владыка уговаривает через своих людей Александра, и тот возвращается в Пеллу. А Клеопатру, дочь Олимпиады, он выдает замуж за эфирского царя Александра, брата Олимпиады (вот времечко: племянница выходит замуж за родного дядю! — впрочем, в Египте мы видели браки и похлеще).

И все трое (четверо: молодая жена Клеопатра тоже наверняка не оставалась беспечной, уже будучи беременной) испытывают неудобства и живут с тех пор настороженно — и Филипп, и Александр, и Олимпиада. Обстановка напоминала не бдительный дозор, как многим покажется, а жизнь на действующем вулкане.

Предвидя жалкую участь своей страны Карий, где сойдутся интересы Греции и Персии, правитель Карий Пиксодар пожелал породниться, пока не поздно, с Филиппом.

Для этого он предложил ему свою дочь Аду в жены для слабоумного Арридея. Тогда-то Александр и сказал Пиксодару, чтобы не брат его Арридей, а он, Александр, женился на Аде. Пиксодар, и не мечтавший о таком варианте, конечно же, с радостью согласился!

Взбешенный Филипп (а переговоры шли втайне от него) набросился на сына: как можно жениться на дочери царя, который сам раб царя персидского?.. И был прав: не следовало бы так унижать себя перед началом дел, которые как раз и имели целью наказать персов, а главное отнять у персидского царя все его владения. Намекнув, что Александр и сам может лишиться права на наследование трона, Филипп для острастки сына разогнал всех его друзей-приятелей — Гарпала, Неарха, Эригия, Лаомедонта и Птолемея (будущего царя Египта). Лишь Филота, сын Пармениона, остался при дворе: кажется, именно он и донес царю о планах Александра относительно брака. А ведь Парменион и Филота были родственниками Аттала...

Филиппу, расстроившему оба брака (Ада не вышла за Арридея), оставалось жить совсем немного. В день свадьбы

дочери Клеопатры и эпирского царя Александра повелителя Македонии его убил Павсаний. Многие историки считают, что повинны в этом убийстве Олимпиада и Александр. *

Достаточных доказательств ни у сторонников, ни у противников этой версии нет. Александр всю короткую жизнь пытался доказать, что не имеет никакого отношения к убийству отца, но чем больше доказывал, тем сильнее становились подозрения современников. Впрочем, у Павсания имелись и свои счета с Филиппом...

Решительность, с какой (как всегда) Александр взял в руки трон отца, не оставляла сомнений в том, что биться за лакомый кусок кому-либо другому просто бессмысленно. Поддержку народа обеспечили ему обещания не прерывать, а продолжать политику Филиппа по всем ее направлениям. А еще он освободил всех македонян от всех повинностей, кроме одной — военной.

Кроме того, с первых дней своего правления он постоянно и планомерно ликвидировал опасности, подстерегавшие его на троне. Начал с претендентов. Аррабая и Геромена обвинил в соучастии в убийстве отца (по заданию Персии!). Обоих братьев он казнил, тем самым показав себя еще и справедливым мстителем. Казнил он и Карана, обвинив его в заговоре против нового царя.

С Клеопатрой расправилась сама Олимпиада: на руках матери убили ее дочь Европу, и Клеопатра, не выдержав этой трагедии, повесилась. По счастливой случайности, Александра при этом не было — он был в отъезде. Зато главного его врага Атгала убил Гекатей по приказу царя.

Впрочем, Александр инструктировал его иначе: он хотел, чтобы Атгала из Малой Азии доставили к нему в Македонию: он собирался судить его за связь с персами.

Собираясь в персидскую кампанию, царь приказал уничтожить всех родственников Клеопатры и Атгала: он оставлял за собой надежные тылы.

Афины радовались смерти Филиппа! Антимакедонскую пропаганду возглавил Демосфен. После того как слухи о

смерти подтвердились, убийца Филиппа Павсаний, по решению афинского синедриона, был увенчан лавровым венком. Афины снеслись с Атталом и поговаривали о совместных действиях. Но как некстати Гекатей убил ненавистника Александра!.. Тогда Демосфен устанавливает контакты с персами сам. Фивы изгнали македонский гарнизон! Они отказались признавать Александра! Почти весь Пелопоннес подтвердил такое же решение.

Александр совершил круиз: он был в Фессалии (признан безоговорочно гегемоном Эллады), в Фермопилах (тоже). Почему в Фермопилах? Да потому что Дельфийская амфикифия и ее синедрион правили жреческим балом!

С Пелопоннесом царь поступает по-другому: он всем его городам обещает независимость. Конечно, ходил он не с дружиной, а с могучим войском, и бряцание оружием парализовало города — один за одним. Более того: Фивы и Афины вдруг признали свою ошибку, а Афины даже извинились перед гегемоном: с кем не бывает!.. В Фивы вернулся македонский гарнизон. В Коринфе собрался новый Панэллинский союз, как и при Филиппе. Там Александра избрали стратегом-автократом Эллады. А также приняли решение о войне с персами! Именно это было важно для нового царя.

Возвращаясь домой, в Пеллу, Александр посетил Дельфы. И там оракул признал его сыном Зевса!.. Но это легенда. А на самом деле он попал в неудачные дни, когда предсказывать было нельзя.

Решительность всегда была основной чертой Александра. Когда на его зов прорицательница-пифия не пришла, он сам пошел за нею: схватив ее за руки, он потащил пифию в храм насильно. И вдруг услышал то, что хотел услышать: "Ты, сынок, непобедим!"

Весной 335 г. он устанавливает свою власть на севере. Усмиряет трибаллов, иллирийцев, горных и независимых фракийцев. Только с галлами Александр подписал равноправный договор...

Фивы в то самое время, распутив слух, что Александр погиб в борьбе с северянами, подняли громадное восстание, к которому опять привлекли весь Пелопоннес. Фактически в Греции началась гражданская война...

Александр оставил север и направился в Беотию... Фиванцы были практически истреблены. Александр и его войско посеяли в Элладе страх и ненависть. Более 30 тысяч оставшихся в живых участников восстания были проданы в рабство.

Состоявшийся позже съезд эллинов постановил посадить в Кадмею воинский гарнизон, а город Фивы... срыть с лица земли. Оставшуюся фиванскую землю разделили между собой непосредственные участники подавления мятежа.

Все племена и города, участвовавшие тем или иным образом в восстании на стороне Фив, прислали к Александру послов с выражением покаяния и мольбой о прощении.

Только Афины предоставили изгнанным и обездоленным фиванцам убежище. Правда, своих послов с поздравлениями царя и гегемона царю и гегемону направили. Александр потребовал, чтобы народное собрание Афин выдало всю партию баламутов во главе с Демосфеном.

Народное собрание, дискутируя этот вопрос, приняло постановление с просьбой о помиловании Демосфена и его "команды". Александр внял прошению, но настоял на удалении военачальника Харидема. Изгнанный полководец нашел свое убежище в Персии, где, впрочем, через год был казнен Дарием III. А Демосфен всего через девять лет признает царя Александра богом! И сыном бога — Зевса-Амона. Амон — это египетский бог, из египетских Фив, к которым у македонского царя было несколько иное отношение, чем к Фивам греческим.

Весной 334 г. Александр с 40-тысячной армией, в которой было около 5 тысяч кавалерии, переправился на 160 судах в Азию.

Перед походом он совершил феноменальный исторический поступок: все свое наследственное имущество в Европе молодой царь (ему 22 г.!) роздал друзьям и другим верным

подданным. О себе он сказал, что ему "будет достаточно Азии". Это, конечно, произвело тот эффект, на который Александр и рассчитывал: в армии удесятерилась уверенность в полной победе над персами еще до того, как пролилась первая кровь.

Настоящее повествование очень коротко, и читатель, пожелавший полного описания жизни и подвигов Александра Великого, будет, конечно, разочарован. Но мы вынуждены принять какую-то всего одну черту, касающуюся смерти Македонского. И заранее скажем: о подвигах и завоеваниях Александра написаны сотни книг, поэтому отсылаем любопытствующих к военным историкам. Походы гегемона записывались с дневниковой тщательностью, и материал огромен.

Обратимся же... к предвидениям и предсказаниям.

Пророчество Дельфийской пифии мы уже прошли... Но начнем, наверное, опять с самого начала этой истории.

Олимпиада, родившая гениального полководца (и мыслителя!), по преданию, видела сон: во чрево ее ударила молния, а из него полыхнул огонь и разлился вокруг... Потом все внезапно исчезло.

Филипп тоже видел сон, более деловой, более прозаический, но не менее пророческий: ставил он на чрево супруги своей печать с изображением льва. И то, и другое будто бы предвещало рождение будущего властелина земли... Александр по гороскопу — Лев.

То, что потом, сделавшись "сыном бога Зевса-Амона", он носил в ритуалах шлем в виде бараньей головы с золотыми рогами, не означает отсутствия признаков льва. Во-первых, оба эти знака — и Овен, и Лев — огненные (не отсюда ли огонь двойной в видении Олимпиады? — и во чрево, и из чрева...). Во-вторых, для человека — даже для царя! — наличие собственного знака Зодиака все же только его личное дело. А вот для сына бога — дело планетарное, это важнее. А планета в тот момент как раз жила в эпохе Овна. Потом (по сегодняшней день) — в эпохе Рыб, и только в 2003 г. впервые окажется в знаке Водолея.

Так что "бараний" наряд Александра — глубоко продуманное и правильное решение насущного вопроса. Древние вообще очень удачно правильны, и мы не устаем поражаться этому с каждым днем.

Например, при высадке "десанта" на берег Малой Азии Александр посетил Илион (Трою) и поклонился могиле Ахилла и Патрокла. А вот на лиру Париса взглянуть не захотел. А она была — охраняема от завоевателей, от времени... Время расцвета Трои отделено от времени Александра периодом, всего в полтора раза меньшим, чем Александр — от нас с вами. Тогда память почему-то берегли... Потом он в храме оставил свое оружие и взял себе подлинное оружие того времени, времени Троянской битвы... А мы не верим Платону, рассказавшему об Атлантиде! Потому что забываем о том, что происходило лишь год назад... Наша память стала короткой, и не прибавилось ума.

Перед тем как отчалить от берегов Греции, царь принес жертву Протесилаю. Вы и не слыхали такого имени! Так звали воина, который во время греческого похода первым ступил на землю Азии. В 334 г. об этом знали и помнили.

Александр, приблизившись на судне к азиатскому берегу, метнул в него копьё и первым соскочил с корабля! Он хотел быть первым и стал первым в этом новом походе. Он принес жертву не только Афине Илионской, покровительнице греков при осаде Трои. Он принес жертву и царю Приаму — тогдашнему врагу греков, а во времена Александра — уже просто эпическому герою.

Александр был живым человеком, хотя и прожил мало. Теперь он для нас — вроде эпического героя Приама или Ахилла... Он создавал империю, а она чуть ли не при нем стала разваливаться. Он — завоеватель! — первый из землян на деле пытался провести политику "дружбы народов"... Кажется, ни один из современников и даже друзей его не понял.

На развалинах Персии Александр начал строить новое государство, которое, возможно, должно было принести миру новое слово... Он пережил своих соратников на родови-

тых персиянках, чтобы скрепить оба народа узами родства, а они после его смерти побросали своих персидских жен...

"Полыхнул огонь и разлился вокруг... Потом все внезапно исчезло". Так оно и произошло. Против Александра Македонского и его политики были отдельные бойцы, стремившиеся свести с ним счеты.

Против были не только идейные или амбициозные враги. Против были даже близкие друзья. Потому что он намного опередил все свое время по уровню мышления: он задумывался не над конкретной проблемой, которую все же можно решить. Он размышлял над действительностью.

Сделавшись царем, он пришел к Диогену. Тому самому, что жил в бочке и ничего не делал.

— Чего ты хочешь? — спросил он странного философа.

— Чтобы ты не загоразивал мне солнца, — ответил Диоген.

Наклонившись к нему, Александр действительно загоразил собою солнце, а Диоген грелся в его лучах...

Это можно принять как вызов мудреца великому миру сего. Но можно — и как вернейший из верных ответ. Мудрецы всегда знают, о чем говорят. А ведь в первые месяцы царствования Александр еще не стал равным Солнцу. И тем более еще не загоразил его от людей...

А вот знамения, предвещавшие смерть Александра. Аполлодор, командовавший войсками в Вавилоне, получил от своего брата Пифагора, который увлекался предсказаниями, сообщение о том, что скоро Гефестион и Александр скончаются. И о том, и о другом Аполлодор рассказал уже после обеих смертей.

Во время передвижения по Евфрату, Александр потерял царскую диадему. Она свалилась с его головы, когда он пробирался сквозь тростник. За диадемой отправился хороший пловец. Он нашел ее, снял с тростника и поплыл с диадемой обратно. Его приказали убить — возможно, сам Александр. Почему?.. Пловец для удобства передвижения в воде надел диадему на свою голову...

А однажды на троне обнаружили совершенно чужого человека в царских одеждах и венце. Он посиживал как ни в чем не бывало... И это было не видение! Человека схватили и казнили!..

Халдейские прорицатели говорили царю, чтобы, входя в Вавилон, он не шел на запад. А лучше бы вовсе не входил! Заметьте, волхвы ничего не сказали о войсках: они говорили только лично об Александре. Он, конечно, не послушался...

До сих пор не известно точно, от какой болезни умер Александр Македонский. Может быть, этого мы не узнаем никогда. Однажды он уже простыл, искупавшись разгоряченным в азиатской воде. И в этот раз тоже Александр был разгорячен: он пировал у какого-то Медия. Простудился и получил, говорят, воспаление легких. А кто-то считает, что у него была малярия. Не только в то время, но и сегодня европейцу трудно прижиться в Месопотамии, Аравии, Средней Азии. А если прижился, трудно идет адаптация на родине, когда приходится возвращаться. Малярия — тоже дело обычное.

Царю становилось все хуже и хуже. Не помогли жертвы богам. И лекари были бессильны.

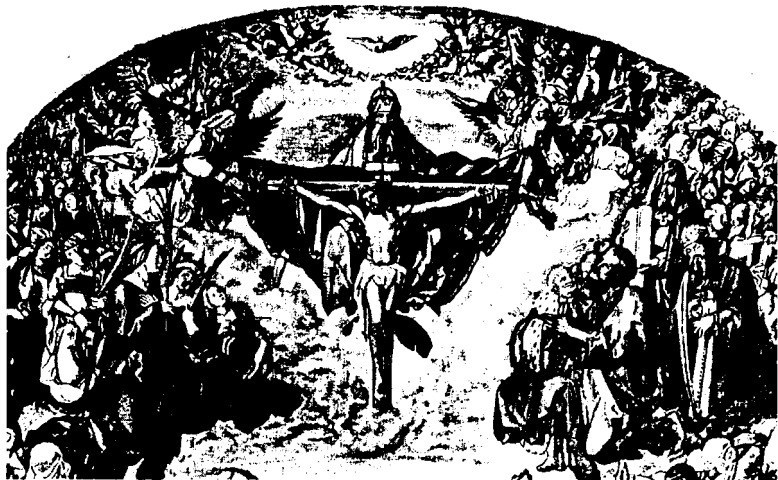
Он перестал говорить — настолько уже был плох. Несколько самых близких к царю людей отправились спать в храм Сераписа: думали, во сне придет бог и скажет, что делать. И бог пришел! Он посоветовал не трогать Александра. Все уже было predetermined and записано в книге судеб.

Солдаты-македоняне, с первых и до последних дней делившие с царем все походы и невзгоды, участники и соавторы великих побед, прошли сквозь палатку Александра и простились с ним, еще живым. Он разговаривал с ними уже одними только глазами.

13 июня 323 г. его не стало. Ему было 33 года.

"Мальчишка!" — сказал об Александре Павсаний, убивший Филиппа.

ГЛАВА XXI. Тайна святого Грааля

У большинства живущих на нашей планете людей не вызывает сомнения святость Иисуса Христа. Все ветви христианской религии, мусульмане (сунниты и шииты), а также все без исключения мировые секты (в том числе и сатанисты) признают Христа — кто как пророка, кто как антагониста. Но кем они его признают? Выдающейся исторической личностью? Сыном Бога? Богочеловеком? Любое определение, кроме официального церковного догмата, здесь пахнет ересью. Но существует разница и в догматах — католическом, православном, баптистском, иеговистском...

Итак, Иисус из Назарета был прежде всего Спасителем. И потому на ранних этапах христианства его называли Сотером, что, собственно, и означает "Спаситель".

Греческое слово "христос", что значит "помазанник", относится непосредственно к акту, выполняемому при про-

ведении древних мистерий Средиземноморья, а именно при помазании посвящаемого.

Христос так же был "мессией". Еврейское слово *Mashiahh* означает буквально то же самое, то есть "помазанник". Эзотерически слово "христос" относится не к какому-то одному особому человеку, но к божественной индивидуальности в каждом человеческом существе. Единство личного Эго с этой индивидуальностью создают Высшее Эго или "Живого Христа" (в буддистской терминологии "манушья будда").

Эзотерически Христос означает Иисуса из Назарета, фигуру исторически темную, миф о чудесном рождении, жизни, смерти и воскрешении которого является основой христианской религии.

Позднее было высказано предположение, что Иисус (или Йоушухуа, на каком произношении настаивают сейчас израильские христиане, полагая, что из-за неправильного звучание имени Спасителя и произошли все беды нынешнего мира) был ессеем, первоначально вовлеченным в воинственное движение зилотов, противостоящее римской оккупации Иудеи во времена правления Тиберия, человеком, ищущим, как осуществ-

ить предсказания Ветхого Завета о приходе мессии, чтобы освободить евреев политически и духовно.

Пророк Даниил, кстати говоря, описывал будущего мессию "подобного человеку, идущему с небесными облаками".

В арамейском языке выражение "похожий на человека" — *bar enash* часто переводится как "сын человечес-

кий". Это означает не более того, что сказано. То, что среди апостолов Иисуса были зилоты, предполагается в Евангелии. "Симон Зилот" означает не что иное, как зилот Симон, "Иуда Искариот" может относиться к sicarius — искривленный клинок, используемый зилотами для убийства.

Согласно этой теории и ее вариантам, Иуда предал Христа для того, чтобы предсказание могло быть исполнено. С этой точки зрения предательство Иуды для христианства столь же важно, как и распятие. Но смерть на кресте не была необходимой частью этого плана. Время от времени выдвигаются идеи, что на кресте умер не Иисус, а кто-то еще (это остается ортодоксальной доктриной ислама) или что Иисус был опьянен на кресте, затем, когда он казался мертвым, его быстренько сняли, поместили в склеп и затем привели в чувство.

Судьба Христа после распятия остается столь же таинственной и загадочной, как все предшествующие тридцать три г. жизни. Об этом лучше не думать, чтобы не впасть в ересь. Иначе мы окажемся в частокле неприятных вопросов, которые способны довести до "научного атеизма". Это в том случае, если рассматривать Христа не как богочеловека, а как конкретную историческую личность. Опустим доктрину "непорочного зачатия", поскольку в этом мире есть и более загадочные вещи, нежели беременность молодой женщины при сохранении девственной плевы. То, что казалось чудом древним евреям, раз по пять в месяц наблюдает любой акушер. Неудивительно для нас и хождение по воде, кормление толпы пятью хлебами, исцеление увечных — век нынешний дал нам достаточно примеров левитации, массового гипноза и целительства, и все это проделывали люди, нисколько не претендующие на святость, почему же не допустить, что две тысячи лет тому назад жил экстрасенс Иисус из Назарета?

По-настоящему удивительно то, что в просвещенном первом веке нашей эры, когда существовали и календарь, и письменность, не осталось никаких документальных свидетельств о жизни столь выдающейся личности.

Среди ранних упоминаний о Христе есть два эпизода в работе Иосифа Флавия, иудейского историка (умер около 100 г. н. э.). Однако один из них, более длинный, как достаточно убедительно показано и признается даже христианскими теологами, более позднего происхождения и, возможно, написан каким-то христианином. Христос в нем прославляется и потому вряд ли может принадлежать такому ортодоксальному иудею, как Иосиф Флавий. Кроме того, он находится в середине раздела, посвященного другому предмету. Замечание Флавия о "поныне еще существующих так называемых христианах" достаточно необычно, если считать, что оно было написано в его время, но кажется вполне обычным, если оно является вставкой, сделанной много позже.

Вот что пишет Флавий: "Около этого времени жил Иисус, человек мудрый, если Его вообще можно назвать человеком. Он совершил изумительные деяния и стал наставником тех людей, которые охотно воспринимали истину. Он привлек к себе многих иудеев и эллинов. То был Христос. По настоянию наших влиятельных лиц, Пилат приговорил Его к кресту. Но те, кто раньше любил Его, не прекращали этого и теперь. На третий день Он явился им живой, как возвестили о Нем и о многих других Его чудесах боговдохновенные пророки. Поныне еще существуют так называемые христиане, именующие себя таким образом по Его имени"*.

В реальности указания на Иосифа Флавия не появляются до четвертого века. Второй эпизод включает только упоминание "брата Иисуса по имени Христос". Открытым является вопрос о достоверности также и этого эпизода.

Строго говоря, мы имеем лишь свидетельство Публия Корнелия Тацита (ок. 58- ок. 117 г. н. э.) о том, что Иисус действительно существовал и был казнен.

*

Флавий Иосиф. Иудейские древности. Т. 2. СПб., 1900. С.

"...И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых (в поджоге Рима. — Прим. автора) и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиберии прокуратор Понтий Пилат; подавленное на время это зловерное суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащими к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избличенных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах, или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения.... И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все же эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона." (Анн. XV,44).

В этом скупом отрывке христианская церковь видит самое точное подтверждение существования Христа, сделанное язычником. Возразим, что это самое раннее указание на существование христианства, но не Иисуса из Назарета. Дальнейшие свидетельства о жизни Христа делались уже в христианскую эпоху и страдают некоторой... назовем это "святостью", разумеется боговдохновенной.

В первые века христианства по свету бродило множество текстов Евангелий. Так что теперь невозможно узнать, что представляет собой аутентичный текст Нового Завета и насколько точно он был передан. Самый древний дошедший до нас фрагмент (всего лишь несколько стихов из Евангелия от Иоанна) датируется не ранее чем 150 годом.

До наших дней сохранилось лишь несколько евангельских текстов. Они включают так называемую апокрифическую литературу, состоящую из писаний Клементя, Фомы, Никодима и других авторов, некоторые из которых приводят нелестные факты об Иисусе. Известны, по крайней мере, тридцать евангелий, существовавших в первые века христианства. Только в IV веке на Вселенском Соборе в Никее в 325 г. после острой борьбы было решено, что признать каноническим, а что исключить из церковного употребления. И так было до 367 г., более трех столетий после смерти первых последователей Иисуса, пока официальный список из 27 книг Нового Завета не был включен в письмо Афанасия, патриарха Александрийского. Все же прочие Евангелия, кроме четырех канонических, были преданы анафеме и уничтожены.

Итак, если сохранилось несколько исторических свидетельств, отличающихся друг от друга, то какие из них мы можем принять, а какие отбросить? Например, Сократ, без сомнения, был реальной исторической личностью. Платон написал много диалогов, в которых идеализировал его. Ксенофонт и Аристотель также писали о Сократе, как и драматург Аристофан, изобразивший его достаточно нелестно. Но это не значит, что мы не должны признавать правдивость его насмешек.

Исследуя дальше этот вопрос, нельзя не поразиться тому, с какой тщательностью (достойной лучшего применения) в первые годы торжества христианства были уничтожены все упоминания о времени и местах деятельности Христа, кроме... канонических. Казалось бы, у столь могущественного христианина, каким был император Константин (285-337 гг. н. э.), было достаточно сил и возможностей для того, чтобы досконально исследовать этот вопрос, если не провести раскопки на Голгофе, то хотя бы расспросить правнуков Пилата и Каиафы, поискать упоминания о Христе в материалах Тибериевой переписи, в списках прихожан при синагогах, в судебных архивах — но нет! Его впол-

не устраивал ореол непознаваемости, окутывавший личность богочеловека. И в самом деле — чудеса, страдания, крестная мука, воскресение и, наконец, обещанная всем праведникам вечная жизнь и Страшный Суд для грешников — всего этого вполне достаточно для существования и развития любой религии.

Но не так давно вышедший на Западе бестселлер "Святая кровь и Священный Грааль"* содержит положения, не просто повергающие в дрожь — они способны действительно ниспровергнуть сами основы христианства, если... найдутся факты, подтверждающие эти положения. А началось все сто с лишком лет тому назад в маленькой французской деревушке.

Расположенная высоко над рекой Ода на юго-востоке Франции, деревушка Ренн-лё-Шато была тихой заводью. В 1885 г. Беренжер Сонье в возрасте тридцати трех лет, крепкий, неглупый мужчина из местных, поссорился со старшими и был изгнан ими из семьи и проклят. Казалось, он не придавал этому особого значения.

Он выучился в духовной семинарии и в указанном г. приступил в сонном Ренн-лё-Шато к обязанностям приходского священника. Незадолго до этого соученики по семинарии прочили умному и достаточно ловкому Беренжеру местечко где-нибудь под Парижем или, на худой конец, Марселем. Однако кюре настоял на приходе в маленькой деревеньке в восточных отрогах Пиренеев, в сорока километрах от центра лангедокской культуры — города Каркассона.

Появившись в Ренн-лё-Шато, новый приходский священник, получая в среднем 150 франков в год — сумму, в общем-то, весьма незначительную, — вел неприметную жизнь

The Holy Blood and the Holy Grail by Michael Baigent, Richard Leigh and Henry Lincoln, Corgi, London 1983.

жизнь сельского кюре. В перерывах между обеднями и отпеваниями он, как и в годы юности, охотился в горах, ловил рыбу в окрестных речушках, много читал, совершенствовал свои знания латинского языка и зачем-то начал изучать иврит. Его прислугой, горничной и кухаркой стала восемнадцатилетняя Мари Денарнан, ставшая впоследствии верной спутницей его жизни.

Частенько Сонье навещал аббата Анри Будэ, кюре соседней деревни Ренн-лэ-Бэн. Аббат привил ему страсть к волнующей истории Лангедока. Само название этой местности появилось в начале XIII века и происходило от языка ее обитателей: *la langue d'oc*. Сонье повсюду окружали немые свидетели древности Лангедока: в нескольких десятках километров от Ренн-лэ-Шато возвышается холм Ле Безу, на котором живописно разбросаны руины средневековой крепости, когда-то принадлежавшей тамплиерам, а на другом холме в каких-нибудь полутора километрах высятся полуразвалившиеся стены родового замка Бертрана де Бланшефора, четвертого великого магистра ордена рыцарей Храма. Ренн-лэ-Шато сохранил на себе следы и древнего пути паломников, передвигавшихся в те далекие времена из Северной Европы через Францию и Лангедок в Сантьяго-де-Компостела — святое место в Испании.

Все текло по раз и навсегда заведенному обычаю до тех пор, пока Сонье "по наитию свыше" не взялся за реставрацию деревенской церкви, названной еще в 1059 г. именем Марии Магдалины. Этот полуразрушенный храм стоял на древнем вестготском фундаменте VI в. и в конце XIX в. был почти в безнадежном состоянии, грозя погresti под собой кюре и его прихожан.

Получив поддержку своего друга Будэ, Сонье в 1891 г. взял из приходской кассы малую толику денег и энергично принялся за ремонт церкви. Кое-как подперев крышу, он сдвинул алтарную плиту, покоившуюся на двух балках. Тут-то кюре и заметил, что одна из балок была слишком уж легкой. Оказалось, что она полая внутри. Сонье через небольшое отверстие просунул туда руку и извлек четыре

опечатанных деревянных цилиндра. Забыв обо всем на свете, священник лихорадочно стал срывать запыленные, позеленевшие от времени печати. На свет Божий объявились древние пергаменты. Оглядевшись по сторонам и спрятав находку на груди, юре быстрыми шагами направился домой. Там он велел служанке поскорее закрыть окна и двери и следить, чтобы ему никто не помешал.

Трясущимися от волнения руками юре развернул один из пергаментов. Долго вглядывался он в латинские буквы непонятного текста, пока не заметил, что некоторые из этих букв выше других. Если читать их подряд, то выходило довольно связное послание.

Два свитка содержали изображения двух генеалогических древ с 1244 по 1644 гг., похоже, предков Сонье. Два других выглядели как религиозные тексты. Расшифровав их, Сонье распознал несколько первых предложений, включая: "A DAGOBERT II ROI ET A SION EST CE TRESOR ET IL EST LA MORT" ("Это сокровище принадлежит королю Дагоберту II и Сиону, и там оно погребено").

На следующий же день Сонье отправился в Париж и рассказал своему епископу аббату Бьелю и его племяннику Эмилю Хоффе о своей находке. Хоффе, хотя ему исполнилось всего 20 лет, был уже хорошо известен в столице как специалист в области лингвистики, тайнописи и палеографии. Парижский свет знал его также как не последнего человека в эзотерических группах, сектах и тайных обществах, близко стоявших к оккультизму. Несмотря на свое желание стать католическим священником, юный Хоффе был вхож во многие мистические и масонские круги, а также в тайный полукатолический-полумасонский (довольно необычное для того времени сочетание) орден для избранных, в который входили известный поэт Стефан Малларме, бельгийский писатель Морис Метерлинк и композитор Клод Дебюсси. Кроме того, будущий юре хорошо знал знаменитую певицу Эмму Кальве, которая была известна всему Парижу и как "жрица эзотерической субкультуры".

Сонье пробыл в столице три недели. О чем он беседовал с церковными иерархами, навсегда осталось тайной. Трехнедельное пребывание в городе привело его в высшее парижское общество. Что бы он ни нашел, это внесло чехарду во все обычные пути к богатству и власти. Известно, однако, что скромный приходский священник из Лангедока повсюду был принят с распростертыми объятиями.

Время, проведенное в столице, Сонье использовал для посещений Лувра, где заказал копиистам репродукции трех довольно своеобразно подобранных картин: портрета папы Целестина V, который в конце XIII века недолгое время был "наместником бога на земле"; полотна "Отец и сын" (или "Святой Антоний и святой Иероним в пустыне") фламандского живописца Давида Тенирса, а также "Аркадских пастухов" француза Никола Пуссена.

После возвращения Сонье в Ренн-лё-Шато начались его странности и причуды, свойственные очень богатому человеку. Первым делом он соорудил новую надгробную плиту на могиле маркизы Мари де Бланшефор, жены великого магистра тамплиеров. При этом Сонье приказал выбить надпись на плите, которая на первый взгляд была не чем иным, как абракадаброй. После внимательного изучения оказалось, что эта надпись — анаграмма содержащегося в одном из найденных пергаментов обращения тамплиеров к Пуссену и Тенирсу (жившим в XVII веке!). Из этого же обращения, в свою очередь, легко выделяются уже известные нам слова о Дагоберте и Сионе.

Сонье начал тратить невесть откуда взявшиеся у него деньги направо и налево: стал заядлым филателистом, нумизматом, соорудил в средневековом стиле башню Магдала, а церковь Марии Магдалины была им не только отреставрирована, но и оборудована самым пышным и причудливым образом. Над входом кюре приказал выбить надпись: "TERRIBILIS EST LOCUS ISTE" ("Это место ужасное"). А чуть пониже мелкими буквами — вновь анаграмма, расшифровав которую, можно прочитать: "КАТАРЫ,

АЛЬБИГОЙЦЫ, ТАМПЛИЕРЫ — РЫЦАРИ ИСТИННОЙ ЦЕРКВИ".

Что понимал Сонье под истинной церковью, мы можем только догадываться, однако признание в конце XIX века официально клейменых католической церковью "еретиков" в качестве рыцарей истинной церкви весьма примечательно.

В церкви Магдалины сразу же за ее порталом вошедшему прежде всего бросалась в глаза омерзительная статуя Асмодея, князя демонов, по Талмуду — стража скрытых сокровищ и строителя храма в Иерусалиме. На стенах церкви были развешаны пестро разрисованные доски с изображением крестного пути. В деталях этих рисунков видны были какие-то противоречия, скрытые или откровенные отклонения от общепризнанных в католицизме изображений. Например, нарисован ребенок в пестром клетчатом пледе, наблюдающий за погребением Христа, а на заднем фоне — ночное небо и полная луна. Библия же сообщает нам, что Бог Сын был внесен в пещеру при дневном свете. Много в храме и странных надписей на иврите, который так усердно изучал Сонье.

Призванный к ответу за подобные художества, Сонье апеллировал прямо к папе римскому, который, возможно, зная что-то о том, о чем не знали предки Сонье, поддержал его. Сонье прожил до 1917 г., утопая в роскоши, как какой-нибудь восточный царек.

Он начал делать долги по всей Европе, открыл переговоры с банкирами и (в период между 1896 г. и годом своей смерти — 1917) успел растратить колоссальное состояние, но кое что у него оставалось. Он оплатил подведение к деревне водопровода и дороги, организовал экскурсии в башню Магдалы и построил роскошную виллу Бетания, в которой сам не жил. Сонье развлекал эрцгерцога Иоганна фон Габсбурга (который, кстати, как потом выяснилось, неизвестно за какие услуги перевел на счет Сонье довольно кругленькую сумму), французского государственного сек-

ретаря по культуре, Эмму Кальве и других знаменитостей тогдашней Европы, устраивал банкеты посреди своего зоо-сада, при изобилии дорогого фарфора, тканей и античных мраморных статуй.

17 января 1917 г. 65-летний кюре Ренн-лё-Шато слег от инфаркта, но еще за пять дней до этого его служанка и подруга Мари Денарнан заказала гроб для своего господина, хотя тот был, как и в течение всей своей жизни, бодр, свеж и в полном здравии.

К умиравшему кюре для исповеди и отпущения грехов пригласили священника из соседнего села. Тот, не успев войти, пулей выскочил из комнаты Сонье и с тех пор, по рассказам очевидцев, "больше никогда не улыбался" и впал в страшную меланхолию. Сонье отказался от соборования и умер без исповеди и причастия 22 января. Чествование усопшего происходило отнюдь не по католическим обычаям. Через день его труп, облаченный в украшенную пурпурными кистями мантию, был посажен в кресло и помещен на террасе замка Магдала. Проститься с покойным прибыли сливки парижского общества... Неизвестные скорбящие сорвали кисточки с его покрывал во время траурной церемонии.

После его смерти Мари Денарнан вела безбедную жизнь на вилле Бетания, тратя оставленные Сонье миллионы на благотворительные дела.

Но в 1946 г. правительство Шарля де Голля осуществило денежную реформу и провело расследование с целью выявления скрывающихся от уплаты налогов, коллаборационистов и лиц, нажившихся на войне: при обмене старых франков на новые все должны были представить доказательства честного получения доходов. Мари же не стала менять деньги, тем самым обрекая себя на бедность. Очевидцы оставили записи, что видели ее в саду: она сжигала пачки банкнот...

Что же такое нашел Сонье? Золото Мервингов или нечто более экстраординарное? Шантажировал ли Сонье цер-

ковь? Никто ничего на этот счет не знает или не говорит. Поскольку католичество — вещь сама по себе достаточно таинственная и пропитана не только катарской кровью и эхом трубадуров, но и резонансом вроде собора Гластонберри. Этот земной храм, утонченный в своей священной геометрии и покрывающий более сорока квадратных километров, каждой своей узловой точкой, помеченной церковью, замком, выступом скалы или другой заметной природной чертой говорит о сходстве с Ренни-лэ-Шато по западной части периметра. Этот священный ландшафт и его скрытые значения что-то говорили таким художникам, как Пуссен и Тенирс, которые выражали то, что они знали, в своих осторожных символах.

В чем же загадка маленькой лангедокской деревеньки? Обитавшие в этих местах в первом тысячелетии до н. э. кельты считали область вокруг Редаэ (так в те времена называлось Ренн-лэ-Шато) священной. В эпоху Римской империи это была процветающая местность, известная своими целебными источниками. В летописях можно встретить упоминание о том, что в VI веке Редаэ был городом с 30-тысячным населением и какое-то время даже столицей вестготов. Еще в течение 500 лет город оставался резиденцией графов Разе.

Во многие упомянутые исторические события вплетаются и рассказы о несметных сокровищах и каких-то таинственных документах тамплиеров, дающих их обладателю огромную власть.

С V по VIII век Франкским государством правила первая королевская династия Меровингов, легендарным родоначальником которой был Мервей (отсюда и название). Среди этих монархов был и Дагоберт II, один из так называемых "ленивых королей", поскольку власть при них фактически находилась в руках майордомов*. При правлении

*

Майордом — высшее должностное лицо во Франкском государстве при Меровингах.

Дагоберта II Ренн-лё-Шато служил вестготским бастионом, а сам король был женат на готской принцессе.

Можно предположить, что король Меровинг однажды зарыл в этом районе добытые в войнах сокровища. Если Сонье нашел клад и документы, то тогда в определенной мере понятно и возникновение имени Дагоберта II в письме на пергаменте.

Есть и еще одна причина, которая указывает на связь катаров с Ренн-лё-Шато. На одном из найденных Соньером пергаментов выделены восемь маленьких букв, которые, будучи прочитаны подряд, образуют слова: "REX MUNDI" ("Король мира").

Спустя почти сто лет после таинственной находки, появившаяся в Нью-Йорке книга проливает свет на тайну неожиданного обогащения Беренжера Сонье. Авторы подозревают, что Сонье шантажировал святую церковь в лице самого папы римского (!).

Тезис, который в 1982 г. сделал книгу "Святая кровь и Священный Грааль" бестселлером, следующий: Иисус Христос, благородный потомок царя Давида и, таким образом, буквально царь евреев, еще до того, как началось его пастырство, женился на Марии Магдалине и создал семью.

Каким-то образом, вследствие ли сочувствия Пилата или по договоренности апостолов с солдатами, он избежал распятия или провисел не особенно долго и не умер.

В таком случае вполне объяснимо воскресение Христа и его встречи с апостолами после этого волнующего события.

Авторы предполагают, что в дальнейшем он, возможно, увез свою семью во Францию, где впоследствии его забальзамированное тело (опять же предположительно) было спрятано в районе Ренн-лё-Шато в Корбьере. Тем или иным образом его потомки выжили среди франков и проявились в лице Меровея (умер в 438 г. н. э.), чей сын (с тем же именем) стал царем франков в 448 г., основав тем самым династию Меровингов — "длинноволосых царей", чья волшебная кровь считалась священной.

Это убеждение было обычным для тех времен. Казалось, аура святости окружала Меровингов. Они правили как восточные монархи, против их многобрачия не боролась церковь, их богатство было огромным, им не требовалось даже управлять страной, достаточно было просто существовать. В сущности, эта династия представляла собой угрозу новому мирскому порядку, который хотела создать церковь. Утверждается, что церковь отлично знала о женитьбе Христа на Марии Магдалине, но ради укрепления своей религии священнослужители, во-первых, переделали писание (Марк), а во-вторых, изъяли гностические тексты (Фома и другие), в которых содержался намек на то, что Иисус не просто был на свадебном пире в Кане, но исполнял там роль жениха, и что "учеником, которого он любил больше всех", была Магдалина (его жена). Определенно, Клемент Александрийский (II век н. э.) знал секретное писание Марка, но настаивал на его опровержении. Поэтому кажется вполне вероятным, что церковь знала о выживших в Меровингах потомках Христа.

В 496 г. н. э. внук Меровинга Кловий I (456-511) обратился в римское христианство и согласился поддерживать церковь столько, сколько она будет поддерживать его как "Нового Константина", который станет править "Священной Римской Империей". Так была создана нерасторжимая связь между церковью и государством: признание церковью святости династии Меровингов взамен их военной поддержки стремлений церкви. В течение следующего века это соглашение все меньше и меньше нравилось тем, кто видел римскую церковь как новый политический орден.

В 679 г. н. э. король Дагобер II (власть которого все возрастала) был убит в результате римского заговора. Ослабевшие Меровинги продолжали оставаться королями франков до 751 г. В этом г. Хилдерик III был смещен управляющим своего дворца Пипином Коротким. Поддерживаемый папой, Пипин сам объявил себя королем. Хилдерик умер в 754 г.

Считалось, что потомки Меровингов (то есть Христа) вымерли. На Рождество 800 г. Карл Великий был обманом принужден папой к коронации и во власть пришли Каролинги. Игры с властями, проводимые церковью, окончились успешно.

Однако потомки Меровингов выжили. Таков был величайший секрет Средних веков, давший толчок созданию закодированных (поскольку об этом нельзя было сказать открыто под страхом отлучения) мифов о Граале и артурианских романов. Священный Грааль на самом деле был "священной кровью", то есть буквально "потомством". Этот секрет и хранился тамплиерами.

Гильом Тирский (первый "исторический авторитет", упомянувший о тамплиерах) около 1180 г. говорит, что Орден бедных рыцарей Христа и Храма Соломона был основан в Иерусалиме в 1118 г. французским рыцарем из Шампани Хьюго де Пэенсом и восемью его соратниками. Тайно прибыв во дворец Бодуэна I, царя Иерусалима, они потребовали признать свою организацию как орден для "охраны дорог... с особой целью защиты паломников". Царь предоставил им крыло своего дворца. К нему примыкала и церковь Гроба Господня. В свое время она была мечетью аль-Акса, святыней мусульман — огромное сооружение XI века, которое поддерживали 280 массивных колонн. На том же месте, по преданию, находился во времена оны храм царя Соломона. По-французски "храм" — temple — отсюда название ордена.

Итак, бедные рыцари с благословением патриарха Иерусалима получили все, что хотели. Так утверждает Гильом. Предположительно бедные настолько, что им приходилось передавать друг другу коней (их эмблема изображала двух всадников на одной лошади), когда они патрулировали дороги и защищали паломников, эти рыцари поклялись жить в скромности, целомудрии и послушании. Уже в 1128 г. преподобный Бернар, аббат Клерво и глава Цистерцианского ордена издал трактат "Во славу нового рыцарства".

Когда в конце того же 1128 г. Хьюго де Пэйнс прибыл в Англию, то был с большим почетом встречен там королем Генрихом I. В 1130 г. де Пэйнс вернулся из Палестины в Европу с 300 рыцарями-храмовниками. В 1139 г. папа Иннокентий II (когда-то один из монахов преподобного Бернара) освободил тамплиеров от подчинения любой власти, кроме папской. Почему?

Своеобразным символом ордена стал белый плащ, надевавшийся поверх остальной одежды того же цвета. Многие молодые аристократы из западноевропейских стран вступали в орден, со всех сторон христианского мира в казну тамплиеров шли щедрые пожертвования, дарились земельные угодья, замки и поместья.

В скором времени орден Храма достиг могущества, какого до той поры не достигала ни одна организация — включая церковь. Тамплиеры под солидные проценты ссужали деньги и обедневшим монархам, превращаясь в банкиров практически всех европейских домов, и даже некоторым мусульманским властителям. Когда Людовику VII, одному из предводителей второго крестового похода (1147-1149 гг.), не дали ссуды генуэзские и пизанские банкиры, то великий магистр тамплиеров Эбрар де Барр выслал французскому королю из Антиохии "на святое дело" столько денег, что их вполне хватило, чтобы покрыть все расходы на военный поход.

Имеются утверждения, что Хьюго де Пэйнс был тайно назначен святым Бернаром (?), основать орден вовсе не для защиты паломников, а для того, чтобы собирать эзотерические знания Востока. Если орден был основан с целью сотрудничества с неверующими, неудивительно, что их тайна хранится до сих пор. Свободомыслие и быстрый рост богатства, силы тамплиеров выглядят так, словно ордену оказывали поддержку со всех сторон. Пока продолжались крестовые походы, тамплиеры находились в безопасности и вели свою двойную игру: для всех — христиане, а тайно — еретики и язычники.

Во всяком случае, их доктрины были не православными. Во втором крестовом походе их усердие носило характер самоубийства. Они не сдавались превосходящим силам мусульман и сражались до последней капли крови. В бою тамплиеры вели себя как дуалисты, презирая земную жизнь. Другой нитью к их истинным взглядам является предположение, что рост силы ордена совпал с расцветом в Провансе учения катаров (альбигойцев), с воспеванием трубадурами рыцарства, идеализацией женщины и развитием дохристианской, языческой философии, тонко переделанной в христианскую с помощью мифа о короле Артуре и чаше Грааля.

В течение последующих двухсот лет этот могучий орден воинствующих монахов так скрывал свои истинные убеждения, что до времени его таинственного падения в 1307 г. настоящие цели ордена остались неизвестными.

В 1208 г. н. э. папа Иннокентий III объявил крестовый поход против катаризма. Во время этой кровавой войны была основана инквизиция, чтобы уничтожить еретиков — задача, эффективно выполненная к 1244 г. Тамплиеры выжили, но течение изменило свое направление на полностью противоположное, когда в 1291 г. пала Акра, и Святая Земля была потеряна. В течение 200 лет крестовые походы отвлекали Европу от внутренних войн и предоставляли тамплиерам свободу действий. Теперь, когда их опора была разрушена, они подверглись смертельному риску. В эпоху после крестовых походов тамплиеры не смогли прижиться в Европе. Изучение исламских доктрин, математики и других наук, иудейская Каббала, мистерии кельтов и друидов, связь с дуализмом породили в них анархизм, неподчинение ни королям, ни папам. Но — самое худшее — короли негодовали на них из-за своих долгов им, а простые люди — из-за их высокомерия. В конце концов орден тамплиеров ослаб.

На первый взгляд, падение тамплиеров произошло потому, что они стали слишком могучими. Со своими порта-

ми, поддерживаемыми европейскими королями, и флотом тамплиеры превратились в настоящее "государство в государстве". В пятницу 13 октября 1307 г. французский король Филипп Красивый произвел массовые аресты (операция была великолепно спланирована заранее и наружу не просочилось ни словечка). Но задержанных храмовников обвинили не в гражданских преступлениях, а в ереси. Под пытками инквизиции их обвинили в отречении от Христа, осквернении Креста, развращении масс, поклонении идолу (Бафомету, то есть "Изображение идола"), а также в ритуальных убийствах, аморальных, непристойных сношениях и ношении еретических шнурков (как ведьмы). Практически доказанным считается усиленно насаждавшийся в ордене гомосексуализм (руководство ордена полагало, что при общении с женщинами рыцарь может разгласить тайны ордена, на общение же с мужчинами обет воздержания не распространялся).

Все пойманные тамплиеры были подвергнуты страшным пыткам и казнены. В 1312 г. папа Климент V упразднил орден. Последний Великий магистр Жак де Моле умер на колу в Париже в 1314 г. Говорят, он перед смертью призывал короля Филиппа и папу поскорее присоединиться к нему и предстать перед троном Господа. Оба, кстати, умерли в тот же год.

Недавно было высказано предположение, что тамплиеры были военным крылом гораздо более старшего по возрасту тайного союза *Preiure de Sion*, созданного с целью защищать и представлять интересы меровингской династии, которая, как считается, произошла от Иисуса Христа и Марии Магдалины. Рыцари тамплиеры были вооруженными силами этого союза. Писатели утверждают, что этот альянс жив и сегодня благодаря защите и дальнейшим интересам истинной благородной крови Христа.

Однако французские тамплиеры на суде в 1308 г. называли Христа "фальшивым пророком", утверждали, что не верят в Крест, "поскольку он еще слишком молод". Их ве-

рования выглядели дохристианскими. Бафомет, бородатый идол, которому они поклонялись, напоминает божество кельтов. Как и катары, которые утверждали, что Христос не существовал, а был просто "святым призраком", тамплиеры отказывались верить в Распятие.

Однако большинству тамплиеров удалось избежать арестов. Где они спрятались? Кто предупредил их? Почему? Тайна их судеб спрятана так же глубоко, как история их зарождения в Святой Земле.

Предполагается, что одна их часть бежала в Шотландию и что шотландское ритуальное масонство происходит от них. Под броней погибшего в битве при Килликранке в 1689 г. виконта Данди был найден крест тамплиеров. Но более века мистицизм тамплиеров имел меньшее значение, чем роль их многонациональной организации с собственными портами, флотом и банками. Изобретя банковские чеки, они были освобождены от налогов и ввели свои. Подчинявшиеся только папе, тамплиеры жили в блеске одиночества, ненавидимые всеми. Однако выжили они не только из-за очарования представляемых ими рыцарских идей, но и из-за тайны, которая все еще сохраняет свое значение. Сегодня влияние тамплиеров, действительное или воображаемое, имеет место в масонстве и в других полуоккультных орденах.

Если авторы книги правы (и множество доказательств выстроено ими для поддержки данного утверждения), тогда очевидно, что римско-католическая церковь смотрела сквозь пальцы на истребление потомков Христа, чтобы гарантировать господство своей интерпретации христианства, то есть гарантировать временное развитие собственной силы и власти.

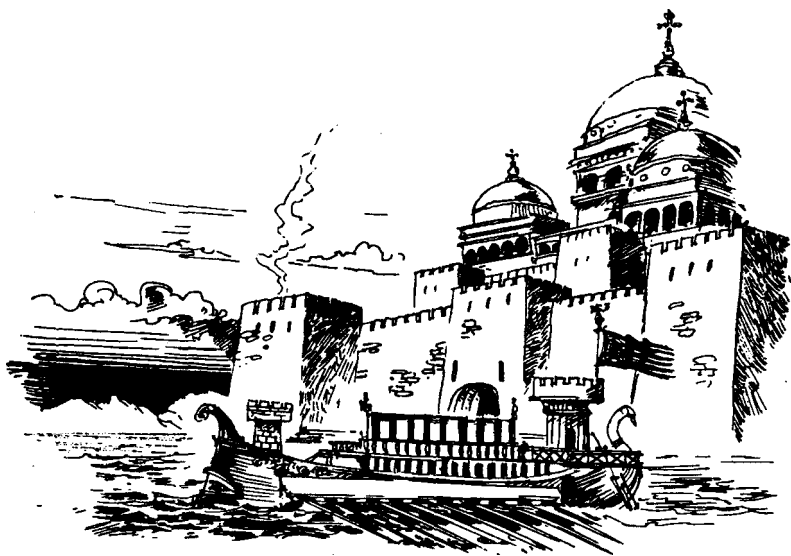
Официозная католическая и православная интерпретация истории, случившейся 2000 лет тому назад в Иудее, базировалась на доктринах первородного греха и спасения всего человечества через личность одного богочеловека — Иисуса Христа.

Христианская религия в отличие от ислама, даосизма, манихейства и многих, многих других религий — плод творчества не одного человека, а целого коллектива авторов, в числе коих были столь авторитетные столпы церкви, как святой Павел, святой Петр, Иоанн Богослов, святой Франциск, Иоанн Златоуст и другие. В результате их коллективного творчества христианская религия обрела необходимую стройность, неопровержимую логику, необъяснимую притягательность для миллионов людей. Испытывая умиление и благоговение перед крестными муками Сына Божиего, с пением гимнов люди восходили на костры, шли в битву, в монастыри, с именем Христовым принимали новорожденных и провожали в последний путь усопших.

Если Меровинги были потомками Иисуса из Назарета (а Сонье, предположительно, их пра-... правнуком), то европейская культура и мысль последних двух тысяч лет находилась под влиянием странной интерпретации религиозной догмы, которая не только имела мало общего с Христом и его учением, но которая основывается на отвергании и того и другого.

Подобная мысль кажется кощунственной. Однако нас слегка утешает то, что высказывания авторов этой теории не подтверждены неопровержимыми вещественными доказательствами. Если же таковые даже будут найдены, то это вряд ли уведет с избранного пути истинных христиан, что же касается атеистов и последователей иных религий, то их данная тема, похоже, не очень-то волнует.

ГЛАВА XXII. Судьба "второго Рима"

Загадочен исчезнувший Вавилон, сонмище народов и противоречий давних эпох, "столица мира". Но не меньше пока неразрешимых загадок, связей и противостояний содержит царь-город Константинополь, нынешний Стамбул, прежняя Византия. Город, продолжившийся на месте древнего, фактически растворил в себе громадную историю, а специалисты часто не могут прибегнуть к раскопкам и вынуждены пользоваться лишь письменными свидетельствами прошлых эпох. Двадцать девять раз в своей истории Византия подвергалась осаде многими и многими завоевателями. Лишь семь раз осажденные не выдерживали осады. Последний, решительный бой был тридцатым и роковым для христианского Константинополя.

Однако пожары и разрушения, принесенные чужаками, иногда не шли ни в какое сравнение с тем ущербом, какой наносили византийцы себе сами. Внутренние пружины бывали закручены гораздо сильнее и ударили сильнее.

Эту главу нам удобнее начать с события, в котором ярко проявились скрытые и открытые механизмы, приводившие город на грань катастрофы. Произошло оно в конце первой трети VI века от Рождества Христова, Речь идет о так называемом "восстании Ника" в январе 532 г., во времена царствования императора Юстиниана.

Сложность социального состава населения усугублялась не только демографическими нюансами (трудно назвать, какие народы не населяли Византию), но и религиозными различиями, ибо наряду с христианами, уже поделенными на католиков и православных, значительную часть византийцев составляли язычники всевозможного толка. Деление города на кварталы, закрепление их за определенными "языками" не спасало положения. Римская империя, созданная силой оружия, все свои противоречия передала по наследству Византии. Межнациональные конфликты с

различными социальными оттенками так или иначе происходили, сближая одни и отдаляя друг от друга другие народы. А стремление удержать в равновесии эти силы приводило к неизбежному усилению центральной власти, базировавшейся на законах, которые не всегда были глубоко продуманы, каким и явился свод законов Юстиниана, призванный упорядочить многие стороны жизни, производства и торговли, закреплявший некоторые права собственности, но во многом отнимавший прежние свободы. Трудно было обнаружить социальный слой, в котором не было недовольных новыми законами. К январю 532 г. противоречия вылились в неожиданный всплеск народного гнева.

Однако любое социальное выступление могло произойти лишь через определенные социальные институты. Это могли быть, скажем, квартальные комитеты, демы, или философские беседы, или народное собрание... Как и в Греции, в Византии у рядового жителя существовало не так уж много возможностей выразить свое отношение к действительности. У аристократии был, в конце концов, сенат, у торгово-промышленного класса, куда относились и ремесленники, — свои профессиональные объединения по типу гильдий. Народ же нашел свой способ самовыражения в деятельности так называемых партий ипподрома. Такое разделение на партии возникло в Византии в конце IV века и окончательно оформилось к VI веку. Образовавшись всего лишь по принципу спортивного клуба болельщиков, народные фракции очень скоро включили в себя единомышленников отнюдь не на основе спортивных игр (ристалищ). И хотя население разбилось на две партии — прасинов и венетов, — их пристрастия прочитывались вполне определенно. Венеты (голубые) были чисто православные, а прасины содержали в своем составе христиан-еретиков, представителей язычников, иудеев и т. д. Все недовольство, накопившееся на чисто социальной почве, высказывалось в отно-

шении к игре, к противникам из другой фракции, и частенько выливалось в беспорядки.

Летописцы оставили нам удивительное свидетельство препирательств императора с обиженными прасинами, происходивших во время скачек на ипподроме. В истории этот документ зафиксирован под именем "Акты по поводу Калоподия". Ученые склоняются к тому, что с этой перепалки и началось восстание. Полный текст диалога донес в своей "Хронографии" Феофан.

Однажды на стадионе прасины возопили к императору о своих обидах. Жаловались они и на городское начальство, и на разгул преступности (двоих болельщиков накануне убили и виновных не преследовали), и на венетов, конечно. Венеты сидели молча, не вступая в пререкания, но и они были недовольны императором.

В претензиях венетов и прасинов к монарху оказалось много общего. Обе партии были объединены ненавистью к некоему Калоподию. Личность его до сих пор не прояснена. Возможно, потому, что имя это не было редкостью. Известен Калоподий, являвшийся препозитом в 558-559 гг. О нем упоминает тот же Феофан. Но тот ли это Калоподий, бывший в 532 г. спафарием, не известно. Юстиниан прекрасно понял, что дело не в Калоподий и что прасины намекают на произвол многих высоких должностных лиц.

В тот знаменательный день прасины покинули ипподром, демонстративно нанося императору (и уж потом — венетам) оскорбление. Венеты, как выяснилось, даже не обиделись: пройдет всего несколько дней, и они станут заодно с прасинами в восстании против императора и правительства. Но все-таки после ипподрома между венетами и прасинами начались стычки на улицах, и весьма кровопролитные. По результатам наведения порядка было арестовано много людей. И префект Евдемон присудил семерым смертную казнь. Четверо были обезглавлены, а троих должны были повесить.

И здесь произошло то, что считается настоящим чудом: сломалась виселица, и остались живы двое повешенных, причем оба — язычники: один прасин и один венет. Когда их стали вешать вторично, они опять упали на землю. Тогда в дело вступили монахи: они отвели этих двоих в церковь святого Лаврентия, что у Золотого Рога. Префект окружил здание храма, но не распорядился атаковать его, а только сторожить осужденных.

Наступило 13 января. Начались иды, и император позволил устроить на ипподроме очередные ристания. На результаты скачек никто не обращал внимания. За два заезда до конца состязаний (всего заездов было 24 по семь кругов) венеты и прасины, постоянно выкрикивая слова о помиловании тех двоих, которых спас сам Бог, не дождались ответа императора. Тогда по рядам пронеслось восклицание: "Многая лета человеколюбивым прасинам и венетам!"

Эти слова были началом союза венетов и прасинов и "сигналом" к началу восстания. "Ника!" ("Побеждай!") — этот призывный болельщицкий клич, ставший "паролем" восставших, а позднее давший имя самому восстанию.

Вечером народ пришел к префекту и потребовал убрать солдат от церкви святого Лаврентия. Не получив никакого ответа, восставшие подожгли преторий (казармы) префекта города. Мало того: народ ворвался в тюрьму и освободил не только несправедливо, по его мнению, осужденных на казнь, но и вообще всех заключенных, среди которых были жестокие воры и убийцы — простые уголовники. А охрана, по словам Прокопия Кесарийского, была перебита.

Подожгли вторую тюрьму, на Халке... Это было деревянное сооружение, покрытое медными листами с позолотой — так был оформлен вход в Большой дворец. Пожар в мгновение распространился по городу. И в пожаре погибли храм святой Софии — гордость Византии, — портик Ав-

густеона, находившиеся там же здание сената и бани Зевк-сиппа.

Поджигали и грабили богатые частные дома — вероятно, не без помощи освобожденных уголовников. Правда, очень многие горожане, не желавшие участвовать в беспорядках — кто в страхе, кто по убеждению, — бежали на азиатский берег Босфора.

14 января Юстиниан, не наученный опытом двух ипподромных инцидентов, приказал опять провести игры. Может быть, ему казалось, что народу недостает "зрелищ"... Когда же начались состязания, венеты и прасины подожгли часть ипподрома, а сами собрались на Августеоне.

Посланцы императора сенаторы Мунд, Василид и Константиол пришли узнать, что нужно народу. И получили требование избавить Константинополь от Иоанна Каппадокийского (префекта претория Востока), квестора Трибониана и префекта города Евдемона. Причем мятежники требовали смерти первых двоих.

На этот раз император постарался мгновенно среагировать на желания своих подданных: он сместил всех троих чиновников и назначил других — префектом претория Востока стал патрикий Фока, сын Кратера, место Трибониана занял патрикий Василид, а место Евдемона — сенатор Трифон. Это не возымело видимого действия: толпа продолжала бушевать.

Тогда Юстиниан призвал Велисария и велел ему с отрядом готов утихомирить народ. Готы врезались в толпу и порубили многих... Но стихия продолжала бушевать.

15 января народ захотел избрать нового императора. Им должен был стать патрикий Пров, племянник Анастасия. Толпа вломилась в дом патрикия Прова, но не нашла его там. Подожгли и этот дом.

В пятницу 16 января горели канцелярия префекта Востока, странноприимный дом Евбула, странноприимный дом

Сампсона, церковь святой Ирины, бани Александра. 17 числа участники восстания уже избивали друг друга, ища доносчиков. Не щадили никого, даже женщин. Трупы бросали в море.

Юстиниан уже не мог справиться своими силами: в городе было только три тысячи солдат. Поэтому позвали подкрепления из Евдома, Регия, Калаврии и Атиры.

Толпа, преследуемая войсками, укрылась в здании высшей школы — красивейшем дворце Октагоне (он был восьмиугольным). И его подожгли — уже солдаты. Сгорели еще церковь святого Феодора, портик аргиропратов, церковь Акилины и дом ординарного консула Симмаха. Горела центральная улица Месе, прилегавшие кварталы. Сгорел остаток Августеона Ливирнон.

Юстиниан поступил неординарно. На следующий день он взял евангелие и отправился на ипподром. Услышав об этом, на ипподром отправилась и толпа. Там Юстиниан поклялся на евангелии, что не предполагал подобного развития событий. Он признавал вину за собой, а не за народом. Говорил о своих грехах, которые не позволили ему исполнить справедливые требования, высказывавшиеся здесь же, на ристалищах. Кое-кто уже готов был, как говорится, "сложить оружие", раздались отдельные возгласы одобрения. Именно так поступил за двадцать лет до этого события другой император — Анастасий...

Но большинство проскандировало:

— Ты даешь ложную клятву, осел!

И все выкрикивали имя Ипатия — еще одного племянника Анастасия.

Подозревая о том, что все будет именно так, еще накануне Юстиниан отправил двух братьев — Ипатия и Помпея — из своей резиденции, дав им наказ "каждому сторожить свой дом". Почему-то мятежники решили, что Ипатий с ними, а не с базилиевсом.

...С ипподрома император и толпа отправились в разные стороны: восставшие спешили к дому Ипатия. Они нашли там его и его жену Марию, которая умоляла оставить ее мужа в покое. Но, забрав Ипатия с собой, мятежники привели его к форуму Константина, где провозгласили императором.

Теперь толпа захотела штурмовать императорский дворец, но сенатор Ориген отсоветовал делать это. Правда, он же предложил, чтобы Ипатий занял другой дворец, откуда мог бы вести с Юстинианом борьбу.

Все пошли на ипподром. Туда же прибыл вооруженный отряд прасинов. То ли из любопытства, то ли по убеждению к восставшим присоединились некоторые схолярии и экскувиты. А другие отказались защищать императора. Юстиниан, прекрасно осознавая свое положение, раздумывал, не броситься ли ему в бегство. Но собравшиеся с ним немногочисленные сторонники никак не могли решить, что предпринять. Оказалось, что, кроме наемников Велисария и Мунда со своими отрядами, базилиевса некому защищать.

Императрица Феодора сказала единственное решительное слово. В речи, вероятно, приукрашенной позднее и богатой метафорами, прозвучала очень правильная мысль: "Тому, кто однажды царствовал, быть беглецом невыносимо".

Решение было принято. Император с приближенными отправился в триклиний, находившийся по другую сторону кафисмы ипподрома, где всегда восседал Юстиниан, а теперь занятой Ипатием. По дороге евнух Нарсес не щадил денег, подкупая венетов. Подкупленные проникли на ипподром, и в короткий срок единодушная толпа раскололась, пошли раздоры. И в этот момент с разных сторон на ипподром ворвались отряды Велисария и Мунда, а также оставшаяся верной часть солдат. Пошла кровавая резня. Очень скоро племянники Юстиниана Вораид и Юст схватили Ипатия и Помпея и притащили их к царствующему дяде. На следующий день оба были казнены.

Только в результате резни на ипподроме погибло около 35 тысяч человек. Восстание было подавлено.

После подавления восстания было конфисковано имущество восемнадцати сенаторов — из тех сенаторов, кто так или иначе принял в волнениях участие.

Здесь, пожалуй, стоит прервать наше повествование, чтобы, исследовав историю Византии, донести до читателя и некоторые причины столь массового участия аристократии в бунте.

Издавна Босфор был не только воротами в Понт Эвксинский, но и главной переправой с Запада на Восток, из Европы в Азию. Фактически эта географическая точка всегда лежала на перекрестке разнообразных торговых путей. Было бы удивительно, если бы в этой точке не возникло торгового поселения.

Отзвуки первопоселений остались в финикийских географических именах. Например, малая деревушка Харибда на входе в Черное море — название из финикийской топонимики. Теперь ему соответствует Гарибче.

На акрополе Византии когда-то были открыты остатки древнейших циклопических строений, относившихся к IX веку до н. э. Основание города приписывалось мегарцам, но потом выяснилось, что на этом месте еще раньше жили фракийцы. Однако и фракийский город не был самым древним населенным пунктом на Босфоре: рядом с Константинополем были найдены пещеры, курганы, каменные орудия неолита.

Финикийцы, торговцы и мореплаватели, не могли упустить столь выгодное место. Они основали свою факторию близ Халкидона (от финикийского "Новый город"). Халкидон располагался перед Золотым Рогом, отчего позднее был прозван Прокератидой. То была столица небольшого государства на азиатском берегу Босфора и занятого позже Дарием. Греки-колонисты из Мегары, прежде чем основать

город на Серайском мысе, что произошло, по преданию, в 658 г. до н. э., спросили совета дельфийского оракула по выбору места. "Напротив слепых", — таков был ответ. И когда Визант привел своих людей на Босфор, он увидел Халкидон и тут же понял, что истинное место для его города — конечно же, Золотой Рог, которого не заметили его предшественники и, "как слепые", устроили поселение за Золотым Рогом. Впрочем, это скорее всего легенда: греки уже жили здесь. Византу осталось лишь дать имя этому городу. Так город-колония стал Византией.

Первыми захватчиками Византии были персы. В бесконечной череде греко-персидских войн город часто оказывался заложником той или другой стороны. В V веке до н. э. Дарий переправил свое войско по мосту, составленному из судов. Византийцы в конце концов покинули насиженные места, и Дарий разрушил город до основания. А через несколько лет Византию занял Павсаний, вождь спартанцев. Потом она подпадала под влияние Афин, отбивших ее у лакедемонян. А после ее брали Алкивиад, затем Лисандр...

В 340 г. греки спасли Византию от царя Македонии Филиппа: знали, что она сопротивляться не сможет, а потому послали свое войско.

...Римляне оставили Византии ее независимость: город давно уже был богаче Афин, крупнее и удачливее бывших своих покровителей, ибо сами они измотали себя в междоусобицах. Земли римляне тоже решили оставить за Византией: разрушать или обеднять такой форпост им было невыгодно. Правда, для того чтобы показать, кто все же хозяин, они забирали с Византии судовую пошлину.

В римскую провинцию Византия превратилась гораздо позднее — при Веспасиане.

...Септимий Север (146-211 гг.), воюя с Песценнием Нигром, осаждал Византию три года. Византийцы не выдержали столь долгой осады — когда в городе съели крыс и

кошек, питались мясом умерших. И вот, приняв поражение осажденных, сдавшихся из-за голода, Септимий, пожалев свои усилия, приказал разрушить доселе неприступные стены: ведь Византия помогала его сопернику. Скоро Септимий раскаялся и, следуя совету Каракаллы, бывшего его сыном, стал восстанавливать крепостные укрепления. Увлечшись, он построил в городе дворцы и портики, бани.

В создании великолепия, коим славилась Византия, больше других преуспел император Константин Великий (ок. 285-337 гг.). Правда, он был приверженец деспотии, но демократия, существовавшая в Византии (одно время ее звали Антонионом), показала, насколько опасны внутренние распри, насколько хороша монархия, несмотря на противодействие римского чиновничества, противостоявшего императору.

С Константином связана жуткая история об убиении им собственного сына Криспа и племянника Ликиния: Фавста, вторая жена императора, сделала все, чтобы рассорить мужа с детьми от первого брака. Но умный император в конце концов разобрался в происках клеветницы и утопил ее в ванне с кипятком. Досталось и придворным, сторонникам Фавсты, дочери Максимиана. Их ждала та же участь.

Именно Константин, увидевший настоятельную необходимость иметь богатый и сильный город на азиатской границе, решил перенести сюда из Рима столицу. Правда, первоначально он выбрал на эту роль Илион, бывшую Трою, но из стратегических соображений остановился все же на Византии. К тому же Илион еще предстояло отстраивать...

Вокруг пяти из семи холмов Византии Константин возвел стены, внутри построил храмы, дворцы, фонтаны, бани, водопроводы. Особенно хороша была главная улица Месе. Правда, для украшения дворцов и портиков, форума и Августеона пришлось пожертвовать древними сокровищами: драгоценности из храмов Артемиды, Афродиты и

Гекаты перекочевали в новую столицу, а храмы Греции и Азии заметно опустели. Зато возросло население столицы на Босфоре. Римлян, чьи земли лежали в Азии, Константин насильно переселил в Византию, ибо, не подчинись они этому закону, потеряли бы все права на владение своими землями. Хозяева переселялись с чадами и домочадцами, так что и мастеровых, и слуг, и рабов в новой столице стало предостаточно. Вот откуда древняя римская аристократия, не потеснив греческую, оказалась в Византии. А разношерстное население самой новой столицы складывалось на протяжении тысячелетия.

В день освящения город Византия, согласно эдикту, получил имя Нового Рима. Эдикт запечатлен на мраморной колонне и датирован 330-м годом. В Византии с тех пор праздновали этот день ежегодно 11 мая. Но вскоре Новый Рим как-то стихийно и, вероятнее всего, независимо от чьей-либо воли приобрел еще одно имя, которое и закрепилось за ним: Константинополь. За внимание к христианам сам Константин, тоже принявший христианство, стал называться Великим. Впрочем, его жестокость и тирания помнились долго.

А через 65 лет после переноса столицы, в 395 г. Феодосий Великий, умирая, поделил империю между сыновьями — Гонорием и Аркадием. Так Византия стала центром огромного самостоятельного государства и перед Римом имела преимущество в том, что находилась в жизнедеятельном состоянии. Распад империи сказался только на Риме, для Константинополя, наоборот, начался период расцвета, который продолжался тысячу с лишним лет.

Теперь, пожалуй, легче станет оценить, за что и почему сенаторы участвовали в восстании 532 г.

Патрикии — высшее аристократическое общество Византии. В это сословие входили как древнейшие аристократические роды, так и новоиспеченные аристократы.

Несмотря на то что правление Юстиниана (527-565 гг.) в целом принесло стране благоденствие, молодой император создал себе окружение из людей пришлых и безродных. Заняв ведущие государственные посты, эти люди не только оттеснили родовитую знать от управления и двора: ведь в Византии высокий пост давал еще возможность получения дохода, и немалого.

Впрочем, должность, или звание, сенатора не была наследуемой, иногда не была и пожизненной. Сенат Византии — довольно слабое звено в государственной цепочке именно из-за своей неустойчивости. Должность префекта претория (начальника городской полиции) всего через несколько лет сделала Иоанна Каппадокийского баснословно богатым человеком. Даже и сосланный в Кизик, он продолжал жить роскошествовая.

А ведь неоднородность аристократии не была двухплюсной: между отпрысками древних родов и совсем новыми выдвиненцами существовал слой аристократов, получивших положения вельмож не так давно — в IV-V веках, после разделения столиц. Так называемая "третья" сила тоже играла свою определенную роль. Их имущество, как имущество родовитых, и присваивал Юстиниан, вводя разные проценты пошлины для аристократов и купцов, на суше и на море и т. д. Прямая конфискация имущества восемнадцати участников бунта как нельзя лучше свидетельствует о том, какую именно экономическую политику проводил Юстиниан по отношению к знати.

Аристократия не готовила бунт, в первый и последующие моменты не принимала в нем участия. Наоборот, именно ее дома сжигались народом сразу же после того, как сгорели ненавистные государственные учреждения. А вот назначения взамен Иоанна Трибониана и Евдемона говорят скорее о том, что аристократы уже включились в "игру" и пожелали использовать недовольство народа в собст-

венных интересах. К 18 января, когда Ипатия провозгласили новым императором, у нее, аристократии, вероятно, уже сформировалось желание не только сменить людей на высших должностях, но и поменять династию. Как правило, в Византии смена династий не приводила к серьезным опалам, так что бояться было практически нечего.

А вот надеяться на возобновление роли сената в жизни государства патрикии вполне могли. Дело в том, что с приходом к власти Юстиниана над всеми возвысилась фигура императора. Прежде, при Анастасии и Юстине, было не так. Восстановить свою значимость в политике государства мечтали многие. Правда, и тогда представителям аристократии не давали решать государственных дел, но хотя бы считались с мнением сената.

Сенаторы проиграли восстание не потому, что плохо подготовились к нему, как считают некоторые ученые. Они не готовились к нему вовсе. Стихийное выступление народа, которому только на один день по-настоящему помогли оформиться в требование провозгласить нового императора, так и не стало развиваться в желаемом направлении. Славословия на ипподроме в адрес Ипатия ничем, как глупостью, не назовешь. В то время как Юстиниан изменил (не впервые!) свою тактику и победил. Правда, братья, тут же сообразившие, что большей глупости, чем привлечь толпу на ипподром, где ее удобнее всего вырезать, придумать было невозможно, пытались представить это как продуманный тактический ход: "Мы тебе согнали чернь — осталось с нею расправиться..." — но Юстиниан, сам интриган и тактик, решил усомниться в тактических способностях Ипатия и Помпея: он не поверил. А найдись у мятежа средней руки вождь — и Юстиниану бы пришел конец. Вождя не нашлось...

Теперь, после подавления бунта, все, к чему стремился Юстиниан, вполне могло осуществиться. Но тенденция к

автократии, ярко проявленная им в первые пять лет правления, просуществовала уже недолго. Наказав виновных, конфисковав их имущество и раздав его приближенным, которых следовало отличить, Юстиниан начинает делать реверансы в сторону сенаторов, придумывая новые законы (новеллы), затем в сторону торгово-ростовщической верхушки (пытаясь угодить и тем, и другим), а потом и вовсе возрождает права сената, пусть и не в полной мере, как того хотелось бы противникам. До конца жизни еще не раз императора преследовали заговоры и бунты, их источником были либо заинтересованная верхушка знати, либо верхушка торговая. А исполнителями продолжали оставаться партии зеленых и голубых — партии ипподрома. Все выступления начинались там.

А вот то положительное, что вынес Константинополь из этого периода: сразу же после мятежа и пожаров Юстиниан стал восстанавливать город. Вскоре были отстроены дворцы и дома краше прежних.

Заслугой Юстиниана является отстроенный храм святой Софии — жемчужина византийской архитектуры.

Эпоха македонской династии пришлась на продолжение расцвета. Константинополь сделался первым городом мира. Прекрасные памятники, среди которых многие поистине исторические, были историческими уже в то время.

Первым и единственным в своем роде учреждением был Университет с его наукой и литературой. В нем находились практически все рукописи Древней Греции. Благодаря Константинополю до нас дошли в первозданном виде произведения многих и многих древних авторов. В Константинополе собирались лучшие художники и писатели, архитекторы и ученые. Константинополь был законодателем мод в искусстве и литературе. В нем, как нигде, соединились искусства западной и восточной дипломатии, и, наконец именно Византия стала центром православия, которое она распространяла на ближайших соседей и на соседей дальних.

Но Константинополь был еще и центром порождения внутренних раздоров. Самый яркий из мятежей — восстание венетов и прасинов — далеко не единственный бунт даже в VI веке: начавшись в конце V, бунты продолжались с не меньшей частотой и позже. Роскошь города и двора приходила все больше в откровенное противоречие с нищетой, царившей в столице и провинциях. А церковный раздор между православными и католиками стал и подготовкой к закату великой империи.

Идея четвертого крестового похода (1202-1204 гг.), возникшая в католических головах, нравилась римлянам одной своей стороной, венецианцам — другой. Она не понравилась только Алексею Младшему — племяннику императора Византии Алексея, который, свергнув с престола и ослепив брата Исаака, сам занял его. Алексей посадил Исаака и Алексея Младшего в тюрьму, но юноша сумел бежать к зятю — Филиппу Швабскому, за которым была замужем его сестра.

Живя у Филиппа, он узнал о готовящемся походе и понял, что с его православной родиной может произойти самое худшее — гораздо хуже того, что произошло с его отцом-императором.

Повод "заглянуть по пути" в Константинополь был, конечно, смешной: восстановить справедливость, усадив на трон свергнутого императора. Но противостоять этому Алексей никак не мог. Он только умолял "ничего не делать с Византией"... Откуда ему было знать, что Венеция настроена решительнее всех: этому первому на Западе торговому городу уже не хватало возможностей обогащения, а древняя Византия, нынешний Константинополь, продолжал коммерческую деятельность на Босфоре... Венецианцы снарядили триста галер, "безвозмездно" предоставили их для нужд Христова воинства. 23 июня 1203 г. все галеры бросили якорь в бухте Золотого Рога.

Константинополь не сразу понял, что это осада христианского города христианами же. И все это при том, что Венеция принадлежала Византии, будучи западным ее портом.

Крестоносцы скоро подожгли город и, воспользовавшись паникой, проникли в него. Император Алексей бежал, и Исаак действительно был возведен захватчиками на престол. Византия в лице посаженного римлянами и венецианцами императора Исаака заключила с римлянами договор, по которому латиняне поселились в Галате. Венеция забрала себе в столице квартал, чтобы беспрепятственно взимать мзду с иностранцев, проходящих Босфором.

Исаак не вынес своего незавидного положения и скончался. Тогда в Константинополе короновали Алексея Младшего, и он поехал по землям империи, сопровождаемый крестоносцами. Молодой правитель сам мог убедиться, что все его опасения не были напрасными: то, что он видел, то, что происходило с его великой империей у него на глазах, было хуже тех беспокойств, которые охватывали его еще в гостях у зятя. К тому же он, молодой правитель, взошедший на престол на штыках завоевателей, не мог опровергнуть сложившегося о нем в народе мнения. Юноша был задушен своими земляками, а на престол возвели Мурзуфла.

Никто не помешал крестоносцам напасть на Константинополь вторично. 13 апреля 1204 г. они вновь завладели городом. Теперь-то они пограбили всласть! Теперь им было тут все чуждо, и не было единственного сдерживающего фактора — несчастного сброшенного с престола Исаака и его сына Алексея. Город начали откровенно грабить. Опустошили святую Софию, поделив между собой драгоценные камни, а православные святыни втоптали в грязь и разломали.

Не пощадили даже императорские кости: почти семь веков останки Юстиниана покоились в склепе храма святых

Апостолов, — теперь они были осквернены, а драгоценности, покоившиеся вместе с костями, расхищены.

Бронзовые статуи, гордость Константинополя и память о древнем искусстве предшественников, почти все переплавили и чеканили из них разменную монету. Лишь коней Лисиппа увезли в Венецию. Такого урона, какой был нанесен Константинополю крестоносцами, городу не наносил никто.

Римляне объявили на месте прежней Византии новую латинскую империю. Она была тут же поделена на королевства, герцогства и графства.

Но греки основали новые государства в Морее, Трапезунде и Никее. Их мечтой было восстановить Византийскую империю в прежнем виде. Через 57 лет это удалось сделать Михаилу VIII Палеологу, царю Никейскому. Он завоевал Константинополь и уничтожил империю латинов, однако Византийскую империю в прежних пределах восстановить не сумел: за венецианцами остались некоторые острова, за римлянами — часть Греции, за болгарами — часть Фракии. Трапезундская империя владела частью Малой Азии.

Тем не менее новая Византия просуществовала больше двух веков. С 1390 по 1453 г. турки трижды подходили к стенам Константинополя. Византийцы отбили Баязета в 1390-м, Мурада II в 1422-м...

В 1453 г. османские войска Мехмеда II подошли к воротам города. Уже шестьдесят с лишним лет турки беспокоили Византию, и Константин XI, император византийский, прекрасно знал: Мехмед — это не Мурад, с ним шутки плохи. Ему, конечно, рассказали, как два г. назад Мехмед, воссевший на престол вторично (после смерти отца, ставшего усилиями окружения султаном вместо Мехмеда), встретив по дороге отряд янычар, вооруженных до зубов и не особенно ценивших дважды-султана, "поговорил" с головорезами. Обнаглевшие воины потребовали от султана подар-

ков за то, что они, янычары, сегодня поздравляют его с возвращением на престол.

Султан направил коня в самую гущу наглецов. Тем пришлось расступиться. А затем повелитель велел каждому из них дать по сто палок (по пяткам). С таким характером он не пощадит никого, кто будет ему сопротивляться.

Впрочем, тогда, в 1451 г., став опять султаном, Мехмед возобновил договор с Византией о содержании там внука Сулеймана по имени Орхан, а за это отдавал доходы с некоторых своих земель. Дело в том, что присутствие Орхана, имевшего все права на османский престол, было в Османской империи нежелательно.

Однако в том же 1451 г. Мехмед отправился наказать караманнов. Караманнский бей со всех ног умчался в Таш-Или, и Мехмед присоединил его государство к своей империи. Бей клялся в верности и даже направил к султану свою дочь, но Мехмед собирался разделаться с ним точно так же, как в свое время великий Чингисхан не допускал, чтобы его противники оставались в живых.

Но тут Константин XI сделал ошибку: он прислал сказать султану, чтобы тот увеличил плату за Орхана. Бросив караманнов, Мехмед в крайнем раздражении направился к Босфору. Там он попросил у императора крепость Румили-Хисар, которая расположена как раз напротив Анатоли-Хисара. Это означало, что вся переправа переходила в руки турок.

Константин ответил, что Румили-Хисар ему не принадлежит и что ею владеют гегузы. Ни слова более не говоря, Мехмед велел взятым с собой каменщикам и рабочим (тех было 6000 человек) возводить стены. Так за 4 месяца Румили-Хисар стала неприступной крепостью. Анатоли-Хисар также отстраивалась, одновременно с крепостью на европейском берегу.

Пора было бы уже понять, что Мехмед затевает неладное. И император понял это. Он направил к султану послов сказать, что он, Константин, готов заключить с османцами

договор, по которому Византия будет платить туркам хорошую дань. Султан равнодушно ответил послам, что он собирался всего лишь закрыть Босфор для генуэзцев и венецианцев, которые мешали его отцу на его пути в Варну. И еще произнес красноречивые слова: "Передайте императору, что я не похожу на моих предков, которые были слишком слабы, и что власть моя достигает таких пределов, о каких они и мечтать не могли".

Константин опять направил послов с просьбой прекратить грабежи соседних садов и полей, на которых живут мирные греки. В ответ Мехмед молча, но еще более красноречиво стал выгонять свой скот пастись на греческих полях. Тогда император отправил к султану гонцов с подарками и заверениями в вечной дружбе. Подарки были дорогие, и приближенные султана Халил-паша и Шахабуддин-паша стали Мехмеда уговаривать принять предложение Константина и не осаждать Константинополь. В ответ султан велел им найти людей, знакомых с топографией города.

Константин обратился к Европе с просьбой о помощи.

А Мехмед в крепости Румили-Хисар, населенной четырьмя сотнями янычар, брал дань со всех проходивших Босфор судов.

Тем временем греки, потерявшие терпение, устроили резню в районе Эпивата и порезали скот, опустошавший поля, и пастухов вместе с ним. Султан отправил войско для наказания греков.

В ответ византийцы заперли ворота города и объявили всех османцев в Константинополе своими пленниками. Отчаявшийся Константин даже пригрозил султану выпустить Орхана, дабы в Османской империи произошла смута. На что султан потребовал немедленной сдачи ему крепости, обещая в противном случае войну по наступлении весны.

Братья Константина Димитрий и Фома, правившие в Мерее, послали свои войска на помощь Константину, а Мехмед выставил против них войска Иербей-Турхан-бей.

Сам султан перебрался в Адрианополь. Там он принялся лично изучать способы, какими ему предстояло взять Константинополь, чтоб сделать его столицей мира. Ему помогали в том инженеры Адрианополя, прекрасно знавшие главную крепость Византии. Там же к султану пришел венгр Урбан, бросивший службу у византийского императора, и предложил отлить гигантские пушки, необходимые для осады при той толщине стен, что были в Константинополе.

Две первые пушки, отлитые Урбаном, доставили в Румили-Хисар. С первого выстрела был потоплен венецианский корабль, капитан которого Риччи, не пожелал платить дань за проезд. Узнав о результате, султан повелел отлить остальные пушки, и Урбан отлил их: при весе ядра в 600 кг пушка посылала его на расстояние в одну милю.

В феврале 1453 г. турецкое войско двинулось на Константинополь. Все мелкие укрепления на пути сдавались султану без боя.

Заручившись обещаниями европейских правителей, Константин заготовил провизии на шесть месяцев осады, укрепил стены и ворота города, а еще протянул через воды Золотого Рога на самом входе в него длинную и массивную цепь, через которую, из-за ее прочности и массивности, не смог бы передвинуться ни один корабль.

Правда, от папы император получил не войско и не оружие, а католических священников во главе с кардиналом Исидором, которые тут же стали служить службы по латинскому обряду. Они внесли дополнительную трудность в атмосферу предстоящих событий: своими дискуссиями на тему соединения церковей священники с той и другой стороны разделили защитников Константинополя на две части — сторонников и противников соединения. Во время одного из таких собраний кто-то из православных и произнес фразу, ставшую роковой: "Лучше тюрбан, чем тиара".

Помогли венецианцы и генуэзцы: одни дали пять судов, другие два. В городе царил мрачная атмосфера. Защитни-

ки, несмотря на собственную решимость биться до последнего, не верили в то, что Константинополь выдержит осаду.

Наконец, первого апреля византийцы увидели под стенами города множество турецких палаток. Левое крыло составляли войска, пришедшие с Мехмедом по европейскому берегу. Правое крыло — прибывшие через Геллеспонт малоазийские воины. Расстояние от турок до стены составило примерно милю. Оставалось дожидаться 6 апреля, когда, по сведениям летописцев, и началась осада. Но этого числа не знали еще ни Константин, ни, возможно, сам султан.

6 апреля первый пушечный выстрел возвестил о начале осады. От Семибашенных ворот и до Золотого Рога город окружала густая цепь турок. Местом для атаки была выбрана часть ворот между императорским дворцом и воротами святого Романа. Эта часть представлялась наиболее слабой. Со стороны же Золотого Рога неприятеля не было: флоту не давала войти в бухту мощная цепь. Соответственно и стены, которые в этом месте были слабее, чем в остальных местах, не осаждались и не защищались.

Караджа-бей командовал войсками левого крыла от Ксилопорты до Харисийских ворот. Исхак-бей и Махмуд-бей управляли войсками от Мириандрии до Мраморного моря. Против Влахернского императорского дворца были установлены три бомбарды, против Харисийских ворот — две, против ворот святого Романа — четыре и затем еще три, которые раньше использовались против Калигарийских ворот.

В численности войск разные источники расходятся, но, скорее всего, турецкая армия насчитывала около ста тысяч воинов и примерно столько же разного рода обслуги, а также 280 судов. Защитники имели 9000 солдат, из которых 3000 были генуэзцы, пришедшие на помощь византийскому флоту. А тот состоял из 26 судов: трех галер, трех генуэзских парусников, одного испанского, одного французского и шести критских кораблей. Правда, уступая в числе единиц, византийский флот был хорошо оснащенный, хорошо

вооруженным и конструктивно имел высокие борта, с которых удобно было бы воевать с мелкими турецкими фелюгами. Стены города, насчитывающие в длину 16 км, требовали защитников по крайней мере 150 тысяч человек. Вероятно, столько их и было из числа горожан.

Большая пушка Мехмеда, которая прежде была установлена против Калигарийских ворот, затем была перемещена к воротам святого Романа, после чего турки стали называть эти ворота Топ-капу.

У Харисийских ворот стоял со своим войском генуэзец Джустиниани. Его соседями из числа защитников командовали Федор Каристос и братья Брокиарди. Вокруг дворца Константина оборону занял венецианский гарнизон под командованием Джилорамо Минотто. Влахернский дворец и Калигарийские ворота охранялись римлянами и хиосцами, которыми командовал кардинал Исидор. Стены между замком Гептапиргием (Семибашенным) и воротами святого Романа охранялись отрядами Феофила Палеолога, генуэзца Маврикия Каттаньо и венецианца Фабрицио Корнаро. Ворота Пиги защищал со своим войском венецианец Дольфино. Территория от Семибашенных ворот до Мраморного моря была под присмотром венецианцев и византийских священников под началом Якова Контарини. Вуколеонский дворец охранялся каталонскими солдатами, которыми командовал Педро Джулиано. Стены Золотого Рога находились в ведении критян и греков под началом Луки Нотары. Маяк Золотого Рога обороняли венецианцы. 700 вооруженных священников, которых возглавляли Димитрий Кантакузин и Никифор Палеолог, стояли в резерве возле церкви святых Апостолов.

Перед началом осады Мехмед послал Махмуда-пашу в город с предложением сдать Константинополь, чтобы избежать "ненужного" кровопролития. Константин отказал. И только тогда раздался первый выстрел пушки. По свидетельству историков, горожан охватил неописуемый ужас. Правда, гигантская пушка стреляла всего до десяти раз в

день, поскольку на ее зарядку уходило более двух часов. Другие пушки, стрелявшие менее тяжелыми снарядами в 75 кг (таких было четыре), были отлиты мастерами османцами Саруджей и Муслигиддином.

Достоверно не известно, почему Мехмед стрелял по византийскому принципу. Принцип состоял в том, что сначала обстрел стен велся по двум нижним точкам воображаемого треугольника, а потом, когда в стене появлялись бреши, огонь переводился на верхнюю точку того же треугольника. Таким образом взламывалась любая крепостная стена. Кроме византийцев раньше такого приема не использовал никто, поэтому с первых часов осады защитники города подумали, что их кто-то предал. С удвоенной энергией они восстанавливали бреши и преуспевали в этом.

Византийцев осыпали тучи стрел, а в это время часть солдат пыталась устроить подкоп под крепостным рвом. В ворота били стенобитные машины, а передвижные осадные башни неумолимо приближались к стенам города. Одну из таких башен византийцам удалось сжечь — напротив ворот святого Романа — при помощи "греческого огня".

"Греческий огонь", которым успешно пользовались византийцы, считается арабским изобретением и состоит из части пороха, части керосина и какого-то смолистого вещества*.

Не повезло мастеру Урбану: его большую пушку разорвало, и изобретатель погиб под стенами разонравившегося ему Константинополя. С тех пор пушки стали не только смазывать маслом, но и давать им достаточно времени, чтобы они остыли.

Однажды византийцы обнаружили, что со стороны стен слышатся удары кирок. Поняв, что это саперы подкапываются под укрепления, они заложили контрмины и напустили вонючего дыма, после чего турки ушли.

*

Считается, что к смеси еще прибавлялась часть негашеной извести, ибо вещество должно было воспламеняться при соприкосновении с водой.

Флот Мехмеда все еще бездействовал. Он даже не сумел справиться с задачей завести перестрелку, не преодолевая цепи: на турецкую стрельбу византийцы стали метать "греческий огонь", и султан вынужден был отступить.

Наконец, султана известили, что на помощь городу идет большая часть венецианских и генуэзских судов. Он приказал выстроиться перед гаванью и не пропускать неприятеля в нее. Однако морская битва показала, что турецкий флот не может противостоять лучшему европейскому флоту, и пять судов, доставившие 5000 человек подкрепления, беспрепятственно прошли в Золотой Рог. Правда, есть расхождения в том, как они смогли это сделать: ведь цепь мешала и их проходу. Скорее всего, то была гавань Феодосия или Юлиана на побережье Мраморного моря.

Победа генуэзцев и венецианцев на море подорвала веру многих османцев в удачу. Сам султан наблюдал морскую битву в бессильной ярости: турецкие суда горели одно за другим, погибла значительная часть флота, но никакого практического ущерба противнику не было нанесено.

В этот критический момент к султану обратился император и предложил дань на тех же прежних условиях и при всего одном новом: если будет снята осада.

На военном совете мнения турок разделились. За принятие предложения Константина высказался великий визирь Халил-паша, бывший в своем мнении последовательным на протяжении всей кампании. Кроме того, что Халил-паша считал бессмысленным разрушение города и гибель своих и чужих солдат, он привел веский аргумент: Европа не оставит Византию, и скоро к ней прибудет многочисленное подкрепление. Великий визирь советовал султану подписать мир. Однако Саганос-паша, бывший зятем султана, Молла-Мехмед-Гурани и шейх Ак-Шамсуддин упорно стояли за продолжение войны. Ак-Шамсуддин еще раз напомнил о своем открытии, сделанном в священной книге мусульман Коране. Он предсказал дату взятия Константинополя. Сложив в одной из сур Корана числовое значение

букв, какими были начертаны слова "красивый город", он вычислил, что взятие Византии произойдет в 857 г. хиджры, то есть как раз в 1453 г. по Р. Х. Он напомнил султану слова Пророка: "Константинополь несомненно будет завоеван мусульманами. Что за могучая рать — его войско, князь и воины его, что возьмут этот красивый город!"

Предложения Константина отвергли. Решив, что все дело в Золотом Роге, султан придумал, как пройти в гавань. Через холмы, окружающие Галату, была проложена двухмильная дорога. По ней ночью при свете факелов и бое барабанов воины перетаскивали 70 судов и спустили их в гавань. Им помогал в этом попутный ночной бриз, раздувавший паруса. Таким образом наутро цепь Золотого Рога была преодолена.

Увидев в гавани турецкий флот, византийцы упали духом. Однако Джустиниани решил поджечь турецкие корабли с помощью "греческого огня". Ночью он приблизился к турецкому флоту, чтобы осуществить задуманное. Но стал жертвой предательства: от одного каменного ядра, пущенного турками, корабль Джустиниани пошел ко дну, погибло множество людей, и сам он едва спасся на лодке, продержавшись за буюк, не давший ему утонуть в тяжелой кольчуге.

После того султан стал обстреливать венецианский, генуэзский и византийский флот из мортир, стрелявших перекидным огнем, — собственное изобретение Мехмеда. Так он потопил несколько кораблей и освободил гавань Золотого Рога для турецких судов. Затем он перекинул через гавань понтонный мост, по которому практически беспрепятственно к самым слабым стенам подошла турецкая пехота.

В это время была пробита широкая брешь возле ворот святого Романа. Было разрушено несколько башен. А рвы за пятьдесят дней уже в достаточном количестве были завалены камнями и хворостом.

Своего зятя Исфендияра султан отправил к Константину с последним предложением: сдать город, а взамен получить одно из княжеств.

Теперь совет состоялся у византийского императора. Высшие чины уговаривали Константина сдать город. На это базилевс отвечал, что город, врученный ему Богом, станет защищать до последней капли крови. При этом император предложил султану заплатить военную контрибуцию — с тем чтобы тот снял осаду.

24 мая турки приступили к развернутому штурму с моря и суши. Султан обещал войску большую добычу, солдатам, первым взобравшимся на стену, поместья. При этом откровенно высказался о том, что беглецов, предателей и трусов ждет смертная казнь. В эти дни, как никогда раньше, звучало заклинание мусульман, с которым дервиши обходили войско: "Нет Бога, кроме Аллаха, и Мохаммед Пророк Его".

Мум-донанмасы (иллюминация) по приказу султана была зажжена по всему периметру древнего города накануне решительных действий. Горели факелы, пропитанные маслом, костры из смолистой древесины. Казалось, город в огненном кольце. Османцы заранее праздновали взятие Константинополя.

Если турки возносили молитвы Аллаху, пели и плясали, то византийцы всю ночь стояли на коленях перед образами Богородицы. А Константин ходил по городу, проверяя все посты, и воодушевлял солдат. Джустиниани распорядился восстановлением брешей, земляными работами по насыпанию новых валов и раскапыванию рвов в черте города, особенно перед разрушенными воротами святого Романа.

Если бы ему не мешали! Особенно удручало противодействие Луки Нотары. Дошло до того, что Нотара не дал ему пушек, когда они не только имелись у этого завистливого начальника, но и были очень кстати.

В самый момент штурма турки вдруг протрубили отбой. Оказалось, их сбило с толку сообщение о том, что на подмогу византийцам спешат венгерское и итальянское войска. Два дня передышки в результате этого не подтвердив-

шегося слуха получили защитники города. Потом распространение слуха приписали Халилу-паше, и это не было справедливо.

В момент молитвы, возносимой турками к Аллаху, над Константинополем разбушевалась стихия: невиданной силы гроза! От вспышек молний все небо сделалось кроваво-красным. Это вдохновило мусульман и привело в содрогание защитников. Некоторое число византийцев перешло на сторону турок и приняло мусульманство.

28 мая картина молебнов и решительной подготовки к штурму повторилась и с той, и с другой стороны. Константин присутствовал на церемонии всеобщего причастия в святой Софии.

Наутро 29 мая 1453 г. атака началась на пространстве между воротами святого Романа и Харисийскими воротами.

С той и другой стороны гремели пушки. С той и другой стороны противники осыпали друг друга тучами стрел. Османцы бросились на стены, пользуясь приставными лестницами. Со стен над Золотым Рогом на галеры неприятеля сыпался "греческий огонь". Над городом стоял густой дым.

Через два часа Джустиниани, тяжело раненный стрелой, не реагируя на мольбы императора Константина, покинул город. Он был переправлен на одной из своих галер к соотечественникам, наблюдавшим за ходом штурма с одной из высот Галаты. Отказ Джустиниани умирать в Константинополе (а он умирал) показался защитникам дурным знаком.

Есть историки, которые говорят о том, будто возле Харисийских ворот — по нерадивости — другие незаметные ворота были оставлены незапертыми. В эти-то маленькие ворота будто бы и вошли пятьдесят турецких солдат. Когда же защитники обнаружили их на улицах города, они пришли в оцепенение. Этого оказалось достаточно, чтобы турки хлынули в город лавиной. Большинство греков кину-

лось в святую Софию и укрылось там. Ждали чуда: кто-то предсказал, что явится ангел и вручит у ипподрома одному старцу саблю, которая принесет городу освобождение. Но мусульманские пророчества оказались сильнее: никто не спустился с небес и не вручил старцам оружия.

Янычары устремились во дворец императора. Константин XI, предупрежденный своей стражей, собрался бежать, но наткнулся на отряд турок, с которыми бились греки. Кинувшись на одного турка, оказавшегося раненым, Константин собирался выместить на нем свою боль и свое бешенство, но тот нашел в себе последние силы нанести удар...

Прокомментировать последнюю фразу можно только так: историк, написавший ее, был либо турок, либо мусульманин. Остается лишь факт: последнего византийского императора убили на пороге его дворца. Он был страшно изуродован — видимо, уже после смерти. Его тело определили только по пурпуровым туфлям с вышитыми на них золотыми орлами.

Многие церкви и дома за два дня, отданные Мехмедом своему войску, были сплошь разграблены. И тем не менее разрушений потом оказалось не так много, как было в момент восстания 532 г. или при взятии города крестоносцами.

Греков, укрывшихся в храме святой Софии, оказалось около 10 тысяч человек. В конце концов двери храма были взломаны, и они сдались на милость победителя.

После того как турки заняли все кварталы и установили порядок, в город торжественно въехал султан Мехмед II.

Въезд состоялся через Харисийские ворота. Улица привела султана в храм святой Софии. Войдя в него, он поразился величию храма и приказал устроить в нем мечеть. Через два дня там уже служили мусульманскую службу.

После поисков к султану привели императорского казначея Луку Нотару (того самого, что не дал пушки Джустиниани), и тот вручил Мехмеду императорскую казну.

— Если она столь богата, отчего ты не использовал ее для нужд страны? — сделал упрек султан.

Лука отвечал, что он хранил ее, чтобы в целости передать Его Величеству султану.

Султану стало ясно лицемерие высшего чиновника, и он позволил себе пошутить:

— Отчего же ты раньше не вручил мне ее?

На это Лука ответил:

— В письмах, что писали твои паши, они советовали нам не сдаваться.

Это был жестокий удар против Халила-паши, который всегда стоял за мир с византийцами и даже предпринимал ради этого честные и открытые усилия.

Халил был казнен. Но "предательство" его не было главным поводом, потому что этого никто не доказал. У султана были причины расправиться с великим визирем: это он сверг Мехмеда с престола в пользу отца Мурада.

Зато Нотара был помилован. Султан потребовал с него список всех высших чиновников. Вслед за этим по принесенному списку он всем чиновникам, названным Лукой, пожаловал охранные грамоты.

Через пять дней султан отправил послов к гегуэцам из Галаты. То был нейтральный город, его не затронула война.

Мехмед приказал галатцам снести верх крепостной стены и подписал с ними новый договор.

Византийским христианам султан оставил право на свободу вероисповедания и несколько действующих храмов, а также назначил патриарха.

Затем он отправил письмо и подарки египетскому султану как завоеватель Константинополя.

Позже Константинополь был заселен османцами. Каждой местности был отведен свой квартал. В качестве официальной эмблемы был выбран византийский полумесяц, к которому Мехмед прибавил свою звезду.

Хотя название Константинополь за городом осталось, его стали все чаще называть Исламбулом, Дерсаадетом, Дералия, а позже официально — Стамбулом.

Нас интересует в основном не современный Стамбул, город величественный, совместивший в себе дух многих эпох, а древний город.

Как уже говорилось, Константин Великий предпочел ограничиться пятью холмами. Возведенные им стены стали охранять отряды ариев-готов, которых насчитывалось до 40 тысяч человек. Все они были не христианами, и во избежание неприятностей, а также из соображений военностратегических им разрешено было селиться вне пределов городской стены. Потом, когда Феодосий II решил из-за быстрого роста населения расширить пределы Константинополя, все готские постройки оказались между двумя стенами — внешней и стеной Константина. Этот "промежуточный", "потусторонний" город стали звать Эксокионий ("по ту сторону колонны" — имеется в виду колонна Константина). Основной город и Эксокионий подразделялись на кварталы, регионы. Всего их было четырнадцать. И занимали они, ограниченные Феодосиевой стеной, все семь холмов. Каждым регионом правил куратор или регионарх.

Он командовал диангелием, пятью девтеревонтами или топотеритами (ночными сторожами).

Главная улица Месе проходила через весь город, от одного конца до другого. Начиналась она у Августеона, рядом со святой Софией. С восточной стороны Августеона возвышались стены дворца с большими воротами Халки.

Улица была вымощена каменными плитами. Проходила она с севера через ипподром и выходила к форуму Константина, где в центре возвышалась колонна Константина.

Пересекая форум, улица шла дальше к большой площади под названием форум Тавра. На месте бывшей колонны Феодосия I, которую свалило бурей, теперь стоит так называемая башня огня, а сооружение по имени Тетродисий построено Феодосием II. Улица Месе на всем своем протяжении украшена колоннами с портиками и аркадами. Это в основном торговая улица.

От форума Тавра две большие улицы спускались к Золотому Рогу. Две другие, со стороны святой Софии: одна пересекала форум Феодосия и форум Артополия. Другая проходила через форум Константина. С западной стороны одна улица шла по направлению к водопроводу Валента. Она приводила к церкви святых Апостолов.

Главная, или триумфальная, улица, по которой всегда следовал император, вела к Амастрианскому форуму. Здесь она делилась на две улицы: одна поднималась к храму святых Апостолов, другая спускалась к форуму Тавра. От форума Быка, куда приводили эти две улицы, уходило пять улиц ко многим воротам города.

Практически все улицы города ветвились, соединяясь и разъединяясь, чтобы охватить все храмы, базары, бани, сообщить между собою ворота и пристани, один квартал города с другим и т. д.

Защитные стены города все вместе образовывали треугольник. Приморские стены были самыми простыми и с простыми же башнями. А вот сухопутные стены состояли из трех оборонительных линий, защищенных четырех-, шести- и восьмиугольными башнями, а также широким рвом, заполненным водой. Практически город был окружен водой со всех сторон, точно остров. Через ров были перекинуты деревянные мосты, которые в военное время уничтожались самими жителями в первую очередь. Нынешние каменные мосты построены уже после падения Константинополя.

Перенесение столицы в Византию вызвало небывалый подъем искусства, который в яркой форме проявился именно здесь из-за соединения греко-римского стиля и стиля местного, самобытного. Если считать, что византийский стиль начинается с храма святой Софии, как полагают многие искусствоведы, это будет неправильно: на самом деле

стиль гораздо древнее своих классических проявлений. Здесь давно сказывалось влияние месопотамского, сасанидского и греко-римского искусств. Свезенные в столицу Константином древние шедевры дали новый толчок развитию этого местного, в некоторой степени комбинированного, стиля. Тем более жалко, что античные шедевры, вдохновлявшие византийских мастеров, были безжалостно уничтожены крестоносцами.

В VI веке, при Юстиниане, мастера Анфимий Тралльский и затем Исидор Милетский возвели высший образец христианского византийского искусства — храм святой Софии. Эта форма, ставшая классической, включает в себя план в виде креста, крестовый парусный свод, кубические капители с пилястрами и употребление мозаик. Купол Софии стоит на четырехугольном основании.

А церкви святых Апостолов и святого Виталия в Равенне отличаются тем, что их купола опираются на восьмиугольные основания. Подобные образцы встречаются и в Константинополе, и в Салониках.

Впрочем, некоторыми искусствоведами все эти образцы воспринимаются не как пример искусства расцвета, а как искусство времен упадка. Вполне возможно, такое мнение основывается на том, что история Византии уже закончена. Чрезмерная роскошь тоже может навести на эту невеселую мысль. В период падения преемницы Византии Российской империи эта черта тоже проявилась в сильной степени.

Однако у византийского стиля был и подъем. Он относится к X веку, к приходу Македонской династии. Тогда опять произошел возврат к античным образцам, и это внесло свою свежую струю в произведения зодчества. Но по множеству причин, в том числе связанных с иконоборчеством, искусство опять приходит к упадку. Последнее возрождение его связывается с именами Комнинов и Палеологов.

Но здесь уже сильно влияние итальянской школы того времени, ибо в Европе наступило Возрождение.

Уникальна архитектура императорского дворца, построенного на громадной площади в 400 тысяч квадратных метров. Построенный Константином, он увеличивался и обновлялся Юстинианом, Феофилом, Василием Македонянином. Внутреннее устройство дворца было таким, что император, не выходя из него, мог присутствовать на богослужении, приемах, даже на ипподроме, ибо ход в его кафисму был прямо из дворца.

Дворец состоял из семи перистилей, восьми внутренних дворов, четырех церквей, девяти часовен, девяти молелен и баптистериев, четырех гауптвахт, трех больших галерей, пяти зал для приемов, десяти частных покоев для императорской семьи, семи второстепенных галерей, трех аллей, библиотеки, арсенала, трех террас, манежа, двух бань и восьми отдельных дворцов, окруженных садами. А также немаловажно, что дворец имел свои гавани.

Кроме этого, был Вуколеонский дворец на берегах Пропонтиды, Магнаврский дворец (на север от императорского дворца, между Халкой и Софией), Влахернский дворец (северо-запад Константинополя), Дворец Константина Багрянородного.

Общественные бани, которыми также славилась Византия, строились с не меньшей пышностью, чем дворцы и частные дома вельмож. Упомянутые бани Зевкsipпа, бани Аркадия были самыми знаменитыми. Кроме того, остался фундамент общественных бань по имени Диагосфеи. Остались бани Константина и бани Евдокии.

После падения Константинополя в городе ярко проявляется османская архитектура. Но это уже не предмет настоящей главы.

Считается, что Византию, как и Древний Рим, погубили разврат, раздор и злоупотребления чиновничества. Давайте опустим оценки подобного рода и немного поговорим о некоторых специфических моментах повседневной жизни в

Константинополе. Примерно мы представляем, как жили сенаторы и высшие чины. Но ведь были еще другие категории чиновников, военных, ученых, клириков, торговцев, врачей, адвокатов, архитекторов, ремесленников, лиц без определенных занятий и т. д.

Подробно эти сведения можно почерпнуть из первоисточника — трактата о военном деле, автор которого, к сожалению, неизвестен. Но он выделяет в обществе такие группы населения, как: духовенство, архонтов, чиновников (судебных и финансовых), техническую интеллигенцию, ремесленников и торговцев, неквалифицированных рабочих, лиц, не занятых постоянным трудом, и даже театральное сословие. А в целом он делит общество на два лагеря — архонты и подданные. Архонты, говорит автор, достигают своего положения в постоянной борьбе за влияние и власть. То есть нестабильность тогдашнего слоя архонтов автор трактата вполне выразил.

Ремесленники и торговцы представляли собой значительную часть населения столь развитого общества, как византийское, особенно же столичное. В памятниках самых различных упоминаются хлебопеки, каменщики, плотники, башмачники, кузнецы, мясники, ювелиры.

Большим влиянием после крупных торговцев обладали некие аргиропраты, которым посвятил свои юридические новеллы Юстиниан. Это ювелиры, менялы и ростовщики.

Император и ограничивал их деятельность, и в то же время старался, чтобы эта категория населения не заглохла, развивалась. Хотя, конечно, предпочтение он отдавал архонтам.

Аргиропраты принимали участие во всех сделках на территории империи. С их помощью заключались самые важные контракты. Посредничество и поручительство — два конька, две области, в которых они были сильны. Сделки касались всего, что можно было пощупать и взвесить, дви-

жимого и недвижимого имущества, включая дома, землю, людей. Им же поручали продажи имущества с торгов.

Еще они выступали как оценщики имущества. А константинопольские аргиропраты имели право на государственную службу, кроме военной.

Эргастирии — торговые склады и лавки крупных продавцов — часто бывали освобождены от налогов. Потому что, смыкаясь, к примеру, с духовенством, многие из них числились за собором святой Софии (таких было приписано 1100!). А владели ими крупные промышленники, хозяева мастерских и землевладельцы, а также богатые купцы. В связи с этим множеству мелких ремесленников приходилось выплачивать налог в три-четыре раза больший, чем полагалось. Сильнее всего страдали ремесленники, профессия которых подпадала под запрет, поскольку мастерские такого характера были только государственными. Например, производство оружия, шитье императорских одежд и прочие "стратегические" занятия.

Правда, надо отдать должное общественному устройству Византии: если мастер изготавливал хороший и качественный товар, его тут же приписывали к государственной мастерской. Правда, происходило это лишь "по желанию"... Однако отсутствие такого желания вызывало автоматический запрет на профессию.

В результате подобных нюансов Константинополь наполнился людьми без определенных занятий. Перед восстанием 532 г. особенно много таких людей появилось из провинций. Им предлагали заняться общественными работами, приписывая к государственным или частным производствам или конкретным садовникам. Опять же "по желанию". Отсутствие желания означало выдворение из города.

Именно это большинство — разоренное и бесправное — и явилось зачинщиком восстания, по мнению многих комментаторов.

Широко использовался наемный труд, но, по сообщению Прокопия, "люди рабочие и ремесленники имеют запасов всего лишь на один день". В "Тайной истории" он во все ставит ремесленников наравне с бедняками.

Преподаватели, врачи, юристы, архитекторы и инженеры относились к людям свободной профессии. Но уже одно то, что они получали высшее образование, говорило о том, что они были людьми зажиточными. Только дети богачей могли себе позволить получить такие профессии. Агафий сообщает, что Ураний, когда отправился к Хосрову, "надел достойнейшую одежду, какую носят ученые и учителя наук". А знаменитый архитектор Анфимий, поссорившись с соседом, сумел оплатить такую дорогостоящую шутку, как устройство в доме соседа "искусственного землетрясения". Этим соседом был ритор Зинов, поэтому тягаться с ним в красноречии было бессмысленно. И адвокаты, до того как Юстиниан отнял у них гонорары, жили вполне зажиточно.

Но профессии оплачивались не одинаково. Преподаватель начальной школы, для того чтобы жить хоть чуть сносно, должен был иметь громадный класс. А для обучения второй и третьей ступеней на Капитолии была открыта специальная императорская школа. После двадцати лет преподавания в этой школе учитель получал титул, открывавший доступ в аристократическое сословие. Кажется, нет нужды говорить о разнице в материальном уровне такого учителя и учителя начальной ступени.

Надо думать, что в волнениях и бунтах критически настроенная интеллигенция была не на последнем месте по степени активности.

В VI веке в Константинополе было великое множество церквей, монастырей, странноприимных домов. Причт (штат священнослужителей) одного только храма святой Софии составлял 525 человек. Были еще экдики — отдельные структуры, призванные соблюдать порядок и юридические права собора и отдельных его служителей.

То обстоятельство, что духовенство срослось с крупной торговлей, позволяло отдельным его представителям жить не только безбедно и роскошно, но и других представителей своего "цеха" содержать достойно.

Случайные заработки, воровство и подачки — это, оказывается, тоже профессия. Константинополь был наводнен люмпенами, от которых старались избавляться, но ни у правительства, ни у среднего сословия это не получалось.

Особенной профессией было наряду с проституцией нищенство. Кажется, профессиональное нищенство, процветающее теперь в Москве, было заимствовано у Византии вместе с высоким званием Третьего Рима.

Последняя категория населения — рабы. Их использовали и в ремесле, и в сельском хозяйстве, и в церкви, и на общественных работах. Рабы-ремесленники ценились дороже. Хозяин мог не только продать раба, но и отдать внаем.

Однако ни один источник не упоминает, чтобы в восстаниях или волнениях участвовали рабы. Вероятно, быть бесправным хозяином было гораздо обиднее.

ЛИТЕРАТУРА

Бацалев В., Варакин А. Тайны археологии: Радость и проклятие великих открытий. М.: "Вече", 1998.

Бродский Б. И. Покинутые города. М.: "Советский художник", 1963.

Варшавский А. С. Города раскрывают тайны. М.: "Знание", 1967.

Косидовский З. Когда солнце было богом. М.: "Наука", 1968.

Косидовский З. Сказания евангелистов. М.: "Политиздат", 1977.

Котрелл Л. Во времена фараонов. М.: "Наука", 1982.

Лот А. В поисках фресок Тассили. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.

Лот А. В поисках фресок Тассили-Аджера. Л.: "Искусство", 1973.

Лот А. К другим Тассили: Новые открытия в Сахаре. Л.: "Искусство", 1984.

Перепелкин Ю. Я. Кэйе и Семнех-ке-рэ: К исходу солнцепоклонческого переворота в Египте. М.: "Наука", 1979.

Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-хотпа IV. М.: "Наука", 1967.

Перепелкин Ю. Я. Тайна Золотого гроба. М.: "Наука", 1968.

Печников Б. А. "Рыцари церкви". Кто они?: Очерки об истории и современной деятельности католических орденов. М.: "Политиздат", 1991.

Шустер Г. Ю. Тайные общества, союзы и ордена. СПб.: О. Н. Попова, 1905-1907.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Берегите Историю!	7
Глава I. Спасительный ковчег	10
Глава II. Неведомая Атлантида	21
Глава III. Гиперборея от слова "гипер".	39
Кладбище прачеловека.	46
Глава IV. Люди и боги Египта	53
Всевидящий глаз Ра	53
Столица первой династии	58
Загадка Великой пирамиды	69
Фараоны великие и проклятые	76
Перестройка по-египетски	78
Тайна гробницы Тутанхамона	91
Глава V. Хетты — пращуры социализма	113
Глава VI. Танцующие камни Стоунхенджа	134
Глава VII. Город тысячи языков	149
Глава VIII. Тайны исчезнувших библиотек	179
Сокровища древнего Пергама	179
Затерянная "либерия".	186
Глава IX. Вождь и любимец народов	202
Глава X. Загадка Золотого скифа	210
Столица Скифского царства	210
Глава XI. Кровавые идола Мая	235
Глава XII. Города, не подвластные времени	261
Китеж-град	261
Эльдорадо	264
Блаженная Шамбала	265
Глава XIII. Города, разрушенные временем	273
Столица ариев — Аркаим	273

Содом и Гоморра	277
Славный град Иерихон	280
Пальмира	287
Ниневия	290
Сиракузы	294
Херсонес	298
Африканский Вавилон	307
Глава XIV. Города, поглощенные морем	316
Киммерик	316
Акра	319
Звезда Колхиды	322
Тиауанако	324
Глава XV. Так погибают цивилизации	328
Глава XVI. На руинах колыбели человечества	338
Глава XVII. Города Финикии	359
Глава XVIII. Сокровище Приама	371
Глава XIX. Танаис — история поисков и раскопок	383
Глава XX. Македонские львы	401
Глава XXI. Тайна святого Грааля	415
Глава XXII. Судьба "второго Рима"	436
Список литературы	474

А. Варакин, Л. Зданович

ТАЙНЫ ИСЧЕЗНУВШИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Серия «Все загадки Земли»

Генеральный директор издательства *С. Макаренков*

Художественный редактор *П. Навдаев*

Редактор *Т. Варламова*

Компьютерное оформление *Е. Амитон, А. Балашов*

Компьютерная верстка *Е. Морозовой*

Технический редактор *Е. Крылова*

Корректоры *С. Карбышева, Н. Сидорина*